МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР
ДУШАНБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМ. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
ЛЕНИНАБАДСКИЙ ГОСУДАРТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. С. М, КИРОВА

Н. О. ТУРСУНОВ

СЛОЖЕНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА XIX — НАЧАЛА XX вв.

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»
ДУШАНБЕ—1976

Ответственный редактор —
доктор исторических наук
О. А. Сухарева

Т 10602 — 76
М 501 (13)—76

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН» 1976

Посвящается моей матери.
Автор

ВВЕДЕНИЕ

В свете исторических документов XXV съезда КПСС разрабатываются важнейшие проблемы советской этнографической науки. К числу таких актуальных, комплексных относится проблема генезиса и развития этноса в целом. «С этим исследовательским аспектом связано одно из важнейших направлений этнографической науки — этническая история» (Бромлей ,1973, с. 237). Ряд вопросов этнической истории народов Средней Азии и Казахстана в связи с дооктябрьским уровнем их социально-экономического развития был предметом широкой дискуссии объединенных научных сессий 1954—1956 годов в г. Ташкенте (Материалы, 1955; Материалы 1959), освещен в сводных трудах, монографиях, диссертациях и статьях (Кармышева, 1960, 1969, 1976; Вахабов, 1961; Народы Средней Азии и Казахстана, I—II, 1962—1963; Оразов, 1972; Шаниязов, 1974). История сложения населения Таджикистана и ираноязычных групп за его пределами является одной из главных проблем изучаемая этнографами республики. Вместе с тем неодинаковая степень разработанности проблем названого направления выдвигает необходимость его конкретизации для отдельных этносов и областей Средней Азии. В этом плане большое значение приобретает изучение проблемы сложения и путей развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX вв.

Применение метода и источника этнографической науки обуславливает углубленное ретроспективное исследование слабоосвещенных в историко-этнографической литературе нижеследующих вопросов сложения и путей развития населения Средней Азии в XIX — начале XX вв.: типы территориального расселения

и хозяйств этнических единиц, численность, этнические процессы, в частности, ремесленное производство населения, быт горожан и жителей сельских местностей, степень этнической консолидации и межэтнической интеграции феодальных народностей, межнациональные хозяйственные и культурные связи таджиков, русских, узбеков, киргизов, туркменов, казахов. Все эти вопросы рассматриваются в тесной связи с развитием производительных сил и производственных отношений, являвшихся определяющим фактором изменений для этнических образований (Бромлей, 1973, с. 166).

Проблема сложения и пути развития городского и сельского населения Средней Азии XIX — начала XX вв. также является исследовательской зоной исторической науки. Ее изучение содействует решению таких вопросов истории позднего феодализма, как уровень товарно-денежных отношений, рост городской и сельской жизни (процессы градостроительства и градообразования, возникновения новых селений, освоение ранее пустовавших земель), этапы развития ремесла, генезис и развитие элементов капиталистических отношений, объективно прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, складывание предпосылок социальной революции в крае. В связи с созданием крупнейших обобщающих трудов — историко-этнографического атласа и региональной истории народов Средней Азии и Казахстана, а также восстановлением народных промыслов («Правда» 27/II-75 г. Постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах»), глубокое исследование указанной проблемы имеет не только научно-историческое, познавательное значение, но и прикладную ценность.

Теоретические положения по вопросам городской и сельской жизни эпохи классовых обществ разработаны в трудах основоположников марксизма-ленинизма. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс указали, что город и его противоположность с деревней возникают в периоде перехода «от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени» (соч. 2-е изд., т. 3, с. 49—50). Город стал местом создания учреждений надстройки — «администрации, полиции, налогов и т. д. — словом общинного политического устройства, а значит и политики вообще» (Там же). Противоположность между городом и деревней, К. Маркс и Ф. Энгельс охарактеризовали следующим образом: «город... представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность» (соч. т. 3, с. 50). Становление и развитие города связывалось с ростом общественного разделения труда, которое являлось могущественным рычагом производства вплоть до возникновения крупной промышленности (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, соч. т. 20, с. 303). Сам факт возникновения городов рассматривался основоположниками научного коммунизма, как исторический итог отделения ремесла от земледелия. «Разделение труда в пределах той или иной нации приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению города от деревни и к противоположности их интересов. Дальнейшее развитие разделения труда приводит к обособлению торгового труда от промышленного. Одновременно, благодаря разделению труда внутри этих различных отраслей, развиваются в свою очередь, различные подразделения индивидов, сотрудничающих в той или иной отрасли труда» (соч т. 3, с. 20). Различные ступени развития производительных сил, разделения труда, производственных отношений обусловили формирование различных типов городов: античных (рабовладельческих), средневековых и капиталистических. В античном обществе экономически город господствовал над деревней, в средние века деревня над городом (К. Маркс, Ф. Энгельс, соч т. 3, с. 22; т. 21, с. 165; К. Маркс, 1940, с. 13). «История классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии; азиатская история — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни; в средние века (германская эпоха) деревня как таковая является отправной точкой истории, дальнейшее развитие которой протекает затем в форме противоположности города и деревни; новейшая история — это проникновение городских отношений в деревню, а не как у древних — проникновение деревенских отношений в город» (К. Маркс, 1940, с. 13—14).

Экономической основой античного и феодального города являлась ремесленная промышленность, представлявшая простое товарное производство. В. И. Ленин в первой главе своего труда — «Развитие капитализма в России» раскрыл процесс развития простого товарного производства, выразившееся: 1) в отделении промышленности от земледелия, 2) в отделении обрабатывающей промышленности от добывающей, 3) в дальнейшем подразделении добывающей и обрабатывающей про-

мышленности на мелкие виды и подвиды и превращении последних в самостоятельные отрасли промышленности, 4) в специализации земледелия по видам производимых сельскохозяйственных продуктов, 5) в хозяйственной специализации отдельных районов, вызывающей необходимость обмена между ними и 6) росте промышленного населения за счет земледельческого (соч. т. 3, с. 21—25). Основу капиталистического города составляла крупная машинная индустрия. В. И. Ленин указывал, что создание капиталистического производства связано с процессом разложения простых товаропроизводителей на две группы: с одной стороны, на владельцев средств производства, с другой — на наемных рабочих, продавцов рабочей силы (соч. т. 3, с. 25—27).

Эти основополагающие указания классиков марксизма-ленинизма послужили методологическим руководством при написании данной работы. При характеристике занятий населения позднесредневековых городов и селений, автор опирался на теоретические воззрения К. Маркса о характере капиталистических отношений, сформулированные в соответствующих главах «Капитала» (т. 1, соч. т. 23, гл. 5, 11, 12) и «Формы, предшествующих капиталистическому производству» (1940, с. 4—14, 45—49). Закономерности возникновения и развития городов, открытые К. Марксом и Ф. Энгельсом в их трудах « «Немецкая идеология» (соч. т. 3, с. 19—28, 49—55), «Анти-Дюринг» (соч. т. 20, с. 301—303), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (соч. т. 21, с. 163—165), являлись для нас критериями определения городов и их типологизации в исследуемый нами период. Теория о стадиях развития капитализма в промышленности, ступенях ремесленного производства, изложенные в произведении В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (соч. т. 3, с. 328—488), «Кустарная перепись 1894—1895 гг. в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной промышленности» (соч. т. 2, с. 319 и сл.) имели первостепенное значение при рассмотрении эволюции и этапов ремесленного производства городов и селений Северного Таджикистана.

Актуальность изучения истории городов и селений в Средней Азии подчеркивали И. П. Петрушевский, М. Е. Массон, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, М. С. Андреев. Идея этнографического исследования и организации научной экспедиции с широкой программой изучения позднефеодального города Средней Азии, на примере Бухары, принадлежит М. С. Андрееву (1940 г.). К изучению вопросов внутреннего строя городов Средней Азии историков призвал И. П. Петрушевский (1948, с. 87). При изучении исторической топографии, писал М. Е. Массон, «от исследователя мы вправе требовать и некоторых, хотя бы самых предварительных обобщений и попыток создать не только силуэт, но и более живой образ города прошлого. Город — вместилище людей. И специалист по истории материальной культуры не должен упускать из виду их в общей массе...» (1948, с. 143). А. Ю. Якубовский обратил внимание исследователей на решение вопросов «социально-экономического содержания городской жизни, того, что заключается внутри самой историко-топографической формы, иначе говоря, — жизни людей, вопросов производительных сил и производственных отношений, т. е. классовой структуры, классовых противоречий, идеологии и т. д.» (1951, с. 4). С. П. Толстов поставил вопрос о неотложности сбора этнографического материала так как «...постепенно уходят из жизни те люди, в памяти которых сохранились времена середины XIX века и рассказы их отцов и дедов о более отдаленном прошлом» (1957. с. 35).

Б. Г. Гафуров в своем труде «Таджики» отмечает: «среднеазиатскому городу, его социально-экономическим проблемам историки уделяют значительно меньше внимания, чем аграрным отношениям. Появление работ, посвященных определенным вопросам городской жизни, разделяют годы, даже десятилетия. Между тем, это одна из важнейших проблем, прежде всего в аспекте изучения особенностей среднеазиатского феодализма, причин и существа его застойного характера» (1973, с. 498—499). По словам В. М. Массона, проблема города в последнее время все более и более привлекает историков и социологов, психологов и экономистов. При этом «особая роль отводится вопросу о городской жизни на Востоке, теснейшим образом связанному с пониманием специфики местного исторического процесса, приведшего, начиная с определенного момента, к замедлению темпов развития, а затем отставанию от стран, в которых шло интенсивное становление новой классовой формации — капиталистической» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 3).

Города и селения Средней Азии XIX — начала XX вв. служили объектами изучения еще в отечественной востоковедческой науке. В дореволюционный период накопилась разнообразная, достаточно богатая историческая литература на русском языке, содержащая сведения о городской и сельской жизни Средней Азии, в частности Северного Таджикистана. Попав раньше дру-

гих областей в сферу влияния России, Северный Таджикистан и особенно его крупный городской центр Ходжент давно привлекли внимание нескольких поколений русских путешественников, людей различных специальностей: историков, археологов и этнографов.

В дореволюционном русском востоковедении первые сведения о городах и селениях Северного Таджикистана содержали записки Филиппа Ефремова, Филиппа Назарова, Потанина, побывавших в Средней Азии в XVIII — первой половине XIX в. Некоторые данные о Ходженте, Ура-Тюбе, Канибадаме, крепости Махраме имеются также в отчетах русских и иностранных дипломатических и военных служб. В них изложены личные наблюдения или полученная на местах информация. Среди них следует назвать Мир Иззат Уллу, Генса, Е. К. Мейендорфа, А. Вамбери и других. Сведения о природных богатствах, промышленности, торговли Ура-Тюбе, Ходжента, Исфары, важные факты их истории до середины XIX в. приведены в анонимном сочинении «Обозрение Кокандского ханства» (1849, с. 176—215) и работах русских историков-востоковедов П. Небольсина (1855, с. 184 и сл.), В. В. Вельяминова-Зернова (1856, с. 134 и сл.).

Новую веху в изучении Средней Азии открыло ее присоединение к России. Ценным источником, содержащим описания городов и некоторых селений в 60—70-х годах XIX в. являются документы и материалы военных ведомств (См. «Русское военное обозрение», 1866, т. 50, № 8; Там же, 1867, т. 53, № 1), рапорты и донесения командующего царскими войсками при осаде крепости Нау, Ходжента и Ура-Тюбе в 1866 г. генерала Д. И. Романовского (1872, с. 111 и сл.), корреспонденции очевидцев событий М. Зиновьева (1868, № 3), И. Львова (1868, № 7, с. 152—174), А. Куна (1876). Впоследствии материалы по истории завоевания Средней Азии царскими войсками послужили основой для создания трудов А. И. Макшеева (1890), К. К. Абаза (1902), М. А. Терентьева (1906), а в 1915 г. они были обработаны и изданы полковником А. Г. Серебренниковым.

В 1866 г. в Ходженте побывал питомец восточного факультета Петербургского университета П. И. Пашино. Одну главу своих путевых заметок он посвятил Ходженту. В ней дана оценка уровня развития его ремесленного производства. К книге П. И. Пашино приложены три рисунка русского художника Д. Вележева — первые изображения укреплений Ходжента и Ура-Тюбе изучаемого периода, которые представляют немаловажную научно-историческую ценность (1868).

С конца 60-х годов XIX в. публиковались статистические сведения о торговле и экономике Туркестанского края, о численности и составе его населения. Такими данными интересовались официальные и торгово-промышленные круги Российской империи. В 1868 г. на страницах «Отечественных записок» появилась работа Ю. Д. Южакова, содержащая сведения о числе ремесленных и торговых заведений Ура-Тюбе и Ходжента. Однако, утверждения автора о том, что в Ходжентском районе было до «20 городков с 40 тыс. жителями» а в Ура-Тюбинском районе — «130 городов и селений с 60 тыс. жителями», были явно преувеличены (1867, № 7, с. 398). В 1869 году правлением Задарьинского края изданы географические и статистические сведения о городах Ходжент и Ура-Тюбе (Известия РГО, 1869, т. 5, с. 317). Аналогичные данные о кишлаках Ходжентского уезда и городе Пенджикенте обработали А. И. Макшеев (1871, с. 46—48) и Г. А. Арандаренко (1889, с. 51—76). Ходжент и Ура-Тюбе вкратце описаны также М. И. Галкиным (1867, с. 50) и Н. А. Маевым (1870, с. 249—254).

Будучи представителем колониальной власти, начальник Ходжентского уезда, полковник А. А. Кушакевич создавал и публиковал свои работы, исходя из административных интересов. Но его «Сведения о Ходжентском уезде», «Статистические сведения о Ходжентском уезде, городах Ходжент и Ура-Тюбе», «О гончарном производстве Ходжентского уезда» и ряд других являются ценным фактологическим источником и в них запечатлены конкретные особенности жизни и быта населения (Сведения, 1871, с. 173—267; Очерки, 1872, № 11, 13, 14; Статистические сведения, 1872, с. 50—52; О гончарном производстве, 1872, с. 194—197; Кишлаки, 1872, с. 28 и сл.; О количестве, 1872, с. 54 и сл.; Садоводство, 1873, с. 260—281). Данные А. А. Кушакевича об отраслях городского и сельского ремесла Ходжента, Ура-Тюбе и Исфары, а также Костакоз и Нау дублировал и «дополнял» М. Бекчурин (1872, с. 1—30). При «дополнении» автор привлек недостаточно проверенные материалы и эта неудачная публикация была справедливо раскритикована в свое время знатоком жизни и быта среднеазиатских народов, редактором «Туркестанских ведомостей» Н. А. Маевым.

Начало этнографического изучения населения городов и селений Средней Азии, в том числе и Северного Таджикистана относится также к 60—70 годам прошлого столетия. Ценны описания Ходжента, Ура-Тюбе, Канибадама, некоторых селений Аштского района, оставленные А. П. Хорошхиным (1871, с. 68—

75; с. 6). Туркестановеды Н. Ф. Петровский (1873, с. 81—98) и М. И. Бродовский (1875, с. 1—99) впервые на основе этнографических материалов, собранных среди населения Ходжента, Самарканда и Ташкента, обрисовали технологию выделки шелка-сырца, бумажной пряжи, ряда текстильных, железных, чугунных и гончарных изделий. Некоторые виды ремесел таджиков долины Зерафшана, Ходжента и Ура-Тюбе охарактеризованы в работах А. Д. Гребенкина (1872, с. 21—23; 1873, с. 511 и сл.). Кратко описал Ходжент, Исфару, Пенджикент и Верхний Зерафшан русский ученый-естествоиспытатель и путешественник А. П. Федченко в отчетах и заметках о своей поездке по краю (1870, 1872). Некоторые сведения о населении Пенджикента и его округи содержатся в работах А. Д. Гребенкина (1873 б, с. 73—76), а также в материалах Искандеркульской экспедиции, изданных Г. А. Аминовым (1873, с. 89—192) и в работе академика В. В. Радлова (1880, с. 22). В 1873 г. на страницах журнала «Нива» была опубликована заметка Г. Е. Кривцова с приложением фотографии цитадели и русской церкви в Ходженте (№ 21, с. 332—333; № 29, с. 462).

В явно компилятивном военно-статистическом обозрении Туркестанского края, составленном полковником генерального штаба Л. Е. Костенко кратко описаны Ходжент, Ура-Тюбе в 70-х годах XIX в. (I, 1880, с. 443 и сл.).

Сведения о природно-географических условиях, ресурсах производительных сил региона, о жизни и быте населения Ходжента, Ура-Тюбе, Канибадама, Исфары сжато изложены в очерках академика А. Ф. Миддендорфа (1882, с. 16) и ряде других изданий, в частности в отдельных заметках иллюстративного ежемесячника «Живописная Россия» (1885, т. X, с. 161—162), в географических пособиях Н. В. Остроумова (1886, с. 56), путевых заметках Е. Маркова (1899. № 6, 7, 9, 11), М. В. Лаврова (1914). На основе таких сведений, названные города были охарактеризованы в известной обобщающей книге географа Элизе Реклю (1892).

О заселении Ферганской долины группами узбеков, а также о некоторых исторических событиях, происходивших в жизни жителей Исфары, Канибадама, Ходжента, Ура-Тюбе в период правления кокандских ханов (XVIII — первой половины XIX вв.) излагается в известной книге В. П. Наливкина. Автор опирался на труды местных историков (1886а), правда, без точных ссылок на свои источники, хотя они перечислены. Эти и другие недостатки его книги в свое время были отмечены русскими вос-

токоведами Н. И. Веселовским (1886, с. 179) и В. Р. Розеном (1890, с. 126). Некоторые особенности быта населения Исфары и Канибадама затронуты в написанной по этнографическим данным книге М. В. и В. П. Наливкиных, которая получила большую известность в свое время и неутратила значение первоисточника до сих пор (1886б). Итоги многолетних наблюдений жизни и быта оседлого населения Средней Азии за период после ее присоединения к России, изложены в работе В. П. Наливкина «Туземцы раньше и теперь» (1913)).

Облик Ходжента и Ура-Тюбе, черты быта, ремесленная деятельность их населения в начале XX в. кратко описаны в работах К. М. Курдова (1905, с. I и сл.), Г. Головина (1909, с. 6—16), И. И. Гейера (1909, с. 253, и сл.), К. К. Палена (1911), Антара, (1912, № 285, 286), В. К. Розвадовского (1916, № 3, с. 279 и сл.). В книгах А. И. Дмитриева-Мамонова (1912, с. 295), В. И. Масальского (1913, с. 171—178, 549), С. И. Гулишамбарова (1913, с. 120—121), В. В. Заорская, К. А. Александер (1915) показано место городов Ходжент, и Ура-Тюбе в среднеазиатской промышленности и торговли.

Разные стороны хозяйственной жизни населения Ходжента, система водопользования, а также свадьбы, народное гулянье—«сайл» и состояние его русской части отражены в работе известного туркестановеда Н. С. Лыкошина (1916, с. 45—51, 341—361). В своей этнографической заметке Е. П. Кузнецов отметил некоторые чарты быта населения Исфаринского района (1916, с. 349—350).

Жизнь и быт населения городов Северного Таджикистана в колониальный период нашли отражение в источниках разного характера. Ценнейшим уникальным источником, мимо которого не может пройти ни один исследователь дореволюционной истории Средней Азии является многотомный «Туркестанский сборник», составленный крупным русским библиографом В. И. Межовым при участии Н. В. Дмитровского, А. А. Семенова, А. А. Диваева. В нем собраны труды, статьи, заметки, посвященные Средней Азии. Фотография панорам и видов городов Ходжент и Ура-Тюбе в 60-х начале 70-х годов XIX века вошли в уникальный «Туркестанский альбом» — ценный исторический источник, составленный А. Л. Куном (археология, этнография), М. А. Терентьевым (военная история), М. И. Бродовским (промыслы) в 1872 г. В первом археологическом томе альбома имеется фотография мавзолея Шайха Маслихитдина в Ходженте, во втором, историческом томе — более 30 рисунков и фотографии крепос-

тей и укреплений Ходжента и Ура-Тюбе, Нау, Пенджикента. Третий, этнографический том, содержит фотографии с видами Ура-Тюбе, Ходжента—улицы, базары, этнические типы. Рисунки четвертого тома, изображают ремесленников и представителей других профессий за работой. Богатый материал по терминологии ремесленного производства можно заимствовать из описи документальных материалов, подготовленных А. Л. Троицкой (1968, с. 344—380).

Нами были просмотрены некоторые труды ферганских историков второй половины XIX в. Однако в них охарактеризованы только политические события края.

Таким образом, приведенный краткий историко-этнографический обзор показывает, что по истории городов и селений Северного Таджикистана конца XIX—начала XX в. имеется обширная литература. Однако ей были присущи ряд общих недостатков, в первую очередь методологического характера. Дореволюционная историко-этнографическая литература по Северному Таджикистану в целом носила описательный статистический обзорный, нередко компилятивный характер. Описания городов и селений представляют инвентарный перечень их элементов. Зачастую историко-этнографические публикации написаны по данным случайных наблюдений авторов, не являвшихся специалистами. Эти работы, конечно, не носят исследовательский характер, в них и не ставились научные проблемы. Но в целом, несмотря на эти недостатки, анализ богатого фактического материала дореволюционной исторической литературы, при критическом отношении к нему содействует освещению важнейших проблем дооктябрьской истории народов Средней Азии.

После победы Октябрьской революции, изучением истории городов и селений занялись поколение ученых — туркестановедов, посвятивших себя служению советской науке и новая плеяда исследователей, вооруженная марксистско-ленинской методологией. М. С. Андреев, А. А. Семенов, М. Е. Массон, З. Ш. Раджабов, А. Е. Маджи и выдвинули в своих работах вопросы изучения исторической географии, топографии, периодизации истории городов, основных этапов и динамики их развития, положив начало подлинно научному историко-этнографическому исследованию Ходжента, Ура-Тюбе, Канибадама, Исфары и их сельских поселений (Андреев, 1896, с. 22—28; 1926, с. 4—10; Семенов, 1925, с. 131—132; Массон, 1934; Раджабов, 1941; Маджи, 1945, с. 114—144). Среди исследователей истории городов Таджикистана 30—40 годов нельзя не упомянуть «энтузиаста, краеведа, археолога В. Р. Чейлытко, человека большой энергии» (Гафуров, 1972, с. 256; Чейлытко, 1939а; 1939б).

В 1926—1927 гг. были опубликованы книги под общим названием «Современный кишлак Средней Азии», предпринятое по решению Средазбюро ЦК ВКП (б). В них подводились итоги изучения селений края периода земельно-водной реформы. Шестой выпуск этого издания был посвящен Исфаринской волости. В нем приведены сведения о природно-географических условиях, численности и занятиях населения Исфаринской волости по материалам переписей 1917—1920 гг. и результатам изучения этих вопросов на местах.

Пионером глубоко научного историко-этнографического изучения городов Средней Азии является О. А. Сухарева. Она впервые доказала большие возможности этнографического источника в изучении материального облика городов, социально-экономического содержания городской жизни в XIX—начале XX вв. О. А. Сухаревой осуществлено широкое задуманное исследование динамики развития исторической топографии, этнического и социального состава населения позднефеодальных городов Бухары, Самарканда, Шахрисяба, Карши (Сухарева, 1958, 1962, 1966). Изучение возникновения, эволюции и внутренней жизни жилых кварталов г. Бухары дало исследователю ключ для раскрытия многогранной и сложной истории большого феодального города Средней Азии (Сухарева, 1976). В историко-этнографических трудах О. А. Сухаревой разработаны вопросы степени развития элементов капиталистических отношений, уровня городской ремесленной промышленности Бухары. Их основательная разработка позволила О. А. Сухаревой осветить кардинальную проблему — уровень развития городской жизни в Бухарском ханстве.

Историко-этнографическое исследование городов узбекской части Ферганской долины было предпринято А. К. Писарчик, в работах которой охарактеризованы элементы исторической топографии городов Маргелан, Андижан, Коканд и Наманган в дореволюционный период (1956, с. 145—159), описаны строительные ремесла мастеров (1954, с. 216—298).

В известной работе Е. М. Пещеревой, в связи с исследованием гончарного производства Средней Азии, приведены некоторые этнографические сведения о крупнейших центрах этого ремесла — Каратаге, Пенджикенте, Самарканде, Шахрисябзе, Ташкенте, Гиждуване, Риштане (1959, с. 133—373).

Проводилось и этнографическое изучение селений Северного

Таджикистана. В 50-х годах в Ленинабадском, Канибадамском, Исфаринском районах работали этнографические экспедиции, изучившие вопросы традиционных занятий, семейного и общественного быта, путей сложения сельского населения. По собранным участниками экспедиций материалам опубликованы коллективный труд о таджикском колхозном крестьянстве (Ершов, Кисляков, Пещерева, Русяйкина, 1954), а также работа Н. А. Кисляковой по этнографии Исфаринских таджиков (1954, с. 43—49) и монография Н. Н. Ершова о сельском хозяйстве таджиков Ленинабадского района (1960). Однако, авторы упомянутых работ не ставили перед собой задач изучения истории развития сельских поселений, их ремесленного производства и взаимоотношения с городами.

В капитальном коллективном труде таджикистанских этнографов — трехтомной монографии «Таджики Каратегина и Дарваза», специальные разделы, написанные А. К. Писарчик, Р. Л. Неменовой, Н. Н. Ершовым, посвящены истории сложения современного населения региона, характеристике локальных и этнических групп, принципов их расселения, домашних промыслов и ремесел жителей этой области, их семейному быту. Обстоятельно описана исторически сложившаяся структура кишлаков, выбор места, планировка, размеры послений, их деление на части, жилые кварталы, источники водоснабжения. Историко-этнографическая характеристика селений Верхнего Зарафшана, их структуры и элементов топографии дана в кандидатской диссертации А. Давыдова (1970, с. 6, 16—17). Этот автор также исследовал некоторые вопросы сложения населения Верхнего Зеравшана (Давыдов, 1969, и (58), с. 47—57).

Опубликован ряд работ по истории городских поселений Южного Таджикистана. Статьи А. П. Колпакова содержат некоторые сведения о городах Кобадиан и Куляб (1953, с. 305 и сл.; 1954, с. 73—76). В работе Е. А. Давидович и А. Мухтарова кратко изложены этапы истории и истории культуры городка Зеравшана (Давыдов, 1969, (58), с. 47—57).

Ряд вопросов истории г. Ура-Тюбе и его округи решены в работах А. М. Мухтарова. Им изданы официальные акты и монографическое исследование по истории и социально-экономической жизни г. Ура-Тюбе и его владении в XIX в. (1959, с. 86—96; 1963; 1964). В отдельных разделах монографии А. Мухтарова охарактеризовано состояние ремесла и торговли до и после присоединения Средней Азии к России (1964, с. 72—86, 127—135).

Развернулось археологическое исследование городов и селений

Северного Таджикистана. В труде Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского дана характеристика археологических памятников Исфаринского района. Авторами затронут ряд принципиальных вопросов истории позднесредневекового города Исфары (1955). Немалый вклад в историко-археологическом изучении средневековых городов и сельских поселений Северного Таджикистана принадлежит Н. Н. Негматову. Многое сделано им по изучению истории Уструшаны и Ходжента. Многолетние археологические поиски следов города Александрии Эсхата (Крайняя) проводившиеся под руководством Н. Н. Негматова, увенчались открытием остатков его крепостной стены на территории Ленинабадской цитадели. В работах Н. Н. Негматова выявлены основные этапы истории северотаджикистанских городов в древности и средневековье, изложены итоги археологического изучения цитадели, мавзолея Тубахан, архитектурного комплекса Хазрати Бобо (1953, 1957а, 1957б, 1960; 1962; 1966; 1969; 1970а; 1970б). В статье «Из истории позднесредневекового Ходжента» Н. Н. Негматов показал территориальный рост, развития ремесла, торговли и земледелия в городе и округе в XVIII—начале XX вв. Статья «Страницы из истории Ходжента» содержит сведения по истории города и о его памятниках (Негматов, 1959а; с. 67—85). Вопросу возникновения и развития русской части Ходжента посвящена отдельная статья этого же исследователя (1967, с. 39—53).

Специальный вопрос о крепостных сооружениях городов и сельских поселений Северного Таджикистана исследован в кандидатской диссертации С. Ш. Марафиева. Им написаны также статьи по истории дооктябрьского Ходжента и его пригородных селений Курук, Ява, а также города Канибадама (1960, с. 7—31; с. 84—100; 1967; 1968; с. 198—208; 1971, с. 63—76).

С темой нашего исследования непосредственно связаны работы, имеющие историко-экономический характер. Так, в книге И. К. Нарзикулова кратко описаны основные отрасли кустарной промышленности Таджикистана, ее размещение, состояние после присоединения Средней Азии к России, формы ремесленной промышленности и типы заведений. Узость источниковедческой базы, недостаток фактического материала не позволили автору показать динамику развития отраслей ремесла, степень роста детального и потоварного разделения труда в кустарной промышленности дореволюционного Таджикистана (Нарзикулов, 1957).

В течение ряда лет М. Бабахановым исследуется проблема

генезиса капитализма в экономике Северного Таджикистана. В его монографии, базирующейся на архивных документах и сведениях исторической литературы, освещено в частности состояние ремесла и торговли в городах и селениях северных районов Таджикистана накануне присоединения их к России, зарождение и развитие капиталистических отношений в кустарной промышленности в исследуемом районе во второй половине XIX—начале XX вв. По мнению М. Бабаханова, здесь, накануне присоединения Средней Азии к России происходило медленное разложение феодализма, которое выразилось в относительном развитии в недрах натурального уклада товарно-денежных отношений и постепенной экспропирации дехкан. Приспособление отраслей ремесла к рынку, специализацию лавок по продаже видов изделий, автор считает прямым проявлением роста товарно-денежных отношений накануне присоединения Северного Таджикистана к России. М. Бабаханов поставил вопрос о переходе гончарного, кузнечного, ткацкого, кирпичного производства конца XIX—начала XX вв. к простой капиталистической кооперации. В недавно изданой монографии М. Бабаханова отдельный раздел посвящен кустарной промышленности Туркестанского края в указанный период (1975, с. 68—82).

В сводных трудах Б. Г. Гафурова (1955, 1973,), «Истории таджикского народа» (II (1), II (2), 1964), «История Узбекской ССР (1967—1968), в книге З. Ш. Раджабова (1958) показан ряд моментов истории городов и селений, ремесленного производства Средней Азии, в том числе Северного Таджикистана. Опубликованы книга Ф. А. Азадаева по истории Ташкента (1959), двухтомная «История Самарканда» (I, 1969; II, 1970), работа Т. С. Саидкулова об этом городе в конце XIX—начале XXвв. (1970). Написаны кандидатские диссертации И. Джабарова о городском ремесле дореволюционного Хорезма (1954) и В. А. Акрамова по истории города Коканда (1973). Общие исторические труды имели большую ценность в сравнительном плане для нашей работы.

Для уточнения и углубления вопросов изучаемой проблемы большую роль сыграли труды советских этнографов по теории этноса (Левин, Чебоксаров, 1955, № 4; Бромлей, 1973; Козлов, 1975, с. 24—32).

В последние годы в советской исторической науке растет интерес исследователей к проблемам возникновения и развития городов, урбанизации древнего и средневекового обществ. Особое внимание уделяется проблемам истории древнего и средневекового города Средней Азии. Свидетельством этой тенденции является созыв специальных совещаний и заседаний (Фрунзе, ноябрь, 1970; Самарканд, апрель, 1972), появление работ В. М. Массона, В. Л. Ворониной, А. М. Беленицкого, О. Г. Большакова, И. Б. Бентович, Э. В. Сайко.

В. М. Массон в своем докладе на совещании в городе Фрунзе обратил внимание исследователей на актуальность таких проблем историко-археологического изучения городов Средней Азии, как, во-первых, решение вопросов исторической географии — отождествление отдельных памятников и целых регионов со сведениями, содержащимися в письменных источниках, во-вторых, выявление динамики развития как отдельных городских организмов с их сложной конкретной историей подъема и упадка, так и целых культурно-исторических областей, в-третьих, исследование поселения, как социального организма, в-четвертых, исследование технологии ремесленных производств, как отражения производительных сил и экономических успехов общества (Средневековые города Средней Азии, тезисы, 1970, с. 3—5).

Процессу урбанизации в древней истории Средней Азии был посвящен другой доклад В. М. Массона, прочитанный на заседании городоведов на научной сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР в г. Самарканде (Древний город Средней Азии, 1973, с. 3—6).

Проблемы раннесредневекового города Средней Азии в аспекте истории архитектуры исследованы в докторской диссертации В. Л. Ворониной. В ней рассмотрены такие важные вопросы, как формирование, структура, фортификация, застройка, благоустройство раннесредневекового города Средней Азии (Воронина, 1970).

Достижением многолетних археологических исследований раннесредневековых и средневековых городов Средней Азии, особенно работ ТАЭ по изучению Пенджикента, является фундаментельный труд А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова (1973). Авторы осветили важнейшие проблемы возникновения, внутренней структуры, динамики развития средневекового города и уровень городской жизни в феодальном обществе Средней Азии. Автор первой части книги — А. М. Беленицкий разработал вопросы фортификации, городской планировки, размещения ремесла торговли, социального состава и культуры населения раннесредневековых городов VI—середины VII вв. (с. 5—131). Гончарное, текстильное производства и стек-

лоделие описаны И. Б. Бентович. Во второй части, автором которой является О. Г. Большаков, охарактеризована история развития городов Средней Азии за период с конца VIII до начала XIII вв., освещены вопросы о числе городов в разных областях Средней Азии в ту эпоху. Проанализированы археологические данные о территориальном росте Мерва, Самарканда и Бухары, развития в этих городах ремесла, торговли. Прдеприята также попытка освещения жизни и быта горожан. В отдельной главе город трактуется как социально-экономическое явление средневекового общества О. Г. Большаков наметил важнейшие направления исследования средневекового города Средней Азии в дальнейшем. Этнографы, опираясь на свои источники, могут с успехом участвовать в разработке этих вопросов относительно истории города XIX—начала XX вв., как определение его размера и структуры, численности и состава населения, соотношение и взаимоотношения городского и сельского населения, топография общественных и культовых учреждений, исторических построек, ремесленных и торговых кварталов. Этнограф имеет возможность исследовать те стороны ремесла, которые не отражены статистикой, выяснить по опросным данным процент городского населения, связанного с различными видами хозяйственной деятельности, выяснить удельный вес внутригородского спроса в общем объеме личного и производственного потребления ремесленной продукции в крае, раскрыть экономические связи города с сельской округой, города с кочевой степью, города с другими городами, его роль во внутренней торговле. Особым аспектом этнографического исследования города и городской жизни должен явиться вопрос об организации ремесла и торговли в позднесредневековом городе. О. Г. Большаков справедливо отмечает, что «решение всего комплекса вопросов не под силу одному человеку» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 142).

Монография Э. В. Сайко посвящена важнейшему и определяющему этапу в разработке проблем города, а именно раскрытию его генетических корней, исследованию экономических основ формирования города. В работе освещаются такие теоретические вопросы, как условия становления ремесла — экономической основы города, движущие силы прогресса производства, особое место керамического и металлургического производства в процессе становления и развития городов (Сайко, 1973а, с. 3—110; 1973б, с 14—17). Вместе с тем, нам представляется, что Э. В. Сайко преувеличила роль керамического производства в формировании города, считая его мерилом процесса урбанизации. Историко-археологические работы послужили важным теоретическим подспорьем в нашей разработке методических аспектов изучения городов и селений Северного Таджикистана конца XIX—начала XX вв.

Из краткого обзора исторической литературы за советский период вытекает, что историками, археологами и этнографами достигнуты определенные успехи в изучении дореволюционных городов и селений Средней Азии вообще, Северного Таджикистана в частности. В историко-этнографическом аспекте выяснена картина городской жизни Бухарского эмирата, селений Каратегина и Дарваза. Хотя археологическое исследование Северного Таджикистана пошло далеко, его городская и сельская жизнь в литературе освещена очень слабо. В работах посвященных экономическим, социальным и политическим последствиям присоединения Средней Азии к России, изменения, происходящие в городской и сельской жизни края, показаны в общих чертах. Более того в историко-этнографической литературе по Средней Азии отсутствуют работы, рисующие сложение, пути развития и взаимосвязи городского и сельского населения в определенные периоды. Бесспорно, города и селения области Средней Азии, входившие в территорию Туркестанского генерал-губернаторства по сравнению с городами и селениями в Бухарском и Хивинском ханствах были более развиты, и изменения, связанные с развитием капиталистических элементов, в них проявлялись более отчетливо. Об этом свидетельствует изученная нами ткацкие промыслы Ходжента и его пригородных селений в конце XIX—начале XX вв., которые являлись крупными центрами ремесленного производства на территории Туркестанского генерал-губернаторства (Турсунов, 1969а). Выявлены рост размера Ходжента и его пригородных селений, развитие городской жизни, некоторая механизация ремесленного ткацкого труда, складывание рассеянной и централизованной мануфактуры в промыслах по обработке шелкового и бумажного волокна (Турсунов, 1967, с. 17—49; 1969а, с. 23; 1969б, с. 38—48; 1969в, с. 183—201; 1974, с. 204). Все эти вопросы были рассмотрены в связи с исследованием текстильного производства Ходжента и его пригородов. Другие поселения Ходжентского района в этой работе остались вне поля зрения автора.

Главным источником для данной работы послужил полевой этнографический материал, собранный на протяжении 1965—1974 гг., не только по городам и селениям Северного Таджикис-

тана, но и по населенному таджиками городу Чуст и городку Риштан в узбекской части Ферганской долины. Были обследованы Ходжентский, Ура-Тюбинский, Канибадамский, Исфаринский, Пенджикентский, Аштский и Науский районы. Материал отлагался как в результате изучения облика городов и селений в натуре, так и в ходе бесед с информаторами, — старыми мастерами-ремесленниками, сообщившими свои воспоминания и известные им сведения о прошлом своего квартала, селения, города или профессии. В большинстве случаев, полевые материалы собраны по каждому жилому кварталу в отдельности, путем опроса его старожилов, нередко в возрасте 70—90 лет. В Ходженте, Ура-Тюбе, Канибадаме, Исфаре, автором произведена поквартальная перепись хозяйств начала XX в. (по воспоминаниям стариков) с указанием этнической принадлежности и занятий населения. Такой метод зачастую позволил собрать сведения о трех поколениях дореволюционного населения — об информаторе, его отце и деде. В сопоставлении со статистическими и документальными данными, собранные опросным путем сведения явились в итоге ценным источником, проливающим свет на состояние городов и селений в конце XIX — начале XX вв. При расспросах наши информаторы проявляли исключительную любознательность, добросовестность, хорошую осведомленность, большой интерес к вопросам, охотно делились своими знаниями, помогали найти более знающих людей. Всего нами в районах Северного Таджикистана опрошено 500 человек. Автор выражает всем своим информаторам сердечную благодарность и признательность, а о тех, которых нет в живых, хранит светлую память. Нами собран этнографический материал и методом наблюдения за работой народных мастеров-ткачей, кузнецов, выделывающих кетмены, подковы, медников, жестянщиков, ювелиров, сапожников, гончаров, строителей, пекарей, маслобойщиков, кондитеров, деятельность которых ныне проходит в заведениях, цехах при комбинатах бытового обслуживания городов и поселков.

Важным источником работы стала разнообразная историческая литература XIX—начала XX. вв., посвященная жизни, быту и занятиям населения Средней Азии. Заимствование из нее сведений о городах и селениях Северного Таджикистана критически проанализированы и использованы.

Привлечены также многие документы и материалы по теме исследования из Центрального Государственного архива Таджикской ССР, в частности, фонда Ходжентского уездного управления (фонд № 1), в котором содержатся статистические сведения о торгово-ремесленных заведениях, численности, составе и занятии городского и сельского населения. Из фонда № 6 использованы сведения о ремесле, торговле г. Ходжента. Аналогичные сведения об Ура-Тюбинском участке обнаружены в фонде № 12, а по Исфаринскому уезду — в фонде № 19. В ЦГА Узбекской ССР нами изучены материалы из фондов начальника Зерафшанского округа (ф. № 5), Самаркандского областного правления (ф. № 18), управления начальника Самаркандского уезда (ф. № 20), канцелярия военного губернатора Ферганской области (ф. № 276), управления начальника Кокандского уезда (ф. И-300), канцелярия военного губернатора и командующего войсками Туркестанской области (ф. 336), в которых выявлены ценные документы по г. Пенджикенту и его волости, городам Канибадам, Исфара, о взятии Ходжента и Ура-Тюбе.

Дореволюционные документальные материалы архивов, при всей их важности следует использовать как источник научного исследования осторожно. Различные статистические сведения сначала составлялись местной администрацией — пятидесятниками — «эликбоши», которые были малограмотными. При переводе их донесений с таджикского языка на русский, допускались неточности или даже искажения. Поэтому в цифрах документов за одни и те же годы, по одним и тем же вопросам выявляется огромная разница.

Немаловажным источником настоящей работы были изданные статистические сборники по Самаркандской и Ферганской областям (Сборник, 1890; Список, 1906), «Справочные книжки», «Справочники», материалы всеобщей переписи 1897 года, ревизии К. К. Палена. Поскольку в 1917—1920 годах условия были аналогичны дореволюционной экономике, данные сельскохозяйственных и промышленных переписей также использованы в настоящей работе. Следует отметить, что статистические сведения по городам, селениям, ремеслам преимущественно констатируют факт, а динамика выясняется только при сопоставлении сведений за разные годы. При этом такие данные 70—80 -х годов XIX в. вплоть до всеобщей переписи 1897 г. были очень приблизительными. Исследователи отмечают ряд неточностей и в статистических данных переписи 1897 г. об этническом составе населения России (Жданко, 1975, с. 39). Использован также уникальный фотоиллюстрированный материал — «Туркестанский альбом», откуда нами использованы фотографии.

Настоящая работа посвящена изучению проблемы сложения

и путей развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX вв. — позднефеодального периода, ознаменованного важными явлениями в этнической истории, в росте городов и селений, в ремесленном производстве, в производительных силах и производственных отношениях. Из занятий населения исследуются, главным образом, городское и сельское ремесло, а торговля, земледелие и скотоводство охарактеризованы кратко в связи с изучением феодальной промышленности.

Совокупность вопросов, связанных с изучаемой нами проблемой требуют историко-этнографического исследования этносов как динамичных систем и в связи с их социально-экономической жизнью в XIX—начале XX вв. Исходным пунктом нашего исследования послужили слова В. И. Ленина о том, что «самое надежное в вопросе общественной науки,... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и, с точки зрения этого его развития, смотреть, чем данная вещь стала теперь» (ПСС, с. 29, с. 436).

Прежде всего следует дать четкое определение главных предметов исследования — города и селения. В археологической литературе распространены критерии города по 10 признакам, сформулированным Г. Чайлдом в 1950 г. в статье «Городская революция» (Древний город Средней Азии, 1973, с. 3—20), которые использовались при определении протогорода.

При оценке развития города в Северном Таджикистане конца XIX—начала XX вв. мы исходили из своих материалов. Городом мы считали то поселение, которое имело не менее 5 тыс. жителей, исторически сложившуюся структуру, скученную застройку и планировку, постоянно действующие большие и малые рынки и прочие торговые учреждения. В городе концентрировалось торгово-ремесленное население и многочисленные мастерские, промышленные заведения, обслуживающие горожан, связанных с землей, жителей прилегавшей земледельческой и скотоводческой округи. Городские ремесленники не только товарами снабжали городских и сельских потребителей, но и обучали последних ремеслу. Как правило, город здесь располагался на большом пути транзитной торговли, на стыке земледельческих оазисов и скотоводческой округи, являлся экономическим и административным центром района или области. По всем этим признакам в Северном Таджикистане исследуемого времени к

городам можно причислять Ходжент, Ура-Тюбе, Канибадам, Исфару и Пенджикент.

Наряду с городами в Северном Таджикистане имелось много торгово-ремесленных поселений с рынком. Четвертую и более часть их жителей, исчислявших не менее 1,5 тыс. человек, составляли ремесленники и торговцы, обслуживавших тяготевшее земледельческое и скотоводческое население, которое образовало экономический подрайон. В медресе таких поселений учились и из окрестных кишлаков и аулов. Такие поселения мы называем городками. Ремесленники и торговцы в них были либо родом из ближайшего города, либо обучались у городских ремесленников и торговцев.

Городки, обычно, размещались на некотором расстоянии, от городов, на перекрестке дальних и местных путей транзитной и внутренней торговли, между районами. Городками мы считаем Ганчи, Нау, Костакоз, Исписар, Кушкак, Чорку, Ворух, Ашт, Шайдан, Пангаз, Камышкурган.

Поселения с прослойкой торговцев и ремесленников и располагающее рынком местного узкого значения и находящееся среди одного или нескольких земледельческих микрооазисов отнесены нами к торговым селениям. В них насчитывалось не менее 500 человек населения. Они располагались на внутрирайонных и межрайонных торговых путях. Торговые селения отличались от городков тем, что там было мало отраслей торговли и ремесла. К торговым селениям отнесены Шахристан, Панджшанбе, Гулякандоз, Каракчикум, Махрам, Бободархон, Джар-Курган.

Нами выделен также тип ремесленного поселения, которое в отличие от торговых селений, не имело рынка, но часть населения специализировалась по производстве определенных видов ремесленной продукции. Жители в среднем составляли 500 человек. В таких селениях также размещались торговые лавки, караван-сараи, действовали скупщики, занятые перепродажей ремесленных изделий. Ремесленные селения располагались в пригородах или в некотором расстоянии от городов. К такому типу поселений включены Сарахсиён, Сандукандак, Куйи равгангарон, Дальёни поён вблизи г. Ура-Тюбе; Пули чукур, Румон, Шайх-Бурхон, Ява в пригороде Ходжента; Рават, Калпаса в Канибадамском районе; Кулканд, Чилгази в Исфаринском районе; Гарибак в Пенджикентском районе. Каждому типу поселения были присущи определенные формы обмена: товарное обращение, товарный обмен и продуктообмен, размер рынка и

представленных на нем ассортимент товаров, соответствующий развитию здесь ремесла и степени связи его с земледелием.

Небольшие постоянные поселения, сложившиеся вокруг городов, мы называем загородными кварталами. Отдельным типом временного поселения горожан были дачные места. В них не было постоянного жилища и зимой они пустовали. Поселения с преобладавшим земледельческим населением, в работе именованы кишлаками. В них ремесла находились в стадии домашнего промысла, являвшийся составной частью земледельческого хозяйства. Кишлачные торговые лавки служили местом обмена предметов повседневного потребления и мяса на сельскохозяйственные продукты.

В настоящей работе исследуются основные вопросы:

1. Историческая и этническая ситуация Северного Таджикистана в первой половине XIX в. Феодальные войны — тормоз экономического и этнического развития народов, роста капиталистических элементов в отраслях городского ремесла. Складывание основ социально-экономического развития, формирования и этических процессов населения конца XIX — начала XX в. задолго до присоединения Средней Азии к России.

2. Типологизация районов Северного Таджикистана, как исконной и основной территории расселения исторически сложившихся этнических подразделений, по степени дифференцированности их хозяйств, производивших различные продукции и взаимосвязей жителей городов, городков с тяготевшим к ним земледельческим и скотоводческим населением. Условия территориально-хозяйственных микроединиц этносов: экономических подрайонов и микрорайонов. Западноферганско-Ура-Тюбинский и Верхнезерафшанский этно-культурные регионы и их взаимоотношения с соседними областями Средней Азии.

3. Влияние присоединения Средней Азии к России и колониальной политики царизма на условия жизни этносов Северного Таджикистана. Экономические стимулы путей развития этносов: дальнейший рост дифференциации хозяйственно-культурных типов населения по производству различных продуктов, возникновение фабрично-заводских заведений, оживление торговых и иных путей сообщения, проведение ферганской ветки Среднеазиатской железной дороги, образование русских поселений, станционных и промысловых поселков.

4. Развитие городского и сельского населения Северного Таджикистана в конце XIX — начале XX вв., обусловливавшие градостроительство, градообразование, возникновение новых селений, рост внутрирайонных, межрайонных и межобластных экономических связей. Динамика численности, сложение состава населения, его занятия. Специальности, объем производства и расселение городских и сельских ремесленников. Некоторые сведения о технических новшествах, введенных мастерами и организации производства ремесел. Торговцы, их категории. Внутренний, межрайонный, межобластной и внешний виды торговли. Краткая характеристика земледельческого и скотоводческого населения и их связь с торгово-ремесленными прослойками.

5. Оценка условий сложения и путей развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX вв. Удельный вес разных занятий в экономической жизни населения. Степень отделения ремесла от земледелия, формы взаимоотношений городского и сельского населения. Типы этнических процессов: консолидация, ассимиляция и интеграция. Формы и стадии развития ремесла. Типология городов и селений. Уровень товарно-денежных отношений и зачатки складывания областного рынка.

Исследование совокупности вопросов, изложенных выше, позволяет перейти к изучению традиционного занятия и культуры этносов Северного Таджикистана по программе сплошного этнографического обследования. Тема городского и сельского ремесла XIX — начала XX вв. может быть разработана в направлении изучения техники и технологии промыслов, социальной структуры, производственных отношений, семейного и общественного быта ремесленников. Сложение и развитие этносов Северного Таджикистана XIX—начала XX вв. создало исходную ситуацию для процессов происходящих в советское время. На очереди стоит задача изучения явлений, определяющих современный этнокультурный облик его населения. В свете сведений письменных источников и археологических изысканий, специального рассмотрения требуют вопросы возникновения и этапы развития городских и сельских поселений, упомянутых в работе.

В настоящей монографии охарактеризовано сложение и пути развития исторически сложившихся этнических подразделений равнинных районов Западноферганско-Ура-Тюбинского этнокультурного региона и Пенджикентского района горного Верхнезерафшанского региона. Объем работы не позволил рассмотреть все районы Верхнего Зерафшана и привести сравнительные материалы по другим регионам и областям Средней Азии.

Автор выражает свою благодарность и признательность коллективам и товарищам, которые своими советами и замечаниями содействовали подготовке книги.

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОЧЕРК СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

В сводных исторических трудах первая половина XIX в. считается периодом высшего экономического и политического кризиса, распада феодализма Средней Азии, сопровождавшегося упадком производительных сил, междоусобными войнами, истреблением населения (Гафуров, 1955, с. 406—410; Материалы научной сессии, 1955, с. 428, 433—435; История таджикского народа, т. II, кн.: 2, 1964, с. 3, 57—126). Примечательно, что степень обострения кризиса в различных областях Средней Азии в первой половине XIX в. была разной и проявлялась в мирной или в военной форме. Более того, Н. Н. Негматов анализируя историко-археологические факты о росте территории позднесредневекового города Ходжента, строительства крепостей в его округе, пришел к выводу, что «мы не вправе применить для Ходжента распространенное в научной литературе положение об упадке феодализма в Средней Азии, во всяком случае, в XVIII — первой половине XIX в.», (1909а, с. 72).

В Северном Таджикистане, в частности в Ходжентском, Наукском и Ура-Тюбинском районах первой половины XIX в., в отличие от Ферганы, Ташкента обострение кризиса происходило в условиях бесконечных войн между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом за политический перевес в названных районах, междоусобицы местных феодалов, действием грабителей, разбойников, межнационального и межплеменного раздора. Вместе с тем, в указанный период были и времена мирной передышки, тогда происходило некоторое экономическое оживление края. Кратко изложим события обострения кризиса в Северном Таджикистане первой половины XIX в.

События феодальных войн первой половины XIX в. в Северном Таджикистане были настолько значительны, что о них писали тогдашние печатные органы царской России. Так, в одном из номеров «Азиатского вестника» говорилось: «Сия область (Ходжентская — Н. Т.). переходила попеременно под власть Кокандского хана и Владетеля земли Оритепе (Ура-Тюбе — Н. Т.), именем Хадаяр бея Узбека, который будучи независимым воевал то с Бухарским, то с Кокандским ханом. По смерти Хадаяр бея сия область присоединена за 25 лет перед сим, к кокандской земле во время отца нынешнего хана Нарбути бея». (1826, 3, с. 178). Е. К. Мейердорф в составе миссии Негри посетивший Бухару в конце 1820 — начале 1821 гг. также был осведомлен о соперничестве эмирата с Кокандским ханством: «обе страны враждебны друг другу и часто пребывают в состоянии войны. Лет десять назад бухарцы захватили Ура-Тюбе, который до этого был независимой областью» (1975, с. 71).

Феодальные войны в Ура-Тюбинском и Ходжентском районах в первой половине XIX в. имели самые ужасные последствия. Этот период, старики по рассказу их отцов и дедов, называют «давраи ёвгарӣ» (время вражды и насилия). В исторической литературе отмечены последствия походов ханов и эмиров Коканда и Бухары. Ура-Тюбинская поэтесса XIX в. Дилшоди Барно в своем произведении «История переселенцев», писала, что правитель Коканда Омархан при своем очередном походе осенью 1816 г. учинил страшный грабеж в г. Ура-Тюбе и угнал 13,4 тыс. человек жителей в свои владения. Через некоторое время по приказу Омархана ура-тюбинские пленники основали город Шахрихан к востоку от Коканда. Этот факт подтверждается: в Шахрихане и сейчас живут многие потомки ура-тюбинцев (Мухтаров, 1969, с. 23, 37, 41). Об одном из трагических событий феодальных войн В. П. Наливкин писал: «во время похода бухарского эмира Насруллы на Коканд (1842 г.) около селения Патар (вблизи г. Канибадама — Н. Т.) по приказанию эмира было зарезано 400 человек пленных мирных жителей, захваченных бухарским авангардом... Лишь после изгнания бухарцев из Ферганы, кости были собраны и погреблены, а над этой братской могилой был сооружен мазар. Впоследствии около последнего образовалось небольшое поселение и поныне существующее под именем Шахид мазара, что значит — «могила мучеников» (Наливкин, 1913, с. 23).

Этнографический источник позволил выяснить ряд событий периода феодальных войн недостаточно освещенные в литерату-

ре. Характер военного времени вызвал ремонт городских фортификационных сооружений, возведения новых крепостей в крупных населенных пунктах. Так были укреплены городские цитадели, крепостные стены Ходжента, Ура-Тюбе, в них установлены новые ворота, сооружены или пристроены крепости в таких населенных пунктах, как Унджи, Курук, Костакоз, Исписар, Гулякандоз Ходжентского района, в Нау, Куштегирмане Науского района, Ругунд, Навганда, Калъачаи гули зард, Пошкент Ура-Тюбинского района, Шум-курган, Махрам, Ботур-курган, Бекабад, Шур-курган, Ниязбек, Канибадамского района. Укреплялись усадьбы феодалов, названные «калъача» («крепостца»).[1] У подступов городов и городков, имевших крепости были построены караульные башни — «манора» или «чордара».

Во время нападения неприятеля, население укрывалось за стеной городских и сельских укреплений и оставалось в них до сигнала отбоя. Нередко обстановка вынуждала их надолго оставаться в укреплениях. Период проживания в городах и сельских укреплениях, огороженных усадьбах, в рассказах старожилов называется «давраи калъашиний» («время отсиживания в крепости»). Такой образ жизни обусловил неподвижность населения городов и укреплений сельских поселений. По словам В. П. Наливкина, «неподвижность сарта, являвшаяся следствием как его темперамента, так и тогдашней совершенной необеспеченности личности, была так велика, что не говоря уже о женщинах, масса мужчин родились, жили и умирали в своих городах и селениях, не видев ничего кроме ближайших окрестностей своего места жительства» (1913, с. 29).

Внутри городов оборонное значение приобрели тупики — «чақар» с воротами, запиравшие при необходимости, подвалы — «ертула», индивидуальные подземные галлереи — «гор» и рощи, расположенные сзади дворов — «хаёт». В городах для каждого жилого квартала был вырыт хауз для содержания питьевой воды, а в главных арыках увеличилось число мельниц и рисорушек. Расширились сельскохозяйственные угодья в пределах городов. Все эти факты свидетельствуют об упадке городского уклада, усилении в хозяйстве и быту горожан черт сельского образа жизни.

Русские посланники, побывшие в Северном Таджикистане в первой половине XIX в., увидев город Ходжент, вероятно наполненный беженцами, отмечали его многолюдность. Филипп Назаров в 1813 г. упоминал, что: «в городе (Ходженте — Н. Т.) ...жителей весьма много» (с. 54—55). Н. И. Потанин посетив Ходжент в 1830 г., писал: «город этот не менее Ташкента и во всем имеет сходство с этим последним» (с. 273). Бесконечные войны и нападения вынудили население городов в поисках мирной жизни группами переселяться в соседние области Северного Таджикистана. В итоге население значительно уменьшилось. В 60-х годах XIX века в г. Ходженте проживало всего 17 тыс. человек, а в г. Ура-Тюбе — 12 тыс. человек населения (Кушакевич. Статистические сведения, 1872, с. 50).

Угон и истребление населения привело к некоторой физической замене населения. Особенно пострадали жители г. Ура-Тюбе и городка Нау. Вместе убывшего таджикского населения; в этих пунктах увеличились тюркоязычные этнические группы. Происходило также оседание кочевников в северной степной зоне Ура-Тюбинского района, в пределах Науского, Ходжентского, Канибадамского, Исфаринского, Пенджикентского районов.

Нарушилось хозяйственное общение городов и селений. Многие кишлаки были покинуты, сельское хозяйство заброшено. Н. Маев в 1869 г. проезжая по территории между Ходжентом и Ура-Тюбе писал: «вся эта местность, некогда богатая и населенная теперь представляла грустный вид безлюдия и запущения. Глиняные стены кишлаков местами уже обвалились. Главнейшей причиной запустения этого края были частые и губительные набеги» («Русский вестник», т. 86, 1870, с. 259.

В первой половине XIX в. были и годы мирного развития края. Дважды —в 30-е и 50-е годы прошлого столетия происходило некоторое экономическое оживление Северного Таджикистана. Нормализировалась жизнь сельскохозяйственных районов, городов, возобновлялись товарно-денежные отношения. Наряду с изготовлением военных средств и снаряжения, ремесленники выделывали предметы потребления. Вероятно, в области обработки бумажного волокна (Пашино, 1866, с. 139), кожи, строительных ремесел, удовлетворяющие потребности населения и ханских войск, в производстве «выбоек, крашенных холстинок и халатов... хлопчатой бумаги, шелка, шелковой ткани» вывозивших в Россию («Азиатский вестник», 1826, с. 177—178), появлялись ростки капиталистических элементов в форме простой кооперации. Построены монументальные здания — медресе, мечети, караван-сарайи в Ходженте, Ура-Тюбе Пенджикенте, Канибадаме, Исфаре. О характере 50-х годов минувшего века,

[1] В топонимии поселений Северного Таджикистана сохранились десятки названий кишлаков с приставкой «калъача».

И. С. Брагинский пишет: «правильнее говорить об обострении кризиса именно к середине XIX в., перед присоединением к России. В этом кризисе следует отметить две стороны: во-первых, обострение всех прежних, охарактеризованных выше черт хозяйственного упадка, и во-вторых, усугубление этого положения начавшимся противоречием между происходившим, хотя и весьма медленно, но не прекращавшимся ростом производительных сил и сковывавшими этот рост закостенелыми феодальными отношениями» (Материалы научной сессии, 1955, с. 433—434).

В отличие от Ходжентского и Ура-Тюбинского районов в остальных районах Северного Таджикистана кризис происходил в мирных условиях. Развивалась городская жизнь в Канибадаме, Исфаре, Пенджикенте, в Восточной Фергане. Так, Наманган начал разрастаться и превращаться в большой город, именно в начале XIX в. (Писарчик, 1956, с. 182). Поэтому многие беженцы из Ходжента и Ура-Тюбе искали приют в этих районах. Они образовали свои кварталы в городах Канибадам, Исфара, городке Кушкак, селениях Шур курган и Ханабад их районов. В Коканде одна из четырех частей называлась Ходжентской. Выходцы из Ура-Тюбе поселились в Матчинский, Фальгарский и другие районы Верхнего Зеравшана.

Обострение кризиса усугубляло положение трудящихся масс, усилило классовую борьбу в крае. Продвижение царской России в Средней Азии размежевало силы трудящихся. Присоединение северных районов Таджикистана произошло частью сражениями, частью мирным путем, а население Пенджикентского района изъявило желание добровольно войти в состав Российской империи (ЦГА Узбекской ССР, ф. 5, оп. I, д. 3, л. 5). Дальнейшему обострению кризиса был положен конец военным вмешательствам царизма. Феодальные войны, набеги, раздоры истощавшие трудовой народ, разрушившие его производительные силы, приведшие страну в состояние хозяйственного, духовного упадка, были прекращены. Северный Таджикистан, как и другие области Средней Азии вступили в полосу мирного развития.

На территории Северного Таджикистана вместо ханской администрации было создано военно-гражданское управление царизма. В 1866 году в пределах Ходжентского, Науского и Ура-Тюбинского районов был учрежден так называемый Задарьинский край при Туркестанской области. Затем Пенджикентский район включен в Самаркандский отдел Зерафшанского округа. В 1887 г. Ходжентский уезд и Пенджикентский участок при Самаркандском уезде вошли в состав образованной Самаркандской

области. Канибадамский и Исфаринский районы после 1876 г., вначале образовывали Исфаринский уезд, а затем после его упразднения подчинились правлению Кокандского уезда Ферганской области. Территория Аштского района вошла в Наманганский уезд этой области. Таким образом, исторически сложившиеся районы расселения таджиков царизм, искусственно разделил на четыре уезда и двух областей. Уезды делились на участки, волости, сельские общества, населенные пункты. В конце XIX — начале XX в. в пределах уездов производились новые административные деления. Например, по документу 1909 и 1915 гг. Канибадамский участок состоял из 6 волостей, 21 сельских обществ, 9 аульных обществ (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. 1, д. 224, л. 20—21), а Пенджикентский участок из 7 волостей, 28 сельских обществ (ЦГА Узб. ССР, ф. И-20, оп. I, д. 364, л. 56). Гулякандозская волость объединяла 2 сельские общества, 13 поселений. Во главе областей стояли военные губернаторы и областные правления, во главе уездов — уездные начальники, которым были подчинены участковые начальники. Все они назначались из военных и составляли так называемую военную администрацию (История Узбекской ССР, том второй, 1968, с. 42). Старшие аксакалы городов, аксакалы городских и сельских обществ, волостные управители, старшины и пятидесятники избирались из числа местных сановников, баев, зажиточных людей.

ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИЕСЯ РАЙОНЫ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Марксистско-ленинская историческая наука рассматривает географическую среду как составную часть условий способа производства материальных благ — определяющего фактора исторического процесса. «Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» — писал К. Маркс и Ф. Энгельс (соч. т. 3, с. 19).

В географической литературе к «Северному Таджикистану» относится природная область, ограниченная с севера Кураминским, с юга Туркестанским хребтами, охватывающая западную часть Ферганской долины, Ура-Тюбинский район и крайнюю юго-восточную окраину Голодной степи (Таджикистан, 1968, с. 93—121). Соседняя южная территория, лежащая в бассейне верхне-

го течения реки Зерафшан и включающая в себя Туркестанский, Зерафшинский, Гиссарский (северный склон) хребты, разделяющие их долины рек Зерафшана и Ягноба, называется Зерафшанской областью (Таджикская Советская Социалистическая республика, 1974, с. 44—46). Поскольку район верхнего Зерафшана в историческом отношении вместе с Северным Таджикистаном составлял основную этническую территорию сложения и расселения равнинных таджиков (Народы Средней Азии и Казахстана, I, 1962, с. 534), то он включается нами в одну общую область — Северный Таджикистан, исследуемый в работе. В таком понимании Северный Таджикистан на юге Гиссарским хребтом отделяется от Южного Таджикистана, на востоке граничит с Ошской областью Киргизии, Ферганской и Наманганской областями, с севера Ташкентской и Сыр-Дарьинской, с запада Джизакской и Самаркандской областями Узбекистана.

Существуют разные принципы районирования. По климату, рельефу, абсолютным высотам, почвенному, растительному покрову и направлению хозяйства Северный Таджикистан делится на следующие природные пояса: 1) низинно-равнинный, субтропический, пустынный, хлопковый, занимающий присыр-дарьинскую долину; 2) предгорный, жаркий, эфемеровый, хлопковый, раскинувшийся у подножья Туркестанского и Кураминского хребтов; 3) среднегорный, умеренный, кустарниково-лесо-степной, пустынный, фруктово-зерновой, расположенный в межгорных котловинах и ущельях Туркестанского, Кураминского и Зерафшинского хребтов; 4) высокогорный, холодный, лугово-степной, пустынный, скотоводческий, находившийся в высоких горах (Атлас Таджикской ССР, 1968, с. 115—116). Из четырех названных поясов, первые три были пригодны для заселения человека.

Разнообразие хозяйственных условий природных поясов Северного Таджикистана составляли естественную основу общественного разделения труда местного населения. К. Маркс указывал: «...не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» (соч. т. 23, т. 522).

По физико-географическим особенностям географы производят естественно-историческое районирование Средней Азии. (Вопросы географического районирования, 1964, с. 8—45). Так, в Северном Таджикистане ими выделены Ура-Тюбинский, Кансайский, Ходжабакирганский, Исфаринский, Карамазарский, Пенджикентский физико-географические районы (Вопросы географического районирования, 1967, с. 32—157).

В литературе известно и историческое районирование Средней Азии. Так, М. Г. Вахабов отмечает, что дореволюционный Узбекистан с древних времен распадался на ряд хозяйственно-замкнутых районов: Ферганская долина, Зерафшанская долина, Ташкентский оазис, Кашкадарьинская долина, Сурхандарьинская долина и Хорезмский оазис. По мнению этого исследователя, каждый из этих районов в свою очередь состоял из ряда мелких экономических микрорайонов. «Испокон веков поливные земледельческие районы Средней Азии по существу распадались на ряд микроэкономических районов, формировавшихся или вокруг отдельных городов или вокруг более или менее крупных селений, где существовали базары. Население ближайших кишлаков на этих базарах реализовало продукты и приобретало необходимые ремесленные изделия» (Вахабов, 1961, с. 60). В целом соглашаясь с таким принципом выделения районов, следует оговориться, что на наш взгляд, Ферганскую долину, Зерафшанскую долину и ряд других вышеуказанных территорий следовало бы условно назвать не районами, а областями, исходя из величины, структуры и степени связи.

Районы поливного земледелия, образовавшиеся в долинах рек и их притоков, видимо лучше назвать не микроэкономическими, а исторически сложившимися. Последнее понятие применено этнографами Таджикистана при районировании Верхнего Зерафшана (Материальная культура таджиков Верховьев Зерафшана, 1973, с. 5), вместо ранее употреблявшего определения историко-географические районы (Таджики Каратегина и Дарвава, I, 1966, с. 53—54). На материалах Северного Таджикистана нами выявлены исторически сложившихся локальные подразделения основного этноса этой области — таджикского народа, обладавших своими территориями (районами), особенностями диалектов, хозяйственной деятельности, культуры, быта, психики и двойственным самосознанием. Важнейшим условием сложения и развития подразделений этноса являлась его территория — также называемый нами исторически сложившийся район, который имел свою экономическую структуру, изменялся в процессе целенаправленной практики людей.

Базисом исторически сложившихся районов Северного Таджикистана послужили разнообразные естественные условия долин горных речек — правых и левых притоков Сыр-Дарьи и

Зерафшана, бравших воду из ледников и снегов Туркестанского, Кураминского и Зерафшанского хребтов (Шульц, 1965, с. 570—572). В долине речки Ходжа Бакиргана сложился Ходжентский район, в долинах Ура-Тюбесая, Шахристансая, Басмандасая, Аксу — Ура-Тюбинский район, в долинах Аксу, Исфанасая — Науский район, в долине Исфарасая — Исфаринский и Канибадамский районы, в долинах Пангазсая, Аштсая, Ашабасая, Пунуксая, Мулламирсая — Аштский район, в долине Магияна — Пенджикентский район. «Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда и материал труда, и место для поселения, базис коллектива» — писал К. Маркс (1940, с. 5—6). Наличие плодородных земель, мощность и время максимального стока горных речек и климат во многом обуславливали размер, характер расселения населения, экономическую структуру исторически сложившихся районов. Каждый район, охватывал разные по размерам и населенности экономические подрайоны и микрорайоны с земледельческими оазисами и скотоводческой округой, тяготевшие к одному крупному или нескольким мелким городским и торгово-ремесленным центрам. Язык таджикского населения каждого района имел диалектальные своеобразия, исследованные лингвистами (Ниязмухамедов, 1951, с. 20; Расторгуева, вып. 3, 1956; вып. 4, 1961). Локальные подразделения таджиков кроме общего самоназвания — «таджик» назывались ходжентцами, ура-тюбинцами, наускими, исфаринцами, канибадамцами, аштцами, пенджикентцами.

Охарактеризуем кратко исторически сложившихся подразделений населения по районам Северного Таджикистана XIX — начала XX вв.

Ходжентский район. Образовался в центральной части Северного Таджикистана в долине речки Ходжа Бакирган, общей протяженностью в 117 км и бассейном 2150 кв. км (Атлас Таджикской ССР, 1968, с. 92). Ходжа-Бакирган относился к речкам типа ледниково-снегового питания. Максимум ее стока приурочивался к июлю и августу (Ачилов, 1956, с. 105). Район делился на три части: северную присырдарьинскую равнину и предгорья Моголтау и Карамазара, среднюю, предгорную равнину и горное ущелье речки Ходжа Бакиргана, в которых сложились отдельные оазисы земледельческого и округа скотоводческого населения. Эти части отделялись пологосклонными холмистыми грядами Дигмай (или Рухак), Исписар (или Рухаки Унджи) и возвышенностями. Средняя предгорная равнина была значительно шире присырдарьинской равнины и полосой степи граничила с прилегающими с запада Науским и с востока Канибадамским районами.

В южной точке средней предгорной равнины, у правобережного селения Калача и левобережного Аучи находились водозаборы главных каналов—«чуй», обеспечивавших водой оазисы района.[1] Условно оазисов мы называем: северный — ходжентско-присырдарьинским, средний — гулякандозским, южный — бешкентским.[2] Главный рукав речки направлялся на север и пройдя через ущелье Ходжа Санг, гряды Дигмай, поворачивал на запад, и у селения Курук, около города Ходжента, вливался в Сыр-Дарью. После выхода речки из ущелья Ходжа Санг у восточной оконечности гряды Рухак, в урочище Галакубур (или Галатарок) производилось распределение воды по шестнадцати арыкам снабжавшим ходжентско-присырдарьинский оазис с городом Ходжентом, пригородными селениями и дачными местами Козн, Мазор, Курхона, Раззак, Масчиди савр, Явa ,Румон, Кулангир, Унджи, Даштак, Ходжа, Окарик, Ходжа Гулистон, Газиён, Мингбоши, Чорсу. Топонимы арыков соответствуют названиям населенных местностей: городских частей, кварталов, селений и урочищ, которых они орошали. Главные каналы отведенные на правый берег у селения Аучи и Калача направлялись на восточную часть ходжентско-присырдарьинского оазиса и онабжал водой сады и пашни городков Костакоз, Исписар и кишлака Катаган. Сады и пашни ходжентско-присырдарьинского оазиса сплошным массивом тянулись вдоль берега на расстоянии около 30 км с запада на восток. Другой канал, отведенный на левый берег речки Ходжа Бакирган орошал Гулякандозский оазис в западной части средней предгорной равнине района. Селения Бешкентского микрооазиса находившиеся в ущелье речки Ходжа Бакиргана питались отведенными от нее арыками. В правобережье Сыр-Дарьи и в предгорьях Туркестанского хребта расселялось скотоводческое население, питавшиеся водами ключей.

Ходжентский район с субтропическим климатом и плодород-

[1] Название речки Ходжа Бакирган исследователями связывалось с именем святого Сулеймана Ходжа Бакиргана, сподвижника Ходжа Ахмада Ясави — руководителя известного суфийского ордена Средней Азии в XII в. (Комаров, 1901, с. 105—112; Бартольд, II (2), 1964, с. 361, 532). В селение Шайхон находился мазар, называвшийся Ходжа Бакирганом. Сюда с разных концов района собиралось много народа на гулянье. Устраивалось состязание в скачке, борьбе и т. д. Большое удовольствие собравшимся доставлял сбор тюльпана (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, л. 25). Праздник тюльпана проводился и в Исфаре (Пещерева, 1927, с. 3—13).

[2] Ныне Бешкентский оазис находится на территории Киргизской ССР.

ными землями являлся густонаселенной территорией Северного Таджикистана. По приблизительным подсчетам в 1888 г. в оазисах района проживало более 47,3 тыс. человек населения (Сборник, I, 1890, с. 233—234, 237—238, 241—242; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1936). За почти двадцать лет население Ходжентского района возросло на 50% и в 1905 г. составило более 70 тыс. человек (Список, 1906, с. 102—103). Жители в его оазисах расселялись неравномерно. Большинство населения концентрировалось в ходжентско-присырдарьинском оазисе. Здесь в городе Ходженте, 30 поселениях и дачных местах в 1905 г. зарегистрировано около 62 тыс. человек (Список, 1906, с. 102—103). Они составляли два экономические подрайона с центрами в городе Ходженте и в городке Костакозе. На рубеже XIX — XX вв. образовался третий подрайон с центром в городке Исписар. Более 50% населения района проживало в самом городе Ходженте. Около 11 тыс. человек населяли Костакоз и Исписар. Этот оазис также отличался высоким уровнем плотности населения. Так, в пригородной Унджинской волости в каждом квадратном версте в 1917 г. проживал 164,6 человек, а в Костакозской волости — 90,1 человек (Материалы, ч. I, вып. 6, 1924, с. 20). В Гулякандозском оазисе размещались пять селений. Они образовывали экономический микрорайон Гулякандоза с административным центром в одноименном крупном торгово-ремесленном селении. В них проживало около 5,5 тыс. человек (Список, 1906, с. 103). На одну квадратную версту приходилось 36,5 человек (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 20). В южном ущелье речки Ходжа Бакиргана находились 7 селений, в которых жили около 2900 человек (Список, 1906, с. 103). Из числа их, селения Аучи и Калача входили в состав Костакозской волости, а остальные пять селений образовывали Бешкентское сельское общество Чапкулукской волости. Бешкентский экономический микрорайон как таковой сложился в самом начале XX века. Его центром стало селение Тагоб. Плотность населения в этом микрооазисе равнялась 29,3 человек на одну квадратную версту (Лыкошин, 1905, с. 21).

Почти вся средняя предгорная равнина Ходжентского района, представляла незаселенную обширную целинную и залежную степь. Возможно ее незаселенность обуславливалась недостачей воды и неудобством использования реки Ходжа Бакиргана, имевшей здесь глубокое русло и высокие берега. В конце прошлого столетия крупный ходжентский землевладелец Ходжа Амин основал посреди степи дачное место. Позднее на базе этого

и других дачных мест в этой степи возникли поселения Дашти Амин и Котма.

Большинство населения Ходжентского района составляли таджики, которые сплош населяли ходжентско-присырдарьинский оазис. Они и являлись прямыми потомками коренных жителей района. Узбеки составляли не более 15% населения всего района и делились на две большие этногруппы. Дештикипчакские узбски населяли Гулякандозский оазис, а также кишлак Катаган, частично Исписар, Курук ходжентско присырдарьинского оаизса. Они принадлежали к разным этногруппам — «кураминцам», «юзам», «кипчакам», «туякли», «уязам», «катаган», «кирк», «овчи», «хтай». В Бешкентском оазисе жили узбеки группы «тюрк». Северную и южную скотоводческую округу Ходжентского района населяли киргизы.

Главным занятием населения района являлось поливное земледелие. В трех группах оазисов Ходжентского района, соответственно входивших в три природных пояса издавна естественные условия определили традиционные хозяйственные занятия населения. В ходжентско-присырдарьинском оазисе земледелие носило многоотраслевой характер с делением на зерноводство, хлопководство, также на садоводство, виноградарство, животноводство и шелководство. По статистическим сведениям, собранным А. А. Кушакевичем в 1872 г. главными культурами сельского хозяйства ходжентско-присырдарьинского оазиса были пшеница, джугара, фрукты, хлопок, рис, овощи (1872, с. 188—201). Население Гулякандозского оазиса занималось производством зерна, хлопка. Садоводство и виноградарство имело побочное значение. В Бешкентском оазисе возделывали рис, разводили сады, занимались скотоводством. Население скотоводческих округов разводили овец и крупный рогатый скот.

Внутри района реализация сельскохозяйственных продуктов производилась, как посредством купли-продажи в рынках, так и путем простого товарного и натурального обмена. Хлопок, коконы и фрукты вывозились в соседние районы и Ташкентскую область, Восточную Фергану и Зерафшанскую долину. Жители города Ходжента, городков, торгово-ремесленных селений были заняты ремесленным производством. В селениях были распространены бумажный ткацкий промысел, маслоделие, выделка виноградной патоки, изготовление шерстяных и пуховых изделий, носившие в основном характер домашней промышленности.

На рубеже XIX — XX вв. усилились экономические контакты

внутри каждого микрорайона и происходила их специализация. Выделились хлопководческий, шелководческий, огороднический, садоводческий и виноградарский Ходжентский, Исписарский, Костакозский подрайоны, по производству хлопка, джугары и бобовых Гулякандозский микрорайон, рисоводческий Бешкентский микрорайон. Специализация микрорайонов по производству продуктов земледелия вела к разрушению натуральных основ хозяйства и развитию товарно-денежных отношений внутри исторически сложившегося района. На базе дальнейшего разделения труда между микрорайонами происходила специализация Ходжентского района по производству хлопка, коконов и фруктов.

Ура-Тюбинский район. Образовался у подножья западной, понижающейся части Туркестанского хребта, в долинах четырех горных речек снегово-грунтового питания Сойи калон (или Ура-Тюбесай), Басмандасай (или Янги арык), Шахристансай и левого рукава Аксу. Основную часть питьевой и орошаемой воды давали многочисленные ключи. Их воды протекали по руслу речек и разбирались в арыки. Вдоль речек и вокруг ключей района сложились большие и мелкие оазисы земледельческого населения — Ура-Тюбинский, Ганчинский, Шахристанский, Басмандинский, Дальянский, Ростровутский, в которых находились 134 поселения. Вокруг оазисов расселялось скотоводческое население. Речка Ура-Тюбесай и ее ключи снабжали город Ура-Тюбе и 67 селений, Басмандасай — 45 селений, Шахристансай — 22 селения (Статистический ежегодник, 1924, с. 132—1333). Население района было взаимосвязано на юге с Фальгарским, Матчинским, Ягнобским и Фанским районами, Верхнего Зерафшана, на западе с Джизакским районом, на севере с Ташкентской областью и на востоке с Наусским районом.

Ура-Тюбинский район, имевший площадь более 4000 кв. км, грядой Коктуш (или Ура-Тюбинской) и ее холмами, протянувшимися с запада на восток серединой его территории делился на южную, центральную и северную части. Между сдвинутыми к северу двумя дугообразными отрогами гряды Коктуш, в долине речки Сойи калон располагалась центральная часть района с Ура-Тюбинским оазисом. Здесь находились город Ура-Тюбе и его волость с 44 селениями. Южная часть района представляла предгорную степь. Там, в верховье речки Сойи калон и ее притоков Кармиш, Шаршара и Кизик располагался Дальянский оазис с 24 селениями. Центром его экономического микрорайона сложившегося в начале XX в. являлся ремесленное селение

Дальёни поён. Северную часть Ура-Тюбинского района занимала покатая степь, называемая по имени этногруппы узбеков «Дашти Кизили» (Степь Кизили). В ней была заселена та часть, которая тяготела к Ура-Тюбинскому оазису. Там, в пойме арыков и вокруг ключей находились 10 селений и дачные места жителей города Ура-Тюбе. Каждое из селений образовывало микрооазис.

К востоку от долины речки Сойи калон находилась параллельная ей долина речки Басмандасай, состоявшая из трех частей. Басмандасай орошал значительные площади почти на всем протяжении от селения Аучи до кишлака Куркат включительно — около 80 км (Билалов, 1972, № 2, с. 32). В центральной части долины, ограниченной с юга грядой Дахана находился Ганчинский оазис с 13 селениями и скотоводческой округой. Они в конце XIX — начале XX вв. образовали экономический подрайон с центром в городке Ганчи — Газандарак. В южной части долины, в ущелье речки Басмандасай и вокруг выбивавшихся в предгорной зоне ключей, находился Басмандинский оазис с 10 селениями. Центром экономического микрорайона Басманда, также образовавшегося в конце XIX — начале XX вв. стало торгово-ремесленное селение Панджанбе (или Калъаи Мирзобай).

К юго-восточному углу Ура-Тюбинского района, в долине левого рукава речки Аксу находился глухой Ростровутский оазис с селениями. Ремесленно-торговая деятельность жителей была связана с селением Панджшанбе.

В западной части Ура-Тюбинского района в долине Шахристансая, образовался одноименный оазис с 22 селениями и аулами. Центром экономического микрорайона Шахристана, сложившегося в конце XIX в. являлось одноименное торгово-ремесленное селение Шахристан, располагавшееся на месте столицы раннесредневековой Уструшаны. В северной нижней части долины Шахристансая находился Чаканский оазис с группой селений. Они составляли отдельный экономический микрорайон с центром в селении Чакан. Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. в Ура-Тюбинском районе, являвшегося раньше одной экономической единицей, образовался один подрайон и три микрорайона.

Весьма неравномерно размещалось население на большой территории Ура-Тюбинского района. В оазисах, питавшихся весной снеговой водой, а в остальное время многочисленными родниками постоянно ощущалась острая недостача воды. И характер расселения населения зависел от количества воды. По

приблизительным подсчетам в 1888 г. в районе было более 28,8 тыс. человек. Из них 9,4 тыс. человек или 32% составлял городское население Ура-Тюбе (Сборник, 1890, с. 229—246). В 1905 г. по Ура-Тюбинскому району отмечено 68 тыс. человек. Из них 33,6 тыс. (или около 50% населения района) концентрировался в Ура-Тюбинском оазисе, в том числе в городе проживало 25,4 тыс. человек или 37%, а в пригородах его расселялись более 8,2 тыс. человек. В Дальянском оазисе проживало около 9,5 тыс. человек. Из них около 1,5 тыс. человек (или 15%) населял большое селение Дальёни поён. В селениях северной части долины речки Сойи калон жили около 7 тыс. человек. Таким образом, в долине этой реки, являвшейся главным естественным оросителем района, концентрировался более 40,5 тыс. человек или около 60% населения всего района. В долине речки Басмандасай расселялось более 8,2 тыс. населения. Из них в Ганчинском оазисе проживало 4,2 тыс. человек, Панджшанбинском оазисе 2,5 тыс. человек, в микрооазисах северной части долины — около 1,5 тыс. человек Третье место по численности населения в районе занимала долина Шахристансая, где проживали почти 8 тыс. человек (Список 1906, с. 107—111). Долина левого рукава речки Аксу была слабо заселена. Там в 4 селениях Ростовутского оазиса проживало около 1,5 тыс. человек.

На 1 кв. версту по волостям приходилось: в Ура-Тюбинской —57,1 человек, Басмандинской — 29,9, Ганчинской — 21,6, Дальянской — 12,4, Шахристанской — 9,4 человек (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 20).

Большинство населения Ура-Тюбинского района составляли таджики. Они сплошь населяли Ура-Тюбинский, Дальянский оазисы и составляли подавляющую часть населения Басмандинского, Ростовутского оазисов. Среди таджиков района выделялись группы населения Дальянского, Басмандинского и Ростовутского оазисов, называвшиеся «ғалча» (горные). Дештикипчакские узбеки населяли Ганчинскую, Шахристанскую и северную часть долины речки Сойи калон, составляя от 63 до 86% их жителей. Группа «тюрков» расселялась в предгорной зоне Шахристанского, Дальянского и Басмандинского оазисов и в кишлаке Чорбог Ура-Тюбинского оазиса.

Основными занятиями населения Ура-Тюбинского района являлись полеводство и скотоводство. Однако, природные условия среднегорного умеренного пояса, недостача воды в отличие от Ходжентского района в Ура-Тюбинском районе не позволяли возделывать хлопчатник, рис и развести шелковичного червя.

Продукты этих отраслей привозились из Ходжентского и Науского районов. Выращивали во всех оазисах Ура-Тюбинского района пшеницу, ячмень, джугару, масличные растения. Виноградарство, садоводство и огородничество имели товарное значение в хозяйствах населения центрального Ура-Тюбинского, Ганчинского и прилегавших к ним с севера оазисов. В оазисах расположенных к югу от гряды Коктуш эти три отрасли полеводства не было распространено. По рассказам информаторов, в начале XX в. в Басмандинском, Ростовутском, Дальянском и Шахристанском оазисах садоводством, огородничеством занимались изредка, только любители. Вместе с тем, раскинувшийся с юга высокогорный, лугово-степной пояс Туркестанского хребта создали благоприятные возможности развитию товарного скотоводства и зерноводства в названных оазисах. Наряду с выращиванием зерна, равное значение имело разведение скота в хозяйствах таджикского населения. Нельзя согласиться с мнением И. А. Стеценко о том, что «полеводством в основном занималось оседлое население, а скотоводством — кочевое» (1963, с. 9). Из сельскохозяйственных товаров в соседние районы и области вывозились уратюбинский изюм, кишмиш, пшеница и ячмень, гоняли стада овец и табуны лошадей. Основным потребителем ура-тюбинского зерна являлось население Фальгарского, Матчинского, Ягнобского, Фанского районов Верхнего Зерафшана (Федченко, Заметки, с. 50—51). В начале XX в. Ура-Тюбинский район специализировался как скотоводческий. Была известна порода ура-тюбинских лошадей. В городе Ура-Тюбе, городке Ганчи-Газандарак и торгово-ремесленных селениях Шахристан, Панджшанбе, ремесленных селениях Сарахсиён, Сандукандак, Куйи равгангарон развивалось и ремесло, находившееся на разных ступенях своего развития.

Исфаринский район. Образовался на северном склоне высокой восточной части Туркестанского хребта, в межгорной долине речки Исфарасай, бассейн, которой 3240 кв. км. Население Исфаринского района было связано с юга киргизскими аулами предгорья Туркестанского хребта, лежащими за ним верхними кишлаками Матчинского района, с севера жителями Канибадамского района, с востока с поселениями бассейна реки Сох и киргизскими аулами Баткента, с запада киргизскими аулами Лайлака. Район понижался с юга на север с 1400 до 700 м тянулся на 60 км от ущелья Ворух в верховье реки Исфарасай до межгорного прохода Дахана, у которого она выходила в присырдарьинскую равнину. Самой приспособленной для жизни

частью района явилась долина речки Исфарасай, в которой образовался сплошной массив оазиса. Естественный ороситель района — речка Исфара питался от ледников и снегов Туркестанского хребта. Два ее главные притока, называемые Каравшин и Кшемиш, сливались ниже городка Ворух. Темно-серая от плодородной мути студенная вода быстротечного Исфарасая разбиралась в многочисленные каналы и арыки, в зонах орошения которых располагались поселения. Максимум стока относился к июлю — августу, т. е. к тому периоду, когда вода более всего была необходима для посевов, а минимум к марту — апрелю. Ежегодно в долине реки наблюдались селевые потоки.

Долина Исфары делилась на три части: южную — верхнюю, среднюю и северную — нижнюю. Верхняя Исфара начиналась у урочища Беди катор, выше городка Ворух и кончалась ниже селения Зумрадшох, в местности, называемой Пули хисор. В этой части речка текла то по теснинам, образуя в двух местах межгорные проходы Тангии Ворух и Тангии Сур, то между обступившими ее горами и обширными речными террасами. В верхней Исфаре находились 11 поселений. Ниже Пули хисора ,в средней Исфаре, долина значительно расширялась на восток и запад. Эту часть оазиса окружали невысокие разноцветные кряжи и холмы, называемые Кухи сиёх (черные горы), Кухи сурх (красные горы), Кухи зард (желтые горы), Сангбур (Каменетес), Хазина хона (сокровищница) и Чилдухтарон (сорок дев). Значительную часть средней Исфары составляла правобережная Лякканская равнина, простирающаяся на 35 км, шириной 6 км. На обоих берегах речки, у подошвы холма Чилдухтарон располагался город Исфара. Далее на восток, у подножья холмов Чилдухтарон, Сангбур и на склоне противоположного кряжа Гузлон находились 11 поселений. Левобережье средней Исфары представляло сухую степь, повышающуюся и растягивающуюся на запад. В ней находились только 3 селения. В нижней Исфаре, как и в верхней, речка прорывалась сквозь теснину наступающих холмов и гряд. Она начиналась выше правобережного селения Ханабад и левобережного Араб-кишлак, заканчиваясь ниже селения Зардхок у выхода речки из ущелья на присырдарьинскую равнину. В нижней Исфаре располагались 6 селений.

По статистическим сведениям 1907 г. в 28 поселениях Исфаринского района отмечено 18,2 тыс. человек населения (Список, 1909, с. 52—53). Большая часть из них — около 10 тыс. человек — населяла среднюю Исфару, причем главным образом правобережную Лякканскую равнину. В городском центре — Исфаре проживало около 5,1 тыс. человек (или 28 процентов населения района). В Верхней Исфаре было зарегистрировано более 7 тыс. человек. Из них 3,3 тыс. населяли городок Ворух, около 1,8 тысяч человек городок Чорку. Таким образом в г. Исфаре и городках Ворухе, Чорку размещалось более половины населения района. В Нижней Исфаре расселялось 1,2 тысяч человек. Экономически они тяготели к городу Исфаре. В районе в целом плотность населения достигла 210 человек на 1 квадратную версту (Материалы, вып. 4, 1924, с. 39). Таджики составляли 81,6 процента, узбеки — 9,5 процента, киргизы — 8,0 процента населения района («Современный кишлак Средней Азии», 1927, с. 10). В составе населения района выделялось этническое подразделение таджиков «ғалча», являвшиеся потомками переселенцев из Матчинского района. Узбеки происходили из соседнего Кокандского и Бешарыкского районов.

По данным на 1902 год, в процентном отношении на орошенных землях занимали посевы: первое место — рис (27 процентов), второе — сады и виноградники вместе с усадьбами (7,4 процента), затем хлопок (1,4 процента), клевер (0,6 процента). Всего было 11033 десятин орошаемых, 202 десятин богарных земель (Назаров, 1912, с. 48—49, 140). Из бахчево-огородных культур выращивали дыни, арбузы, тыквы, морковь, лук, редьку. Позднее, как и в Ходжентском, Науском районах, в Исфаре стали разводить свеклу, капусту, рену, огурцы, помидоры, картофель и хрен, сначала покупаемые русскими, а затем и местным населением. Значительные земельные участки занимали посевы масличных растений и марены. Хлопок в небольшом количестве возделывали в нижней Исфаре. Скотоводство с земледелием сочетало в своих занятиях население верхней Исфары. В целом же по Исфаринскому району животноводство являлось уделом киргизского населения района. Кроме внутреннего товарного обмена, исфаринский урюк, рис, кунжут, махсар в значительном количестве отправлялись в Канибадамский, Кокандский и Сохский районы.

Канибадамский район. Образовался в западной части низовьев речки Исфарасай, у подножия кряжи Кухи сиёх, на покатой к северу равнине, переходящей в древнюю террасу Сырдарьи. С юго-востока и юга к району поступали понижающиеся холмы, а с юго-запада крутые скалы горы Кухи сиёх, высотой до 1300 метров. С запада к району прилегала небольшая пустынная степь, называвшаяся Хо-дарвеш и Кайрак-кум. Сыпучие

барханы пустыни по направлению господствующих ветров нередко двигались на восток, в пределы Канибадамского района и засыпали поля, сады, селения. (Троицкая, 1968, с. 90; Масальский, 1913, с. 31). Жизненно важной частью района являлась обширная равнина с плодородным лессом. Она местами была размыта селями, следами которых являлись овраги и сухие русла. К северу от района на правом берегу Сыр-Дарьи и на юге в предгорьях Туркестанского хребта расселялось скотоводческое население, тяготевшие к его экономическим центрам.

Население Канибадамского района было связано с жителями соседних Ходжентского, Исфаринского, Аштского и Бешарыкского районов.

Район орошался речкой Исфара. Водозаборы каналов находились на юго-восточной окраине района, у выхода речки из тесного ущелья на равнину. Каналы веером расходились на северо-запад в Канибадамский район и на северо-восток — в соседний Бешарыкский район.

В зоне орошения каналов в Канибадамском районе образовались пять групп больших и малых оазисов, в которых находились город Канибадам и около двух десятков поселений. По статистическим сведениям 1907 г. в Канибадамском районе всего отмечено почти 30 тыс. человек (Список, 1909, с. 53—56). Из них 15 тыс. человек (или 50% населения района) проживали в г. Канибадаме, более 3,5 тыс. человек в 7 пригородных селениях, которые вместе с первым составляли единый большой оазис. В 4 поселениях Кушкакского оазиса, расположенного к западу от города Канибадама было зарегистрировано 4,7 тыс. человек. Третья группа населения в числе 3 тыс. человек жила в 3 поселениях Махрамского оазиса, находившегося к западу от Кушкака. Крайний западный Каракчикумский оазис состоял из одного селения с населением около 1,8 тыс. человек. Вокруг ремесленно-торгового селения Рават образовался микрооазис в юго-восточном углу Канибадамского района. В нем проживало 1,7 тыс. человек. Кушкакский оазис составлял экономический подрайон, а остальные микрорайоны. Центрами таковых являлись городок Кушкак, торгово-ремесленные селения Махрам, Каракчикум, Рават. Плотность населения в районе составляла 159 человек на 1 квадратную версту (Материалы, вып. IV, 1924, с. 159). По материалам переписей 1917 г. 73% населения Канибадамского района являлись таджиками, 25,5% — узбеками.

Основным занятием населения Канибадамского района являлось многоотраслевое полеводство: зерноводство, хлопководство, садоводство и огородничество, шелководство, а также скотоводство. Сбыт продуктов сельского хозяйства осуществлялся в форме купли-продажи, товарного и продуктивного обмена. Хлопок, овощи, коконы вывозились в Аштский и Исфаринский районы, а урюк реализовался и в других областях Средней Азии. В конце XIX — начале XX в. большое промышленное значение приобрели хлопководство и садоводство. Было развито городское и сельское ремесло.

Аштский район. Раскинулся на северо-восточной окраине Северного Таджикистана. Аштский район находился в узле таких жизненно важных и разных по хозяйству и этническому составу областей и районов, как Ташкент с запада, Наманган и Чуст с северо-востока; Коканд, Бешарык, Канибадам с востока. Территория района длиною около 80 км, шириною местами 50 км, ограничена с запада главным хребтом Кураминских гор, с севера — его предгорьями, с востока — горкой Супетау и присырдарьинскими холмами, с юго-востока — грядой отделяющий район от селения Самгар Ходжентского района. В рельефе района выделяется западная горная часть и восточная предгорная равнина. Последняя занимает значительную площадь. Ущелья горных речек и средняя полоса предгорной равнины, где выбивались многочисленные ключи, явились приспособленной для жизни. По дну горных ущелий текли маловодные речки, питавшиеся снегами вершины Бобои об. Пригодными для орошения речками явились Аштсай, Пангазсай, Ашабасай, Пунуксай и Даханасай. В ущелье, предгорной долине речек и на равнинах вокруг ключей возникло несколько оазисов. По характеру географического расположения и источникам воды, оазисы Аштского района делились на три зоны: горноущелевые, предгорные и равнинные.

Большой сплошной массив оазиса находился в горной и предгорной долине речки Пангазсай. В нем размещались два экономические подрайоны с 6 крупными кишлаками, центрами которых были городки Пангаз и Шайдан. В низовья Пангазсай, в средней полосе равнины на водах многочисленных ключей сложился Камышкурганский подрайон с 10 селениями и скотоводческой округой. Его торгово-ремесленным центром был городок Камышкурган.

Жизненно важной являлась речка Аштсай, в предгорной долине которой находился одноименный большой оазис с экономическим подрайоном, вокруг городка Аштт. В низовье Аштсая, на равнине вокруг ключей образовался Акджарский оазис с 12 селениями и скотоводческой округой. Центром экономического

микрорайона Акджара было селение Джаркурган (или Акджар). В предгорной части долины речки Пунуксай в крайней северной границе Аштского района располагался Пунукский оазис с 4 селениями. Они экономически тяготели к соседнему Акджарскому оазису.

Третья группа оазисов находилась в долине крайней южной речки района — Даханасая. В горной части долины располагались 2 селения, за узким межгорным проходом, в предгорной части долины — 4 селения. Два отдельные микрооазиса образовались в предгорной части долины речек Ашабасай и Гудассай. Вероятно, географическая разобщенность оазисов и дробление на экономические микрорайоны являлась одной из причин отсутствия крупного городского центра в Аштском районе.

Население Аштского района делившегося на оседлое, полуоседлое и кочевое, размещалось неравномерно по большим и малым оазисам и прилегавшим к ним скотоводческим округам. По статистическим сведениям 1907 г. в Аштском районе исчислялась всего 24,5 тыс. человек (Список, 1907, с. 120—122). Из них 5,7 тыс. человек или более 23% населяли Пангазский оазис, около 4,7 тыс. человек или 19% жили в Аштском оазисе. В равнинной части района наиболее населенным был Камышкурганский оазис, где отмечено 3,4 тыс. человек. В ущелье Даханасая проживало 0,8 тыс. человек, а в его предгорном оазисе—2,3 тыс. человек. В равнинном Акджарском оазисе зарегистрировано 2,5 тыс. человек. Предгорные микрооазисы Ашаба населяла 2,4 тыс. человек. Пунук — 1,7 тыс. человек, Гудас — 0,9 тыс. человек.

Большинство жителей Аштского района были таджики: в Бабадарханской волости они составляли — 76,5% населения, а в Аштской — 61,5%. Узбеки населяли Акджарский и частично Камышкурганский оазисы, сплош Ашабинский микрооазис (Материалы, вып. IV, 1924, с. 54).

По сведениям 1901 г. орошаемые земли в оазисах Аштского района составили 8785 десятин. Население возделывало зерно, выращивало фрукты. Доходными статьями садоводства являлась продажа яблок, тута, грецкого ореха. В равнинном Камышкурганском и Акджарском оазисах сеяли хлопок. Скотоводство было развито в верхних кишлаках горных ущелий. Им занималось узбекское население вокруг равнинных оазисов. Основными отраслями ремесла являлись кузнечное дело, выделка паласов, бумажных материй, изготовление тутового бекмеса и муки.

Пенджикентский район. Располагался в широкой части верхней долины реки Зерафшан, на ее террасах и предгорных равнинах Зерафшанского и Туркестанского хребтов. В районе Пенджикента ширина долины Зерафшана составляла 15 км, а уровень реки 900 м («Таджикская Советская Социалистическая Республика», 1974, с. 46). С юга и востока прилегали исторически сложившиеся районы Магиян, Кштут, с севера Офтобруя, а в 60 км к западу находился город Самарканд. Подступающие к реке Зерафшан с юга и севера горы и гряды разделили Пенджикентский район на две группы оазисов: центральный — с городом Пенджикентом и прилегавшими к нему с запада и востока 17 селениями и пригородными дачными местами и дальными кишлаками; южный предгорный с 24 кишлаками.

Оазисы питались водами мелких горных притоков Зерафшана, вытекающих из ледников и снегов Зерафшанского хребта, а также грунтовыми водами многочисленных ключей. Вода Зерафшана использовалась только для орошения посевов риса на низких террасах и в поймах реки. Рисовые поля назывались «кўрук». Основную часть района орошала горная речка Магиян.

По данным в 1888 г. в городе Пенджикенте и его окрестностях проживало около 7,8 тыс. человек (Сборник, 1890, с. 99—102; Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 39, 54). В 1905 г. в Пенджикентском районе зарегистрировано 16 тыс. человек населения. (Список, 1906, с. 29—30). Наиболее густо был заселен центральный Пенджикентский оазис, который пересекала большая дорога, связывавшая верховья Зерафшана со средней и нижней частью долины.

Жители оазисов Пенджикентского района сеяли рис, пшеницу, выращивали овощи, дыни, фрукты. В 1888г. на 640 танапах виноградников Пенджикентской волости было собрано 736 тыс. пудов винограда (Сборник, 1890, с. 382). Пенджикент являлся одним из скотоводческих районов. Из сельскохозяйственных продуктов в соседние районы и области вывозились рис и фрукты.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РЕСУРСАХ, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ ЗАВЕДЕНИЯХ И ПУТЯХ СООБЩЕНИЯ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Издревле ремесленное производство Средней Азии основывалось на различных местных ресурсах — земледельческом и животноводческом сырье, полезных ископаемых. Население Ход-

жента в XIX — начале XX вв. в Карамазарских горах в незначительном размере добывали железную руду, камень для мельничных жернов. Месторождение железа под Ташкентом в начале XIX в. считалось менее изобильными, чем в горах под Ходжентом (М. Е. Массон, 1953, с. 60). В этот же период железную руду добывали в горах к юго-востоку от Ура-Тюбе. Там же были отмечены и залежи меди (Вебер, 1913, с. 143). Чугунолитейщики Канибадама добывали руду в местности Хазрати Довуд в предгорье Туркестанского хребта. Магнитный железняк получали в Исфаре, в пещере Конигут (М. Е. Массон, 1971, с. 39). Большое число средневековых железных руд располагалось на юго-западных склонах Чаткальского и Кураминского хребтов ми железа связаны традиции кузнечного дела в Аште, ремесленники-отходники из которого снабжали своими изделиями почти всю Ферганскую долину и Ташкент. Однако, в изучаемый период ремесленники, в основном использовали привозные металлы из России и металлические ломы. В 5 км к югу от перевала Кандирь давван было известно месторождение меди (Вебер, 1913, с. 86). В XIX веке в урочище Кокинсай, в 40 км к югу от Ходжента действовала угольная копь (Венюков, 1873, с. 126). В 1868—1871 гг. здесь было добыто 40 тысяч пудов угля (Масальский, 1913, с. 175). В 1903—1904 гг. начали действовать каменноугольные копи в Сулюкте (Лыкошин, 1905, с. 60) и Шурабе. Каменный уголь добывали и в Кштут-Зауранском месторождении Пенджикентского района. Были известны залежи меди и свинца в Магияне, Шинге, железного купороса на берегу Зерафшана (напротив Пенджикента). Медное и серебро-свинцовое месторождения находились и в горах Моголтау, в урочище Кансай, близ Ходжента и около города Ура-Тюбе (Масальский, 1913, с. 176). Медь добывалась из Наукатского месторождения, расположенное вдоль Сыр-Дарьи на протяжении около 20 км между Ходжентским и Канибадамским районами (Бубнова, 1975, с. 34). По народным преданиям, раньше на берегу Сыр-Дарьи, около кишлаков Чуш, Куланбош Науского района действовали промыслы, производившие песочное золото. Это предание подтверждается сведениями переданных тогдашними освоителями царской России (Бубнова, 1975, с. 15).[1] В 40 км к

[1] К сожалению, в интересной работе М. А. Бубновой эти и ряд других географических названий Северного Таджикистана остались не отождествленными. Ряд местностей неправильно локализованы, термины неверно переведены (с. 11, 19, 28, 32, 35, 37).

северо-востоку от Ходжента, в горах Карамазара находилось месторождение бирюзы, представлявшие два кварцевых холма, расположенных среди порфировых гор (Массальский, 1913, с. 178). Бирюза также добывалась близ г. Исфары (Бубнова, 1975, с. 36). До 1876 г. ежегодно 5 тыс. пудов селитры добывалось в залежах Курганчи Рабат Бабадарханской волости (Вебер, 1913, с. 93). Разработка серы, селитры, кварца велась около Ходжента, Ура-Тюбе и Пенджикента (Бубнова, 1975, с. 34—35).

Строительными материалами — разноцветными глинами, минеральными красками, алебастром, кварцевым песком, также углем, нефтью, озокеритом был богат Исфаринский район. На горе Гузлон в Средней Исфаре были обнаружены залежи меди (Вебер, 1913, с. 119). Значительно месторождение соли находилось в Аштском районе. Так, в Бардым-кульском ущелье в гряде Акчон в 35 км к северо-востоку от кишлака Самгар запас соли составлял 273,6 млн. пудов. В Камыш-курганских соляных источниках в 1895 г. было добыто около 479 тыс. пудов соли (Вебер, 1913, с. 89). Соль в большом количестве добывалась в озере Аксукон, имевшее длину более 1,5 км, ширину 0,5 км. В 1889 г. здесь было получено 3 тыс. пудов поваренной соли и 7 тыс. пудов соли для корма скота (Обзор Ферганской области, 1889, с. 21). В местностях Сари Хусейн (Кушакевич, О гончарном производстве, 1872, с. 197) и Курганча Гулякандозской волости находились месторождения кварцевого песка — «кум тош», использовавшегося ходжентскими и ура-тюбинскими гончарами для выделки фаянсовых изделий.

Степи и горы Северного Таджикистана также являлись местами пастбищ, сбора топлива (верблюжьей колючки, древесного угля, арчи), лекарственных растений, красильных веществ, стебли тысячеголова для веников в червоводне. Узбеки Ура-Тюбинского и Канибадамского районов, как и в Зерафшанской и Кашкадарьинской долинах (Гребенкин, 1872б, с. 76; М. Е. Массон, 1973, с 63), в конце весны с верблюжьей колючи — кара-янтак собирали шакар, т. е. отвердевший сладкий сок растения — туранджбин.

После присоединения Средней Азии к России в северных районах Таджикистана возникли заведения фабрично-заводского типа. В 1867 г. в г. Ходженте была создана первая в крае шелкомотальная фабрика (Костенко, III, 1880, с. 76). В 1873 г. Московско-Ташкентским товариществом была открыта новая шелкомотальная фабрика с одной паровой машиной. На фабри-

ке размотчиками коконов работали около 100 человек из местных жителей, русских мастеров, рабочих, подсобных работников (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2319, л. 8). В начале 80-х годов прошлого века функционировала шелкоткацкая фабрика, принадлежавшая Мочалову (Там же, ф. I, оп. I, д. 1138, л. 7). Названные фабрики действовали недолго, поскольку для их существования в крае тогда еще не созрели условия, не было подготовленных работников. Это были искусственно насажденные предприятия с целью наживы в феодальной стране.

Первый хлопкоочистительный завод был открыт в 1890 г. в Унджинской волости около Ходжента местным предпринимателем М. Алибаевым. В нем работали 25 рабочих, действовали 1 водяной двигатель, 5 джинов, обрабатывалось 14 тыс. пудов американского хлопка в год (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1429, л. 125). Второй завод был открыт в г. Ходженте в 1891 г. В нем постоянно работали 45 человек. Еще два хлопкоочистительные заводы вступили в строй в 1891—1892 гг. в Унджинской волости (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1429, л. 124, 128—129). В начале века в Унджинской волости работали 4 хлопкоочистительных заводов (Адрес-кадендарь Самаркандской области, IX, 1901, с. 134). Около кишлака Дигмай Гулякандозской волости работал стеклозавод, выпускавший 80 тыс. бутылок в год (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1429).

В 1916 г. в Ходжентском уезде было 21 фабрично-заводских заведений: 11 хлопкоочистительных, 3 кишечно-моечных, 3 винодельческих, 2 кирпичеобжигающих, один маслобойный, 1 кожевенный. Из них 6 заведений находились в г. Ходженте. Они обрабатывали хлопок-сырец, кишки, кожи, шкуры. Названное сырье доставлялось из пределов Ходжентского уезда. Всех рабочих и служащих было 90 человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 30, л. 23). В г. Ура-Тюбе действовали винодельный, два кирпичеобжигающих, кишечно-моечный и кожевенный заводы (Справочник Самаркандской области на 1914 г., X, 1914, с. 133).

Несколько хлопкоочистительных и маслобойных заводов работали в Канибадамском районе. Вблизи г. Канибадама находился асфальтовый завод. Его годовая добыча составляла 19,2 тыс. пудов (Обзор Ферганской области, 1889, с. 20). Таким образом фабрично-заводские заведения на которых работали не только русские, но и местные жители, ознаменовали собой новое явление в хозяйственной деятельности населения Северного Таджикистана.

Оживились пути сообщения: внутрирайонные, межрайонные,

межобластные. Дороги делились на почтовые, колесные и для движения вьючных животных. Средствами транспорта служили знаменитые ферганские повозки — «қўқанд ароба» (кокандская арба), вьючные животные — лошади, ослы, волы и верблюды. По межрайонным и внутрирайонным путям Северного Таджикистана использовался колесный транспорт и верблюжий караван. В горных тропах Кураминского, Туркестанского и Зерафшанского хребтов средствами транспорта служили вьючные животные. Внутри исторически сложившихся районов пролегали многочисленные проселочные дороги, связывавшие город, городки, торгово-ремесленные, ремесленно-торговые селения, кишлаки, экономические микрорайоны. Город Ходжент со своими пригородными селениями и дачными местами общался семью дорогами. Две из них связывали с восточными пригородными селениями и дачными местами, одна с юго-западными пригородными селениями и четыре с южными и юго-восточными дачными местами горожан. Большой юго-восточной дорогой Ходжент сообщался с городками Исписар, Костакоз, торгово-ремесленным селением Тагоб, их экономическими микрорайонами. Другой большой юго-западной дорогой осуществлялся обмен Ходжента с торгово-ремесленным селением Гулякандоз и его экономическим микрорайоном. Юго-восточная и юго-западная дороги также служили межрайонными, межобластными путями сообщения Ходжента с Науским, Ура-Тюбинским районами, Ферганой и Самаркандом. Через переправу на Сыр-Дарье шла дорога на северо-запад, в Ташкент.

Город Ура-Тюбе сообщался со своими пригородными селениями, дачными местами и экономическими микрорайонами также семью дорогами. Северная, юго-восточная и южная дороги связывали г. Ура-Тюбе с городком Ганчи-Газандарак, Шахристан, торгово-ремесленным селением Панджшанбе, ремесленным селением Дальёни поён и их экономическими микрорайонами. Северной дорогой и ее ответвлениями осуществлялись связи Ура-Тюбе с Науским, Ходжентским, Ташкентскими районами. По западной дороге — сообщались с Зааминым, Ямином, Джизаком и Самаркандом, по юго-восточной дороге, через горные перевалы Оббурдон, Камодон с поселениями Матчинского района.

Городок Нау находился в узле четырех основных внутрирайонных, межрайонных и межобластных дорог. Через северо-западной, западной дорогами Нау имел сношения с ближайшим узбекским городком Беговатом, кишлаком Куркатом, южной до-

рогой и его ветвями с торгово-ремесленным селением Исфане и кишлаками Лангар, Тагаяк, восточной дорогой с кишлаками Куштегирман, Казнок, Октеппа.

От города Канибадама к его пригородным селениям, экономическим подрайону и микрорайонам, дачным местам тянулись шесть дорог: две параллельные на запад к городку Кушкак, торгово-ремесленным селениям Махрам, Каракчикум и тяготевшим к ним кишлакам: на север с ответвлениями к кишлакам Шахид кара-янтак, Курганча, Кайрогочи, четвертая дорога вела на северо-восток к торгово-ремесленному селению Калпаса и прилегавшим к нему сельским поселениям, пятая — на восток через дачное место Галча Мулло к торгово-ремесленному селению Рават, шестая выходила к южным садам, пашням горожан и шла в Исфару. Через все описанные дороги осуществлялись и межрайонные, и межобластные связи Канибадама и его района с Ходжентом, Исфарой и через переправу на Сыр-Дарье — с Аштом и Кокандом.

Город Исфара сообщался с пригородными селениями, городками, экономическими подрайонами и микрорайонами двумя восточными, двумя параллельными южными, одной северо-западной и двумя параллельными северными дорогами. Из них южными дорогами Исфара соединялась с городками Чорку, Ворух и горняцким поселком Шураб. Одна из восточных дорог уходила в соседний киргизский Баткентский район и далее в таджикскую Сохскую долину. Вторая восточная дорога через горный кряж Гузлон шла в Коканд. Исфара с Канибадамом связывалась двумя дорогами: одна направлялась на северо-запад и пересекала гряду Кухи сиёх, другая вдоль берега речки выходила к торгово-ремесленному селению Рават.

Городки и экономические подрайоны Аштского района были соединены одной главной дорогой и ее ветвями. Одновременно эта дорога являлась межобластной. Она шла из Ташкента, проходила перевал Кандыр даван Кураминского хребта и через торгово-ремесленные селения Мулла Мир, Бободархон на западе соединялась с городком Пангаз, а на востоке с городками Шайдан и Камышкурган. Затем дорога поворачивала и шла на север к городку Ашт, торгово-ремесленным селениям Джаркурган и Пунук. От главной дороги выделялись пути к кишлакам Ашаба, Гудос, Дахана и другим.

Город Пенджикент общался с окрестными сельскими поселениями через четыре главные дороги. Восточная и западная дороги также выполняли функции межрайонных и межобластных

и связывали поселения Верхнего Зерафшана с Самаркандом. Северная дорога шла к правобережным селениям и кишлакам, южная к пригородным селениям, садам и пашням.

Из путей, имевших большое значение для экономических связей между районами Таджикистана, отметим дороги Ходжент — Нау — Ура-Тюбе, проходившую через селения Дигмай, Казнок, Куланбош, Октеппа, городок Нау, кишлаки Кизили и Суфи Ориф. Дорога Ходжент — Канибадам шла через городки Исписар, Костакоз, торгово-ремесленных селений Каракчикум, Махрам, городок Кушкак. Из Ходжента правобережьем Сыр-Дарьи через селение Самгар, городок Камышкурган сообщались с Аштским районом и Наманганом (Костенко, II, 1830, с. 39).

Географическое положение Северного Таджикистана, находившегося на стыке крупных сопредельных историко-культурных областей Ташкента, Ферганы и Кашгара, Гиссара, Каратегина, Дарваза и среднезерафшанской долиной обусловили появление издревле торговых и иных путей сообщения межобластного и международного значения.

Туркестанский хребет не был преградой для экономических, культурных и этнических связей населения северных районов Таджикистана. Общение осуществлялось через двадцать перевалов хребта, известных с глубокой древности. От Ура-Тюбинского района к горным районам Фальгара, Матчи, Ягноба, Фана и далее Каратегина дороги проходили через перевалы Амандара, Шахристан, Хон-Яйлау, Вешаб, Хаврут, Оббурдон, Камодон. Наиболее благоприятными перевалами между Ура-Тюбе, Западной Ферганой и восточными районами Верхнего Зерафшана являлись Шахристан, Камодон и Оббурдон, через которые перебирались к селениям Фальгарского и Матчинского районов. Через последние три перевала происходили постоянные передвижения населения горных и равнинных районов Таджикистана. Сотни горцев-таджиков через Камодон, Оббурдон и Шахристан спускались на заработки в Ура-Тюбе, Ферганскую долину и Ташкентскую область. Ура-Тюбе к Пенджикенту следовали через Джизакский район, далее перевалом Кара-мазар в кряже Мальгузар — селение Санзартанга (к юго-западу от Заамина), Танты — перевал Амандара — селение Йори (Таджикская комплексная экспедиция, 1933, с. 176).

Из Исфары через Лайлакский район Киргизии дорога вела на перевал Алтын Бешик, оттуда добирались к матчинскому кишлаку Оббурдон. Из Исфаринского городка Ворух одна дорога следуя вдоль Каравшина также выходила к Матче. Другая

дорога выше Воруха шла к верхней части Сохской долины, оттуда через перевал Карагушхона соединялась с Верхним Каратегином (Таджики Каратегина и Дарваза, I, 196, с. 32). Однако эти дороги не имели большого значения, поскольку они пролегали по труднодоступным горным местностям (Кушелевский, I, 1890, с. 161).

Через предгорье и перевалы Кураминского хребта проходили важнейшие пути сообщения, связывавшие Ферганскую долину с Ташкентской областью. Путь между Ходжентом и Ташкентом шел через Мирзорабатский проход, расположенный между Моголтау и главным Кураминским хребтом. Между Ташкентской областью и Аштским районом путь сообщения пролегал через несколько перевалов Кураминского хребта: Чал-ата (1630 м), Сарымсаклы (1905 м), Шант-давван (1841 м), Кандир-давван (2083 м) и Пангаз-давван (2469 м) (Проблемы Таджикистана, I, 1933, с. 110, карта; Щукин, 1936, с. 88). Наиболее важным и оживленным являлись две последние.

Важным путем сообщения для Ходжентского, Канибадамского, Науского районов была Сыр-Дарья, по которой их население получало наманганские хумы, дрова, камышкурганскую соль, сплавляемые на плотах (Кушакевич, 1871, с. 222). Из Ходжента, Канибадама и Нау в Ташкентский оазис и к населенным пунктам низовья сплавлялись ремесленные изделия, сушенные фрукты. А. И. Шахназаров в 1908 году писал: «по реке Сыр-Дарье из Ходжента ежегодно отправляют много каюков, груженных сушенными абрикосами... в киргизские степи Сыр-Дарьинской области, откуда уже на верблюдах этот груз достигает Тургайской и Акмолинской областей» (1908, с. 221).

На рубеже XIX — начала XX вв. по Северному Таджикистану пролегла железная дорога, связывавшая его с областями Средней Азии и с Россией. В полосах отчуждения железной дороги возникли станционные поселки, а вокруг станции Драгомирово и Ходжент в начале XX века сложились городки. По подсчетам исследователя, свыше 81% промышленных заведений края в основном сосредотачивались в пределах тяготения к железнодорожным линиям (Суворов, 1962, с. 38). Железнодорожные станции стали пунктами снабжения районов промышленными изделиями России и приобретения местного сырья. Появилась категория людей, занятых перевозкой товаров между станциями Урсатьевск, Спиридоново, Драгомирово, Ходжент, Веревкино, Мельниково и населенными пунктами Ура-Тюбинского, Науского, Ходжентского, Канибадамского, Исфаринского

районов. Пролегли новые торговые пути между железнодорожными станциями и восточными районами Верхнего Зеравшана через горные перевалы Оббурдон, Камодон и Шахристан. Так, между станциями и этими районами сложились три дороги, проходившие через Ура-Тюбинский, Ганчинский, Басмандинский, Чаканский оазисы. Такие дороги стимулировали оживлению хозяйственной жизни районов, формированию новых экономических подрайонов и микрорайонов.

С Ферганской долиной Северный Таджикистан был связан тремя путями. Два из них проходили через Канибадамский район, а третий — северный, пересекал Аштский район. Дорога в Ташкент проходила через Ходжент, Мирзорабатский проход, кишлаки Янтак, Тойтюбе, Бука. Дорога в Самарканд и Бухару не минуя Ура-Тюбе и Шахристан, через Науский район и Хавасткую степь шла на запад.

Через Северный Таджикистан проходили дороги к России, Восточный Туркестан и страны Среднего Востока. Географически города и селения Северного Таджикистана представляли важные звенья в экономических, культурных связях Средней Азии с определенными странами. Ф. Энгельс, характеризуя основные пути в Индию, писал: «...имеется долина Яксарта — от Ак Мечети до Ходжента, отсюда военный отряд может пройти по богатой водой и густо населенной области в Самарканд и Балх» (соч., т. 12, с. 618—619).

В исследуемый период в городах Северного Таджикистана открылись, как новые средства связи и сообщения—почтовые отделения и телеграфные пункты.

Выводы

Первая половина XIX. в. в истории Северного Таджикистана характеризуется, как период продолжавшегося с начала XVIII в. экономического и политического кризиса, отягчавшегося в этом районе, постоянными феодальными войнами между Бухарой и Кокандом за господство в Ура-Тюбе и Ходженте. Пришла в упадок городская и сельская жизнь, ремесло и земледелие, уменьшилось число населения, произошла частичная смена населения в этих двух районах. Группы жителей Ура-Тюбе и Ходжента переселялись в другие места, часть погибла.

В сравнительно мирное время 30-х и 50-годов XIX в. несколько стабилизировалась экономическая и политическая жизнь

края. Развитию товарности сельского хозяйства, ремесленного производства, стимулировал рост потребностей местного населения, оседание кочевников, вывоз в Россию. Расселение населения по земледельческим оазисам и скотоводческим округам являлось важнейшим условием разделения труда между ними. Зачатки развития товарно-денежных отношений было налицо. Однако, феодальные войны не прекращались до вхождения царской России в пределы Северного Таджикистана.

Исконным типом территории расселения исторически сложившихся подразделений этносов Северного Таджикстана, как и всей Средней Азии являлись районы поливного земледелия и тяготевшие к ним скотоводческие округи. Основу развития этнических подразделений составляли экономические связи хозяйственно-культурных типов — оседлых земледельцев, полуоседлого населения, кочевников-скотоводов, ремесленников и торговцев.

По степени дифференцированности хозяйств производивших разнообразные земледельческие, скотоводческие и ремесленные продукты, т. е. по уровню потоварного разделения труда, основывавшего на почвенно-климатические условия природых поясов можно типологизировать районы расселения исторически сложившихся подразделений населения. Наиболее дифференцированными товарными были хозяйства населения Ходжентского, Канибадамского, Науского и частично Исфаринского и Аштского районов, носившие комплексный характер (хлопководство, зерноводство с отраслью рисосеяния, садоводство, виноградарство, шелководство, скотоводство, многоотраслевое ремесло). Менее дифференцированными были хозяйства Ура-Тюбинского и Пенджикентского районов (зерноводство, виноградарство, скотоводство, ремесло). Разная степень дифференцированности хохозяйств обусловила различный уровень развития производства, формы обмена, число территориально-экономических единиц, в конечном счете рост городского и сельского населения. «Вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства, ее внутреннего и внешнего общения» — писали К. Маркс и Ф. Энгельс (соч. т. 3, с. 20). Издавна в районах Северного Таджикистана сложилась система разделения труда между различными исторически сложившимися этническим подразделениями таджиков, узбеков, киргизов, а в конце XIX — начале XX в. к ним прибавилось русское население.

Городское и сельское ремесла Северного Таджикстана основывались на обработку земледельческого, животноводческого

продуктов, сырья, материалов и полезных ископаемых, разработка которых велась в соответствии с уровнем знания, опыта и техники.

После присоединения Средней Азии к России, увеличился ввоз некоторых видов сырья и материалов для ремесла (железные и медные листы, жесть, бумажная пряжа), оживилась разработка полезных ископаемых (уголь, нефть и др.). Развились торговые и иные пути сообщения. Проведение железной дороги нарушило былую хозяйственную замкнутость исторически сложившихся этнических подразделений, открыло новые направления экономических и торговых связей, как внутри так и между районами Северного Таджикистана.

Наряду с исторически сложившимися этническими подразделениями по степени их взаимных экономических связей, на базе которых совершались процессы консолидационного характера в пределах Северотаджикской области (к северу от Гиссарского хребта) выделялись два этнокультурных региона — Западно-Ферганско—Ура-Тюбинский и Пенджикентский регионы. Первый регион охватывал районы равнинной части области— Ходжента, Ура-Тюбе, Канибадама, Исфары, Аштa, Нау и тяготевших к ним горных районов восточной части Верхнего Зеравшана — Матчи, Фальгара, Ягноба и Фана. Равнинные и горные районы региона связывались через известные проходы Туркестанского хребта — Оббурдон, Камадон, Шахристан и около десятка перевалов. Существовало традиционное разделение труда между равниной и горной частями региона. Первая снабжала вторую необходимыми ремесленными товарами, зерном, промышленными продуктами и продовольствием, вторая представляла в значительном размере рабочие руки отходников, в небольшом количестве урюк — «аштак» с вложенным в него очищенными ядрышками, «чалпаки туршак» — сушеная вишня без косточек. Второй регион охватывал западные районы Верхнего Зерафшана — Пенджикента, Офтобруи, Кштута и Магияна. Районы этого региона тяготели к Пенджикенту — единственному городскому центру всего Верхнего Зерафшана. Связи Западно-Ферганско—Ура-Тюбинского региона были более близкими с прилегавшими районами Восточной Ферганы, Ташкента, Джизаком, Заамином и Гиссаром, Каратегином, а Пенджикентского региона, с Самаркандом, Бухарой и долиной Кашка-дарьи. Таким образом, существующая в литературе точка зрения о разделении Северотаджикистанской области на два региона (Давыдов, 1973, с. 136—137) подтверждается новыми данными.

ГЛАВА II

ГОРОД ХОДЖЕНТ И ЕГО СЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Город ХОДЖЕНТ

Традиции градостроительства и городской жизни Северного Таджикистана восходят к середине I тысячелетия до н. э. В греческих и римских сочинениях описывавших походы Александра Македонского (356—323 гг.) упоминается о семи уструшанских городах. Исторические источники Ферганскую долину начала новой эры, в состав которой входила основная часть Северного Таджикистана, называли страной «семидесяти городов». В IX—X вв. по подсчетам исследователей в Ферганской долине и Уструшане находились 51 городов (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 190, 201).

Самым древним городом на территории Северного Таджикистана был Ходжент, которого историки и археологи отождествляют с Александрией Эсхатой (IV в. до н. э.). Город Ходжент сложился в низовье речки Ходжа Бакирган на древней левобережной террасе Сыр-Дарьи и покатой на север, к реке равнине. При общем наклоне к реке в разных частях территории города имелись холмы, возвышенности, углубления и низины, отразившиеся в топонимии местности. С юго-востока на северо-запад территория города наклонялась от 380 м до 320 м абсолютной высоты (Таджикская ССР, 1956, с. 154). С севера Ходжент и окружающий его оазис огибала Сыр-Дарья. На расстоянии 2 км от правого берега Сыр-Дарьи тянулась обнаженная, почти без растительности гора Мевагул, пик которой Музбек равнялся 1628 метрам.[1]

[1] Таджикское «Мугул» и русское «Моголтау» является искажением подлинного названия этих гор — Мевагул, встречаемого в нарративных средневековых источниках. Так, в «Манокибе» Шайха Маслихатдина, жившего в конце XII — начале XIII вв. упоминается гора Мевагул в Ходженте (Научный архив АН Тадж. ССР, ф. 7, оп. I, д. 36, л. 13—49).

На северном склоне и предгорьях Карамазара располагались аулы полуоседлого киргизского и узбекского населения. С восточной, южной и юго-западной сторон, примерно на 7 км город окружали утопающие в зелени пригородные селения и земледельческие урочища, сады, виноградники, простиравшиеся до возвышенностей Рухаки Унджи на востоке и Рухак на юге (около 200 метров над уровнем Сыр-Дарьи). Сады и виноградники Ходжента восхваляли историки и географы разных времен («Худуд ал алем», 1930, с. 23б; Записка Бабура, 1958, с. 12—14). За великолепное расположение и красоту местности, Ходжент в средневековой восточной литературе был увенчан эпитетом «Тирози чаҳон» — краса мира. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в 1868 г. писала: «Ходжент во всех отношениях гораздо лучше Ташкента, хотя последний по разным соображениям был избран здешним политическим и административным центром и составляет столицу Туркестанского генерал-губернаторства. Во-первых, Ходжент расположен на берегу отличной многоводной Сыр-Дарьи и со всех сторон окружен горами, по скатам которых зеленеют роскошные сады, а все это вместе — вода, горы и растительность летом при здешней жаре и засухах, дает воздуху благоприятную свежесть и чистоту, зимой же умеренность воздуха. Во-вторых, Ходжент весь окружен великолепными садами, которых здесь больше, чем в других местностях области. Все это — сады фруктовые, плоды растут здесь в удивительном изобилии и ими снабжаются окрестные города, в том числе и Ташкент» (1868, № 215 и 219).

Город снабжали водой пять больших городских арыков — Кози, Мазор, Курхона, Раззак, Масчиди савр, проведенных из речки Ходжа Бакирган. Из них два шли в восточную половину, а два последних — в западную. Наиболее старым арыком, повидимому, был Курхона (узбекское — «арсенал»), который орошал центральную часть города (Турсунов, 1967, с. 18—19).

Русские и зарубежные авторы, побывавшие в разное время в Ходженте, отмечали большие размеры территории города. Филипп Назаров в 1813 г. упоминал, что «Ходжент не уступает обширностью Коканду». То же заметил и А. Вамбери. По мнению М. И. Галкина (1867 г.), «Ходжент величиною не менее Бухары» (с. 50). Первый план Ходжента (на котором указано направление арыков, улиц и местонахождение цитадели) составлен русскими топографами в 1866 г. (Макшеев, 1890). Впоследствии были сняты еще несколько планов города. Тер-

ритория Ходжента представляла собой многоугольник, вытянутый с запада на восток и была равна 660 десятинам (или 2640 танапам, т. е. около 719 га) (ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 193, л. 166; Справочная книжка, 1893, с. 143). В документах 1902—1909 годов говорится, что из 660 десятин городской территории постройками было занято более 295 десятин, садами — 172 десятин, пашнями — 7 десятин, выгонам — 54 десятины, улицами, площадями — 55 десятин (ЦГА Тадж. ССР, ф. 1 оп. 1, д. 166, л. 127; ф. 6, оп 1, д. 30, л. 25). По исчислению Н. Н. Негматова, Ходжент в конце XV—XIX вв. занимал площадь окружностью 10,5 км. Сыр-Дарья огибала город с севера и запада на расстоянии 4,5 км. Ширина города в восточной половине равнялась 2,3 км, а западной 0,9 км (Негматов, 1959, с. 77). Если окружность города Бухары в XIX в. равнялась 8,8 верстам и территория 652,03 десятинам (Сухарева, 1966, с. 30) или 1739 танапам, а Самарканд этого периода занимал площадь 595 десятин, из которых старая часть города была равна 365 десятинам и русская часть — 230 десятинам (Справочная книжка, 1893, с. 143), окружность городской стены Хивы была 7 верст (История Узбекской ССР, II, 1968, с. 128), то Ходжент по своей площади превосходил эти города. Вместе с тем территория г. Ходжента представляла 2/3 части территории Ташкента.

В XIX—начале XX вв., как и в предыдущие века, Ходжент окружали крепостные стены, на военно-инженерные особенности которых обращали внимание русские специалисты.[1] Е. К. Мейендорф в 1820 г. отмечал, что Ходжент представляет крепость (1975, с. 71). В донесении командующего русскими войсками при осаде Ходжента генерала Д. И. Романовского от 6 июня 1866 г. зафиксировано, что «городская ограда простирается в длину на 11 верст, вся состоит из двойного ряда весьма высоких толстых стен, усиленных... башнями, барбетами» (1872 с. 117). Город с южной и восточной стороны был обнесен двумя стенами, с северной и западной прибрежной части — одним рядом стен, так как в этом направлении город защищала река. Внутренняя стена была массивная и высокая, толщина ее нижней части достигала 4—5 метров, а наружная — тонкая и низкая. Между стенами был глубокий ров, заполняемый в военное время водой.

[1] Подробности о крепостных сооружениях г. Ходжента зафиксированы в одном из русских военных документов. ЦГА Узб. ССР, ф. И-336, оп. I, д. 516.

В XIX веке было восемь ворот: в восточной стене — ворота Калъаи нав и Кози, в юго-восточной — ворота Коканд (или Мулло Ибод) и Черебек, в южной — ворота Чуянчи и Чорчирог, в юго-западной — ворота Ура-Тюбе (или Масчиди савр) и в северной — ворота Янги Дарвоза. По более ранним данным Филиппа Ефремова в стенах Ходжента в XVIII в. было четверо ворот (1952, с. 41). У городских ворот, как внутри города, так и с внешней стороны, располагались лавки, чайханы, мастерские кузнецов-подковочников. За воротами Чуянчи находились бойня — «саллоҳ-хона» и скотный базар. За воротами Ура-Тюбе функционировала мастерская кубового крашения.

От ворот к центру города протягивались основные магистрали, от них отделялось множество улиц, переулков, тупиков, которых в Ходженте в начале XX в. было около 200 (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1966, л. 134). Главными улицами города считались те, которые вели к его центру от главных ворот — ворот Коканда и ворот Масчиди савр. Большинство улиц не имело единного названия, отдельные их части назывались по тем кварталам, через которые они проходили. В конце прошлого столетия через Сыр-Дарью в Ходженте был построен мост предпринимателем, который взимал за проезд по мосту плату (Остроумов, 1886, с. 56; Маллицкий, 1930, с. 17).

Древняя цитадель — «урда», располагалась в середине северной прибрежной части Ходжента, в 50 метрах от левого берега Сыр-Дарьи. Археологические работы позволили установить время ее постройки не позже VII в. н. э. (Негматов, 1962, с. 51).

Ходжентские рынки были довольно крупными и постоянно действующими, что свидетельствовало о высоком уровне городской жизни. Их обширность, богатство рядов и благоустройство не раз отмечались русскими дореволюционными авторами (Кушакевич, 1872а, № 13; Антар, 1912, № 286). А. А. Кушакевич писал: «Ходжент ведет большую местную торговлю: в нем 2 базара — большой и малый и 1141 промышленных заведений и лавок». (Тв, 1872, № 13). Ходжентские рынки, как и бухарские, самаркандские, ташкентские состояли из торговых рядов, пассажей, караван-сараев и торговых площадей. В каждом месте производилась торговля отдельными товарами.

Крупнейшим торгово-ремесленным центром Ходжента был базар Панджшанбе (четверг), называвшийся так по дню, когда на этом базаре происходил большой торг. Базар Панджшанбе располагался в центре восточной части города, на перекрестке

четырех улиц, которые шли от четырех городских ворот. Место пересечения улиц называлось «чорраҳаи мардон» (букв. «перекресток мужчин») и был крестообразен в плане.[1] Перекресток и ближайшие отрезки четырех улиц, проходящие через рынок, представляли крытые галереи. Их крыши состояли из прочного переплета балок, опирающихся на деревянные стойки. Сверху балки покрывались циновками и смазывались, как и все помещения толстым слоем глины с саманом, а кое-где кровельным железом. Все эти крытые галереи в Ходженте, как и в Бухаре, назывались «тим» (крытая часть базара, или пассаж) (Сухарева, 1966, стр. 46). Под крышами тянулись торговые ряды — «раста», и плотно размещались лавки — «дӯкон». Под словом «раста» в Ходженте понимали ряд, в в котором торговали однородными товарами, например, «растаи заргарӣ» — ряд ювелирных изделий, «растаи атторӣ» — ряд галантерейных, парфюмерных изделий, пряностей и лекарств. Во главе каждого ряда стояли базарные старосты — «оқсақол», которые являлись представителями ремесленных корпораций. Они контролировали стандартность изделий, их цену, правильность сбыта товаров, приобретение сырья ремесленниками. Размер средней лавки был равен 9 кв. метрам. Товары расставлялись на полках — «раф». На ночь передняя, открытая сторона лавки запиралась. Каждый пассаж по ночам охранялся стражником — «тимбон». В комплекс базара Панджшанбе, кроме пассажей, входили многочисленные караван-сараи и рынки, где продавали хлопок местного сорта — «бозори ғӯза», дрова — «бозори ҳезум», листья шелковицы — «бозори барги тут». Северная часть базара, состояла из двух пассажей, где размещались лавки пекарей — «растаи нонвойӣ», мясников — «кассобӣ», продавцов муки — «аллофӣ», шашлычников — «кавобчигӣ», велась торговля кондитерскими изделиями, бекмесом. Восточную улицу пассажа занимали ряды мелочных лавок — «растаи баққолӣ», дальше шли ряды ювелирных и чугунных изделий. На южной улице базара торговали галантерейными, парфюмерными изделиями, пряностями, лекарствами, обувью — «вофурӯшӣ», мылом и свечами — «собунгарӣ». Лавки торговцев тканями фабричного производства —

[1] В Бухаре перекресток в главном торговом центре назывался «чорсӯ». См. О. А. Сухарева. Бухара XIX — начала XX вв., стр. 44. Этот термин в значении центрального перекрестка города был известен также в Самарканде, Ташкенте, Коканде, Шахрисябзе. Не лишено, вероясности, что «перекресток мужчин» или «перекресток отважных» в главной городской площади, раньше являлся местом состязаний соперничавших групп населения Ходжента.

«баззозӣ», гончарных изделий — «вофурӯшӣ», металлической домашней утвари — находились на западной улице.[1] На базаре Панджшанбе, по сведениям, относящимся к началу 70-х годов XIX в., насчитывалось 510 торговых лавок (Кушакевич, 1872б, стр. 52).

Вторым рынком города был базар Чоршанбе («среда»). В тот день там бывал большой торг. Этот базар состоялся из торговой площади с двух сторон которой тянулись крытые пассажи. Базар Чоршанбе был расположен к юго-востоку от крепости, тоже на перекрестке четырех больших улиц. На этом рынке имелись почти те же лавки, что и в базаре Панджшанбе. Всего в начале 70-х годов на рынке Чоршанбе было 280 торговых лавок (Кушекевич, 1872б, стр. 52). Изделия ремесленников, обрабатывающих волокно и кожу, продавались на базаре Чоршанбе только в среду, т. е. в базарный день и не в лавках, а вразнос.

Оживленная торговля шла на рынках города ежедневно, но в среду, четверг и пятницу происходил большой торг, на который съезжались покупатели со всего Ходжентского уезда и из других городов. Продавать и покупать приезжали ремесленники и дехкане из земледельческих оазисов района, скотоводы из прилегавших к ним аулов и урочищ. В остальные дни базары поочередно проходили в городках и торгово-ремесленных селениях Ходжентского района. Базарчики из нескольких торговых лавок, которые обычно размещались на месте скрещения трех дорог — «сераҳа» и на перекрестках — «чорраҳа», в Ходженте назывались «гузар». Еще в 70-х годах XIX в. в городе было 13 таких базарчиков (Кушакевич, 1872б, № 13), накануне революции их стало — 39. Особенно много было мелочных лавок — «баққолӣ». Они находились и в крупных торговых центрах и на малых базарчиках (гузар) и около городских ворот. В мелочной лавке можно было приобрести продукты, неободимые для повседневной жизни: муку, рис, маш, горох, крупу, джугару, мелко нарезанную морковь, свечи, чираги. В мелких лавках, тоже называвшиеся «баққолӣ» и находившихся в торговых центрах, продавались только сухие фрукты.

Значение отдельных отраслей городской торговли отражает количество специализированных лавок. В 1872 г. в городе Ходженте было отмечено следующее число лавок: торгующих раз-

[1] В Самарканде, Бухаре скупщики гончарных, медных изделий также называлась «вофурӯш».

ными видами бумажной ткани: матой — 11, кисеёй и чалмами — 10, шерстяными изделиями — 9, пряжей — 6, полушелковыми тканями — 26, шелковыми тканями — 7, красками — 9, фабричными тканями — 78, набойкой — 10, ювелирными, серебрянными изделиями — 23, кунжутным маслом — 22, мясом — 48, халвой — 10, халатами — 10, тюбетейками — 10, мылом — 8 лавках (Кушакевич, 1872б, с. 52). По сведениям 1893 г. из 632 торговых лавок базара Панджшанбе по размеру оборотов выделялись: торгующие фабричными товарами (119 лавок, с оборотом — 300 тыс. руб.), мясом (82 с оборотом — 187 тыс. руб.), обувью (40 с оборотом — 50 тыс. руб.), железом и изделиями из него (23 с оборотом 24,6 тыс. руб.), свечами и мылом (17 с оборотом 24,5 тыс. руб.), канаусом (13 с оборотом 50 тыс. руб.), кондитерскими изделиями (10 с оборотом 20 тыс. руб.), кисеёй местной (10 с оборотом 50 тыс. руб.), халатами (9 с оборотом 22,5 тыс. руб. (Справочная книжка, 1893, с. 147). В конце XIX — начале XX вв. число торговых лавок в рынках Ходжента значительно возросло, о чем свидетельствует количество торговых документов-патентов, выданных владельцам. В 1897 г. таких документов г. Ходженту было выдано 1437 (Справочная книжка, 1898, таблица). В 1903 г. по Ходжентскому уезду выдано 2596 торговых документов, а в 1904 г. — 3296, значительное число которых представлялось торговцам Ходжента и Ура-Тюбе (Справочник, 1906, с. 64). В документе за 1910 г. приведены следующие сведения о числе торговых заведений г. Ходжента с подразделением их по рядам торговли и видам товаров: предприятий торговавших разными фабричными тканями было — 94, местными материями — 66, из них матой — 7, шелковыми, полушелковыми тканями — 54, с шелковой пряжей — 5, с чаем и сахаром — 103, с местным бакалейным товаром — 173, с местным галантерейным товаром — 63, с готовой обувью — 61, с овощами — 17, с выпеченным хлебом — 19, с мукой — 27, с ячменем и клевером — 3, рисом — 10, с пшеницей — 3, с мясом — 85, с сушеными фруктами — 59, мылом — 16, с лакомствами — 14, с халатами — 25, тулупами — 3, с местным хлопком — 14, заведений торговавших каменным углем и керосином было — 13, тюбетейками — 16, посудой — 21, местным табаком — 10, с растительным маслом — 3, с шерстяными изделиями домашней работы:

[1] Слово «мата» в дореволюционной русской лексике означало кустарное бумажное полотно. В таджикском языке известно слово — «матоъ» — текстильные товары, фабричные материи.

веревками, мешками, кошмами — 19, с медной посудой — 4 с скобяным товаром — 8 (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 30, л. 24). Эти данные хорошо отражая развитие торговли в то же время дают сведения и о ремесле, и об импорте товаров из России.

Изменения происходили и во внутренней жизни ходжентских рынков. Раньше торговые лавки сочетали несколько функций. Многие лавки служили местом и производства, и сбыта товаров. Таковыми были лавки — мастерские кузнецов, медников, ювелиров, ножовщиков, жестянщиков, токарей-деревообделочников, гребенщиков. Хозяева части лавок, где продавались кустарно-ремесленные товары (ткани, кожа, обувь, одежда, гончарная посуда), одновременно скупали сырье и готовые изделия. Переплетная мастерская служила книжной лавкой и даже библиотекой, которой пользовались ученики медресе (Якубовский, 1896, с. 62). Лекари в своих лавках по продаже пряностей принимали пациентов. Лощильщики производили только лощение тканей по заказу скупщиков текстильных изделий или ткачей. Это были не торговые лавки, а мастерские. Они тоже находились на рынках. На базарах широко применялась система продажи и покупки в кредит. Мясники, лобазники отпускали постоянным клиентам в кредит. То же делали продавцы халатов, тюбетеек, ювелиры. Большое распространение имело мена продукций и товаров. Обменивалось сырье: шелк, бумажная, пуховая, шерстяная пряжа, шкура, металл на готовые изделия. Широко применялась между ремесленниками, земледельцами и скотоводами меновая торговля ремесленно-кустарных изделий на сельхозпродукты: ткани меняли на баранов, а гончарные и железные изделия — на зерно и т. д.

В конце XIX — начала XX вв. увеличилось число скупщиков, взявших в свои руки сбыт ремесленных изделий. Они владели лавками, где продавались ремесленные товары, приобретенные скупщиками у мастеров, работающих для них. Скупщики принимали от населения сырье и материалы и раздавали своим наемным работникам. Продуктообмен и простой товарный обмен заменялся системой купли и продажи деньгами.

Кроме вышеупомянутых специализированных торговых лавок, на базарах Панджшанбе и Чоршанбе имелось множество поварских лавок, в которых приготовлялись национальные блюда: в одних плов, в других — суп, в лавке пельменщика — «дуконн

[1] А. А. Кушакевич в 1872 г. написал: «часто нет возможности отделить лавку от промышленного или ремесленного заведения» (1872б., с. 52).

мантупаз» — манту и пирожки. Большим спросом пользовались вареные бараньи головы и рисовая похлебка. В поварских лавках питались торговцы из соседних лавок, но основными посетителями были приехавшие на базар.

Наряду с рынками, важное место в торговле города занимали караван-сараи. В свое время А. А. Кушакевич отметил в Ходженте 5 караван-сараев (1872б, с. 52), но уже в 1888 г. было зарегистрировано 24 караван-сарая (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 193б, л. 220—221). Путем опроса старожилов нами выявлено, что в дореволюционное время в Ходженте было 29 караван-сараев.[1] Большинство из них размещалось в торговых центрах города. По словам В. В. Бартольда, под караван-сараем, как общественным зданием, понимали и гостиницу, и торговое помещение (или торговый дом) и место для склада хозяйственных припасов (Бартольд, II (I), 1963, с. 207). Караван-сараи Ходжента выполняли все эти функции.

Дореволюционный Ходжент, как и другие города Ферганской долины, отличался обилием чайхан, являвшихся средоточием общественной жизни мужского населения. В чайхану обычно сходились после первой утренней молитвы и проводили там время до 9 часов утра и вечером — до 10—11 часов ночи. В четверг и пятницу группы мужчин одного возраста часто собирались в чайхане для приготовления плова вскладчину — «ош харифона». Постоянными посетителями чайхан были ремесленники, дехкане и работавшие поблизости другие представители трудовых слоев. Интересно, что это заведение по сведениям информаторов, распространено сравнительно недавно. По рассказам стариков, чайханы, называемые, в Ходженте чаще «самовор» (от русского слова «самовар»), возникли примерно в середине XIX в.[2] первую чайхану в Ходженте открыл некий Юнусбай. Чайхана располагалась обычно в квартальном базарчике. Его пользовали жители 2—2 соседних кварталов. Много чайхан было в торговых центрах, а также около городских ворот, как внутри города, так и за его пределами, у ворот. В них в основ-

[1] Караван-сараи Ходжихона, Бобо Рахим-аксакала, Шохи, Мирзо Ахмада, Кури Азима, Отабийбой, Кури Имом, Эрназарбой, Джухуто, Миджигихо, Сурнайчихо, Пошо Ходжа, Кок, Саксавул, Кулулгари, Бурьёфуруши, Дукчигари, Ходжи Усмонходжа, Орд (или Оксарой), Охак, Гуза, Сандукфуруши, Мирзо Умарпочо, Почо Махкамбой, Масобир, Гуза и три караван-сарая, принадлежащие Кабилбаю.

[2] История появления, распространения и потребления чая в Средней Азии обстоятельно изложена Е. М. Пещеровой (1959, с. 156—162).

ном останавливались приезжие. По статистическим сведениям, в 1888 г. в Ходженте было 94 чайханы (ЦГА Тадж. ССР, оп. I, д. 193б, л. 122—123). Столько же чайхан (с общим оборотом 43,3 тыс. руб.) отмечено и в 1892 г. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1376, л. 122—123). В 1910 г. в Ходженте имелось уже 207 чайхан (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 30, л. 23).

Одним из городских общественных заведений являлись и бани, в которых в Ходженте было всего две (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 30, л. 23). Одна из них сохранилась доныне. Это известная — «хаммоми Шамсибой», построенная в 50-х годах XIX в. на средства богатого торговца и земледельца Муллы Шамсибоя. Она считается памятником народного зодчества. Ее строительством руководил известный ходжентский мастер-строитель усто Усмон. Баня выстроена из жженого кирпича, который покрыт водонепроницаемым составом «қир». Вблизи русской части города в 90-годы XIX века была построена вторая баня на средства земледельца и подрядчика по скупке зерна Кабилбая (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1417).

Одной из древних особенностей среднеазиатских городов было их деление на крупные части, называемые «даха, китъа» или «юрт». Некоторые города, как например, Ташкент (Маев, 1876), Самарканд, Маргилан, Қанибадам, Чуст делились на четыре части, а Шахрисябз (Сухарева, 1958, с. 130), Ура-Тюбе — на две части (Мухтаров, 1959, с. 96). Ходжент XIX — начала XX века разделялся на две традиционные части — «даха» (восточную Қалъаинавскую и западную Раззакскую). Членение Ходжента на части зародилось, несомненно, еще в древности, но названия частей Қалъаи нав (новые крепостные стены) и Раззак (собственное имя) появились в поздний период и связаны с укреплением городских крепостных стен. По-видимому, северо-западная окраина Раззакской части вошла в территорию города с постройкой последних крепостных стен в начале XVIII в. В быту

[1] С 1887 по 1895 гг. Ходжент был разделен на три части: Қалъаинавскую, Раззакскую и новую Мазарскую. В Мазарскую часть входили кварталы, расположенные на западной, южной и восточной сторонах мазара Шайх Маслихатдина. В январе 1895 г. власти, взяв на основу Қокандскую почтовую дорогу, которая делила город на две части, сочли нужным восстановить две прежние части Ходжента и ликвидировать Мазарскую часть (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1502, л. 3). Накануне Октябрьской революции город Ходжент был разделен на 4 административные части: Қалъаинавская, Раззакская, Мазарская и Черебекская. Такое разделение мотивировалось обширностью занимаемой территории, численностью населения и трудностями переживаемого военного времени (ЦГА Тадж. ССР, ф. 12, оп. I, д. 52, л. 1—6).

ее населения сохранились некоторые черты сельской местности. Основная часть городских садов и виноградников располагалась именно в Раззакской части, особенно на ее западной и северо-западной окраинах.

Слово «даҳа», как и «сада», «ҳазора», означало название административных единиц. Примечательно, что в дореволюционном селении Хумсан Ташкентской области, где сохранялись пережитки сельской общины, возглавляемая «элликбоши» квартальная община тоже называлась «даҳа», а артель девушек, прявших нитки, — «қизлар дахаси» (Абдураимов, 1959. № 4, с. 44, 51).

В Ходженте рассматриваемого периода каждая городская часть возглавлялась старостой, подчиненные уездным властям. В обязанности старост входила наблюдение за порядком и спокойствием, разбор мелких дел, споров, просьб, и жалоб. Старосты должны были свидетельствовать акты купли и продажи домов, присутствовать в частных разделах имущества при наследовании и т. д. (Южаков, 1868, с. 412). Аксакалы руководили также сбором налогов, различных статистических сведений и т. д.

Одним из важных показателей размера городов является число дворов или домовладений. По документу 1870 г. в Ходженте было 2606 домов (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I. д. 2393, л. 7), а по статистическим сведениям 1888 г. — более 5700 дворов и 12,7 тыс. жилых строений (Сборник, материалов, 1890, с. 242—243). С 1889 по 1893 гг. число дворов увеличилось от 5672 до 5805 (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1257, л. 4, 86, 123; ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. I, д. 5790, л. 14—15). Переписью населения России в 1897 г. отмечено более 6000 дворов, а в 1913 г. в Ходженте зарегистрировано 9430 дворов и 12375 семейств (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2070, л. 217—218). Увеличение числа дворов в исследуемый период происходило не только за счет естественного роста населения, застройки города, но и вследствие дробления больших дворов, как в результате раздела братьев после смерти отца, так и при отделении сыновей при живом отце. Последнее явление отражало прогрессировавший процесс дальнейшего распада неразделенных больших семей и увеличения количества моногамных семей в период после присоединения Средней Азии к России. Накануне Октябрьской революции большие дворы с неразделенными семьями составляли незначительный процент. Следует отметить, что большинство больших семей принадлежало зажиточным горожанам. При

этом большая часть таких домов приходилась на западную и южную окраину, где преобладало земледельческое население. Мелких домовладений было больше вокруг цитадели, торгово-ремесленных центрах и в средней полосе города, вдоль главных улиц. Эта была старая часть города, где большие дома успели раздробиться.

После присоединения Средней Азии к России в Ходженте была основана русская часть — «шахри нав». Она разместилась в середине северной части города, вблизи реки Сыр-Дарьи, на территории старой площади Регистан между цитаделью на западе и кладбище Хазрати Бобо на востоке. Выбор места для русской части у цитадели, где расквартировались солдатские роты, у речной переправы паромом, был наиболее целесообразным для колониальных властей. Русская слободка быстро застраивалась. Здесь построили здание канцелярии уездного управления, дом начальника уезда, городскую амбулаторию, аптеку, почтовую контору и телеграф. В 1893 г. в этой части города было 62 дома и проживало 366 человек населения, а в 1912 г. число домов достигло 70, а жителей перевалило за 700 человек (Справочная книжка, 1893; Дмитриев-Мамонов, 1912, с. 259). Однако «весьма изрядное русское поселение» 70-х годов XIX в. (Хорошхин, 1876, с. 65), к концу XX в. превратилось в тесный, задыхающийся уголок большого города. Ограничивавшие территорию русского поседения река, цитадель и старая часть города препятствовали ее росту настолько стесняя жителей, что один из видных деятелей местной колониальной власти Н. С. Лыкошин предлагал перенести русскую часть города к Ходжентской станции железной дороги (Лыкошин, 1916, с. 48—51).

Ходжент, как и другие среднеазиатские города делился на кварталы — «маҳалла»,[1] являвшиеся административно-хозяйственной единицей, территориальной (соседской) общиной. Управ-

[1] В городах Ферганскей долины а Ташкенте жилой квартал назывался «махалла», а в Самарканде, Бухаре, Ура-Тюбе, Карши, Шахрисябзе — «гузар» (Народы Средней Азии и Казахстана, т. I., 1969. с. 266; Мухтаров, 1959. с. 96). В Бухаре XIX—начала XX вв. термин «махалла» обозначал не жилой квартал, а отдельные изолированные части города (например, европейские слободы) и пригороды. В значении пригорода термин «махалла» или махаллат» применялся в Самарканде (Сухарева, 1965, № 6, с. 103). В Ходженте также был известен термин «кўй», обозначающий квартал, но его употребляли слитно с термином махалла в форме «кўю махалла». Жилой квартал в Самарканде и Герате в XV—XVII вв., назывался «кўй», «кў» или «кўча» (Беленицкий, 1946, с. 181, Мукминова, 1961, с. 79).

лял кварталом выборный староста — «элликбоши» (пятидесятник). Как видно из документа за 1899 г. всего в г. Ходженте было 116 пятидесятников (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 625). Следовательно тогда было столько жилых кварталов. Число кварталов определялось количеством населения, размером, историей возникновения и развития города, интенсивностью его застройки. Именно территориальный рост, реконструкция и строительство города, приводили к появлению новых кварталов в Ходженте. Об том свидетельствует возникновение загородных кварталов Токчи и Найсуров, расположенных за воротами Чорчирог.

Относительно число кварталов Ходжента в историко-этнографической литературе и в архивных материалах имеются сведения (Турсунов, 1967б, с. 25—26). Детальное этнографическое обследование города позволило точно определить число городских кварталов. В результате тщательного изучения всей его территории и опроса старожилов, нами выявлено 146 кварталов. Членение Ходжента, несмотря на его небольшую территорию, почти на полторы сотни кварталов, несомненно, свидетельствует о его длительной истории и об интенсивном развитии в нем городской жизни. Сравнение числа кварталов разных городских центров Средней Азии показывает, что Ходжент являлся одним из наиболее разделенных городов: в начале XX века в Бухаре было 217 жилых кварталов (Сухарева, 1958, с. 68), в Ташкенте — 206, в Самарканде — около сотни (Народы Средней Азии, I, 1962, с. 267), в Ура-Тюбе — около 60 (Мухтаров, 1959, с. 96), в Шахрисябзе — 52 (Сухарева, 1959, с. 130).

Жилой квартал охватывал группу домовладений, разместившихся на одной улице или в одном переулке, образовавших вокруг мечети приход, своеобразную общину. Основным признаком квартала г. Ходжента была мечеть, так как, по справедливому замечанию О. А. Сухаревой, «постройка новой мечети означает образование нового прихода, новой общины, нового контингента людей, которые способны содержать мечеть» (1959, с. 77). Из 146 кварталов Ходжента только два квартала — Чакари курпа и Чакари читгарон не имели своих мечетей. Их жители пользовались находившейся вблизи их квартала общегородской мечетью Шайх Маслихатдин.

Мечеть и рядом с нею хауз обычно находились в центре квартала. Внутриквартальные переулки и тупики назывались «чакар». Некоторые тупики, отделялись от квартальной улицы, воротами, которые закрывались на ночь. Тупик назывался по

имени главы жившей здесь большой семейно-родственной группы, например: «чакари Мулло Шамсибой, чакари Ахрорхонэшон» и т. д. В Ходженте начала XX в. состав населения тупиков изменился. В них жили люди, относящиеся к разным группам, сословиям и классам. Улицы с воротами, существование которых отмечено в феодальных городах и селениях (Ершов, Кисляков, Пещерева, Русяйкина, 1954, с. 122), вероятно, являются одним из древних реликтов и, по словам В. В. Бартольда, восходят к родовому и племенному устройству поселения (1918, с. 26).

Граница жилого квартала была точно установлена, ею служили входы — «дар» тех домовладений, которые были расположены на самых его окраинах — дальше начинались дома соседних кварталов.

По сообщениям старожилов, когда-то каждый квартал состоял из 50 домов, отчего старосты и назывались «элликбоши» (пятидесятник). Но в действительности число домов в кварталах колебалось от 20 до 80. Так, судя по документу 1911 г. «Список дворовых и усадебных мест по Калъаннавской части города Ходжента», квартал Бозори гуза состоял из 25 домов, Шайх-Ислом — из 43, Шайх-Тохир — из 56, Футабофон — из 61, Пуларкиш — из 67, Дуйум Мулло — из 76 домов (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, оп. I, д. 1966).

Группа соседних кварталов с исторически сложившимися связями составляла один «роат» (от слова «ранят» — подданный народ). Число кварталов в каждом роате было различным. В роат кварата Пуларкиш, расположенного в центре города, входили 8 кварталов и мазар Шайх Маслихатдин, т. е. в древней части роат был небольшой. Особенно крупными были роаты в Раззакской части, каждый состоял из 10—24 кварталов, т. е. на окраинах роат охватывал множество приходов. Жителей квартала и роата связывали определенные отношения. Устраивая свадьбы, хозяин приглашал всех жителей своего прихода от малого до старого. Такой обычай поголовного приглашения членов своей общины — квартала назывался «кўйкй» (буквально «поуличная»). От других кварталов, входящих в роат, приглашались на свадьбу по 10—15, редко — по 20 человек. На поминки, или на общественную трапезу, устраиваемую вскладчину из кварталов роата мог прийти каждый. В традиции объединения кварталов в группы, называемые роат, и в его обычаях проявляются пережитки древних внутренних связей частей города, история вошедших в его территорию старых и новых частей.

Этнографическое обследование каждого квартала в отдельности позволили нам изучить внутреннюю жизнь кварталов, определить род занятий их жителей и характер производства, развитого в том или ином квартале, в частности, выяснить районы расселения ремесленников. Из 146 кварталов города в 26 почти все семьи, в 55 — более половины, в 53 — меньше половины, а в 8 — по несколько семей занимались различными отраслями ремесла. Лишь в 4 кварталах ремесло, как род занятий жителей, отсутствовало. 29 кварталов носили ремесленные названия: два квартала Пахтакашон (теребильщики хлопка), Олкоро (красильщики), два квартала Кокибофон (ткачи грубой материи — «кокй»), Футабофон (ткачи полупуховой и полубумажной материи для чалм и поясов), Хосабофон (ткачи тонкой материи — «хоса»), Подшохибофон (ткачи адраса), Читгарон (набойщики), Чакари Читгарон (тупик набойщиков), Кудунгарон (лощильщики), Каландгарон (ремесленники, изготовляющие кетмени), Кунгуроксозон (ремесленники, изготовляющие бронзовые колокольца), два квартала Заргарон (ювелиры), кварталы Чакари милтиксозон (тупик оружейников), два — Чармгарон (кожевники), Кулолгарон (гончары), Тупидузон (тюбетеечники), Чархчихо (мастера по изготовлению самопрялок,), Дукчи (токарь-веретенщик), Ойнасозон (ремесленники, изготовляющие зеркала), Сангбуррон (камнетесы), Дуредгарон (плотники), Наккошон (мастера орнаментальной росписи), Вассатарошон (ремесленники по выделке брусков для потолков зданий), Нишоллочихо — кондитеры, изготовляющие взбитый яичный белок с сахаром, чакари Муйтобон-тупик ремесленников, свивавших веревки.

Тридцать два квартала назывались согласно основной примете квартала, или по рельефу местности: Чукурак (ямка), Шаршара (водопад) и т. д. Кварталов, унаследововших в своем названии прозвища жителей, было 12, например: Чугурчукон (скворцы), Рубахон (лисы) и т. д. Кварталов, названных именами авторитетных и вляятельных людей иногда — исторических личностей насчитывалось 32, например: Мулло Мир Ашур, Черебек, Мир Камолбой и другие. Кварталов, носивших названия социальных и этнических групп населения, было 9, например: Боён (баи), Оглукон (господа), Турахо (сановники), Маддохон (профессиональные рассказчики религиозных преданий), Испаракон (исфарицы), Тапкок (этногруппа узбеков), Арабон (арабы). Кварталов, носивших название чинов, должностей, было 6, например Кушбеги (первый министр при эмире или хане), Раис (блюститель шариата) и т. д.

Важное место в жизни феодального города занимали культовые учреждения, прежде всего мечети. Они бывали — приходскими, соборными и праздничными. В приходской мечети правоверный мусульманин совершал обязательный пятикратный намаз. А. А. Кушакевич насчитывал в Ходженте и его пригородных селениях 202 мечети, в том числе 47 соборных — «чомеъ» (1872б, с. 52), в которых совершали пятничные намазы .Данные о количестве мечетей, обнаружены нами и в документе за 1889 г., в котором в Ходженте, разделенном тогда на три части, были зарегистрированы 150 мечетей: в Раззакской части — 60, в Мазарской — 46, в Калъаинавской — 44 (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1966, л. 221—223). В 1909 году тот же документ отмечает в городе 118 приходских и 33 соборных мечети, при них 165 настоятелей (Там же, л. 134). В 1915 г. действовали столько же соборных и 121 приходских мечетей. Их годовой вакуфный доход составлял 13,6 тыс. рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 88, л. 14). Предпринятое нами изучение города в натуре позволило выявить 145 зданий бывших мечетей.[1] Каждый квартал составлял один приход. Обязательностью всех мужчин было участие в утренней молитве. Некоторые квартальные мечети одновременно служили и соборными. Туда по пятницам приходили и жители окружавших кварталов. Чаще же соборные мечети размещались между кварталами, в большинстве случаев на перекрестках улиц.[1]

Самыми крупными городскими мечетями были мечеть при мазаре Шайха Маслихатдина, (последнее здание которого построено в середине XIX в.) и мечеть квартала Намозгох, вблизи цитадели. Они служили для совершения двух годичных праздничных намазов — «намози идайн» и потому назывались «намозгох». Но в них читали ежедневные пятикратные и пятничные намазы. Так, в мечети Шайх Маслихатдина ежедневные намазы

---

[1] Вызывает недоуменне утверждение М. Е. Маджи о том, что якобы в 1934 г. многих зданий приходских мечетей в Ходженте уже «не существовало и обнаружить их все было почти невозможно». (Маджи, 1945, с. 139).

[1] Соборные мечети Раззакской части: Джамшед, Мирзоён, Кшпуруки баланд. Масчиди савр, Гузарчаи замон, Намозгох, Хазрати Бобо, Сари санг, Масчиди сурх, Эшони шайдо, Гозихонтура, Маддохон, Таги тути калон; в Калъаинваской части: Кушхавз, Сари баланди, Пуларкиш, Гузари охун, Ходжаи мохру, Гузарчаи кози, Мехтар, Кушмасчид, Бешкаппа, Испаракон. Географ и историк X в. ал-Мукаддаси в своем сочинении города выделял по наличию соборных мечетей (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 164—165).

совершали жители ближайших кварталов Чакари курпа, Чакари читгарон, а также торговцы с базара Панджшанбе.

Из 145 выявленных нами зданий бывших мечетей наиболее старинными и, с точки зрения архитектуры, интересными являлись мечеть Дари шикоф, построенная в 70-х годах XVII века, мечеть Ходжа Камол, сооруженная в конце XVII в. беком Абдулкасым-кушбеги, мечеть Хазрати Бобо, выстроенная Тянгрикул-девонбеги в 30-е годы XVIII века, мечеть квартала Таги тути калон (30-е годы XVIII века), мечеть Намозгох, построенная ходжентским и ура-тюбинским правителем Фазылбеком в 50-х годах XVIII века, мечеть Кушмасчид (60-е годы XVIII века), мечеть Пуларкиш (90-е годы XVIII века) (Справочная книжка, 1893, с. 146).

Обычно мечеть состояла из 4-х частей: «хонако» — молельня (внутреннее помещение для молитвы), «айвон» — терраса (наружная часть здания мечети), «таҳоратхона» — отдельные помещения для совершения омовения и входное помещение — «чиловхона» («место, где привязывали коней») от «чилов» — повод лошади. В холодное время года молитву совершали в хонако, а в знойные дни на айване. Входное помещение служило молящимся для предмолитвенного ожидания и бесед.

Средства для содержания мечетей поступали из вакфа — завещенной в ее пользу недвижимой собственности в виде земель, усадьб, торговых рядов, караван-сараев. Доход от вакфа использовался для ремонта мечети; часть его получали служители мечети: «имом»—настоятель, «мутаввали»—распорядитель средств вакфа и «суфи» — служитель, призывающий к молитве, следивший за чистотой молитвенного помещения и приглашающий жителей прихода на свадьбу, похороны и другие обряды, совершавшихся в семьях кварталов.

Бухарские евреи имели свою синагогу (канесо) в квартале Бозори гуза, вблизи торгового пассажа Панджшанбе, где они жили смешанно с таджиками. В 70-годах XIX в. в русской части была построена православная церковь.

Другим, не менее важным культовым учреждением города были медресе — конфессиональные мусульманские учебные заведения. В медресе Ходжента обучались не только горожане, но и приезжие из окрестных селений и из ближних городов. По сведениям А. А. Кушакевича, в начале 70-х годов в Ходженте было 24 медресе с 530 учащимися (1872б, с. 52). В архивном документе 1870 г. под названием «Медресе города Ходжента» приводится список 24 медресе с указанием количества учеников и

преподавателей — «мударисов» в них.[1] Самым большим медресе в Ходженте были медресе Шохи, где обучались 50 учеников при 2 преподавателях, медресе Хиштин с 35 учениками и 1 мударисом. В конце XIX — начале XX вв. в связи с общим развитием городской жизни число медресе заметно увеличивалось: в 1897 году было 47 медресе с 638 учениками, которых обучали 54 преподавателей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 405, л. 43).[2]

Раньше медресе имели значительные вакуфные земли, которые по мнению В. П. Наливкина, давали им мало доходов. В конце XIX в. в связи с расширением хлопководства доходы таких медресе увеличивались в несколько раз (Наливкин, 1913, с. 130). Это свидетельствует о дальнейшем возрастании материальной и моральной роли городских культовых учреждений для сельской округи.

При квартальных мечетях действовали школы — «мактаб». Колониальные власти края открыли так называемые русско-туземные школы для местного населения и приходские училища для русских. По архивным данным, в 1912—1915 гг. в Ходженте было 30 школ (мактабов) с 490 учениками, 8 женских мактабов с 97 ученицами, 9 корихона с 82 учениками, 1 еврейских хедер с 20 учениками, русско-туземная школа с 76 учениками и вечерние курсы при ней с 80 учениками, русско-приходское училище с 53 учениками (Справочная книжка, 1912; ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 88, л. 19—20).

---

[1] ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2275, л. 15—16. Приведем данные этого списка: Мадраса Хиштин—35 учеников, 1 учитель; Шохи—50 учеников, 2 учителя; Шербий—13 учеников, 1 учитель; Ходжа Камол—14 учеников, 1 учитель; II Ходжа Камол—9 учеников, 1 учитель; Охун Мулло Вали—6 учеников, 1 учитель; Мулло Болту кучак—24 ученика, 1 учитель; Муллоиджон—34 ученика, 1 учитель; Мулло Авез Мухаммад—39 учеников, 1 учитель; Гозихонтура—10 учеников, 1 учитель; Шербий—20 учеников, 2 учителя; Хазрати Бобо—11 учеников, 1 учитель; Рахматулло Ходжа—14 учеников, 1 учитель; Гузарчаи кози—15 учеников, 1 учитель; Мехтар—30 учеников, 1 учитель; Мухаммад Рахимбой—15 учеников, 1 учитель; Болтубой—35 учеников, 1 учитель; Бозори аси—15 учеников, 1 учитель; Халифа Мир Юнус—6 учеников, 1 учитель. В медресе Шайх Ислом и Евкочти ходжа, число учеников и учителей не указано.

[2] А. Мирбабаев, изучающий историю медресе Северного Таджикистана отмечает, что аналогично Герату и Самарканду «отдельные ходжентские медресе (мастеров уздечников (?), веретенщиков, ювелиров, металлургов (?), котельщиков, текстильщиков (?) были тесно связаны с ремесленными цехами города» (1974, с. 38). К сожалению автор не раскрыл этот важный вопрос. Расположение медресе в кварталах носивших названия промыслов ремесленников еще ничего не говорит об их связях с цехами.

К числу культовых зданий дореволюционного Ходжента, относились т. н. «хонако» и «каландархона» — обители или общежития суфиев и дервишей (Троицкая, 1975, с. 193). «Хонако» действовали так же как при соборных мечетях, так и при домах ишанов. В «хонако» приверженцы ишановых орденов производили громкие или молчаливые радения — «зикр». В. В. Бартольд, опираясь на сведения мусульманских источников, считал что «хонако» возникли под влиянием западно-христианского манихейского отшельничества (П (2), 1963, с. 430—431). В начале XX в. в Ходженте действовали два «каландархона», в которых духовными наставниками — «пир» были Дмамалхан Низамидинханов и Дадохон Умарханов (ЦГА Тадж. ССР. ССР, ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 76).

Мазары и кладбища располагались во всех частях города. Их изучение имеет немаловажное значение для определения территориального роста городов в различные исторические периоды. Крупнейшим мазаром Ходжента являлся мазар Шайх Маслихатдина, который был широко известен в Средней Азии. (Записки Бабура, 1958, с. 12—14). Мазар располагался в центре города, около базара Панджшанбе. Шайх Маслихатдин, живший в конце XII — начале XIII вв., считался главным святым Ходжента и его покровителем. Его настоящее имя — Бадеуддин Нури. Он был известен и как поэт. Садриддин Айни в своей известной антологии «Намунаи адабиёти точик» привел одно из его четверостиший (1926, с. 30).

От Шайха Маслихатдина осталась биография под названием «Манокиб» (от «манкабат» — «панегерик, добродетельные поступки») (Научный архив АН Тадж. ССР, ф. 7, оп. I, д. 36 А. А. Семенов. Шейх Маслахат уд-дин Худжанди). По словам А. А. Семенова, «его биография не представляется точно обоснованной и подкрепленной датами» (Там же, л. 2). Некоторый интерес представляют сведения «Манокиба» о происхождении слова «Ходжент», упоминания об его арке, мазарах, горы Мевагул, ремесленниках, выделывавших чалмы, кузнецах, о приходе татаро-монгольских орд (л. 13—49). По преданию, Шайх Маслихатдин сначала был похоронен в селении Унджи, но через некоторое время ученики и почитатели перенесли его прах на место теперешнего мазара и воздвигли мавзолей. Первое здание мавзолея было сооружено в XIII веке, в 1515 г. оно построено заново, а в XVIII веке был произведен значительный ремонт.

Вторым крупным мазаром Ходжента считался Хазрати Бобо. Его мавзолей археологи датируют XIV веком (Негматов, Хмельницкий, 1960, № 7, с. 3—19). Мазар Хазрати Бобо находился на территории древней части Ходжента, примерно в 200 метрах к востоку от цитадели. Мавзолей Тубохон (начало XIV в.) являлся усыпальницей Дувахана, правителя из рода монголов, умершего в Ходженте в 1306 г. Мазар Тубохон был расположен примерно в 200 метрах к западу от цитадели (Негматов, 1957, с. 57). В Ходженте существовал еще мазар — «қадамчой» Ходжа Камола (1325—1400 гг.), — одного из классиков таджикской литературы. Судя по историческим сведениям, он не был похоронен в Ходженте. Всего в Ходженте отмечено 17 мазаров.[1] Почти все ходжентские мазары были окружены кладбищами, в большинстве случаев назвавшимися по тому мазару, вокруг которого они располагались.

Одной из важных черт средневекового города было наличие на его территории сельскохозяйственных угодий. В Ходженте начала XX в. вокруг базара Панджшанбе, где жилая застройка была весьма плотной и каждый клочок земли дорог, сельскохозяйственных угодий не было. Небольшие земельные массивы, занятые посевами джугары, пшеницы и хлопчатника, находились на северо-западной, западной и восточной окраинах города. Ряд русских авторов отмечал, что в городе Ходженте западная часть богата садами, славящимися своими превосходными фруктами и обширными насаждениями тутового дерева, разводимого ради его листьев, которые необходимы для шелководства (Шишов, 1910, с. 31; Масальский, 1913, с. 695).

Участки городской территории, занятые посевами, садами, виноградниками и насаждениями тополей, назывались «ҳаёт», «майдон», «боғ», «чакалак». При этом в Ходженте эти термины означали: «ҳаёт» — приусадебный огород и посевы, «майдон» — участок, где были насажаны деревья абрикоса и тута, «боғ» — участок, занятый фруктовыми деревьями, цветником и в середине их пруд. Участки располагались обычно позади жилого дома. Их владельцами являлись богатые горожане, и участки называ-

[1] В Қалъаинавской части находились мазары: Шайх Низомадини Вали (кв. Сари Баланди), Ходжаи Мохру (кв. Ходжа Мохру), Хорак (кв. Кокибофон), Ходжа Абдуллои вокиф (кв. Кунгуроксозон), Ходжа Рушнои (кв. Таги Шохтут), Кавс (кв. Дуйум Мирзоён).

За воротами Қалаи нав находился мазар Озах; в Раззакской части—мазары: Чорчирог (кв. Чорчирог), Хорак (кв. Хорак), Ходжа Низомаддин (кв. Якум Ходжа Бикробод), Бобо Зиракато (кв. Шербин), Раззак (кв. Сари санг), Ходжа Побел (кв. Ходжа Побел), безымянные мазары в кварталах Масчиди сурх и Нуриддин Махсум.

лись по их именам: «майдони, ҳаёти Яъкуби фармон, Холмамадбой, Саъдулобой». Участки использовались владельцами в качестве дачных мест или сдавались в аренду земледельцам.

Как отзвук былого, осталось название квартала Чорбог (буквально «парк»). Квартал расположен вблизи южной крепостной стены. Здесь, по воспоминаниям информаторов, раньше находился большой сад, который до присоединения Ходжента к России принадлежал правителю города. Позднее территория сада была застроена жилищами горожан.

Сохранение сельскохозяйственных угодий в пределах дореволюционного города и обычай иметь загородные дачи, где горожане занимались сельским хозяйством, свидетельствуют о значительной связи его населения с земледелием, о несовершившегося еще полностью отделении города от деревни.

Таким образом, этнографические сведения, дополняемые данными письменных источников и археологическими материалами, позволяют наметить районы древних, средневековых и более новых кварталов, датировать время возникновения некоторых из них. Археологические шурфы, заложенные в 1954—1955 гг. в северо-восточной прибрежной части города показали, что этот район освоен и заселен не ранее XVII—XVIII вв. (Негматов, 1959а, с. 64). В этом районе располагались кварталы: Бешкапа, Қаландархона, Якум и Дуйум Мирзоён, Қемачи, Шуркурган, Таги шохтут, Магоко,[1] Сари баланди, Хотун масчид, Қаллахурон, Мушхурон, Мулло Мирашур, Қалъаи нав. По преданию, территория кварталов Бешкапа и Мулло Мирашур была заселена на рубеже XVII—XVIII вв. Археологические материалы свидетельствуют, что территория восточных кварталов была заселена приблизительно в XVII—XVIII вв., а самая западная прибрежная часть города в XVIII—XIX веках (Негматов, 1959, с. 64). Наличие в северо-западном прибрежном районе усадеб с большими участками садов, виноградников и посевов может свидетельствовать о его включение в черту города в позднее средневековье. Не лишено вероятности, что этот район в связи с частыми разрушительными паводками Сыр-Дарьи, неоднократно перестраивался. Кварталы Тубахон, Ходжа Камол, расположенные в центре, вблизи цитадели и носившие названия известных исторических личностей XIII—XIV вв., являются наиболее старыми.

[1] Название «магоқ» — ров, отражает топографию этого жилого квартала, расположенного у северных крепостных стен.

Совокупность археологических, исторических и этнографических данных (чрезвычайная скученность и теснота домов, плотность населения, близость к цитадели, т. е. к месту самой древней части города, нахождение торгово-ремесленного центра вблизи цитадели, старинные кладбища и мазары, народное предание о кургане и его четырнадцати приходах) позволяют считать древней частью Ходжента — район жилых кварталов, прилегавших к цитадели с запада и юга. К юго-востоку от древней части, в торгово-ремесленном районе, с центром Панджшанбе, сложился феодальный город Ходжент (Турсунов, 1971, с. 50—62).

С другой стороны, деление Ходжента на две части, имевшие идентичные черты, свои торгово-ремесленные центры, главные соборные мечети, структуру — возможно восходит к планировке древних городищ, связанная дуальной организацией доклассового общества, выявленная С. П. Толстовым (1949, с. 285).

Все приведенные данные позволяют прийти к следующим выводам:

Город Ходжент возник и развивался в той части Средней Азии, которая отличалась благоприятными разнообразными естественными и культурными условиями: он располагался на территории расселения разных хозяйственно-культурных типов, снабжавших город сельскохозяйственными продуктами, сырьем и потреблявшим изделия городской ремесленной промышленности; сказывалась близость источников полезных ископаемых, а также Сыр-Дарьи, служившей для транспортировки товаров, развитые пути сообщения областного, краевого и международного значения. Присоединение Средней Азии к России создало новые экономические и политические возможности для развития города Ходжента, расширило его внешние связи, вызвало важные внутренние изменения в жизни города.

В этот период происходил рост города. Расширилась его территория, увеличилась застройка, уменьшились участки, занятые сельскохозяйственными угодьями. Если в 80-е годы прошлого века приусадебные сады и пашни занимали треть территории Ходжента, то к 1917 г. их доля составила менее 4/5 части. Городские стены потеряли прежнее значение и стали разрушаться. Главные магистрали сохранили прежнее направление, но их значение в жизни города значительно возросло.

Одним из важных внешних признаков развития городской жизни Ходжента было увеличение числа торговых лавок на двух главных рынках и числа базарчиков на периферии. Увеличилось

число караван-сараев, чайхан, столовых, находившихся как в рынках, базарчиках, так и по главным магистралям и на их окраинах.

Увеличивались не только число дворов, но и жилых кварталов за счет застройки новых и дробление старых. Появилась новая — русская часть города. Уменьшилось число кварталов, объединявшихся в «роаты». Это свидетельствовало об ослаблении традиционных семейно-родственных связей горожан. Рост количества мечетей, медресе, мазаров означало не только развитие феодальной культуры. Увеличение доходов от вакуфных земель и вследствие этого превращение культовых учреждений в торгово-земледельческих собственников, эксплуатировавшие городских и сельских тружеников приводил к разрушению морально-этических устоев феодального города.

Надежные демографические сведения о городах и селениях Северного Таджикистана появляются в первые годы после присоединения Средней Азии к России. В 1868 г. очевидец Д. И. Романовский писал: «Ходжент составляет один из наиболее многолюдных, богатых и красивых городов Средней Азии, а жители его славились большой самостоятельностью, большим упорством, а вместе с тем, надо дать им справедливость, и большой твердостью в исполнении обещаний» (1868, с. 66—67). Считая, что в каждом дворе жило в среднем по 5 человек, А. А. Кушакевич исчислил население города в 17,9 тыс. человек (Статистические сведения, 1872, с. 50).

В 1880 г. Л. Ф. Костенко, применяя тот же метод расчета, исчислил количество населения г. Ходжента в 29 тыс. человек (I, 1880, с. 444). В статистических материалах 1887—1888 гг. отмечается наличие в городе Ходженте 5709 дворов и 28,8 тыс. душ населения (Сборник материалов, 1890, с. 242—243). Всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. в Ходженте зарегистрирована 30,1 тыс. человек населения (Всеобщая перепись, 83, 1905). Динамику дальнейшего роста населения г. Ходжента в начале XX в. показывают следующие данные (на начало каждого года): в 1902 г. — 33,2 тыс. (Справочник, 1902, с. 24), в 1904 г. — 34,5 тыс. (Там же, 1904, с. 1—4), в 1906 — 35,9 тыс. (Там же, 1906, с. 60), 1907 — 36,2 тыс. (Пален, ч. II (I), 1911, с. 28—29), в 1910 г. — 39,3 тыс. человека населения (Дмитриев-Мамонов, 1912, с. 295) к началу 1912 г. численность населения перевалила за 40 тыс. (Справочная книжка, 913, с. 17), а в 1916 г. было зарегистрировано 41,6 тыс. человек (Зарубин, 1926, с. 10). Таким образом, в течение 50 лет после присоедине-

ния (1866—1916 гг.) население города Ходжента возросло более чем в два раза и достигло почти 42 тыс. человек, причем средний ежегодный прирост колебался от 500 до 1000 человек.

Города по составу населения значительно отличались от сельских местностей. Город явился местом концентрации людей различного этнического происхождения. Имея основное коренное население, формировавшиеся в древности от местных согдийцев и ферганцев, город Ходжент включил в себе также компоненты различного происхождения. Здесь в разное время поселились пришельцы из других мест. Это сделало население Ходжента достаточно разнородным. Следует отметить, что при общем увеличении происходил и отлив населения изучаемого района в другие города и населенные пункты в силу различных исторических и политических обстоятельств. Так, группа переселенцев из Ходжента образовала в городе Самарканде жилой квартал Худжандихо. Выходцы из Ходжента участвовали в основании крупных кишлаков правобережной части Каратегина (Таджики Каратегина и Дарваза, I, 1966, с. 61). По сведениям наших информаторов, группы ходжентцев жили во всех крупных городах Ферганской долины и в Ташкенте. Они основали ряд селений и жилых кварталов в Канибадамском и Исфаринском районах.

Сведения об этническом составе населения Ходжента в период средневековья отсутствуют. Они накапливаются лишь начиная с XIX в. Так, Мир Иззат Улла (1813 г.) отмечал, что жители Ходжента говорят на таджикском языке (1956, с. 50). А. А. Кушакевич в своей работе о Ходженте и его уезде называл таджиков «древнейшими поселенцами края» (1871, с. 238). С 70-х годов XIX в. появляются статистические сведения, позволяющие оценивать более точно место того или иного этнического компонента в составе населения городов, и в частности жителей Ходжента. Последнее свидетельствует, что подавляющее большинство населения Ходжента составляли таджики. А. П. Федченко в своем письме генерал-губернатору Кауфману в 1872 г. назвал жителей Ходжента «трудолюбивым и понятливым таджикским населением» (1873, с. 387). М. Бекчурин писал: «Ходжент значительно населен. Жители его — таджики и сарты, первых гораздо больше, и они говорят по персидски, на бухарском наречии...» (Бекчурин, 1872, с. 2—3). Л. Ф. Костенко отмечал, что жителей во всем городе Ходженте 29 тысяч и они все почти таджики (I,1880, с. 444).

Следует отметить, что в дореволюционной литературе и в

документальных материалах, этническая принадлежность населения часто оказывается неясной или дается ошибочно. Например, население Ходжента и его пригородов, наряду с жителями Канибадама, Ура-Тюбе, Исфары и других таджикских городов названы «сартами».[1] В практике русского населения Туркестанского края, так называлось все оседлое население Ферганы, Ташкента, Хивы, без учета его принадлежности к двум разным народам — таджикам и узбекам с различными языками. Например, А. Д. Дмитриев-Мамонов, исчисляя в 1910 г. население Ходжента в 39,3 тыс. человек, 38,6 тыс. из них назвал «сартами» (1912, с. 295).

Как известно, термин «сарт» дореволюционные русские востоковеды толковали по-разному. По мнению одних «сарты» — это таджики (Александр Борнс, Герман Вамбери, А. Д. Гребенкин), другие считали сартов узбеками (А. П. Хорошхин, В. П. Наливкин), а третьи — «смешанным таджикско-узбекским типом» (Л. Ф. Костенко, Э. Реклю, А. Ф. Мидендорф) (Остроумов, 1884, с. 21—34; 1890). Советские историки и этнографы выяснили подлинное значение этого термина и дали ему научное истолкование. Установлено, что под «сартами» следует понимать потомков раннего пласта оседлого ираноязычного населения (Народы Средней Азии, I, 1962, с. 170). Таджикоязычные «сарты» составили основной компонент таджикского народа, а тюркоязычные «сарты» были ядром формирования узбекского народа (Вахабов, 1961, с. 44—45).

Но таджикское население города не было единым и по своему происхождению. Среди таджиков были местные и пришельцы из других мест. В Ходженте имелся квартал Испаракон (исфаринцы), жители которого переселились из Исфары, дали кварталу свое название, оформив его постройкой квартальной мечети. У жителей квартала Мулло Мир Ашур или Кокбача, сохранилось предание, что их предки 300 лет тому назад пришли из Самарканда. На месте этого квартала до этого был пустырь. Спустя некоторое время в Ходженте поселилась небольшая группа горных таджиков-матчинцев. Их потомки жили в квартале Дехнав, Пуларкиш, Чугурчукон. По-видимому, горные таджики переселялись в город неоднократно, приходя сюда время от времени небольшими группами, смешиваясь с местным населением, и не оставляя заметного следа в этническом составе

[1] О документах, где ходжентцы названы «сартами», см. ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 6, л. 56—57, 62—63. л. I, д. 1041, л. 29—32.

горожан. Так, один из богатых и влиятельных горожан XIX века Мулла Шамсибай был родом из Каратегина. Потомки Муллы Шамсибая жили в квартале, названном его именем.

Среди населения города были и другие этнические группы: арабы, евреи, узбеки, русские. В Ходженте имелось два квартала, которые назывались Арабон — «арабы». Одна из них находился на юго-восточной окраине Калъаинавской части, у Кокандских ворот. У жителей этого квартала сохранилось ясное воспоминание об их арабском происхождении, и старожилы не без гордости заявляют, что они арабы. Размещение арабов на окраине города, у крепостных стен свидетельствуют об их сравнительно недавнем приходе в город.[1] Арабы жили обособленно, не вступая в брачные связи с таджиками, которые их четко выделяли, прибавляя к их именам эпитет «араб» (Шариф-араб, Шери-араб, Ахмадбойи-араб). Арабы отличались от таджиков чертами лица, сохраняя переднеазиатский антропологический тип. Кожа у них более темная, для них характерен крупный нос, толстые губы, большие черные глаза, вьющиеся бороды и усы, не выступающие скулы (Народы Средней Азии, II, 1963, с. 582). Сохранение до сих пор местными арабами переднеазиатского антропологического типа объясняется их замкнутостью и отсутствием брачных отношений с окружающим населением. В начале XX в. по данным очень сведущего информатора, в Ходженте арабы имели 92 дома, т. е. их было не менее 360 человек.[2] Большинство арабов занималось земледелием, некоторые из них — ремеслом. Среди них встречались сапожники или плотники.

Второй квартал Арабон также находился на окраине города, прилегая к городской стене с юга,[3] но его жители не считают себя арабами. Старожилы, объясняя название этого квартала утверждают, что когда-то здесь поселилась одна семья арабов, которая и дала кварталу его название.

Отдельную этническую группу среди населения Ходжента составляли среднеазиатские евреи. Время поселения их в Ходженте неизвестно. Евреи в Средней Азии живут с древних вре-

[1] Б. Х. Кармышева предполагает: «не исключена возможность, что современные арабы Бухары, Ленинабада... происходят от этих поселенцев первых веков ислама». (Народы Средней Азии и Казахстана, II, 1963, стр. 585).

[2] Сообщение Холмамада Хусейнбоева (1893 г. р.) потомка ходжентских арабов.

[3] В отличие от Ходжента, в Бухаре один из двух кварталов Арабон находился в центре города, к северо-востоку от бухарского арка. См. О. А. Сухарева, Бухара XIX—начала XX вв., стр. 150.

мен (Амитин-Шапиро, Юабов, 1935). В Ходженте они жили отдельными семьями среди таджикского населения в кварталах Дукчи, Чакари курпа, Кушмасчид, Бозори гуза Ниёз-дегча, Гузари охун, расположенных вокруг ремесленно-торгового центра Панджшанбе. Придерживаясь иудейской религии, евреи не смешивались с таджиками и по своему облику отличались от них, сохраняя, как и в других районах Средней Азии, переднеазиатский тип (Ошанин, ч. I, 1957, с. 113). Они отличались от таджиков и по одежде. Евреи-мужчины одевали поверх рубахи длинные черные камзолы, снизу до верху застегнутые на пуговицы. Женщины всех возрастов носили длинные и широкие платья бухарского покроя, нередко несколько платьев одно на другое. Любили одежду желтого цвета. Верхней одеждой им служили камзолы. На голову накидывался белый тюлевый платок, который также закрывал лицо. Среди евреев встречались ремесленники, занимавшиеся крашением пряжи в синий цвет холодным способом — «кабудгарй» и шитьем халатов, много было торговцев — и мелких,, и очень богатых, владельцев заводов. Так, Харат Исхакбаев и Шихнаев имели в Ходженте хлопкоочистительные заводы (Гулишамбаров, 1913, с. 122).

Обособленной и замкнутой этнической группой жили евреи-мусульмане— —«чала». Они составляли основную часть населения квартала Таги савр, расположенного к западу от базара Панджшанбе. Наши информаторы, происходившие из этой группы, сообщали, что в мусульманство был обращен их прадед Мулло Полвони-чала. Это произошло около 150 лет тому назад в Бухаре. После этого он переселился с семьей в Ходжент и положил начало группе евреев-мусульман.

Евреи-мусульмане, вступившие в браки зачастую в своей среде, заметно сохранили в физическом типе черты, свойственные евреям. В их быту и сознании преобладали элементы мусульманства, сочетавшиеся с реликтами еврейства (И. Бабаханов, 1951, № 3, с. 162—163). Занятиями евреев-мусульман были ремесло (шелкомотание, ткачество) и торговля.

Все вышеописанные этнические группы населения говорили на таджикском языке.

Кроме таджикского населения и таджикоязычных этнических подразделений, в Ходженте имелись и тюркоязычные жители — узбеки «курама», относившие себя к группам «бешкаппа» и «тапкок». Первая группа населяла квартал Бешкаппа, находившийся в прибрежной северной части города. Вторая группа жила в квартале Тапкок, прилегавшим с запада к цитадели.

Детальное этнографическое обследование города позволило выявить «курама» также в кварталах Сари тепа и Джар-кишлак, но там их было не более 3—4 домов в каждом. Все узбеки, жившие в самом городе, считают себя потомками выходцев из города Шахрухия (искаженное народное— Шарукия или Шаркия), расположенного на правом берегу Сыр-Дарьи.[1] В предании, написанном С. Айни для мемуров Восифи, отмечается, что город Шахрухия располагался вблизи Сыр-Дарьи и теперь от него не осталось следа. По преданию и данным литературы, выходцы из Шахрухии покинули свою родину в последней четверти XVII в. и переселились в разные населенные пункты. Группа, осевшая в Ходженте, заняла прибрежный район города. Это народное предание подтверждается историческими источниками. Тюрколог Н. А. Аристов, говоря об узбеках — «курама» приводит в числе 9 их городов название — «Шарукия» и сообщает о смутной поре в последней четверти XVII столетия, когда казахи продвинулись к бассейну Чирчика и Ангрена, в результате чего местное население этих городов «искало спасения за Ташкентом и даже за Сыр-Дарьей» (1896, № 3—4, с. 386—387). Выходцы из Шахрухии, образовавшие квартал Бешкаппа занимались плетением циновок, среди них были плотогоны — «солкаш», которые на плотах сплавляли вниз по течению реки Сыр-Дарьи до форта Казалинска сушенные фрукты и ткани местных кустарей. В квартале жили также ткачи материи хоса, сапожники, кожевники.

Выходцы из Шахрухии и другие группы узбеков говорили между собой преимущественно на узбекском языке, но при общении с таджиками употребляли таджикский язык, которым они полностью владели. Антропологически они были сходны с таджиками, но в их физическом типе имелись элементы монголоидности. Потомки переселенцев из Шахрухии сохраняли между собой близкие связи. На свои семейные обряды они приглашали земляков даже из отдаленных селений. Небольшую группу составляли осевшие киргизы в квартале Мирзоёни боло.

---

[1] О городе Шахрухия В. В. Бартольд писал: «около устья Ангрена находился город Бенакет. Бенакет был разрушен монголами и восстановлен при Тимуре, который в честь своего сына назвал город Шахрухия. Развалины Шахрухии находятся на правом берегу Сыр-Дарьи, в устье долины Жигена, по которой шел левый приток Ангрена» (I, 1963, с. 226). Этот город под названием «Шохрухия» упомянут в сочинениях Абдураззака Самарканди (1969, с. 141, 142, 338, 541) и Зайниддина Восифи (Айни, 1956, с. 12, 253—273).

После присоединения Средней Азии к России в составе населения Ходжента появились русские, литовцы, армяне, поляки, немцы. Они жили в русской части города. Представление об этническом составе населения Ходжента дает нижеследующая таблица.[1]

Название этнических групп	их численность			
	1880 г.	1903 г.	1907 г.	1916 г.
Таджики	28813	35419	38603	40100
Евреи	30	96	150	432
Персы	7	2	—	3
Узбеки	100	3	—	—
Киргизы	—	17	—	—
Татары	—	112	—	—
Русские	—	309	606	764
Армяне	—	5	2	—
Кашгарцы	50	—	—	—
ВСЕГО:	29080	35841	39261	41299

Таблица отражает динамику роста населения за 40 лет. За это время увеличилась численность таджиков, русских, евреев. Узбеки приняли таджикский язык. Арабы, по всей вероятности, тоже причислены к таджикам.

В заключении данного раздела отметим факторы, обусловившие рост численности населения, его этнический состав и значение этих явлений в рассматриваемый нами период.

Между 1866—1917 гг. население города Ходжента увеличилось вдвое. В некоторой степени это было связано с завершением междоусобных войн и стабилизацией социально-экономической жизни края после присоединения Средней Азии к России. Размежевание городского и сельского населения было важным фактором сложения жителей Ходжента. На рубеже XIX — начала XX вв. началось переселение части сельского населения Ходжентского района в город, что было результатом классового расселения, усиливавшегося среди дехканства. Основная часть новых горожан происходила из сельского района. Отделившись от земли, они пополняли ряды городского пролетарского слоя: наемных работников капиталистических кооперации и мануфактур, фабрично-заводских заведений, поденщиков, сезонных рабочих, сочетавших несколько профессий.

Рост городского населения как естественным путем, так и за счет земледельческого населения по своей сущности был прогрессивным явлением. Он свидетельствовал о подъме городской жизни, общественного разделения труда и в конечном счете служил основой развития производительных сил общества. К. Маркс писал: «если для разделения труда внутри мануфактуры материальной предпосылкой является определенная численность занятых рабочих, то для разделения труда, внутри общества такой предпосылкой являются численность населения и его плотность...» (соч., т. 23, с. 365).

Подавляющую часть населения г. Ходжента составляли таджики. Однако, в целом население города Ходжента сложилось, как из таджиков, так этнических групп. Это, вероятно обуславливалось расположением Ходжента в главных путях сообщения между Ферганой, Ташкентом, Верхним и Средним Зерафшином. Появление несреднеазиатских этнических групп в конце XIX — начале XX вв. усилило пестроту состава населения г. Ходжента, их межнациональные хозяйственные и культурные связи, послужило основой братской дружбы народов, укрепившейся после Октябрьской революции.

По классовому составу населения г. Ходжент был типичным занятий жители Ходжента разделялись на ремесленников, торговцы представляли трудящиеся массы, противостоящие классу феодалов в лице землевладельцев, купцов, баев. По характеру занятий жители Ходжента разделялись на ремесленников, торговцев, землевладельцев, духовенство и работников умственного труда.

Ремесленники составляли значительную часть населения Ходжента. Точных данных о численности ремесленников и количестве мастерских нет. Документы не отражают действительного числа ремесленников. К. К. Пален, использовавший материалы переписи 1897 г., считал, что в Ходженте из 3806 занятых лиц, так называемого самодеятельного мужского населения (т. е. глав хозяйств) — 3015 лиц занимались различными промыслами (ч. I (I), 1911, с. 17).[1] Переписью были учтены лишь ремес-

[1] Таблица составлена на основе литературных источников (Костенко, I, 1880, с. 444), документов и данных переписи 1920 г. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 722, л. 120—121; д. 1934, л. 334; д. 2135, л. 199; И. И. Зарубин, 1926; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 409, л. 16—17).

[1] К самодеятельной части населения относились лица, которые имели самостоятельные средства существования независимо от источника и способа их получения. Остальная часть населения получала средства для жизни от «самодеятельных», являясь их иждивенцами, и обычно состояла из членов их семей. (История Москвы, IV, 1954, с. 240).

ленники, имевшие самостоятельные заведения, а те, которые работали в качестве наемных мастеров, остались незарегистрированными, как и члены семей ремесленников, в той или иной степени участвовавшие в производстве. Собранные нами опросные сведения, полученные от старожилов каждого квартала в отдельности, показывают, что в Ходженте начала XX в. было не менее 4500 мастерских. Если учесть, что в каждой мастерской работало в среднем по три работников — семейных и наемных — то число ремесленников в Ходженте должно было быть не менее 18 тысяч, что составляло около 40% городского населения. Этнографическое изучение города позволило выявить 103 отрасли и специальности ремесленной промышленности.

Отрасли ремесленного производства Ходжента характеризуются нами ниже по значимости их в экономике города, критерием чего служило число занятых в них лиц, степени механизации трудовых процессов и организации производства.

Отрасли ремесла города Ходжента. I. Обработка волокна. Ремесло по обработке волокна и побочные промыслы, по указанным критериям являлись наиболее развитыми как в городе, так и селениях. Процесс обработки волокна разделяется на три основные стадии: подготовка пряжи, тканье, обработка готовых тканей. Основная масса ткацких мастерских находилась при домах. Стадия подготовки пряжи для тканья в свою очередь разделялась на следующие отрасли: 1) выработка пряжи: а) размотка коконов — «пиллакашӣ», б) кручение грежи — «аштобчигӣ», в) снование грежи — «даврагарӣ»; 2) очистка хлопка от коробочек и семян — «пахтакашӣ»; 3) прядение хлопка — «респонреси».

Следует отметить, что в Ходженте конца XIX — начала XX вв. наряду с шелкомотанием, важное место занимала выработка бумажной пряжи. Она шла на производство как бумажных материй, так и полушелковых. Кроме того, в середине XIX в. русские фабрики еще не могли правильно очищать хлопок от семян, от чего их пряжа была низкого качества. Поэтому среднеазиатская хлопчатая бумага и бумажная пряжа до конца XIX века составляла важный предмет среди товаров, экспортируемых из Средней Азии, в том числе из Ходжента в Россию. Сообщения русских источников («Азиатский вестник», 1826, 3, с. 177; Небольсин, 1856, с. 263, 266, 268; Кушакевич, Сведения, 1872, № 13) об этом подтверждается и документальными материалами.

Крашение пряжи разделялось на две отрасли: 1) отварка

грежи — «ишқоркунӣ» и крашение ее в различные цвета горячим способом — «рангуборчигӣ»; 2) крашение в индиго — «кабудгарӣ». Особыми специальностями были перевязка основы для орнаментации тканей — «абрбандӣ», нанесение отметок узора на основу бекасаба — «нақшандозӣ», изготовление гребней для берда — «теғбандӣ», вязка ремез — «гулабардорӣ».

Ткачество, в зависимости от вида производимых тканей, разделялось на пять отраслей: 1) производство бумажных материй; 2) производство шелковых тканей, делившееся на выработку канауса — «шоҳибофӣ» и атласа — «атласбофӣ»; 3) производство полушелковых материй, делившиеся на шесть специальностей; 4) производство материй для чалм, делившиеся на две специальности: выработка шелковых чалм — «саллабофӣ» и изготовление материй для чалм и кушаков — «фӯтабофӣ». Особую отрасль ткачества составляла: 5) выработка тонких шелковых платков — «доройибофӣ» (Турсунов, 1974, с. 79—104).

Обработка готовых тканей делилась на следующие отрасли: 1) выбеливание хлопчатобумажной материи — «шустагарӣ»; 2) нанесение набивных узоров на бумажные материи при помощи специальных деревянных штампов — «читгарӣ»; 3) лощение хлопчатобумажных и полушелковых материй — «кудунггарӣ». Таким образом, процесс обработки волокна распадался более чем на 20 отраслей и специальностей, которые выполнялись 30 профессиональными мастерами и подсобными работниками. Это свидетельствует о высоком уровне потоварного и детального разделения труда в ткацкой ремесленной промышленности.

В 1871 г. в Ходженте зарегистрировано следующее число мастерских по обработке волокна с учетом числа мастеров и суммы выпускаемой продукции:[1]

Мастерские	число мастерских	число мастеров	сумма производства
Шелкомотальни	30	300	20300 руб.
Красильни	23	42	29000 руб.
Ткацкие, изготавливавшие шелковые ткани	74	92	6000 руб.
Ткацкие, изготавливавшие бумажные материи	160	250	2000 руб.
Ткацкие, изготавливавшие материи для чалм	20	60	2100 руб.
Набойки	30	70	27000 руб.
	377	814	76400 руб.

[1] Таблица составлена на основе архивного документа 1871 г., см. ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 5, л. 31.

В 1906 г. в городе отмечено уже 230 шелкоткацких промышленных заведений кустарного типа, которые за год производили продукцию на сумму 120 тыс. руб. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2142, л. 271—272).

Статистические сведения свидетельствуют о том, что ткацкая ремесленная промышленность Ходжента после присоединения Средней Азии к России значительно возросла. Продукция ткацкого производства г. Ходжента удовлетворяла потребности как местного населения, так и внешнего рынка. Ходжентский текстиль вывозился в другие области Средней Азии, в Россию и заграницу. В первой половине XIX в. из Средней Азии, в том числе, из Ходжента, в Россию вывозились бязь (белая мата), зендель (крашеная бязь, выбойка (или чит), суса (или алача), одеяла, занавески, кушаки, шелк-сырец, шелковые и полушелковые материи (дорои, бенарас, бекасаб, подшохи) («Азиатский вестник», 1826, 3, с. 177—178; Небольсин, 1855, с. 271, 273, 290—292). Местные земледельцы и скотоводы, в большом количестве приобретали бумажные ткани. В конце XIX — начале XX вв., предметом экспорта ткачество Ходжента являлся бекасаб, адрас, шохи. По степени усовершенствования и механизации трудовых процессов ткацкая промышленность Ходжента конца XIX — начала XX вв. стояла на высокой ступени технического развития эпохи феодализма (Турсунов, 1969, с. 38—46). В промыслах по обработке шелкового волокна и изготовлению некоторых видов бумажных материй (коки, хоса) действовали заведения типов простой капиталистической кооперации, рассеянной и централизованной мануфактуры, в которых работали от 5 до 150 наемных работников (Турсунов, 1974, с. 110—149).

II. Обработка металла. Важное место среди отраслей ремесленной промышленности Ходжента занимала обработка металла. Эта отрасль ремесла обеспечивала население металлическими изделиями, а ремесленников и земледельцев — орудиями производства. Обработка металлов разделялась на пять отраслей. I. Кузнечно-слесарное дело — «челонгарӣ». В этой отрасли работали следующие мастера: а) кузнец, выдавливавший кетмени, топоры, серпы — «каландгар»; б) ковальщик, производивший подковки для обуви — «наългар»; в) ковальщик, изготавливавший подковки для верховых животных — «таққачӣ»; г) замочник — «қулфсоз»; д) ножовщик — «кордгар»; е) игольщик — «сӯзангар»; ж) жестянщик — «тунукасоз»; з) гвоздарь — «мехчагар». Изготовление жестяных изделий было новым занятием, связанным с привозом жести из России. Оружейник — «милтиқсоз» в конце XIX — начале XX вв. производил, главным образом ремонт старых ружей (Краузе, 1872, с. 213—218).

По сведениям 1870 г. кузнечно-слесарным делом в Ходженте занималось 125 мастеров с учениками (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2275, л, II). В 1913—1916 гг. в Ходженте действовали 20 кузнечных мастерских с 40 работниками, 7 слесарных мастерских с 14 работниками, 8 жестяных мастерских с 16 работниками (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 88, л. 28).

2. Литье чугунных изделий — «дегрезӣ». Ремесленники этой отрасли отливали из чугуна котлы, лемехи, кувшины, оси и втулки для арб, светильники и т. д. Сами хозяева чугунолитейных мастерских организовывали добычу руды в горах Моголтау. Сырьем также служил металлолом. Еще в 50—60 годах прошлого столетия чугунолитейное производство было одной из развитых отраслей промышленности Ходжента. Ходжентские литейщики кроме бытовых предметов отливали чугунные пушки.

По сведениям 1871 г. в Ходженте было 14 чугунолитейных заведений, в которых постоянно работало 29 человек. Они производили изделий на сумму 3200 рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 5, л. 31). По собранным нами опросым сведениям, относящихся к началу XX века, в городе имелось 6 чугунолитейных мастерских. Уменьшение их числа свидетельствует о том, что после присоединения Средней Азии к России в Ходженте, как и в других городах, в связи с привозом дешевых металлических изделий из России, чугунолитейное производство сократилось. Вместе с тем, в изучаемый период под влиянием новых условий происходило улучшение качества выделки чугунных изделий. По словам Н. А. Кирпичникова «под влиянием спроса со стороны русских потребителей, чугунные изделия с каждым годом, видимо, улучшается: их делают теперь чище, тоньше и прочнее. Изготовление таких предметов как колосники, кухонные плиты, маховики и части для хлопкоочистительных джинов, указывает на усовершенствование техники туземных литейщиков» (1897, с. 125).

3. Выделка кованных медных изделий — «мисгарӣ». Медники изготовляли медные котлы, кумганы, умывальники, подносы, кувшины. В 1870—1872 гг. в городе было 8 мастерских медников с 12 мастерами и 18 учениками (Кушакевич, 1872б, с. 50; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2275, л. 11). В 1885 г. в Раззакской части действовали 8 мастерских (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 86, л. 38). По подсчетам информатора, старого медника усто Пулата Мирмуллаева (1875 — 1970 гг.), мастерских по

выделке медных изделий в Ходженте в начале XX века было 29. Из них 21 мастерская находилась на базаре Панджшанбе, а 8 — на базаре Чоршанбе.

4. Литье бронзы — «рехтагарӣ» — в изучаемый период было весьма слабо развитой отраслью ремесла.[1] Этим ремеслом в Ходженте занимались лишь 2 мастера — усто Фозил и его сын — усто Мухаммаджон. В своей мастерской, которая находилась на базаре Чоршанбе, они отливали бронзовые ручки для кувшинов и рукомойников, бронзовые цепочки для дверей — «зулфини дар».

5. Ювелирное дело — «заргарӣ». По сообщению нашего информатора, старейшего ювелира города усто Ахмада Олимова (1883—1970 гг.) в Ходженте в начале XX века было более 60 ювелиров. Некоторые из них специализировались на изготовлении определенного вида изделий: браслетов, колец, печатей, очищении благородных металлов от примесей — «гахбандӣ».

По свидетельству В. К. Розвадовского: «одинаково заргары и в Бухаре, и в Самарканде, и в Ходженте, и в Коканде: небольшие лавки, те же устройства мастерских при них, и те же изделия. Несколько выделяется Ходжент, где большее количество мастерских и изделия изящные. Изделия приготовляются из золота, серебра, олова и выкладываются бирюзой и цветными камнями, иной раз очень ценными, но большей частью стеклом» («Туркестанское сельское хозяйство», 1916, № 4, с. 340—341).

С ювелирным делом была связана работа часовых мастеров. В 1915 г. в Ходженте было 3 часовых мастерских (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. 1, д. 88, л. 28). Металлические изделия производились главным образом для нужд горожан и Ходжентского района. Изделия замочников, жестянщиков, медников, литейщиков чугуна, ювелиров вывозились в соседний Науский район. Их также приобретало скотоводческое население округи. В мастерских, названных ремесленников наблюдалось некоторое детальное разделение труда. Появились заведения типа простой капиталической кооперации в отраслях изготовления кетменей, слесарных инструментов, медных, чугунолитейных изделий.

III. Обработка кожи. Эта отрасль ремесла в Ходженте второй половины XIX века — начала XX в. являлась одним из наиболее развитых товарных промыслов. Еще в 70-х годах прошлого столетия, по сообщению А. А. Кушакевича, полувыделанные кожи в довольно значительном количестве отправлялись из Ходжента в Россию (Кушакевич, 1871, с. 262).

Кожевники делились на две группы: а) мастера по выделке кожи для верхов и подошвы из козлиных, бараньих и коровьих шкур — «чармгар»; б) ремесленники, изготовлявшие шагрень из ослиных и лошадиных шкур — «кемухтгар». Этот сорт кожи в старину употреблялся для сапог и для задников у обуви (Иванов, 1872, с. 19—21; Парамонов, 1872, с. 218—225). В 1871 г. в Ходженте было 24 мастерских кожевников, где работали 93 ремесленника и выпускалось за год продукции на сумму в 28 тысяч рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 31). В 1886 г. в Раззакской части г. Ходжента 6 кожевенных мастерских, в которых работали 24 человек, выпускали 20 тыс. штук овчин, 24 тыс. штук козлин, 240 тыс. штук кож рогатого скота в год (ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 86, л. 38).

Кожа шла главным образом на изготовление обуви. В сапожном ремесле выделялись специальности: изготовление сапог — «мӯзадӯзӣ», шитье сапожков с мягкими подошвами — «маҳсидӯзӣ», шитье кожанных галош — «кафшдӯзӣ», починка старой обуви — «кӯҳнадӯзӣ». В 1872 г. было зарегистрировано 54 ремесленных мастерских, изготовляющих обувь (Кушакевич, 1872б, с. 50—51), а в 1904 г. их число возросло до 150. В них насчитывалось 150 мастеров и выпускалось продукции на 18 тысяч рублей в год (ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1934 л. 206).

Отдельную отрасль в производстве кожанных изделий составляло шорное дело — «саррочӣ». Шорники выделывали из кожи поводья, ремни для стремян, уздечки и т. д. В 1906 г. отмечено 10 шорных мастерских (Там же, д. 2142, л. 271, 272).

Продукция ремесленников по обработке кожи из г. Ходжента получала широкий сбыт как в пределах района, так и в других областях Средней Азии и Казахстана, вывозилась в Россию. В конце XIX — начале XX вв. в промыслах по обработке кожи г. Ходжента начали применять усовершенствованные инструменты, приемы труда, происходил рост детального разделения труда. Наряду с мелкими мастерскими, принадлежавшие ремесленникам-одиночкам и в этой отрасли развивались крупные и средние предприятия типа централизованной и рассеянной мануфактуры, простой капиталистической кооперации. Нами зарегистрировано более 20 таких предприятий. В мануфактуре, принадлежавшей Солех-махсуму, в числе наемных работников, наряду с таджиками, были и русские.

[1] О древней традиции местного искусства литья бронзы, свидетельствует бронзовый кратер, II в. до н. э., найденный нами под Ленинабадом (Литвинский, Турсунов, 1971б, с. 88—106).

IV. Шитье одежды. Во всех промыслах по изготовлению одежды широко использовался женский труд. Исключительно женщины шили халаты, тюбетейки, чекмени, они же участвовали в шитье тулупов и меховых шапок, а также занимались плетением тесьмы для обшивки халатов.

Важным промыслом по изготовлению одежды было шитье стеганных халатов на вате — «чомадӯзӣ». В этой отрасли в исследуемый период действовали предприниматели — скупщики, называемые «чомафурӯш», которые раздавали материал швеям, оплачивая их работу сдельно. Так, Мирсадуллобой и Абдуманон из квартала Мулло Шамсибой были крупными скупщиками халатов. Каждый из них имел по 8—10 постоянных швей — надомниц, которые выполняли такие операции, как шитье верха, подкладки, стежка, плетение тесьмы, обивка ею халатов и других предметов одежды. Посредниками между скупщиками и швеями были мужья последних, которые имели свои профессии. Подобные предприятия можно считать зародышами рассеянной капиталистической мануфактуры. Халаты служили предметом вывоза на широкий рынок. По сообщению письменных источников в первой половине XIX века среднеазиатские халаты в очень большом количестве вывозились в Россию («Азиатский вестник», 1826, 3, с. 177; Небольсин, 1856, с. 271). В конце XIX — начале XX в. шитье халатов в Ходженте превратилось в товарный женский промысел, организованный скупщиками.

Шитье тулупов — «пӯстиндӯзӣ», в отличие от выработки стеганных халатов, было в основном профессий мужчин. Женщины занимались лишь некоторыми детальными операциями, например, подготовкой лицевой стороны тулупа — «авракашӣ».

Кроме того, существовали такие специальности по изготовлению одежды и ее деталей, как шитье женщинами грубошерстных чекменей — «чакмандӯзӣ», тюбетеек — «тӯппидӯзӣ», мужчинами меховых шапок — «телпакдӯзӣ». Особой отраслью было плетение тесьмы — «чиҳакдӯзӣ» разного вида. В соответствии с чем этот промысел делился на отрасли: выработка плетеной тесьмы для халатов — «чиҳаки чома» вышитой тесьмы для штанов — «чиҳаки эзор». Отдельной специальностью было изготовление тесьмы и кистей для паранджи — «часпакчигӣ», кистей для халатов — «бандакчигӣ» и плетение поясов для шаровар на специальном станке — «эзорбандбофӣ». В начале XX века появилась новая профессия — шитье одежды на швейной машине — «мошиначигӣ», чем занимались исключительно мужчины.

Имеющиеся статистические сведения не отражают уровень развития этих мелких промыслов. Поэтому важное значение имели опросные данные. По сведениям, сообщавшим аксакалом Раззакской части города Ходжента, в 1884 г. халаты изготовлялись в 9 кварталах, где было 28 мастерских. В них работало 83 мастера (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1934, л. 36). В 1907 г. отмечено 8 мастерских по шитью тюбетеек, в которых работало 15 мастеров и мастериц.

V. Гончарное производство. В свое время Ходжент являлся одним из известнейших центров гончарного производства Средней Азии. Изделия ходжентских гончаров, в частности фаянсовые, славились по всему краю.[1] Гончарное производство разделялось здесь на четыре отрасли. Одной из них была выделка фаянсовых, полуфаянсовых, либо глиняных изделий, покрытых глухой поливой — «чинисозӣ». Выпускались фаянсовые чашки, блюда, кувшинчики, табакерки. Изготавливалась также посуда, покрытая прозрачной поташной поливой и свинцовой глазурью. Такие работы ходжентских мастеров, выполненные с большим мастерством и украшенные разнообразным орнаментом, были представлены на выставках Самарканда и Ташкента в конце XIX — начала XX вв. Другими отраслями гончарного производства было изготовление простой глиняной посуды и печей для выпечки лепешек и пирожков — «танӯргарӣ». В конце XIX — начала XX вв. в Ходженте производство фаянсовой и полуфаянсовой посуды постепенно сократилось и, наконец, исчезло. Причиной тому был усиленный завоз из России дешевых фарфоровых изделий. Меньше пострадало производство глазурованных изделий. Изготовление глиняной посуды и печей увеличилось. Если в 1871 г. в Ходженте было 60 гончарных мастерских с 80 мастерами, то через 17 лет — в 1888 г. в городе отмечено лишь 27 мастерских. Еще через 17 лет, в 1905 г. осталось только 22 гончарных мастерских с 44 мастерами, а в 1913 г. зарегистрировано всего 15 гончарных мастерских, обслуживаемых 45 мастерами (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 5, л. 31; д. 220; д. 242, л. 57; д. 837, л. 12). В 1915 г. в городе работали 45 гончаров (ЦГА Тадж.ССР, ф. 6, оп. I, д. 88, л. 25). Таким образом, приведенные цифры показывают, что в течение более чем 40 лет число гончарных заведений сократилось на 75%, а число гончаров почти на половину. Вместе с тем, эти же данные свидетель-

[1] О былой славе ходжентских гончаров свидетельствует то, что в 1870 году властями Туркестанского края было заказано в Ходженте усто Мухаммаду Шукурову изготовить 10 разнообразных фаянсовых кувшинчиков и 20 флаконичков для подарка царице (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 987, л. 2).

ствуют о происходившем внутри гончарного производства процессе концентрации рабочей силы в крупных, выдерживавших конкуренцию мастерских.

VI. Мелкие ремесла, производившие различные предметы быта. Неотъемлемую часть городского ремесла составляло производство различных предметов быта. С ремесленниками, обрабатывающими волокно, были тесно связаны такие отрасли, как изготовление деревянных орудий труда: самопрялок — «чархчигӣ», веретен — «дукчигӣ», катушек и шпулек для размотчиков коконов. Изготовлялась различная деревянная посуда. Некоторые ремесленники специализировались на выделке таких бытовых деревянных предметов, как люльки — «говрасозӣ, сундуки — «сандуқсозӣ», гребни для расчеса волос — «шонтарошӣ». Отдельными специальностями было изготовление арб — «аробасозӣ», седел для лошадей — «зинсозӣ», вьючных седел для ослов и верблюдов — «тӯқумдӯзӣ», мыловарение — «собунгарӣ», отливка свечей — «шамъсозӣ», переплетное дело — «саҳҳофӣ», плетение циновок — «бӯйробофӣ», изготовление таких предметов обихода, как веники — «ҷорӯбчигӣ», зеркала — «ойнасозӣ», волосяных веревок — «мӯйтобӣ», серных спичек — «гӯгирдичигӣ» и ножен — «ғилофдӯзӣ». По статистическим сведениям за 1915 г. в г. Ходженте было 4 мастерских по изготовлению арб, где работали 8 мастеров, 3 шорно-седельных мастерских, 4 мыловарных мастерских, 4 свечных мастерских, 3 переплетных мастерских (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 88, л. 28). Специалисты-камнетесы — «сангбур», обтесывали жернова для мельниц, базы для колонн монументальных зданий. Часть мелких ремесел, производила различные предметы быта по заказу, (например, обтесывание жернова для мельниц, переплетное дело) другие, для продажи (мыло, свечи, веревки, люльки, сундуки и т. д.).

VII. Пищевые промыслы. Ходжент был городом с развитым производством по переработке зерна, масличных растений и других продуктов земледелия и животноводства. Это производство делилось на 10 отраслей: размол муки — «ордкашӣ», очистка риса от шелухи — «обчувозкашӣ»; маслоделие — «чувозкашӣ»; убой скота и разделка мяса — «кассобӣ»; выпечка лепешек — «нонвойӣ»; варка пищи — «ошпазӣ», выпечка пирожков — «самбӯсапазӣ»; приготовление пельменей на пару — «мантупазӣ»; приготовление шашлыков — «кавобпазӣ»; изготовление различных видов сладостей — «қаннодӣ»; делившееся в свою очередь на несколько специальностей. Размол муки производился на водяных мельницах очистка риса — на водяных же толчеях. В

начале XX века в Ходженте и его пригородах было 39 мельниц и 27 толчей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2433, л. 5—6). Мельницы и толчеи в основном располагались в пригородах, на больших арыках. В самом городе в 1888 г. было 3 мельницы: 2 — в Раззакской части, одна — в Калъаннавской части. Один из документов, датируемый 1905 г. свидетельствует, что в городе работали 2 мельницы: одна — на арыке Раззак, вторая — на арыке Мазор (Там же, д. 193б, л. 220—221, д. 753, т. 2, л. 123).

Отжимание масла из семян производилось в джувозхона — мастерской, основное оборудование, которое состояло из большой деревянной ступы и песта, который вращала лошадь. Растительное масло производили из семян льна, кунжута, хлопка, из ореховых и абрикосовых ядрышек. По сведениям А. А. Кушакевича, в начале 70-х годов в городе функционировало 50 маслобоек. На основе документальных данных удалось установить, что в 1878 г. маслобоек было 63: из них в Раззакской части — 28, в Калъаннавской части — 35. К концу XX века число маслобоек в городе еще более возросло. Так, в 1907 г. зарегистрировано 125 маслобоек, обслуживаемых 130 работающими и производивших продукции на 18 тыс. руб. В пригородных селениях в 1888 г. было всего 16 маслобоек: в Яве — 4, в Пули чукуре — 2, в Румоне — 4, в Шайх-Бурхоне — 3, в Унджи — 3 (Кушакевич, 1872б, с. 50—51; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2413, л. 5—6; д. 1934, л. 205). Развитие маслобойного производства было вызвано ростом потребностей местного рынка и увеличением вывоза растительного масла во внутренние районы Российской империи и на Кавказ, Сибирь, и аз границу (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 30, л. 24).

Убой скота и разделка мяса представляли одну из важных отраслей пищевых промыслов. Скот забивали в специальных местах — скотобойнях — «саллоҳхона», которые размещались за городскими воротами. В городе и в его пригородах проживало довольно много мясников. Если в начале 70-х годов в Ходженте существовало 48 мясных лавок, то в 1892 г. только на базаре Панджшанбе отмечено 70 таких лавок (Кушакевич, 1872б, с. 50—51; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1376, л. 123).

Выпечка лепешек на продажу занимала среди пищевых промыслов Ходжента большое место. После присоединения города к России число пекарен сильно возросло,[1] об этом свидетельст-

[1] Пекарня описана в статье К. К. Назарова «Зерно и его переработка в народной технике Северного Таджикистана» — Ученые записки ЛГПИ им С. М. Кирова, вып. IV, Ленинабад, 1958, стр. 51—53.

вуют следующие данные: в 1872 г. в городе было 12 пекарей (Кушакевич, 1872б, с. 51), в 1906 г. их стало 75, причем в них работало 150 пекарей. Они производили продукцию на 7500 рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2142, л. 275). В крупных пекарнях-лавках работали до 10 наемных работников и учеников. Резкий рост числа местных лавок пекарен и развитие других отраслей пищевых промыслов был связан с начавшимся с конца XIX в. приливом нового населения в Ходженте и дальнейшим расширением товарно-денежных отношений.

Поварским делом занимались различные специалисты-кулинары. Профессиональные повара приготовляли еду во время различных обрядовых пиршеств горожан и жителей пригородов: свадеб, праздников и т. д. В торгово-ремесленных центрах города ежедневно готовились различные кушанья. Они продавались в поварских лавках. На базаре Панджшанбе особенно славились своими блюдами владельцы лавок — усто Мирбой, усто Ашур и усто Тухта.

В кондитерском деле выделялись специалисты по изготовлению различных видов сладостей: халвы, кристаллического сахара, варенья — их изготовляли — «халвогар», взбитые яичные белки с сахаром — «нишаллочй». Работа последних особо оживлялась в периоды мусульманского поста, в дни праздников, пиршеств и других массовых обрядов. В свадьбах и других семейных обрядах работали по заказу. Конфеты вырабатывали «қандалотчй». Специальные ремесленники приготовляли мороженое из наструганного льда. Связанные с ними мастера, занятые сохранением льда, назывались «яхчй». В 1896 году в Ходженте было 40 мастерских, изготовлявших кондитерские изделия на сумму в 1000 рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1618, л. 189). В сезон свадеб и перед праздниками, когда спрос на сладости резко повышался, крупные мастера-кондитеры брали в помощь одного-двух человек, в остальное время они работали с членами своих семей. Среди мастеров-кондитеров Ходжента было много таджиков-горцев из Матчи. Особенно славился своими изделиями кондитер Хант-мастчойи. Хлебники, халвогары, нишаллочи, повара работали и по заказам в домах во время семейных празднеств. В конце XIX—начале XX вв. увеличилось число богатых скупщиков, организовавших и производство, и сбыт пищевых продуктов «аллоф», «равғанфурӯш» и «ширворфурӯш».

VIII. Строительные ремесла. В изучаемый период в связи с ростом городского населения и появлением буржуазной прослойки развивалось градостроительство. Это еще более подняло роль мастеров-строителей. Строительные ремесла разделялись на две основные взаимосвязанные отрасли: кладка и штукатурка стен — «гилкорй» и плотничные работы — «дуредгарй» и «наққорй».

На кладке стен и отделке специализировались каменщики — «гилкор», штукатурщики — «андовачй». По подсчетам нашего информатора усто Юсуфходжа Рахматова, в Ходженте и его пригородах в начале XX в. было приблизительно 100 мастеров «гилкор» и «андовачй». Работали также глинобитчик, возводивший заборы вокруг усадеб в селениях — «похсачй», маляр — «билитчй».

Плотничные работы выполняли ремесленники разных специальностей: плотники-домостроители — «дуредгари хонапӯш», столяры — «дарсоз» и изготавливавшие рамы для окон — «ромсоз». Последнее занятие было новое. Н. А. Кирпичников отмечал, что до присоединения края к России «столяров в области было, говорят, очень мало, что объясняется небольшим вообще спросом со стороны туземцев на чистые столярные работы» (1897, с. 137). Большинство столяров по потребностям русского населения изготавливали разные двери, столы, табуретки, скамейки, шкафы, этажерки. В 1870 г. был отмечен 41 мастеров, плотников с учениками (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2275, л. II), в 1889 г. зарегистрировано 40 плотничьих мастерских (там же, ф. I, оп. I, д. 266, л. 29), а в 1906 г.—60 (Там же, ф. I, оп. I, д. 2142, л. 273). В 1915 г. в Ходженте работали 75 плотников и столяров (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 88, л. 28). Столяры пользовались местным и привозным лесом. Резчики по алебастру — «гачкор», мастера орнаментальной росписи — «наққош», занимались отделкой зданий. Многочисленными были ремесленники, изготовлявшие строительные материалы. Среди них выделялись кирпичники — «хиштрез», мастера по обжигу кирпича — «хиштпаз» и по выделке деревянных брусков для потолка комнаты — «васстарош». По статистическим сведениям, за 1891 г. в Ходженте было три печи по обжигу кирпичей с производством на сумму 8000 руб. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2142, л. 319, л. 50). а в 1915 г. — 6 печей, где работали 12 человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 88, л. 28).

В начале 20-х годов, по сравнению с дореволюционными годами, в численности ремесленников не произошло существенных изменений. Поэтому ссылаемся на документ этого периода, под названием «О количестве кустарей г. Ходжента», где отмечено всего 500 человек, занятых строительным делом (Партархив

Таджикского филиала Института марксизма-ленинизма, ф. 5337, оп. I, д. 589, л. 205).

В начале XX в. появилась артель мастеров—строителей-плотников, кладчиков камня. Они работали и в постройках, организованных подрядчиками — «пудратчӣ». Подрядчики появились из среды зажиточных мастеров. Они заключали договора с хозяевами о сумме постройки и руководили работой.

Подытоживая сведения об отраслях и специальностях ремесленной промышленности г. Ходжента, следует отметить некоторые черты.

По общему числу занятых лиц, ремесленное производство являлось главным занятием горожан. Подавляющая часть ремесленников были таджики. Лишь плетением циновок, сплавом плота и парома по Сыр-Дарье здесь занимались узбеки-кураминцы. Витье веревок, выделка мешков, переметных сум являлись промыслами таджикизировавшихся киргизов.

Наиболее развитым, в исследуемый период, были — ткацкое производство, главным образом, обработка шелкового волокна, металла, выделка кожи, шитье обуви, одежды, пищевые промыслы, строительное дело. В названных отраслях была осуществлена некоторая механизация трудовых процессов, появились новшества в организации производства, получила дальнейшее развитие детальное разделение труда. Выделка гвоздей и фаянсовых посуд вымерла, а изготовление бумажной материи, замков, игл, чугунолитейных и глазурованных изделий сократилось. Продукции ремесленников удовлетворяли потребности населения Ходжентского и соседних районов Северного Таджикистана и других областей Средней Азии и некоторых областей России. Отрасли ремесленной промышленности Ходжента находились на разных ступенях мелкотоварного производства: ремесло по заказу, кустарное производство, простая капиталистическая кооперация, рассеянная и централизованная мануфактура. Большинство ремесленников круглый год были заняты только своими промыслами.

Торговля и торговцы. Город Ходжент являлся крупным торговым центром. В нем на рубеже прошлого века из 3804 лиц, самодеятельного населения 1393 человек т. е. 36% были связаны с торговлей. Торговцы группировались по следующим специальностям: торговлей зерном и другими продуктами сельского хозяйства занимались 642 человека, скотом—29, тканями и предметами одежды—179, стройматериалами и топливом—92, разносной и развозной торговлей—95 человек, предметами домашнего обихода — 10, металлическими изделиями — 4, кожами, мехами—9, разными предметами—11, торговлей вообще—304, торговым посредничеством—18 лиц.

Наиболее многочисленными были торговцы — лавочники, арендовавшие лавки — «дӯконнишин», имевшие собственные лавки — «дӯкондор», продавцы мелочных изделий — «баққол», фабричных тканей и товаров — «баззоз», коробейники — «аттор». Среди торговцев выделялись оптовики — скупщики кустарных изделий: тканей и ткацкого сырья — «камиссиё», металлических изделий — «фулузотфурӯш», обуви и гончарных изделий — «вофурӯш».

Ходжент вел торговлю с пригородными селениями, экономическими микрорайонами Исписар, Костакоз, Гулякандоз, Тагоб, скотоводческой округой, другими районами Северного Таджикистана, областями Средней Азии и Россией. К сожалению, мы не располагаем цифровыми данными о внутренней торговле, они отсутствовали в архивных материалах.

Продажа изделий городских и пригородных ремесленников, продукции земледельцев осуществлялась главным образом, через базары Ходжента. Важной формой общения города и сельского района являлось отходничество ремесленников, которые продавали свои продукты, по заказу выделывали изделия при разъездах. В период оживления сельхозработ, сбора урожая происходили разъезды городских кузнецов, подковочников, точильщиков, пекарей, кондитеров, поваров, гончаров в селения. Обмен изделий производился за деньги и натуру. Основным звеном в торговле города с пригородными селениями являлись странствующие торговцы — «раванда». Они разъезжали по базарам района на нагруженных товарами ослах и лошадях. Не менее активно действовали и пригородные торговцы, имевшие свои лавки в гузарах селений.

Характер торговли Ходжента с тяготевшими к нему экономическими микрорайонами и скотоводческой округой определялся направлением хозяйства последних. Главная функция города относительно сельской округи заключалась в снабжении их промышленными товарами. Подрайоны и микрорайоны снабжали городские рынки земледельческими и скотоводческими продуктами. Нередко из городков Костакоз, Исписар в Ходжент поступали и ремесленные продукты — материи, бекмес, растительное масло.

Город Ходжент имел постоянную торговлю с южными и северными скотоводческими аулами, населенными киргизами.

Главными статьями торговли между ними являлись ремесленные товары и продукты животноводства — мясо, масло, шерсть, молочные изделия, шкура. В Ходжент также поступали киргизские паласы, войлок, шерстяные изделия. Раньше между городскими ремесленниками и торговцами была весьма развита система клиентства — «мичоз», по взаимной поставке изделий и сырья.

Тесные торговые связи Ходжента с другими районами Северного Таджикистана основывались на развитии и характере отраслей ремесленной промышленности, земледелия и животноводства. С Науским районом Ходжент обменивал важнейшие виды ремесленной продукции на пшеницу и скот, с Ура-Тюбинским районом — бумажные и шелковые материи, халаты, также хлопок, коконы и урюк — на сукно, полупуховые материи, ножи, кожу, шагрень, изюм, кишмиш, зерно, скот, с Канибадамским и Исфаринским районами, ходжентские ткани на сухофрукты, растительное масло. Из Аштского района в Ходжент привозили соль, кузнечные инструменты, паласы, сухой тут, яблоки, вывозили ткани, гончарные изделия, предметы домашнего обихода. Торговля Ходжента с Пенджикентскими районами была очень слабой. Только через Самарканд или Ура-Тюбе изредка производилась торговля ремесленными и сельскохозяйственными продуктами.

В изучаемый период города Северного Таджикистана вели торговлю со многими областями Средней Азии. Из Бухары и Восточной Бухары в Ходжент привозились кустарные хлопчатобумажные ткани, краски, металлические изделия и через горные перевалы пригонялся скот, в частности, отары гиссарских баранов. Из Самарканда доставляли полушелковую алачу, возможно китабского производства, медную посуду, из сельскохозяйственной продукции — кишмиш и т. д., из Коканда и Маргелана — шелковые материи. Ходжент в свою очередь поставлял этим городам различные товары (Кушакевич, 1872а, № 13). Из России через Ташкент поступали такие товары, как ситец, фабричная бумажная пряжа, железо, медь и т. д. По сведениям этого автора, в 1871 г. из Ходжента было отправлено в Бухару и Самарканд разные сорта шелка, шелковых и полушелковых материй на сумму 27 тыс. руб. В Ташкент было отправлено хлопка, шелковых и полушелковых материй, шелка всех сортов, полушелковых материй парипаша, алачи, сушеных фруктов на 38 тыс. руб. В Коканд было отправлено шелка на 4000 рублей. В Европейскую Россию и Сибирь вывезено хлопка, шелковых и полушелковых материй, белой и пестрой маты, халатов и сарнака

на сумму 80 тыс. рублей. Таким образом, Ходжент снабжал товарами внутренний и внешний рынки. Почти 54% из общей суммы экспортируемых Ходжентом товаров составлял вывоз в Россию.

По сведениям аксакалов Раззакской и Калъаинавской частей, в 1879 г. торговля из Ходжента характеризуется следующими данными: (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1077, л. 4—6).

Привезено	на сумму	вывезено	на сумму
Пряжа фабричная .	4000 руб.	хлопок . .	00000 руб.
Краски	8000 руб.	гуза . .	3000 руб.
Котлы и ведра . .	400 руб.	краски .	12000 руб.
Фарфоровые изделия .	6000 руб.	канаус и адрас	06000 руб.
		алоча, калами и бязь . .	28000 руб.
		халаты . .	14000 руб.
Всего: . .	20000 руб.		363000 руб.

В Сыр-Дарьинскую область за 1884 г. было вывезено хлопка на 24000 руб., алачи и калами—8000 кусков на 2800 руб. и в том же году в город было привезено из Зерафшинского округа краски марены 100 пудов на 400 руб., из Ташкента ситца — 1000 кусков на 9000 рублей, платков разных на 1700 рублей, других видов материй — 1200 кусков на 11400 рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 86, л. 98). Таким образом, статистические сведения и архивные документы показывают, что вывоз товаров из Ходжента был больше привоза.

В 80-е годы ходжентская обувь «вывозилась в Ташкент, Кашгар, пограничные местности, Кульджинский район». Разные материи и мерлушки выделывавшиеся в Ходженте отправлялись в Ташкент, Самарканд, а также в Кабул. Годовой оборот составил до 10 тыс. рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1077, л. 4—6).

В другом документе за 1890 г. главными предметами вывоза из Ходжентского уезда названы хлопок, кисея, мата, бязь, набойка, шелковые изделия (канаус, платки, адрас, бекасаб, банарас, и разные полушелковые материи) на сумму до 100 тыс. рублей. Эти товары высылали в Москву, Оренбург, на Кавказ и в Константинополь. По требованиям в разное время года и по постоянным заказам в Ташкент и Самарканд вывозили сушен-

ные фрукты, миндаль, джиду и орехи на сумму 90 тысяч рублей. Эти же товары отправлялись в Оренбург, Троицк, Ирбит, Семипалатинскую область и Кульджу, а летом на плотах по Сыр-Дарье; железные изделия, преимущественно ножи на 2 тыс. руб. вывозились в Сыр-Дарьинскую и Семипалатинскую области и Кашгар; невыделанные бараньи кожи до 10 тыс. штук скупались на месте для вывоза главным образом в Ташкент и Оренбург.

Ежегодно в Ходжентский уезд ввозились: пшеница (около 100 тыс. пудов); ячмень (около 10 тыс. пудов) из Джизакского уезда; рис из Ташкентского уезда (до 10 тыс. пудов); мануфактурные товары из Ташкента, Коканда, Самарканда (на сумму 100 тыс. руб.). Бараны пригонялись из Сыр-Дарьинской, а иногда Семипалатинской областей (ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1263, л. 3—4).

О главнейших статьях торговли г. Ходжента в начале XX в. свидетельствует другой документ. По нему в течение 1910 г. из внутренней России, Кавказа и Сибири в г. Ходжент было ввезено фабричных тканей, бакалейных, галантерейных, лесоматериалов и других товаров. В том же году из г. Ходжента в Россию, на Кавказ, Сибирь и за границу разными торговыми фирмами, предприятиями и частными лицами вывезено хлопка, шелковичных коконов, шелковых и полушелковых тканей местного производства, сушеных и сырых фруктов, растительного масла. Общая сумма торговых оборотов по г. Ходженту составляла 2 млн. 728 тыс. 341 рублей (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. 1, д. 30, л. 24).

Всю эту торговую деятельность осуществляли, в основном, торговые круги Ходжента. Торговцы отличались друг от друга размерами своих торговых оборотов и приемами торговли. Они делились на категории. Одну из них составляли «шутуракй», ведшие караванную торговлю с дальними городами, перевозя туда разные товары. В начале XX в. из среды «шутуракй» появилась категория торговцев «вагончй», ведших крупную торговлю по железной дороге. Странствующие торговцы «раванда», кроме базаров ближайших населенных пунктов, возили товары в Канибадам, Исфару, Ашт, Нау, Ура-Тюбе. Поспевать на базары разных населенных пунктов торговцам «раванда» удавалось благодаря базарному циклу — базарные дни бывали в разные дни недели. Торговцы «газалачй» (от русского слова «Казалинск») перевозили товары на плотах в низовья Сыр-Дарьи до форта Казалинск, там торговали шелковыми материалами и сухими фруктами, а оттуда сухопутным путем привозили казахскую кошму, сало. Торговцы «курамачй» вели торговлю с населенными пунктами Ташкентской долины, предгорий Кураминского хребта. Купцы — «самаркандчй» и «бухорочй» торговали с Самаркандом и Бухарой. В начале XX в. появились богатые купцы «маскончй», ведущие торговлю с Москвой. Туда шли шелковые ткани, пряжа, грежа, хлопок, сухие фрукты и т. д. В рассматриваемый период в результате социальной дифференциации из среды ремесленников, и из других слоев населения выделялась прослойка крупных торговцев — скупщиков, которые владея «свободными денежными средствами», от покупки кустарных изделий, постепено переходили к раздаче материала «кустарям на выработку за определенную плату» (Ленин, ПСС, 3, с. 366—368), т. е. скупщик превращался в капиталиста, а бывший самостоятельный ремесленник становился капиталистическим надомником. В конце XIX — начале XX вв. деятельность подобных скупщиков-капиталистов наблюдалась в разных отраслях ремесленной промышленности городов Северного Таджикистана. Так скупщики текстильных изделий, назывались «камиссиё», кожи и обуви — «вофурўш», торговец халатами из лавки — «чомафурўш». Развитие капиталистической торговли проявилось и в нарушении строгости торговой специализации: вопреки традициям, крупные купцы начали вывозить не один вид товаров, а разные — те, которые давали больше прибыли. Н. С. Лыкошин в 1904 г. писал, что в ассортименте товаров, «продаваемых туземными купцами, появилось много товаров, о которых они раньше не знали. В лавках туземных купцов в этот период можно было найти товары, нужные не только местному населению, но и русскому».

Вся торговля прилегавшего к Ходженту исторически сложившегося района и его составных территориально-хозяйственных единиц осуществлялась через город, являвшийся местом концентрации и распределения товаров. Особенностью города Ходжента, находившегося в узле важнейших путей сообщения межобластного и международного значения, было то, что через его торговые предприятия производилась реализация товаров и по районам Северного Таджикистана (за исключением Пенджикента). В этом проявилась одна из функций г. Ходжента как центра области.

В конце XIX — начале XX вв. в торговле происходили изменения: расширилась торговля во всех направлениях, усилились сношения с могущественным партнером — Россией, появились новые категории торговцев — «вагончй» и «маскончй». Из куп-

цов формировалась прослойка предпринимателей — промышленных мануфактуристов.

Земледелие и земледельцы. Одним из проявлений феодализма в экономической и социальной жизни города было сохранение связи горожан с сельским хозяйством. Население, занятое земледелием в городах Северного Таджикистана составляло заметную часть. О том, что население Ходжента, кроме ремесла и торговли, занимались также земледелием, писал еще в 1830 году Потанин. В 1873 г. в Раззакской части г. Ходжента отмечалось 593 семей, в Калъаинавской части — 1100 семей, а всего—1693 семей земледельцев (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 6. л. 56—57, 62—63). В 1897 г. в Ходженте из 3804 лиц самодеятельного населения — 1351 человек назвали земледелие своим главным занятием. (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 2—3). В 1905 г. из почти 12 тыс. семей, 2 тыс. семей имели землю, 4 тыс. не имели земли (ЦГА Тадж. ССР, ф. 6, оп. I, д. 6, л. 31). Таким образом, с землей было связано непосредственно более 37% населения Ходжента. Не имели земли 60% жителей, но часть из них, возможно, работала на чужой земле. Главной отраслью земледельческого труда горожан являлось садоводство. В 1897 г. подсобным занятием населения города Ходжента названы шелководство и садоводство (Справочная книжка, 1899, таблицы). Кроме того здесь занимались полеводством и животноводством. Последним в 1897 г. было занято 10 хозяйств (Пален, 11 (I), 1911, с. 17).

Многие городские землевладельцы на все лето переезжали в загородные сады. Загородные земельные угодья горожан бывали разными и обозначались несколькими терминами: земельные участки с посевами пшеницы, хлопка, риса, масличных растений, клевера, огородно-бахчевых культур, окруженные деревьями шелковицы, назывались «замин», т. е. понималась как посевная пашня. Сады, состоящие только из фруктовых деревьев назывались «майдон» и делились на абрикосовые — «майдони зардолузор» (по сорту абрикоса «майдони қандақзор») миндальные — «майдони бодомзор», персиковые — «майдони шафтолузор». Участки с виноградниками назывались «боғ» — сад. Обычно, кроме винограда, там росли фруктовые деревья, имелись бахчи, огороды и земли, засеянные пшеницей, хлопком, клевером. Владельцы загородных садов и пашен («дехқони замину боғу майдондор»), часто возделывали их не сами. Там поселялись эксплуатируемые ими издольщики («чорьяккор», «тенгшерик»). К категории городских издольщиков Н. Н. Ершов отнес «боғбон»

(садовод), нанимавшихся владельцами для ухода за загородными садами, сбора и переработки их урожая (1960, с. 53). Владельцы сельскохозяйственных угодий и их издольщики, по нашим полевым материалам, сочетали земледелие с промыслом, зимой они занимались в городе по большой части ткачеством. Наши информаторы сообщили еще об одной категории городского населения, занимавшихся летом в загородных садах земледельческим трудом. Они назывались «бари боғхар» (буквально «покупающий урожай сада»). Большинство их были горожане из среды мелких торговцев. Они снимали фруктовые сады и виноградники в аренду, в период завязывания плода. Съемщик и владелец сада с двумя-тремя свидетелями приходили в сад и определяли количество и стоимость урожая, устанавливали цену. Вся сумма выплачивалась сразу или погашалась потом, после получения урожая. Сняв сад, арендатор с семьей переселялся туда, живя во времянке или шалаше. Семья ухаживала за садом, собирала и сушила фрукты. Большинство съемщиков во время пребывания в саду разводило шелковичных червей, содержало скот, запасало топливо и дрова на зиму, заготавливало корм для животных. С наступлением осени сушенные фрукты, заготовленное топливо, корма обычно на ослах перевозились в город, для чего группа съемщиков организовывала артель — «алғов», по совместной перевозке и перевозили грузы поочередно для каждого члена артели.

Кроме названных категорий населения, занимающегося в основном земледелием, среди горожан, в том числе ремесленников были люди, которые имели за городом дачное место — садик с фруктовыми деревьями и виноградником. Летом вся их семья переезжала туда, сочетая свое ремесло с земледельческим трудом. Хозяин периодически приезжал по делам в город, оставляя семью на даче. Для них основным было ремесло или торговля. С другой стороны среди городских и сельских земледельцев было немало людей, которые совмещали сельхоззанятия с ремеслами, в частности, с бумажным ткачеством, обработкой кожи, возведением глиняных заборов, гончарством, пищевыми промыслами. Все отрасли садового и земледельческого хозяйства горожан имели товарный характер, основная часть продуктов садоводства и полеводства продавалась в городских рынках. Лишь с маленьких садов ремесленников урожай получался только для потребностей семьи. В Ходженте и его районе, как и в других городах и селениях, была распространена традиция посылать фрукты, овощи из своего сада родственникам, друзьям и знако-

мым. Получившие такие дары, горожане в ответ посылали лепешки, рис, а ремесленники — свои изделия: куски бумажных материй, керамическую посуду, тюбетейки, платки, а портные даром шили одежды. Видимо, эта традиция восходит к древней форме обмена продуктов.

В Ходженте жили крупные землевладельцы, обладавшие значительными посевными землями, пашнями в ближайшей сельской округе или других районах. Они широко применяли труд городских и сельских издольщиков. В связи с развитием хлопководства, такие хозяйства превратились в крупные товарно-денежные предприятия.

Таким образом, наличие земледельческого компонента в составе горожан свидетельствует о феодальном базисе города, о незавершенности процесса отделения промышленности от сельского хозяйства. Вместе с тем в начале XX в. численность городского населения, связанного с земледелием уменьшилась.

Пригородные селения, кварталы, дачные места Ходжента

После присоединения края к России данные о пригородных селениях Ходжента приведены в статистических сборниках и документальных материалах. Названия ходжентских пригородов приведены в работах А. А. Кушакевича (1872а, б) и А. П. Шишова (1910, с. 31). Селениям Курук и Румон посвящена недавно опубликованная статья С. Ш. Марафиева, в которой высказано мнение, что эти селения сложились не ранее XVIII века (1968, с. 85—99).

Пригородные селения окружали город полукольцом. К востоку и юго-востоку от города, лежали селения Пули кукур, Румон, Кулангир, Шайх-Бурхон, Уинджи, с юга — загородные кварталы Найсувор, Наддофон, Токчи, а с юго-запада — селения Ява и Курук. Административно пригородные селения Ходжента входили в Уинджинскую волость и составляли два сельских общества, объединявших 7 селений, в которых число дворов с 1887 по 1890 гг. увеличилось от 1330 до 1547. Они управлялись 28 пятидесятниками (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. I ,д. 5790, л. 14—15).

Селение **Пули чукур** располагалось у самой северо-восточной городской черты, вдоль берега Сыр-Дарьи, на востоке сливалось с селением Румон, а на юго-востоке — с селением Шайх-Бурхон.

Свое название Пули чукур получил от моста через овраг, который в этом месте образовывал впадину. След этого оврага, промытого селевыми водами, сохранился на западной окраине селения. Дома и усадьбы размещались вдоль скрещивавшихся трех дорог, идущих от города в селение Румон и от центра Пули чукур к реке. На окраине Пули чукура располагался мазар Каюмарси одам (или Хазрати Икром) со старинным кладбищем. Селение состояло из 6 кварталов: Гузар, Миёна, Дилбарон, Одил, Кучан кум (или Кулолон). Центром селения являлся квартал Гузар. Там имелся рынок по продаже леса, сплавленного по Сыр-Дарье, пять чайхан, три мелочные лавки, две лавки мясников, мастерская, в которой изготовлялись и продавались ножи, а также караван-сарай, где останавливались на ночь кучера со своими фаэтонами. Соборная мечеть, которая обслуживала население Пули чукура и прилегавших кварталов селений Румон и Шайх-Бурхон, находилась в восточном квартале Дилбарон. Остальные кварталы имели приходские мечети.

Пули чукур населяли таджики. У них сохранилось предание о том, что первопоселенцами были горожане из квартала Сари баланди. Подавляющая часть жителей Пули чукура занималась обработкой шелка. Там жили размотчики коконов, крутильщики, сновальщики, красильщики, перевязчики основы, ткачи, лощильщики и другие мастера, специализировавшие по шелкоткачеству. В селении имелось несколько крупных ткацких мастерских, принадлежащих местным предпринимателям. В каждой мастерской работало до 20 наемных работников. Кроме текстильщиков, в селении были также ножовщики и гончары. Подспорьем для жителей Пули чукура являлось садоводство.

Крупнейшее пригородное селение **Румон** располагалось в 4 км от Ходжента, вблизи Сыр-Дарьи.[1] Оно граничило на северо-западе с селением Пули чукур, на юго-востоке — с кишлаком Кулангир на юге и юго-западе с селеним Шайх-Бурхон. Румон весь утопал в садах. Дома располагались вдоль улиц. Старожилы вспоминают, что раньше почти всю территорию селения занимали сплошные сады, принадлежавшие горожанам, а домов было очень мало. В конце XIX — начале XX вв. с. Румон разделялось на 22 квартала.[2] Центральным был квартал Файзибурган (или Охунджон), где находился небольшой базар с торговыми

[1] По народной этимологии название «Румон» происходит от слова — «рум», сорт граната. И действительно, селение славилось своими гранатами.

[2] Название 8 жилых кварталов Румона, упомянутого в архивном документе 1899 г. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 625).

лавками мелочных изделий, мясника, кузнеца, три чайханы. Аналогичные базарчики располагались в западном квартале Чорраха и в северном квартале Мирбобо. В каждом квартале была своя приходская мечеть. При двух известных мазарах Румона-Балодуркун и Чилдухтарон действовали соборные мечети. Квартал Балодуркун около этого мазара в северо-восточной прибрежной части, считался самым старым.

Жители Румон сплошь были таджиками. Население плотно размещалось на центральной и восточной полосе селения. Сохранилось предание о происхождении жителей Румона из различных кварталов г. Ходжента. Квартал Абдуджаббор на прибрежной окраине населяли выходцы из г. Ура-Тюбе. Селение Румон, как и Пули чукур имело ремесленно-торговый характер. Большинство населения занималось ремеслом, но в отличие от Пули чукура здесь было представлено много отраслей. В Румоне нами выявлено наличие в прошлом ремесленников, обрабатывавших волокно, металл, кожу, мастеров-строителей, гончаров, мастеров, изготавливавших пищевые продукты и различные предметы быта. Главным занятием жителей было ткачество с его многочисленными основными и вспомогательными отраслями. Особенно была развита ремесленная шелкоткацкая промышленность, в частности выделка адраса, шохи, бекасаб и т. д. Ткачи жили в 21 квартале. Действовали несколько крупных ткацких мастерских, охватывавших более десятка наемных работников. Крупнейшим предпринимателем Румона считался Ходжи Маруф — богатый купец-скупщик. В его предприятии в начале XX в. работали 80 наемных работников (Турсунов, 1969б, с. 193). Ремесленно-торговая деятельность населения Румона была тесно связана с городскими рынками. В караван-сараях Ходжента, в которых совершалась розничная и оптовая торговля, специальные ряды занимали скупщики и торговцы из Румона, перепродававшие изделия своих односельчан. Небольшая часть населения Румона занималась садоводством и полеводством. Сады и посевные пашни жителей кишлака в 1888 году занимали 545 танапов (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 193б, л. 225).

В селении **Шайх-Бурхон,** как и в Пули чукуре, домовладения располагались вдоль скрещивавшихся трех дорог. В селении было 9 кварталов: Кучаи кум (или Кулолон), Гоиб-аксакал, Ходжа Сиддик, Кушгунбаз, Мазор, Ходжахо, Чубдона, Усмонджон-аксакал, Масолех. Большинство кварталов носили имена первопоселенцев — горожан, которые осели в своих летних дачных местах. Давший селению название мазар Кылич Бурхонидин с

кладбищем находился на южной окраине селения. В начале XX в. продолжался процесс оседания здесь горожан и образования жилых кварталов. Все жители — таджики. В центральном квартале Гоиб-аксакал, находившемся вдоль Унджинской дороги, был небольшой базар. На рынке располагалось несколько лавок, где торговали съестными продуктами и были чайханы. Подавляющее большинство населения было ремесленниками. Они отмечены в 8-ми кварталах селения, где составляли основную часть жителей. В Шайх-Бурхоне жили ткачи бумажных и шелковых материй, сапожники, маслобойщики, гончары, набойщики. Ткачи и сапожники выносили свои изделия на городские рынки, остальные работали главным образом для односельчан. Часть населения занималась садоводством и полеводством. В 1888 г. сады и пашни занимали 300 танапов (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 193б, л. 226).

Кишлак **Кулангир** находился в пяти километрах к востоку от Ходжента, граничил на юге с земледельческим урочищем Даштак. Как в селениях Пули чукур и Шайх-Бурхон, домовладения здесь концентрировались вдоль трех скрещивавшихся дорог, одна из которых шла в Ходжент, вторая в кишлак Унджи, а третья на север к речной переправе Сыр-Дарьи и оттуда к Ташкентскому тракту. Кишлак состоял из 8 кварталов: Масчиди сурх, Ашурбой-аксакал, Поён, Курук, Ворисбой, Мулло Ахмад, Ходжа Сангин. Центральным кварталом был Масчиди сурх (или Гузар), где находилось несколько лавок и караван-сарай. К северо-востоку от него за садами особняком стоял квартал Курук.[1] Он образовался на месте зарослей по берегу реки Сыр-Дарьи. Такая планировка кишлака, состоявший из разобщенных частей, свидетельствовала о том, что Кулангир образовался сравнительно недавно, вероятно на базе летних дачных мест горожан. Наиболее густонаселенным являлся центр Кулангира, где пересекались три главные дороги и находился старинный мазар с кладбищем. Строительство понтонного моста на месте старой переправы через Сыр-Дарью в начале XX века повысило значение кишлака. Кулангир был населен таджиками-земледельцами. По сведениям А. А. Кушакевича, в 1872 г. все земли в селении были распределены следующим образом: под джугарой — 225 танапов, под рисом — 133, под хлопком — 128, под

[1] По местному преданию, кишлак образовался на месте охоты на пернатых — «мурғи кулангир», о чем свидетельствует название квартала Курук (заповедник). В связи с этим можно поставить высказывание Бабура о том, что вокруг Ходжента много мест для охоты, где водятся серны и птицы.

овощами — 64, под садами и виноградниками — 46, под горохом — 44, под клевером — 34 танапов. (О количестве, 1872, с. 53—54). К 1888 г. количество земель под садами и огородами составляло 146 танапов (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1936, л. 227). Подспорьем земледельцам служили домашние промыслы — выделка для нужд семьи бумажных метерий. Были и плотники, которые летом ремесло сочетали с земледелием.

Второй пригородный кишлак **Унджи** располагался в 8-ми км от города Ходжента, в центре северной прибрежной части оазиса.[1] С севера и северо-востока кишлак огибала Сыр-Дарья, а с юга — Унджинская гряда. На западе, у местности Филбача и Джари, он примыкал к кишлаку Кулангир. Унджи являлся единственным пригородным кишлаком Ходжента, который имел свою крепость — «қалъа», служившую в период междоусобных войн, местом для укрытия населения. Эта крепость, по рассказам старожилов, располагалась в северо-восточном углу кишлака. Она не сохранилась до наших дней. Вторая меньшая крепость — «қалъача» находилась в средней части кишлака.

Кишлак состоял из 22 кварталов, в двух из них жили приезжавшие на лето горожане (т. е. зимой они пустовали). Центральный квартал Гузар находился на перекрестке четырех дорог, ведущих в Ходжент, в городок Исписар, в сады и пашни урочища Чамбил и к реке. В Гузаре функционировал небольшой базар, с торговыми лавками, мастерской кузнеца, чайханами. Вокруг более или менее компактно располагались 17 кварталов, а четыре квартала Усточахо, Октеппаи боло, Октеппаи поён и Шехон, отделялись пашнями и садами в западной стороне кишлака. В Унджи было 4 мазара.[2]

Подавляющую часть населения Унджи составляли таджики.

[1] Народное предание считает, что кишлак основан и назван Шайх Маслихатдином, жившим в XII в. Согласно преданию, на окраине нынешнего кишлака на берегу Сыр-Дарьи шейх имел сад, куда постоянно ходил из Ходжента. Когда шейха спрашивали, куда он идет, то он отвечал «туда» — «унча» и показывал в сторону своего сада. Отсюда якобы и пошло название — Унджи.

[2] Духовным покровителем селения считался святой Бобо Ходжа Авлиё, мазар которого находился в центре кишлака. По преданию, Бобо Ходжа Авлиё являлся дядей Шайха Маслихатдина, возведенного мусульманским духовенством в святых. Другие мазары, называемые Чилдухтарон, Ходжа Рушнои, Девона чала, находились в разных частях кишлака. Жители Унджи, как и сами горожане, считались привязанными — «ихлосманд» к мазару Шайх Маслихатдина. По случаю любого семейного события, сбора урожая, они приносили обет — «назр» мазару, а именно продукты земледелия, коконы, хлопок, молоко, масло и прочее.

Вместе с тем, нами выявлены там и потомки узбеков этногрупп «сартюзи» и «кирк». Они жили в окраинных кварталах Октеппа, Узбако, Калъача и Чамбил. Кишлак Унджи, как и Кулангир, являлся сугубо земледельческим селением, главным производителем хлопка всего ходжентско-присырдарьинского оазиса. Еще в 1888 г. из 2000 танапов земли, более 600 занимал хлопок, 300 — сады и огороды, 200 — рис, 100 — пшеница (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1936, л. 228). Основное занятие жителей — земледелие, которое в некоторых хозяйствах сочеталось с домашними промыслами. Поставляя на Ходжентский рынок хлопок, население кишлака Унджи снабжало горожан также фруктами, виноградом, овощами и коконами. Торговля была настолько развита, что в городе действовало несколько караван-сараев жителей кишлака Унджи. В них продавались земледельческие продукты. Сельчане приезжая в город ставили там своих вьючных животных.

Селения **Ява** и **Курук** располагались недалеко от города.[1] К началу XX в. таджикское селение Ява и узбекский кишлак Курук настолько слились, что было трудно определить их границы, фактически они составляли две части одного поселения. Можно сказать, что первая часть, расположенная ближе к городу, называлась Ява, а вторая — находившаяся далее, к юго-западу от первой и возникшая позднее — Курук. Селения образовались на месте пересечения дорог. Дома в центральной части селения располагались скученно, а ближе к окраинам — в разброс. Ява и Курук не имели особого рынка. Однако, размещение этих селений у главного пути способствовало возникновению здесь стационарных торговых заведений. В начале XX века на центральной улице находились 8 мелочных, 5 мясных лавок, две мастерские подковочников и ножовщиков, пять караван-сараев, семь чайхан. Ява и Курук делились на 14 кварталов: Саллоххона, Шариф-джаза, Устохо, Чакалак, Тошлок (или Кори бобо), Кампир Масчид, Хилват курган входили в Яву; Масчиди калон, Миришкори боло, Миришкори поён, Мазори Бурх, Гов, Сангинходжи, Чилла-мазор — в Курук.[2] По обоим сторонам главной дороги в центре Курука располагался квартал Масчиди калон с соборной мечетью, а рядом с нею единственное здесь медресе

[1] Подробно о значении слов Курук и Ява говорится в статье С. Ш. Марафиева (1963, с. 90—94).

[2] Название 8 жилых кварталов Курука и Явы приведено в архивном документе 1899 г. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 625).

Шарифбойбача. Там же находился мазар Бурх сармасти вали, куда на поклонение приходили ткачи города и пригородов. Мазары Джангали эшон и Муродбаш располагались на территории Явы, а Чилламазор — в одноименном восточном квартале Курука.

В 1905 г. в Яве и Куруке функционировали уже 19 торговых лавок, 8 маслобоек, 6 толчеи, кирпичное заведение (Там же. с. 103).

Селение Ява населяли таджики, которые помнили происхождение своих предков из городских кварталов. В Куруке в основном жили узбеки, таджиков там было мало. Узбеки принадлежали к группе «курама» — выходцев из Шахрухии. Они жили в кварталах Масчиди калон, Миришкори боло, Миришкори поён, частично в квартале Хилват курган. В квартале Миришкори боло, жили узбеки группы «найман», переселившие по преданию, в 40-х годах XIX в. из Самаркандской области. Отмечены потомки узбеков из Коканда и из-под Маргелана. Выходцы из последнего имели прозвище «поросотлик» (от арабского слова «фаросот» — смышленный, сообразительный»). Главным занятием жителей Явы было ремесло, в частности, обработка шелкового волокна. Жители Курука по всему району славились как отличные рисоводы. Был известен сорт риса — «гурунчи Қўрук». По данным 1872 г. в Куруке и Яве посевами было занято всего 1120 танапов. Из них: под рисом — 74, под овощами — 60, под садами и виноградниками — 7 (Кушакевич, О количестве 1872, с. 54—55). В начале XX в. в Куруке увеличились посевы хлопка, но первенствующее положение по-прежнему занимало рисосеяние.

В конце XIX в. к югу от г. Ходжента возникло несколько маленьких поселений, называемых «махалла» — загородный квартал. Так, за юго-восточной чертой города появился квартал Токчи. Квартал Найсувор возник за воротами Чорчирог, к востоку от Токчи, где было около 20 дворов. Рядом с ним сложился аналогичный загородный квартал Наддофон («теребильщики хлопка»). Свое название квартал получил от подсобного промысла его жителей. Главным занятием населения всех названных кварталов было земледелие.

Вокруг Ходжента и в его районе располагались дачные места, сады горожан, куда они переезжали на лето. Так, к югу от города в соседстве с загородными кварталами Найсувор и Наддофон были известны дачные места Маргзорак, Галамайдон, Седаста, Чорсу, Гозиён, Окарык, Хафт калон, Умар табиб; между селениями Пули чукур и Шайх-Бурган сложились дачи — Ур,

Боги Мирзо Барот, Даштак, Богчан кок, между Унджи и Кулангир урочище Сойча. К югу от селения Унджи на холмах и низинах образовались урочища Ровут, Арбоб, Кишлоки джон.

Приведем статистические сведения о динамике численности населения пригородных селений в конце XIX — начале XX вв. (Таблица составлена на основе архивного и статистического материалов ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 193б, 224—225; Список, 1906, с. 103).

Название селений и загородного квартала	1888 г.		1905 в.	
	дворов	жителей	дворов	жителей
1. Пули чукур . . .	92	305	102	918
2. Румон	319	1200	384	3500
3. Шайх-Бурхон . .	93	465	102	918
4. Кулангир . . .	100	500	162	1500
5. Унджи	350	1390	448	4032
6. Ява и Курук . .	379	1700	407	3600
7. Токчи	—	—	24	217
Всего: .	1333	5560	1629	13685

Таким образом, пригородные селения являлись территориально-хозяйственным придатком города. По расположению и планировке они напоминали торгово-ремесленные рабады средневекового города, представляя единый с ним сплошной населенный массив. Пригородным селениям были присущи многие черты города: наличие торговых учреждений: базарчиков, лавок, караван-сараев, чайхан, медресе. Пригороды быстро развивались за 17 лет между 1888—1905 гг. Население каждого поселения возросло в 3—4 раза, а число дворов в Пули-чукуре, Румоне, Шайх-Бурхоне, Яве и Куруке увеличилось от 11 до 20%, Кулангире и Унджи от 30 до 60%. Жители увеличились в основном путем естественного прироста и в не большом размере за счет переселенцев из города.

За исключением тюркоязычных групп, таджикское население пригородов, в подавляющей части происходили из города Ходжента. Во всяком случае, население пригородов формировалось исключительно за счет горожан, с которыми имелись семейно-родственные и общественные связи. Селения Пули чукур, Румон, Шайх-Бурхон, Ява были ремесленно-торговыми. Особо выделялось Румон, имевший многоотраслевое ремесленное производство. В названных селениях была развита шелкоткацкая ремесленная промышленность, наиболее крупные предприятия при-

надлежали к типу рассеянной и централизованной мануфактуры. Ремесленно-торговые селения в этом смысле следует назвать промышленным придатком г. Ходжента. Қишлаки Кулангир, Унджи, Курук имели сугубо земледельческий характер. В системе сложившегося общественного разделения труда между городом и пригородными селениями, они как и загородные кварталы и дачные места, играли роль аграрного придатка. В них ремесла находились на стадии домашнего промысла, были составной частью земледельческого хозяйства. Дачные места являлись важным побочным хозяйством горожан, выражением их неотделенности от земледелия.

Кроме деления пригородных селений по хозяйственному занятию на ремесленно-торговые и земледельческие, можно произвести их типологию по историко-топографическому аспекту. По размеру, наличию крепостей, курганов, числу жилых кварталов, мечетей, медресе, мазаров Унджи, Румон и Курук относились к одному типу больших селений; Ява, Пули чурук, Шайх-Бурхон и Кулангир к другому типу средних поселений. Дачные места, загородные кварталы являлись зародышами стационарных сельских поселений.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДРАЙОНЫ И МИКРОРАЙОНЫ ХОДЖЕНТСКОГО РАЙОНА

Ходжентский район в начале XX в. кроме города и пригородов состоял из двух экономических подрайонов и двух микрорайонов, представлявших территориально-хозяйственные единицы, центрами которых были городки Қостакоз, Исписар, торгово-ремесленные селения Гулякандоз и Тагоб. Кратко охарактеризуем поселения Ходжентского района, их взаимоотношения и связи с городом, территориально-хозяйственными единицами и скотоводческой округой.

Қостакоз располагался в 21 км к востоку от Ходжента и лежал на старом большом караванном пути.[1] В коллективном этнографическом исследовании посвященное Қостакозу отразились

[1] Данный раздел написан на основе этнографических материалов, собранных выпускницей исторического отделения ЛГПИ им. С. М. Кирова Муътабар Газиевой и автором во время трехдневного пребывания в Қостакозе в октябре 1974 г. Кроме того, автор пользовался некоторыми материалами, представленными лаборантом кафедры истории ЛГПИ им. С. М. Кирова А. Юсуповым. Автор выражает им свою благодарность.

многие стороны жизни, как современного Қостакоза так и дореволюционного городка (Ершов, Кисляков, Пищерева, Русяйкина, 1954, с. 11—29). Однако торгово-ремесленная деятельность населения Қостакоза освещена недостаточно, а один из авторов — Н. А. Кисляков неопределенно отметил, что «ремесленников в Қостакозе было сравнительно немного» (1954, с. 54). Наши материалы свидетельствуют о наличии в Қостакозе значительного числа ремесленников.

До присоединения края к России население Қостакоза жило в укрепленном поселении — «калъа», вокруг которого были расположены их посевные земли и сады с летними жилищами.[1] После прекращения междоусобных войн, население расселилось по всей территории городка.[2]

Қостакозкий базар располагался на перекрестке четырех главных дорог, в центре дореволюционного городка. Базарная площадь состояла из нескольких частей: западная — «бозори биринч» — рисовый базар, северная — «бозори чармгарй» — кожевенный базар, южная — «бозори сабзавот» — овощной базар. В трех местах продавались листья шелковицы, дрова, скот. При входе на территорию рынка с восточной (Қокандской) улицы, располагался крытый пассаж — «тим», в котором выделялись ряды фабричных, местных бумажных, полушелковых и шелковых тканей, обуви, металлических и прочих предметов хозяйственно-бытового назначения, пряностей, мяса. Базарную площадь окружали 13 чайхан и 6 караван-сараев. Базарным в Қостакозе был понедельник, когда приезжали жители из ближайших кишлаков (Қатаган, Қуптуллук) и городка Исписар, правобережных кишлаков и аулов (Самгар, Курук, Уязь, Қипчак); дальних кишлаков (Дашти Амин, Аучи, Қалача, Шайхон), селения Бешкентского оазиса и прилегавших с юга к Қостакозу киргизских аулов Маргум, Мадинган, Дархум Чапкулукской волости Ход-

[1] К описанию «калъа», данному к книге «Культура и быт» (1954, с. 16), можно добавить, что по устным сведениям информатора Абдугаффара Хасанова (1904 г. р.) укрепленное поселение состояло из трех частей: первая — Мирзоён была построена примерно 250 лет тому назад; вторая — в начале XIX в. под руководством Масадик-мерган. Затем жители соседнего узбекского селения Қатаган, которые не имели своего укрепления, пристроили третью часть.

[2] Утверждение Н. А. Кислякова о том, что вокруг «калъа» располагались одни лишь сады и пахотные земли, т. е. не было домов, и что в Қостакозе жители только с приходом русских стали выселятся из «калъа» и строить дома среди своих посевов и садов (с. 16—17), судя по полученным нами сообщениям информаторов, является по меньшей мере спорным.

жентского уезда и Даргаз Ляйлякской волости Кокандского уезда. Торговля шла в основном меновая. Весов не было, зерно меряли деревянной чашкой (Ершов, Кисляков, Пещерева, Русяйкина 1954, с. 21). Главными предметами торговли являлись пшеница, хлопок, свежие и сушенные фрукты, коконы, овощи, ремесленные изделия, вынесенные для продажи жителями Костакоза и ближайших кишлаков: полушелковые и шелковые материи, металлические изделия. Фабричные ткани торговцы привозили из Ходжента, рис шерсть кожа — из селений Бешкентского оазиса и киргизских аулов. Закупать и продавать сельскохозяйственные и кустарные продукты на костакозский базар приезжало много странствующих торговцев из таких торговых пунктов, как Ходжент, Канибадам, Исписар, Каракчикум, Махрам, Кушкак. В 1872 г. на базаре Костакоза было отмечено 36 торговых лавок, столько же лавок было на его квартальных базарчиках (Кушакевич, Кишлаки, с. 170—171). В 1905 г. на базаре Костакоза насчитывалось 50 торговых лавок (Список, 1906, с. 102). По сведениям же информаторов, накануне революции в Костакозе всего имелось свыше 100 торговых лавок, 8 караван-сараев и 85 чайхан. Внутри городка торговля была постоянной.

В литературе отмечено, что Костакоз разделялся на четыре части (Ершов, Кисляков, Пещерева, Русяйкина, 1954, с. 18; Ершов, 1960, с. 58). Но собранные нами материалы, выявили еще одной пятой части — Сари бозор. Другие части назывались Хавзак, Кентарык, Джуи мугул, Джавгал. А. А. Кушакевич, вероятно, имея в виду эти части, писал, что Костакоз делился на 5 «махалла» (Кишлаки, с. 170—171). Впоследствии части стали называться «чамоа» — «общество». Из пяти частей, три были более старыми (центральная Сари бозор, восточная — Кентарык, южная — Хавзак), а две образовались позже (северо-западная — Джуи мугул и западная — Джавгал). В старых частях — Хавзак, Кентарык и особенно в части Сари бозор, вдоль Кокандской улицы, дома располагались скученно. Большинство садов и посевных участков находились в новых частях городка — Джуи мугул и Джавгал.

По собранным нами этнографическим материалам, Костакоз конца XIX — начала XX вв. состоял из 34 жилых кварталов — «махалла», при чем окраинные кварталы имели по две и больше мечетей, т. е. делились на несколько приходов. В 1872 г. в городке имелось 30 мечетей, обслуживавшихся 39 духовными лицами. Число мечетей за 1888—1905 гг. увеличилось от 47 до

53 (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 193б, л. 240; Список, 1906, с. 102). Среди них была одна главная соборная мечеть — «намозгох» и несколько пятничных. Среди других поселений Северного Таджикистана Костакоз выделялся как центр мусульманской культуры. В 1872 г. здесь имелись одно медресе с 30 учащимися и 7 школ-мактабов с 175 учениками (Кушакевич, Кишлаки, с. 170—171), в начале XX в. медресе было 13, а школ более двух десятков.[1] В самом крупном медресе Мулло Асрора 2 мударриса обучали до 100 учеников, среди которых были и приезжие из кишлаков того микрорайона, а в медресе Мулло Юсуфа учились также киргизы. На территории Костакоза располагались 14 мазаров и кладбищ.[2]

В изучаемый период в Костакозе происходил рост населения. В 1872 г. в нем было 750 дворов и 3100 жителей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 5, л. 65). К 1888 г. число дворов выросло до 848, а население — до 4700 человек (Там же, д. 193б, л. 240). В 1905 г. зарегистрировано уже 852 дворов и 8,1 тыс. человек (Список, 1906, с. 102). Костакоз населяли таджики. Здесь были выходцы из Ходжента — таджики и арабы, ура-тюбинские таджики. Узбеки — переселенцы из Гулякандоза, кишлака Чурбак Бешкентского оазиса, Асака (из-под Андижана) перешли на таджикский язык. Население занималось садоводством, виноградарством, хлопководством, шелководством, а также промыслами. Из 951 дореволюционных хозяйств, зарегистрированных нами опросным способом, 378 или 39% являлись земледельческим, 203 (или 20%) — ремесленниками, 54 (или более 5%) — торговыми, 146 (или более 15%) — поденщиками, жнецами, обслуживающими работниками (сторожа, пастухи, водоносы и т. д.). Большинство населения, связанного с земледелием, летом переселялось в свои сады и на пашни, находившиеся вокруг городка. Ремесленное производство было многоотраслевым. Среди ремесленников было много ткачей, выделывавших бумажные материи и полушелковую ткань алоча, мастеров обрабатывавших кожу, плотников, маслобойщиков. Занятия ремеслом они

[1] Большинство медресе носили имена их строителей: Мулло Асрора, Мулло Юсуфа, Охуна, Бобо Кори, Худойдода, Амона, Ойходжа эшона, Мулло Саримсока, Амина, Негматуллобоя, Мулло Ахрорходжа; остальные назывались Гунбази, Намозгох.

[2] Они назывались Олимшайх, Дашт, Гунбази, Хадирох, Мазорча, Сангчамазор, Латта, Чилламазор, Гарибон, Лахад, Чаксаки, Марахимкози, Чордара, Бачахо, почитаемые таджиками, окрестными узбеками и киргизами. Названия некоторых мазаров Костакоза упомянуты в архивном документе 1899 г. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, л. 26).

сочетали с земледелием. В городке было несколько мастеров кузнечного дела, гончаров, которые работали только в сезоны. Медники, ножовщики, ювелиры, оружейники, ремесленники, выделывавшие предметы хозяйственно-бытового назначения в своих мастерских работали зимой, а летом занимались земледелием. Изделия ремесел Костакоза имели спрос не только у населения городка, но у жителей соседних кишлаков и киргизских аулов. Ремесленники выносили на костакозский базар и развозили по ближайшим далеким кишлакам свои изделия: обувь, железные, медные, деревянные предметы, халаты, тюбетейки, гончарную посуду, кунжутное масло, сладости, циновки, седла, мыло и т. д. Костакозская полушелковая алоча, вышивка (сюзане) и виноградный бекмес — «шинни», были известны даже в других районах и областях Средней Азии. Былое расселение ремесленников по территории Костакоза отражают названия некоторых кварталов (Кулолгарон, Халвочихо, Собунгари и т. д.).

Костакоз являлся административным центров волости в 1887 г. объединявшая два сельских общества, 10 поселений, 1628 дворов. Ими управляли 34 пятидесятника, а мирабов было 13 (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. I, д. 5790, л. 14—15).

В 4 км к северу от Костакоза в прибрежной полосе Сыр-Дарьи располагался кишлак **Катаган** — одно из крупных узбекских селений, получившим свое название по этнониму жившей там группы узбеков. Дома и усадьбы кишлака раскинулись вдоль двух основных дорог, пересекавших кишлак. Одна дорога соединяла Катаган с Исписаром и Ходжентом, другая направлялась на юг, в Костакоз. В 1888 г. в Катагане было 128 дворов и 640 жителей, а в 1905 г. 130 дворов и 1,7 тысяч человек населения (Список, 1906, с. 102). Кишлак делился на четыре прихода (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, л. 21). В 1917 г. в нем отмечено 258 дворов и более 1,3 тыс. человек (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 84). Главным занятием жителей было хлопководство, зерноводство, шелководство. Женщины ткали для семьи бумажные ткани. Был известен хороший сорт местного хлопка — «гузаи Катаган». Жители Костакоза и Катагана часто участвовали в семейных и общественных обрядах друг друга, имели родственные связи.

В экономический подрайон с центром в Костакозе входили таджикско-узбекские селения правобережной части Сыр-Дарьи, административно образовавшие Самгарское общество Уральской волости и прилегавшие с юга киргизские общества Чапкулукской волости. В Самгарское общество входили более десяти се-

лений и аулов с центром в селении **Самгар**. В 1917 г. в них проживало 13,7 тыс. человек. Из них 9,8 тыс. человек отнесены к киргизам и более 1,8 тыс. человек к таджикам (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 117—118). В Мадинганское сельское общество Чапкулукской волости входили три киргизские селения — **Маргум, Мадинган** и **Сибистан** с 227 дворами и 1,3 тыс. человек населением, в Маргумское сельское общество — два селения — **Маргум** и **Даргаз** с 248 дворами и 1,4 тыс. человек киргизов. Жители киргизских селений имели постоянные связи с Костакозом, пригоняли туда скот, привозили шерсть и кожу для продажи и там имели круг приятелей и знакомых.

Топография и сложная структура Костакоза, его членение на части указывает, что это одно из древних поселений. Оно находилось на стыке таджикского равнинного оазиса с горами, где жило киргизское население, размещалось между Ходжентским и Канибадамским районами. Пережив феодальные войны и межнациональные раздоры, тормозившие развитию городка, Костакоз и его подрайон развились после 1866 г. Характер его рынка — состав торговых рядов и ассортимент товаров, отражают экономические связи Костакоза с кишлаком Катаган, киргизскими аулами Ляйлакской волости, правобережными селениями, городом Ходжентом. На базаре Костакоза происходил широкий обмен товаров. Ремесло находилось на стадии мелкотоварного производства. Ремесленники работали или по заказу, или для продажи на рынке. Их работа носила сезонный характер, совмещалась с земледелием. Домашние промыслы были уделом земледельцев.

Исписар являлся центром второго экономического подрайона Ходжентского района. Городок располагался в узле дорог: главного пути, соединявшего Ходжент с восточной Ферганой, и дорог, связывавших друг с другом поселения оазиса. Исписар разделялся на 6 жилых кварталов, называвшихся Хористон, Курган, Яккатут, Зардхок, Шурхок, Тошлок. В селении действовали 14 мечетей (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, л. 21). В 1872 г. Исписар состоял из 210 дворов, в которых проживали 840 человек — таджики и узбеки (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 5, л. 67). Последние принадлежали к группе кураминцев. В 1888 г. учтено было 287 дворов с населением 1,4 тысяч человек (Сборник, 1890, с. 237—238). К началу XX в. население их значительно возросло и составляло 290 дворов и 2,6 тыс. человек. Домовладения городка располагались по двум сторонам большой дороги Ходжент — Коканд, идущей с северо-запада на юго-восток, и

отходившей от нее на северо-восток дороги, к селению Куптуллюк. В 1899 г., в связи со строительством Ферганской ветки Среднеазиатской железной дороги при городке была построена станция и поселок, который впоследствии разросся и слился с Исписаром. В 1905 г. в русском поселке проживало 100 человек (Список, 1906, с. 102). Русское население поселка установило хозяйственно-культурные связи с жителями Исписара. Еженедельно, по вторникам, в центральном квартале Хористон, расположенном вдоль главной дороги открывался небольшой базар. Там было постоянных пятнадцать лавок. (Список, 1906, с. 102). Население сочетало хлопководство, садоводство и шелководство с ремеслами. Поля, сады и узкая полоса целинных и залежных земель Исписара прилегала к пригородным селениям и дачным местам Ходжента. К северу, за гребнем невысокой гряды Унджи, на террасе Сыр-Дарьи находился кишлачок **Куптуллюк** с узбекским населением. По сведениям информаторов, в нем жило около 60 человек.

Селение **Дашти Амин** основано в конце прошлого столетия крупным ходжентским земледельцем Ходжа Амином, на расстоянии приблизительно 5 км к юго-западу от Исписара, посередине нераспаханной степи. От сая Ходжа Бакирган сюда был отведен отдельный арык. Сначала образовались дачные места, где были летние сады Ходжа Амина и других городских богатеев: Бобо Рахим аксакала, Мирзокабил булус (волостной), Содики духтур, Бароти-чала, потом переселились крестьяне из Ходжента, Костакоза, Унджи, Румона, Аучи и Калача. Они сеяли пшеницу, ячмень, гузу, разводили сады и виноградники. По сведениям, накануне революции в Дашти Амине постоянно проживало около 70 человек. Торговых лавок не было, а свои покупки и продажи жители совершали в Исписаре или в Ходженте, куда ходили перевалив гряду Рухак. Земледельцы из окрестных кишлаков сеяли багарное зерно на казенных целинных землях южного склона возвышенности Рухак, называемого Котма. Поэтому они стали называться «котмакор».

К югу от Дашти Амин, у выхода речки Ходжа Бакирган из узкого ущелья на предгорную равнину, где находился распределитель воды по оазисам Ходжентского района, возникли селения **Калача** и **Аучи.** Около них, при мазаре Сулейман Ходжа Бакирган возник небольшой кишлак **Шайхон.** Названные кишлаки располагались по обоим сторонам высоких берегов Ходжа Бакиргана. Вероятно, у водозабора правобережных магистральных каналов, направляющих воду в Костакоз, Исписар и Катаган

возникло таджикское селение Калача, а на левом берегу, у водозабора магистрального канала Гулякандоз — селение Аучи (правильно Овчи), получившее свое название по этнониму группы тюрков. Дома и усадьбы названных селений вытянулись вдоль главной дороги, пересекавшей их по диагонали с юго-запада на северо-восток и соединявшей горные кишлаки Бешкентского оазиса с Ходжентом, Костакозом и Исписаром. В начале XX века Калача, Аучи и Шайхон слились, составив три части одного кишлака. В них имелось четыре мечети со школами, при них и 11 торговых лавок (Список, 1906, с. 102). По сведениям А. А. Кушакевича в начале 70-х годов прошлого века в Калача насчитывалось 24 таджикских двора, в Аучи — 17 узбекских и в Шайхон — 14 таджикских. По приблизительным подсчетам 1888 г. Аучи состоял из 37 дворов и 185 человек населения, Калача — 31 дворов и 155 жителей (Сборник, 1890, с. 237—238). К 1905 г. число дворов в селениях не увеличивалось, но население удвоилось: в Аучи оно составило 360 человек, в Калаче — 270 человек. В 1917 г. в Аучи были зарегистрированы 155 дворов и 829 жителей, в Калаче — 105 дворов и 585 населения (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 84). По рассказанному автору преданию, ядро населения Калача и Аучи составляли потомки сторожей и надзирателей за водоразделами на магистральных каналах, переселившихся из ходжентско-присырдарьинского и Гулякандозского оазисов. Первоначально большинство населения Шайхона составляли шейхи-хранители мазара Ходжа Бакирган.[1]

Жители этих селений занимались земледелим, частично скотоводством. Воздылывали пшеницу, джугару, хлопок, клевер. Садоводство и огородничество не было распространено. В некоторых семьях женщины ткали бумажные материи.

Таким образом, экономический подрайон с центром в городке Исписар сложился как таджиско-узбекский и территориально, и по связям, заняв место между г. Ходжентом и его пригородами, Костакозом, его подрайоном и Бешкентским микрорайоном.

Гулякандоз, как первый населенный пункт от Ходжента в

[1] По этому поводу А. А. Кушакевич писал: «К Аучи к северу прилегает 14 дворов населенных аксуяками и лежащих на вакуфной земле, принадлежащая кладбищу Ходжа Бакиргана. К могиле этого святого являются на поклонение из более отдаленных мест Туркестана». (Кишлаки, с. 170—171) .Почитание мазара явно связывалось с культом воды речки Ходжа Бакиргана, как подательницы насущного хлеба для населения всего района.

сторону Самарканда, упоминался еще в трудах авторов IX—X вв. ибн ал-Факиха, ибн Хардадбеха, Кудамы. В позднесредневековый период это было крупное поселение, имевшее свою крепость (Марафиев, 1963, с. 101—103). В конце XIX — начале XX вв. торгово-ремесленно селение Гулякандоз являлось центром экономического микрорайона, располагавшегося в долине левого рукава речки Ходжа Бакирган. В административном отношении Гулякандозский оазис представлял волость, состоявшую из 2 сельских общества. В 1887 г. в них было 1128 дворов, управляемых 24 пятидесятниками. Распределением воды ведали 5 мирабов. К 1890 г. число дворов увеличилось на 20 и составило 1148 человек (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. I, д. 5790, л. 14—15). В Гулякандозе действовал маленький базар. В 1872 г. в нем было 19 торговых лавок (Кушакевич, Кишлаки, с. 170—171), а в 1905 г. — уже 30 лавок (Список, 1906, с. 103). Основными предметами торговли являлись — зерно, хлопок, скот. Ремесленные изделия привозили разъездные торговцы из Ходжента, Нау, Исписара и Костакоза. В самом Гулякандозе в 1888 г. было учтено 328 дворов и более 3 тысяч жителей (Сборник, 1890, с. 233—234; Список, 1906, с. 103). Они относились к группам узбеков и таджиков. Вблизи Гулякандоза располагались селения Янги, где в 1888 г. было 60 дворов и 300 человек, а в 1905 г. 63 дворов и 567 человек и Говхона, соответственно из 72 дворов и 360 человек в 1888 г. и 70 дворов и 639 человек жителей в 1905 г.

К северу от Гулякандоза, в прибрежной части Сыр-Дарьи находилось селение Дигмай. В 1888 г. в нем отмечено примерно 80 дворов, 400 человек населения, а в 1905 г. столько же дворов и 660 человек жителей. К Гулякандозу тяготели селения Октеппа, Андарсай, Хитой, находившиеся в предгорье Туркестанского хребта. Кишлак Октеппа в 1888 г. имел 62 дворов и 310 жителей, а в 1917 г. — 81 двор и 316 жителей; в Андарсае в 1888 г. насчитывалось 59 дворов и 295 человек населения, в 1917 г. в 193 дворов и 881 человек жителей; в Хитойе 1888 г. 53 двора и 265 человек, в 1917 г. — 140 дворов и 659 человек (Сборник, 1890, с. 231—234; Материалы, ч. I, вып. 5, 1934, с. 83). Большинство его жителей составляли узбеки этногрупп «юз», «кипчак», «туякли». Таджики проживали в кишлаках Янги и Дигмай. Родом они были из Ходжента, Матчи и Гулякандоза. Тяготевшие к Гулякандозу селения составляли одну из главных зерноводческо-хлопководческих зон Ходжентского района. Большую часть посевных земель занимали пшеница, джугара, хлопок, клевер, а в Андарсае — также ячмень. Садоводство и огородничество не были распространены. Экономическое развитие микрорайона стимулировалось возникновением на его территории в конце XIX в. железнодорожной станции Драгомирово с русским поселком. К 1917 г. Драгомирово представляло собой поселок городского типа с населением 525 человек (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 7).

Гулякандоз, по сравнению с микрорайонами Костакоза и Исписара, носил более аграрный характер. Он снабжал Ходжентский рынок зерном и хлопком, приобретая там ремесленные изделия и другие продукты земледелия и животноводства.

Тагоб. Отдельный экономический микрорайон, тяготевший к Ходженту, Костакозу и Исписару, образовывали селения Бешкентского и Иске-Аучинского обществ Чапкулукской волости, расположенные в горном ущелье речки Ходжа Бакирган.[1] Там находились восемь селений: Кайрагач, Тагоб, Тозак, Андархам, Чурбак, Сулюкта, Иске-Аучи, Шура Ляйли. Они тянулись узкой полосой по обоим берегам Ходжа Бакиргана. Административно эти селения до 1903 г. входили в Исфанейскую волость, затем они составили две из 4 сельских обществ новой Чапкулской волости Ходжентского уезда (Лыкошин, 1905, с. 1—6). Сельский базар в Тагобе обслуживал кишлаки Бешкентского и Иске-Аучинского обществ, соседних киргизских сельских обществ Чапкулукской и Исфанейской волостей. К тагобскому рынку тяготело население Лайлакской волости Кокандского уезда, расположенная к югу и востоку от Бешкентского оазиса. Базар Тагоба, как пункт сбыта сельскохозяйственных продуктов, оживлялся главным образом осенью. Однако даже в сезоны оживления базар в Тагобе, по словам Н. С. Лыкошина, не мог стать «пунктом удобного сбыта сельскохозяйственных продуктов уже потому, что там не всегда можно найти в достаточном выборе предметы, необходимые в хозяйстве» (1905, с. 144). Поэтому земледельцы и скотоводы Бешкентского оазиса и киргизские скотоводы продавали свой хлеб, рис, шерсть, кожу в значительных количествах на базарах г. Ходжента, Костакоза и Исписара и там же приобретали необходимые им товары.

В архивном документе 1885 г. даны общие цифры населения Бешкентского сельского общества: всего отмечено 361 двор и 2114 жителей (ЦГА Тадж. ССР, д. I, оп. I, д. 95, л. 103—105). По статистическим свеедениям 1905 г., приведенные Н. С. Лыко-

[1] Бешкентский оазис ныне входит в состав Киргизской ССР.

шиным, по кишлакам Бешкентского оазиса даются раздельные данные: Кайрагач — 40 дворов, 292 человек; Тагоб — —59 дворов 445 человек, Тозак — 59 дворов, 453 человек; Андархам — 71 дворов, 508 человек, Чурбак — 79 дворов, 564 человек, Иске-Аучи — 74 дворов, 449 человек, Сулюкта — 93 дворов и 610 человек и Шура Ляйли — 80 дворов и 495 человек (1905, с. 6, 20). Население первых пяти селений названы таджиками, а последних трех киргизами. Однако, по нашим материалам, «тюрки» ошибочно названы таджиками. По сведения Н. С. Лыкошина, три из четырех сельских обществ Чапкулукской волости были населены сплош киргизами, пришедшими туда из Ферганской области в 20-х—30-х годах XIX века (1905, с. 190). Население Бешкентского оазиса занималось земледелием в сочетании со скотоводством. Производили семь видов сельскохозяйственных продуктов, но по занимаемой площади и доходности важное значение имело возделывание риса и клевера. Ремесло, главным образом ткачество, находилось в стадии домашнего промысла, и им в основном занимались женщины. Жители остальных обществ занимались скотоводством.

Таким образом, экономический микрорайон с центром в Тагобе представлял земледельческо-скотоводческую территориально-хозяйственную единицу Ходжентского района. Микрорайон поставлял базарам Ходжента, Костакоза, Исписара и Гулякандоза рис, клевер, скот и вывозил оттуда ремесленные изделия, прочие земледельческие продукты. Межнациональные хозяйственно-культурные связи таджиков, узбеков и киргизов сочетались с семейно-родственными взаимоотношениями.

В начале XX в. на Сыр-Дарье были установлены водокачки, что позволило освоить прилегавшие к Ходжентскому району части правобережья. Там возникали новые поселения — Сар тукай и Сумчак.

Выводы

В конце XIX — начале XX вв. шло дальнейшее развитие городского и сельского населения Ходжентского района, выразившиеся в следующем.

Рост размера территории города и усложение его структуры проявился в увеличении числа частей, жилых кварталов, домов, торговых учреждений и в появлении новой застройки общественных и культовых зданий. Возникли русская часть, фабрично-заводские заведения, различные промышленные, транспортные

общества. Уменьшение сельскохозяйственных угодий на территории города, рост путей сообщения как средств усиления связи, сооружения понтонного моста через Сыр-Дарью. Все эти явления отражали процесс градостроительства и вели к изменению топографии, в которой проявлялась форма городской жизни Ходжента.

Рост и этническая консолидация населения являлись важными основами развития содержания городской жизни. Изменялось соотношение населения занятого ремеслом, торговлей, земледелием в направлении расширения первых двух сфер: происходило развитие их отраслей и специальностей. Количественное и качественное развитие ремесленной промышленности и торговли — экономической основы содержания гордской жизни, выразилось в увеличении изготовления орудий, средств труда, предметов потребления, некоторой механизации трудовых процессов, появление технических новшеств, усовершенствование организации ремесленного производства путем роста товарного и детального разделения труда. Городская ремесленная промышленность Ходжента достигла ступени простой капиталистической кооперации й стадии мануфактуры, как в форме рассеянной так и централизованной.

Важным показателем развития содержания городской жизни Ходжента была степень отделения ремесла от земледелия. Наличие дворов, усадеб и сельскохозяйственных угодий на территории Ходжента и категорий населения, сочетавших ремесло с земледелием означало незавершенность этого процесса. В целом в конце XIX — начале XX вв. прогрессировал процесс окончательного отделения города от деревни, ремесла от земледелия. Подавляющая часть ремесленников-горожан не была связана с землей, круглый год занималась только своим промыслом.

Развитие формы сельской жизни проявилась в территориальном росте, сложении структуры пригородных селений, кварталов, дачных мест, экономических подрайонов и микрорайонов. Между названными формами территориально-хозяйственных единиц установились тесные экономические, этнические, культурные взаимоотношения. В конце XIX — начале XX вв. возникли и развивались новые поселения — русские поселки при железнодорожных станциях и выселки на новых осваиваемых землях. Внешним фактором, влиявшим на степень развития форм сельской жизни и поселений была близость или отдаленность путей сообщения межрайонного и межобластного значения. Экономические подрайоны и микрорайоны, территории ко-

торых пересекали важные пути сообщения, обладали развитыми формами поселений — городками, торгово-ремесленными, ремесленными селениями.

Содержание сельской жизни определяли хозяйственные занятия населения — земледелие, скотоводство и ремесло. Процесс размежевания городского и сельского населения стал основой оформления разделения труда между двумя компонентами общественного организма. На этой базе сельская жизнь развивалась не только во всех направлениях, но и происходил некоторый процесс ее урбанизации. Примером этого служила жизнь городков Костакоз, Исписар. В них развивались отрасли ремесленного производства, заимствованные из г. Ходжента и сугубо свои. Отражением развития внутренней жизни экономических подрайонов и микрорайонов в конце XIX — начале XX вв. явилась некоторая их специализация. Костакоз и его экономический подрайон специализировался как виноградческо-ремесленный, Исписар и его подрайон как садоводческо-промысловый, Гулякандоз и его микрорайон как зерноводческо-хлопководческий, Тагоб и его микрорайон как рисоводческо-скотоводческий. Специализацию микрорайонов усиливали межнациональные хозяйственные, культурные, этнические, семейно-родственные связи. Это была экономической основой консолидации населения Ходжентского района.

Поселения можно типологизировать и по данным исторической топографии, по размеру, наличию кургана (крепости), главной соборной мечети, большему или меньшему развитию членения на части. По этим признакам следует выделить старинные поселения Костакоз, Гулякандоз, Исписар. По этнической однородности и общности населения группировались город Ходжент и его пригородные селения — Ява, Пули чукур, Румон, Шайх-Бурхон, Кулангир, Унджи, городок Костакоз, кишлаки Калъача как исконно таджикский Янги, как пришлый таджикский, городок Исписар — смешанный таджикско-узбекский, кишлаки Катаган, Курук, Куптулюк, селения Гулякандоз, Хитой, кишлаки Бешкентского оазиса как узбекские.

ГЛАВА III

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРА-ТЮБИНСКОГО РАЙОНА

ГОРОД УРА-ТЮБЕ

Ура-Тюбе являлся одним из древних городов Средней Азии. В конце XIX — начале XX вв. город Ура-Тюбе был центром обширного по территории района Северного Таджикистана. Хотя город находился в стороне от главного пути караванной торговли и железной дороги, но расположение его на стыке развитой Ферганской долины и Ташкентской области, скотоводческой Джизакской области стимулировало росту Ура-Тюбе и его сельского района. Важным фактором развития городского и сельского населения Ура-Тюбе являлись их традиционные экономические связи и этнические контакты с горными таджиками Матчинского, Фальгарского, Ягнобского, Фанского районов и далее с Каратегином и Гиссарской долиной.

Само название города Ура-Тюбе, состоящее из двух слов «ўра» — яма, ров, ущелье и «теппа» — холм, возвышенность, т. е. «котловина, окруженная холмами» точно выражало рельеф его поверхности. Город располагался на террасах речки Сойи калон и подножья двух холмов, окружавших город в виде дуги. Западный холм назывался «теппаи Тал», а восточный «теппаи Муғ».[1] Они образовывали защитную зону города. В северной части города русло речки, прорывая холмы, образовало небольшой проход — естественые ворота Ура-Тюбе. За холмами лежала обширная полоса Ура-Тюбинского оазиса, далее предгорная степь.

В 7 км выше города, в русле речки Сойи калон находилось

[1] «Тал» — арабское слово, означающее «холм», пригорок, горка». «Муғ» — мужское духовное лицо огнепоклонников — зороастрийцев.

место, богатое родниками, — «чашмасор». Там на обоих берегах речки располагались водозаборы пяти магистральных арыков Сайёд, Чормахалла, Кавола, Ахмадшох, Погундак. Три первые орошали левобережную часть города и пригородные селения, а Ахмадшох и Погундак — правобережье Ура-Тюбе и прилегавшие кишлаки.[1] В этих арыках 1879 г. действовали 16 мельниц, в 1905 г. — 21 мельница (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 48, л. 11—12; д. 753, т. I, л. 99, 101). Потребность жителей в воде удовлетворяли также находящиеся в центре, в северо-западной и в восточной частях города ключи Хазрати Шох, Хавзи Морон или Бозор, Хавзи тупон, Хаким Кассоб и Курук.[2] В пределах города на дне речки выходило несколько родников. Отмечая это, Филипп Назаров в 1913 г. писал: «Город Урутюппа прилегает к горе Кашкар-Даван, на ключах, вытекающих из помянутой горы между сопок» (1968, с. 53). Но все же питьевой воды не хватало, главным образом в период маловодья, и во многих дворах были вырыты глубокие колодцы. Несмотря на существование издревле разных видов оросителей г. Ура-Тюбе и его оазис страдал маловодьем. Расположение города у подошвы холмов и в котловине, при снегово-дождевом питании речки, затрудняло рациональное распределение воды. В городе было очень мало зелени. Как и в Ходженте, каждый жилой квартал Ура-Тюбе имел хауз, что отразился в названии некоторых из них, как например, Хавзи сангин — каменный хауз, Хавзи морон — хауз змеев.

В средневековых нарративных источниках Ура-Тюбе описан как один из больших городов Средней Азии. Обширность города отмечали русские авторы (Назаров, 1968, с. 53). Первый план Ура-Тюбе снят в 1866 г. русскими военными топографами (Макшеев, 1890). Судя по нему, тогда Ура-Тюбе представлял неправильный четырехугольник с ломаными линиями. Левая прибрежная часть была несколько вытянута на север. Территория города по съемке 1886 г. равнялась 483 десятинам, или свыше 527 га, т. е. составляла 3/4 площади, занимаемой Ходжентом. Из 483 десятин гордских земель, 300 десятин занимали домовладения, более 33 десятин — выгоны, более 83 десятин — поля, 50 десятин — базар, площади, лавки и общественные здания, 16

[1] Канал Сайёд орошал одноименный загородный и городской кварталы. Согласно документа 1706—1707 гг. в Ура-Тюбе действовало общество охотников (Мухтаров, 1975, с. 30).

[2] В документе за 1879 г. названы три основные ключа: Хазрати Шох, Хаким кассоб, Базар (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 48, л. 11).

десятин неудобные земли (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 106, л. 13). Типичная городская усадьба в Ура-Тюбе, в отличие от Ходжента представляла собой жилой дом без сада и посевов, огражденный высокими глинобитными стенами.

Средневековый Ура-Тюбе был окружен двумя рядами высоких массивных стен, общей протяженностью 6,4 км. Южные и восточные стены тянулись прямой линией, а западные и северные изгибались, следуя рельефу. В документе за 1866 г. озаглавленном «О взятии крепости г. Ура-Тюбе» отмечается: «северный фас ура-тюбинской крепости, к которой подводит Наусская дорога, расположен на трех крупных и довольно больших высотах, идущих почти в прямой линии и пологосклоняющихся в противоположную южную сторону. На этих то пологостях и расположен город, обнесенный со всех прочих сторон двойным рядом высоких стен и глубоким рвом» (ЦГА Уз. ССР, И-336, оп. I, д. 51а, л. 5—6). По описаниям Ф. Ефремова (1950 г. с. 41), Ф. Назарова (1968, с. 53), Е. К. Мейендорфа (1975, с. 84, 90), Д. И. Романовского (1872, с. 128—129), М. Зиновьева (1868, № 3), И. Львова (1868, № 7, с. 152—174), А. Куна (1876, № 4), А. И. Макшеева (1890), К. К. Абаза (1902, с. 122—124), М. А. Терентьева (1906), А. Г. Серебренникова (I, 1915), по корреспонденциям, помещенным в русских военных журналах, крепостные стены Ура-Тюбе были мощными фортификационными соружением с бастионами и барбетами.

Еще в конце XIX в. городские стены Ура-Тюбе имели 7 ворот: северные — Науские (или Сои поён), восточные — Санги сиёх и Яккабог, южные — Шахристанские (или Сои боло) и Каробек, западные — Дарвозаи боло и Зааминские (или Наджот или Тал).[1] Главными воротами являлись Науские, Шахристанские и Зааминские, названные по дорогам, которые вели в эти населенные пункты. Ворота Дарвозаи боло, Каробек, Яккобог и Санги сиёх соединяли город с прилегающими западными, южными и восточными селениями (Костенко, 1880, с. 448). От городских ворот к центру, находившемуся в левой прибрежной части, тянулись семь главных радикальных извилистых узких улиц, с многочисленными переулками и тупиками, имевшими ворота.

Цитадель являлась местом древнейшего поселения. Она расположена в северо-восточном углу города, на вершине холма

[1] В работе Кастанье упомянуты названия шести ворот. Пропущены ворота Дарвозаи боло. См. его. Древности Ура-Тюбе и Шахристана. ПТКЛА, год 20-й, Ташкент, 1915, стр. 33.

«Теппаи Муғ», представлявшем скалистую возвышенность. Цитадель — «ӯрда» находилась примерно на высоте 30—35 метров над нижней террасой речки. Археологическими изысканиями на территории цитадели были выявлены культурные слои, относившиеся к античному и позднефеодальному периодам (Смирнова, 1953, с. 207—215; Ранов, Салтовская, 1961, с. 117—129; Негматов, Салтовская, 1962, с. 71—77).

На юго-восточной окраине левобережной части города, вблизи ворот Сойи боло, находился старый квартал, который называли «Ӯрдаи кӯҳна» — старая цитадель.[1] Старожили показали нам остаток старой стены, которого они считали следом той урды. Возможно, в средние века там размещалась ставка какого-то правителя. Эту догадку подкрепляют сведения о нахождении в г. Ура-Тюбе в первой четверти XV в. резиденции Шахруха — старшего сына Тимура (Чейлытко, 1940, 30 июля; Мухтаров, 1959, с. 89). Следует отметить, что рядом с Урдаи кухна находился квартал Султон («султан», «царь», «монарх»).

Рынок Ура-Тюбе по количеству лавок, рядов, площадей и караван-сараев являлся крупнейшим в Северном Таджикистане. Ура-Тюбинский рынок был торговым центром всего своего района. и тяготевшей восточной части Верхнего Зерафшана. Если в начале 70-х годов XIX в. в Ура-Тюбе числилось 642 лавки (Кушакевич, 1872б, с. 52), то в 1905 г. их число достигло 1165, а число карван-сараев соответственно увеличилось от 3 до 25.[2] Рыночная площадь за это время расширилась от 0,8 га до 1,2 га (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I. д. 753, т. I, л. 99—101; д. 31, л. 6). Рынок располагался в центре города. Его лавки и караван-сараи тянулись вдоль обоих берегов речки. О том, что Ура-Тюбинский базар «довольно велик» и занимает «обширное пространство», писали русские авторы прошлого века (Бекчурин, 1886, с. 56). Сердцевиной Ура-Тюбинского базара, как и в других больших городах, являлась «чорсӯ»— перекресток главных улиц, перекрытый куполообразным сооружением. Площадь «чорсӯ», вокруг перекрестки называемую «Ибрат», окружали 5 чайхан и караван-сарай. О планировке

[1] Урда — (тюркское слово) — исторический термин. Орда в тюрко-монгольских, феодальных государствах средневековья — ставка, резиденция или местопребывание правителя государства. Узбекско-русский словарь, М., Госиздат иностранных и национальных словарей, 1959, стр. 586.

[2] По сведениям 1888 г. отмечено 1100 лавок и ремесленных заведений (Сборник, 1890, с. 42—43; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 753, т. I, л. 91—101).

Ура-Тюбинского базара газета «Санкт-Петербургские ведомости» в 1870 г. писала: «лавки эти всегда маленькие, деревянные или глиняные, расположенные обыкновенно на громадном пространстве и составляют настоящий лабиринт, в котором до основательного знакомства с ним можно заблудиться. Дверей они не имеют, но вся передняя часть их открыта, только на ночь закрывается и то кое-как, больше для формы досками, полок в лавках нет, товары развешаны по потолку и всем стенам шалаша или просто навалены грудами на глиняном полу, на котором впереди их восседает и торговец. Хотя сами лавки и разбросаны в большом беспорядке, но товары распределены в них довольно в строгой системе и каждый разряд их помещается в особом отделении, так например,материи шелковые, бумажные и т. п. помещаются отдельно» (Туркестанский сборник, т. 40, с. 29).

От «чорсӯ» на юг тянулись крытые пассажи — «тим», торговые площади — «майдони бозор», навесы, где продавались съестные продукты — «каппон», хлопок — «бозори ғӯза» и караван-сараи. Как и в Ходженте, в пассажах, на площадях, навесах, в караван-сараях продавались различные ремесленные, земледельческие, скотоводческие продукты.

В Ура-Тюбе в 1888 г. функционировало 6 общественных бань. (Сборник, 1890, с. 42—43) и многочисленные чайханы.[1] Базарными днями считались среда и воскресенье. В эти дни в город Ура-Тюбе съезжались со всех оазисов района, из скотоводческой округи, из городков Ямин, Заамин, и Хаваст, Бекабад, Нау, спускались горцы из Матчи и Фальгара.

Как и Ходжент, Ура-Тюбе членился на две административные части — «даҳа» — северную Охунон и южную Ходжа Фахриддин. В начале XX в. граница этих частей прилегала примерно по улице, идущей от юго-западных ворот Дарвозаи боло к центру и оттуда к северо-восточным воротам Санги сиёх. Возможно, названия частей поздние, появились в XVIII — начале XIX века: это явствует из того, что о Мулло Охуне Шокирходжа и Ходжа Фахриддине среди старожилов еще сохранились рассказы их отцов. Мулло Охун, родом из Бухары, был крупным феодалом XVIII в. и являлся влиятельным при беках Ура-Тюбе. По преданию, он благоустроил квартал на пустыре в северной части города, который и был назван его именем. После присоединения Средней Азии к России части управлялись аксакалами,

[1] Бани находились в кварталах Кордгарон, Олкоро, Кок гунбаз, Дарвозаи боло, Турк, Куруки боло. В отличие от ходжентских, ура-тюбинские бани были маленькими.

подчинявшимися приставу Ура-Тюбинского участка. Ура-Тюбе отличался от Ходжента высоким уровнем компактности дворов. При меньшей площади, в 1872 г. в Ура-Тюбе было 1573 двора (Кушакевич, 1872б, с. 50), в 1887—1888 гг., 1901 двор и 1821 строений (Сборник, 1890, с. 42, 43), в 1897 г. — 1965 дворов (Справочная книжка, 1899, с. 230), а в 1903 г. — 2020 дворов (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 722, л. 126—127; д. 753, т. I, л. 99, 101). Судя по документу за 1903 г. в г. Ура-Тюбе насчитывались 7420 семейств и столько же хозяйств (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 722, л. 126, 127). В 1916 г. городские здания занимали площадь в 131 десятину или 143 га, на которой размещались 2020 дворов, т. е. каждый двор занимал в среднем 70,7 кв. метров (Там же, ф. 12, оп. I, д. 59, л. 8). Из всех городов Самаркандской области, Ура-Тюбе была присуща чрезвычайная скученность домов. В городе было много двухэтажных строений с высокими цоколями. На каждую из 3783 «жилых квартир» города Ура-Тюбе, отмеченных к 1917 г., в среднем приходилось 5,1 человек (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 12—13).[1]

После взятия Ура-Тюбе в октябре 1866 г. у подошвы холма, на котором стояла цитадель, был основан русский квартал, называемый местным населением «гузари Урусхо». В 1876 г. он состоял из 61 дома (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 31, л. 23). В 1905 г. в нем проживало 238 человек, а в 1917 г. там было 213 человек, которые жили в 38 домах (Список, 1906, с. 107; Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 73). В русской части находилось местопребывание ура-тюбинского участкового пристава, православная церковь, почтово-телеграфная контора и лазарет (Масальский; 1913, с. 692).

В Ура-Тюбе, в отличие от городов Ферганской долины и Ташкента, жилой квартал назывался «гузар» (т. о. примыкал по терминам к Самарканду, а не к Ходженту). «Гузар» имел свой общественный центр с мечетью, хаузом, чайханой, торговыми лавками и мастерскими. В свое время Л. Е. Костенко по поводу жилых кварталов Ура-Тюбе писал: «Город разделен на гузары, которых насчитывается 58. Это разделение на гузары существуют издавна, неизвестно, кем и когда оно введено и какие основания были при этом приняты в соображение, так как все гузары неодинаковы, ни по своему пространству, ни по населению» (I, 1880, с. 447).

[1] Частота домовладений была наибольшей в Охунонской части в центральной полосе города. «Строения в Ура-Тюбе составляют как-будто одну сплошную массу» замечал в 1872 г. М. Бекчурин,—«в городе почти нет садов, так что все дома тесно группированы, они расположены по большей части в переулках, в которые ведут большие деревянные ворота» — писал Л. Е. Костенко в 1880 г.

По списку, составленному в 1893 г. из 52 кварталов города Ура-Тюбе 24 квартала входили в Охунонскую часть, а 28 — в Ходжа Фахриддинскую часть (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1419, л. 6—7).

Нами зарегистрированы (по опросным данным) 60 жилых кварталов, существовавших в начале XX в. Такое же количество жилых кварталов, без их списка, приведено в работе А. Мухтарова (1959, с. 96). Подавляющая часть кварталов, была одноприходными, лишь окраинные кварталы Дарвозаи боло, Вогат, Курук и Тал имели по два или по три прихода.

Из 60 кварталов Ура-Тюбе ремеслами и торговлей занимались в 45 — более половины, а в 5 — около 50% хозяйства. Ряд кварталов носил ремесленные названия: Мехчагарон — гвоздари, Заргарон — ювелиры, Кордгарон — ножовщики, Осиётузуккунон — мастера, устанавливающие и ремонтирующие оборудование мельницы, Хосабофон — ткачи, выделывавшие кисею, Махсидузон — мастера, выделывающие ичиги, Кемухтгарон — шагренщики, Собунгарон — мыловары, Кассобон — мясники.

Внутриквартальные и межквартальные территориально-соседские связи в городе Ура-Тюбе имели свои особенности. Как и в Ходженте на семейные обряды со всех кварталов города приглашали прихожан своей мечети поголовно, а жителей других кварталов выборочно. Однако, объединений типа «роат», с определенным числом кварталов, жители которых посещали семейные обряды друг друга в Ура-Тюбе не было. Вероятно, эта традиция в г. Ура-Тюбе свидетельствует о живучести пережитков патриархальных отношений среди его населения. В г. Ура-Тюбе, в отличие от Ходжента, кварталы совместно заботились об арыках и содержали некоторых обслуживающих людей: уличных сторожей, поваров, могильщиков, пастухов, брадобреев. Кварталы имели свои особые места захоронения. Так, местом захоронения для жителей десяти кварталов, расположенных в центре города, служило кладбище вокруг мечети Намозгох.

О размере жилых кварталов г. Ура-Тюбе можно судить по сведениям 1893 г. Всего зарегистрировано 52 квартала, в них насчитывалось 1894 дома. Центральные кварталы Намозгох, Чорсада, Бурчак, Масчиди сафед, Мирзоён, Лаби джуй, Олкорон, Маддохон состояли из 17 и 37 домов, правобережные кварталы Чармгарон, Собунгарон, Чилу як, Каландархона, Шокирхон,

Боги хон, Кемухтгарон от 10 до 29 домов. В окраинных кварталах Дарвозаи боло, Кок гунбаз, Мулджар, Вогати поён, Сартарошон, Каволаи эчакон, Сорбон домов было от 41 до 96 (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1497, л. 67).

В XIX — начале XX вв. в Ура-Тюбе, как и в других городах, происходило образование новых приходов. По сведениям информаторов, в этот период появилось более десятка новых приходов в связи с построением новой мечети. В 70-х годах прошлого века отмечено 56 мечетей, а в 1888 г. — 65, в 1905 г. — 70 (Сборник, 1890, с. 42—43; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, д. 29; д. 753, т. I, л. 99, 101). В это же время происходила перестройка старых мечетей. Было перестроено около половины мечетей. Соборные мечети располагались в крупных жилых кварталах, где, обычно, находились небольшие межквартальные базары.[1] Старинной мечетью была Кок гунбаз («голубой купол»), построенная согласно хронограмме «манзили хайр» (жилище благоденствир») в 937 г. х. (1530—31 гг.) (Мухтаров, 1959, с. 91); мечеть Рустамбека была возведена в 40-х годах XIX в. Обе они — соборные. Крупнейшей соборной мечетью, и вместе с тем мечетью для праздничных намазов, Ура-Тюбе являлась Намозгох.[2]

В Ура-Тюбе в отличие от Ходжента особых медресе было мало, в большинстве они действовали при крупнейших мечетях. Старинным было медресе Кок гунбаз,. Особо отличалось медресе Рустамбека его здания из жженого кирпича построенное в середине XIX в. было — значительным достижением архитектурного искусства зодчих Ура-Тюбе.[3]

[1] Рост городов отразился и на увеличении числа соборных мечетей. По сведениям А. А. Кушакевича, в 1872 г. в городе было 9 соборных мечетей, а по подсчетам наших информаторов, в начале XX в. их насчитывалось уже 22.

[2] Обычно величину мечети определяли по количеству колони — «сутун» в молельне. Приходские и соборные мечети имели 2 или 4 колонны. Так, крупнейшие мечети г. Ходжента имели следующее число колон: Шайх Маслихатдин — 20, Намозгох — 12, Хазрати Бобо — 10, Пуларкиш, Дари шикоф — по 8, Сари санг, Кушмасчид — по 6. Мечеть Намозгох в г. Ура-Тюбе имела 15 колони.

[3] В 70-х годах XIX в. медресе Рустамбека имело 49 отдельных помещений, в которых жило до 30 учеников. С ними занимались 4 учителя. Три остальные медресе, называемые Намозгох и Санд Ходжа, были выстроены из сырого кирпича. Первое имело 12 помещений для 30 учеников, второе 18 помещений на 25 учеников, третье — 12 помещений на 15 учеников (Костенко, I, 1880, с. 447). Они также построены в первой половине XIX века. В 1903 г. в г. Ура-Тюбе функционировали 5 медресе, 47 мактабов с 522 учениками, русско-туземная школа с 26 учениками, вечерние курсы при них с 23 учениками, русское приходское училище с 17 учениками (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 722, л. 78—79). В 1912 г. в медресе Кок гунбаз 8 учителей обучали 80 учащихся, в медресе Намозгох 2 учителей занимались с 70 учениками, в медресе Масчиди сафед было 82 ученика и 3 учителя, при медресе Ходжахон 60 учеников и 3 учителя (Там же, ф, I, оп. I, д. 907, л. 6). Подобные сведения о числе медресе, мактабов, их учеников в г. Ура-Тюбе приведено в архивном документе 1899 г. (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, л. 69, 70, 78, 79; д. 907, л. 6).

Своеобразную конфигурацию линий частей города, создавало местоположение мазаров и кладбищ. Последние в основном теснились между домами, среди жилых кварталов. Возможно, поэтому их не заметил М. Бекчурин, писавший, что в Ура-Тюбе «нет ни площадей, ни кладбищ, которые всегда бывают в городах Средней Азии» (1872, с. 17). Крупнейший мазар Хазрати Шох Кутайб ибни Аббос с большим кладбищем находился в центре города. У подножия мазара пробивался ключ, названный Хазрати Шох. Рядом с мазаром Хазрати Шох находилась гробница Худояра Валлами — одного из ура-тюбинских беков. В южной стороне города, у ворот Каробек, находился мазар Ходжа Сарои топди, тоже окруженный кладбищем. При западных воротах Дарвозаи боло располагался мазар Шайх Ориф Шибили с кладбищем. В агиографическом сочинении Абдурахмана Джами «Нафохот-ул-унс мин Хазарот-ул-кудс» сообщается, что Шайх Шибили, родом из Уструшаны, жил в IX в. н. э.[1] Между мазарами Шох Кутайб и Шайх Шибили находился мазар Шох Фузайл (или Кушкорак). К северу от Шайх Шибили в кварталах Хавзи сангин и Тал располагались мазары Шох Фозил и Шайх Малик Ориф. По сведениям агиографических сочинений, Шох Кутайб, Шох Фозил и Шох Фузайл являлись братьями. В северном квартале Вогат находился мазар Шайх Умар. На правом берегу в пределах кварталов Турк, Каландархона, Чилу як, Урусо размещались мазары Шайх Хаккули, Шайх, Хокони, Саидбаккол Гози и Маъруф шайх с кладбищем.[1] Возможно нахождение большого числа кладбищ в правобережной части свидетельствует о том, что эта сторона была застроена позднее. Каждая группа населения имела свое кладбище. Существовали такие кладбища, принадлежащие семейно-родственным группам и сословиям. Так группа, ишанов из квартала Дахбеди имела свое кладбище. Аналогичное имела группа «каландаров».

[1] Этим сведениям автор обязан учителю СШ имени М. Горького г. Ура-Тюбе Р. Абдуллозаде. О сочинении А. Джами см.: Р. Хашим. Хайкали бузурги назм, Душанбе, 1964, стр. 76.

[2] В документе за 1899 и 1912 гг. приведены названия 14 мазаров и кладбищ г. Ура-Тюбе (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, л. 35; д. 907, л. 8).

При всей тесноте городских земель, в пределах города имелись небольшие участки с посевами — «ҳаёт» и сады — «боғҳо». Так, в юго-восточном левобережном квартале Дахбеди у ворот Сойи боло и у северных ворот Сойи поён находились два таких участка. Первый являлся собственностью дахбедских ишанов, а второй — принадлежал потомкам Рустамбека, одного из последних правителей Ура-Тюбе. Сохранившиеся в топонимии правобережных кварталов названий Бог, Боги Хоким, вероятно являются следом расположения там больших садов. Во дворах и некоторых горожан имелись виноградники. Так, по сведениям 1888 г. в г. Ура-Тюбе отмечено 200 танапов виноградников, дававших урожай и по 48 тыс. пудов в год. (Сборник, 1890, с. 382).

Таким образом, приведенные историко-этнографические сведения показывают, что г. Ура-Тюбе были присущи те же элементы исторической топографии, что и г. Ходженту. Вместе с тем, форма городской жизни Ура-Тюбе конца XIX — начала XX вв. характеризовалась некоторыми важными специфическими чертами, вытекавших от его конкретно-исторических условий, которые выражались в следующих:

Недостача воды — важного естественного фактора развития производительных сил в Средней Азии, обусловила становление г. Ура-Тюбе фактически как «зимнее поселение» горожан. «Летним поселением» горожан явились загородные дачные места. Чрезвычайная скученность домов, большое число двухэтажных строений в г. Ура-Тюбе связана не только его древностью, но и дислокальностью поселения.

Примечательно, что в самом Ура-Тюбе, где масса жителей проживала только зимой, были развиты чисто городские учреждения: — типичные одноприходские жилые кварталы с общественным центром, обширный рынок, где в начале XX в. функционировало около 1200 торговых лавок. Вместе с тем в быту жителей г. Ура-Тюбе имелись живучие пережитки семейно-родственных связей.

В 70-х годах XIX в. г. Ура-Тюбе еще не оправился от последствий междоусобных войн первой половины прошлого столетия, сопровождавшихся разрушениями, угоном населения. Население оставалось малочисленным. В 1878 г. в нем проживало 7,7 тыс. человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2410, л. 2, 3). За последующие десять лет население увеличилось только на 1700 человек и в 1888 г. составило 9,4 тыс. человек (Сборник, 1890, с. 42—43). Но в последнее десятилетие прошлого столетия происходил быстрый рост населения и всеобщей переписью 1897 г. было уч-

тено 20,6 тыс. человек, а в 1907 г. число жителей перевалило за 25 тыс. человек (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 4—8; Пален II (I), 1911, с. 28—29).

Географическое положение г. Ура-Тюбе и его района, как и политические события XVII—XIX вв., обусловили пестроту состава населения. Составляющие большую часть населения таджики г. Ура-Тюбе были разнородными. Изучение нами сложения и состава современного населения показало, что здесь живут потомки многочисленных групп таджиков из Матчи, Фальгара, Ягноба, Фана, Гиссарской долины, Каратегина, Бухары, Самарканда, Ферганской долины. Основателями ряда жилых кварталов считаются таджики — выходцы из названных местностей. Так, первопоселенцами левобережного квартала Охунон считается групп бухарцев во главе с Шокирходжой, по прозвищу Мулло Охун. Другая группа выходцев из Бухары населяла правобережный квартал Туркман. В начале XVIII в. группа переселенцев-таджиков из большого самаркандского кишлака Дахбед поселилась в юго-восточном углу левобережья Ура-Тюбе. Их жилой квартал назывался Дахбеди. В начале нынешнего века таджики — выходцы из Матчи жили в правобережных кварталах Чилу як и Куруки боло. Они занимались извозным промыслом и ремеслами. Группа ягнобцев расселилась в юго-западном квартале Оби чаппа. Многие из них были поденщиками. Несколько семей каратегинцев поселились в кварталах Мехчагарон и Каробек.

Среди таджикоязычных этнических компонентов населения Ура-Тюбе и Ходжента выделялись по быту, занятию и некоторым антропологическим данным группа «маддоҳо» — профессиональных рассказчиков священных историй. Таджики избегали с ними брачных связей, считали их «кастой попрошаек» — «тоифаи талабанда». Сами «маддоҳ» называли себя «воиз» — проповедник, и при посторонних употребляли арго. Очень смуглые, густоволосые, они по физическим данным были похожи на цыган. Таджики Ходжента и Ура-Тюбе относили «маддоҳо» к цыганам — «қавми лўлиҳо», либо считали их «матчинцами». Следует отметить такое немаловажное обстоятельство из жизни и быта «маддоҳо», как особенности проведения обряда «ашўрй» в мусульманский месяц мухаррам по случаю гибели сыновей Алия — Хасана и Хусейна. В этот месяц «маддоҳо» стучали в каждую калитку, просили подаяния, сами устраивали обряд «ашўрй», при этом восхваляли Алия и его сыновей, воплями приводили себя в экстаз, царапали лицо и тело до крови. Не лишено веро-

ятности, что это было одним из проявлений приверженности «маддохо» к шиизму и их иранского происхождения. В Ура-Тюбе «маддохо» в начале XX в. было около 50 хозяйств. Они жили в центральной части города, образовав отдельный квартал. И сейчас в нем живут потомки «маддохо».

В позднесредневековом городе Ура-Тюбе поселились три группы узбеков — «сарт» — выходцев из Ташкента, Коканда, Намангана, Заамина, Джизака, селений Науского и Ганчинского оазисов и дештикипчакские узбеки («элат») и «тюрки». Узбеки — «сарты» жили в правобережных кварталах Тошкандихо, Ходжа Фахриддин, Чармгарон, Собунгарон, Куруки боло и левобережных Мехчагарон, Кордгарон, Осиётузуккунон. По преданию, квартал Тошкандихо примерно в середине XVIII в. основан группой переселенцев из Кукчинской части города Ташкента во главе с неким Чиримбеком и его сыном Шералибеком. В исследуемый период большинство потомков ташкентцев были мясниками, отчего их квартал также называли Кассобон. Группа «сартов» из нескольких ишанских семей, проживавших в квартале Мулджар, назывались «сайрамихо» — выходцы из Сайрама вблизи Ташкента. Население двух больших кварталов Вогат, в обоих более 100 дворов, также относился к потомкам переселенцев из г. Сайрама. Они делились на группы — «туп», называвшиеся «оглук», «бой», «тунгуз», «айик», «ящик», «пустак». В прошлом, жители Вогата были погонщиками верблюдов.

В г. Ура-Тюбе проживали потомки дештикипчакских узбеков «кирк», «найман», «юз». Известно, что из последних происходили правители Ура-Тюбинского владения в XVIII — первой половины XIX вв. Большая группа «юзов» населяла три квартала — Сорбони заргарон, Сорбони Казокбой и Сорбони поён. Основным занятием узбеков — «юзов» было «сорбон» — содержание верблюдов и перевозка грузов. В начале XX в. из 45 хозяйств квартала Рустамбека, 16 принадлежали к названной группе «юз». Они занимались земледелием и торговлей.

Узбеки этногруппы «кирк», в числе 17 хозяйств, жили в правобережном квартале Шокирхон. Группа «кирк» раньше не оставляла традицию полуоседлого образа жизни, занимались скотоводством и называли себя «чорводор» — животновод. Скот пасли в степи Хаваста (ст. Урсатьевск). Пасли скот и кочевали в основном молодгe мужчины. Женщины и пожилые оставались в городе. Они занимались земледелием и промыслами. Небольшая группа узбеков «киркюз» населяла квартал Чугдак, на левобережной юго-восточной окраине города. Их предки считаются основателями этого квартала.

По записанному нами преданию, узбеки «найман» переселились в Ура-Тюбе в XVIII в. небольшими группами из Самаркандской области. Они основали в юго-восточной части правобережья Ура-Тюбе свой квартал под названием Найман. В начале текущего века «найман» составляла 26 хозяйств из 31 проживавших в квартале. Они, как и «кирки», были полуоседлыми: весной и летом со своим скотом перекочевывали по урочищам Хушканд, Яхтан (Ганчинского оазиса) и доходили до Сыр-Дарьи. Кроме названных групп узбеков в городе, жило несколько семей из группы «кенегес» (кварталы Чилу як и Туркман).

Значительную массу среди узбеков города Ура-Тюбе составляли узбеки «тюрк». Информатор Маъмурбой Давуров (1891 г. р.) рассказал, что он представляет третье поколение тюрков, переселившихся из Шахристана и основавших в восточной части правобережного Ура-Тюбе свой квартал Турк. Впоследствии число тюрков поселившихся в Ура-Тюбе увеличилось до 200 хозяйств. Они расселились по несколько семей в соседних гузарах — Тошкандихо, Бог, Ходжа Фахриддин и Чилу як. По сведениям М. Ф. Гаврилова, тюрки Ура-Тюбинского района делились на группы «топ», одна из которых называлась «ишан топи» (1926, с. 6). К этой группе относили себя и тюрки г. Ура-Тюбе. Главным занятием тюрков было овцеводство. Обжившись и восприняв городскую культуру, многие тюрки остались верными своему традиционному занятию. Часть тюрков занималась шитьем грубошерстных чекменей, торговала овечьей шерстью, вила веревки. Бедняки-тюрки нанимались жнецами («даравгар» или «урокчи»), пастухами («подачй»), поденщиками, работали чесальщиками шерсти — «наддоф», женщины ткали паласы. Среди тюрков были богатые торговцы — скупщики овец, чекменей. Крупные ишаны-скотоводы из тюрков были также землевладельцами. В их руках находились значительные участки земли. Они применяли в своем хозяйстве наемный труд жнецов.

Среди тюркоязычных этнических групп позднефеодального Ура-Тюбе особую группу составляли туркмены. По рассказу стариков, они принадлежали к группе «эрсари» и происходили со средней Аму-Дарьи, покинув родные места 250 лет тому назад. До поселения в г. Ура-Тюбе они останавливались в нескольких пунктах, последним из которых была местность Нурали Бешхутан. Часть из переселенцев осела около Бекабада на бе-

регу Сыр-Дарьи и образовала там селение Туркман. Ура-Тюбинские и бекабадские туркмены часто посещали друг друга. Вероятно, до расселения в Ура-Тюбе туркмены — «эрсары» долго жили среди узбеков. Об этом свидетельствует тот факт, что в их обиход вошел узбекский язык. В начале XX в. в правобережном квартале Туркман жили 67 хозяйств узбекоязычных «эрсари». Занятием их в Ура-Тюбе было овцеводство и верблюдоводство, они были погонщиками верблюдов, занимались убоем скота, изготовлением седел, кузнечным ремеслом, обработкой кожи, выделкой переметных сум, паласов, чекменей, валянием кошм и земледелием. Среди них были влиятельные ишаны. Туркменские традиции среди ура-тюбинских «эрсари» сохранились, кроме занятия и в этносамосознании, в некоторой степени в их именах: Дурдимурад, Кулибой, Кулмон и т. д. В разное время в г. Ура-Тюбе жило по несколько человек представителей индусов, афганцев, персов.

О численности представителей различных этнических групп г. Ура-Тюбе свидетельствуют нижеследующие статистические сведения.[1]

Название этнических типов	численность их в					
	1878 г.	1897 г.	1902 г.	1907 г.	1916 г.	1920 г.
таджики	7536	16287	20414	25121	21770	15197
узбеки	—	4023	870	—	1180	3492
киргизы	152	—	—	—	—	2
евреи	3	—	4	4	3	—
персы	—	—	—	—	—	25
индийцы	21	—	—	—	—	—
русские	—	552	188	194	119	234
прочие	—	140	33	—	10	50
Всего:	7712	20621	21498	25319	23082	18980

Таким образом приведенные данные показывают, что население г. Ура-Тюбе между 1878—1897 гг. ежегодно увеличивалось на 437 человек, между 1897—1902 гг. — на 825 человек, 1902—1907 гг. — на 942 человека. Прирост населения на рубеже XIX—

[1] Таблица составлена на основе следующих источников: ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2410, л. 2—3; Всеобщая перепись, 83, 1905, с. IV—VII; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 70, л. 141; Пален, II (I), 1911 ,с. 28—29; Зарубин, 1926, с. 23.

XXвв., возможно был связан с переселением в город разорившихся «садоводов» из пригородов Ура-Тюбе и оседанием в городе полукочевых групп.

По своему этническому составу население г. Ура-Тюбе было весьма пестрым. Вместе с тем экономическое развитие конца XIX — начала XX вв. и происходившие в это время этнические процессы вызывали консолидацию и ассимиляцию различных этногрупп вокруг основного таджикского населения. Эти явления прежде всего выразились в том, что большинство тюркоязычные группы перешли к таджикскому языку.

В дореволюционных обзорах, занятиями населения г. Ура-Тюбе названы «торговля и мелкая промышленность» (Справочная книжка, 1899, таблицы). В материалах ревизии Туркестанского края. К. К. Паленом занятия жителей города Ура-Тюбе характеризуются на основании переписи 1897 г.: из 4608 учтеного самодеятельного населения 4015 человек (или более 87%) занимались промыслами, 580 (около 12%) — земледелием, 13— животноводством. Из 2744 хозяйств г. Ура-Тюбе в дореволюционное время установленных нами методом опроса старожилов по 60 жилым кварталам, 1203 хозяйств (или 44%) занимались ремеслами, 529 (или 19,5%) — торговлей, 522 (или 19,5%)—земледелием, 102 (или 3,8%) — извозным промыслом, 129 (или 4%) обслуживанием населения, 83 (или 3%) скотоводством.

Как по статистическим сведениям, так и по этнографическим материалам, в г. Ура-Тюбе, как и в. Ходженте, первое место по количеству занятых лиц, отраслей и специальностей занимали промыслы по обработке волокна. Но в отличие от Ходжента, шелководство, как и тканье шелковых материй отсутствовало в этом районе. Исключение представлял городок Ганчи. Ура-Тюбинские ткачи выделывали только полупуховые и бумажные материи и славились своими добротными полупуховыми тканьями для чалм — «саллаи тибити». В русской литературе по Средней Азии они назывались шальями. Приобретая материи у ткачей, ура-тюбинские скупщики перепродавали ее на базарах Ташкента, Самарканда и даже Кабула (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1165, л. 7). В начале 70-х годов XIX в. в г. Ура-Тюбе отмечено 25 мастерских — «дюканов», где выделывали полупуховые ткани, 98 ткацких заведений бумажных тканей и 24 красильни (Кушакевич, 1872б, с. 50—51). По переписи 1897 г. обработкой «волокнистых веществ» в г. Ура-Тюбе были заняты 624 ремесленника, работавших с 1193 членами своих семей (Перепись, 83, 1905, с. 96—97). В отличие от Ходжента, в г. Ура-Тюбе

значительную часть ткачей составляли женщины (Там же, с. 96—97). Они выделывали главным образом полупуховые материи. В начале XX в. житель из квартала Дахани дарвоза, усто Ахмадджон Джумаев ткацкий станок с погонялкой впервые применил для выделки полупуховой материи. Такой станок делать научились и другие мастера — «дуконсоз» и он распространился по всему Ура-Тюбинскому району. Процесс производства этой материи был разделен между несколькими «детальными» работниками: — чесальщиком пуха — «наддоф», пряхой — «чархрес», ткачем и ткачих — «саллабоф». В изучаемый период в г. Ура-Тюбе действовали предприниматели-скупщики — «саллафуруш». На каждого из предпринимателей работало по десятку и больше наемных работников, ткачей и ткачих, работавших у себя дома. Это была капиталистическая система работы на дому, т. е. рассеянной мануфактурой. У ткачих посредниками были их мужчины, которые имели свои профессии.

Из бумажных материй ура-тюбинские ткачи вырабатывали белую мату и кисею (карбос, хоса), полосатые, клетчатые материи (калами, алоча, катак). Эти изделия расходились в пределах Ура-Тюбинского района. Отделкой тканей занимались выбеливальщики и набойщики. Изделия последних славились по всему краю.

Обработка металла в г. Ура-Тюбе, в отличие от Ходжента состояла из шести отраслей: кузнечно-слесарное дело — «оханграй»; литье чугуна — «дегрезй»; литье бронзы — «рехтагарй»; медное дело — «мисгарй»; ювелирное дело — «заргарй»; и изготовление ножей — «кордгарй». В начале 70-х годов прошлого века отмечено 21 мастерская по изготовлению кузнечных и скобяных изделий, в 1905 г. — 24 мастерских (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 753, т. II, л. 77). В 1916 г. в г. Ура-Тюбе действовали 30 кузнечно-жестяных заведений (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 2135, л. 163), в которых по собранным нами среди старожилов сведениям, работали 67 человек.

Литье чугуна в Ура-Тюбе по технике не отличалось от других районов (А. Д., 1872, с. 225—227; Современный кишлак Средней Азии, IV, 1927, с. 143—145). В документе за 1887 г. одно из чугунолитейных заведений г. Ура-Тюбе, принадлежавшее Мирадилу Мирмаксуду, охарактеризовано следующим образом: «Существует с 1861 г., производит 6000 штук плугов для обработки земли в год на сумму 2100 рублей, среднее число работников — 4, малолетних — 4, работники получают в день 30 коп, живут у хозяина; действуют две плавильные печи, отливка производится

из лома старых предметов, угля израсходуется в год на 200 рублей; работа производится главным образом весной» (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1165, л. 7). По статистическим сведениям разных лет, в г. Ура-Тюбе постоянно действовали 4 чугунолитейных заведений (Кушакевич, 1872б, с. 50—51; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1034, л. 208; д. 753, т. II, л. 77).

В документе за 1885 г. кроме «золотых дел мастера, серебренников, медников», в г. Ура-Тюбе отмечено три мастера — «лудильщика», и один наемный работник производившие работу на сумму 162 руб. в год (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 86, л. 4; д. 93, л. 24). По этнографическим данным нами зарегистрированы также три мастера «рехтагар» и один отливавший монеты — «бакаррез». В городе Ура-Тюбе в 1870 г. имелось 5 мастерских по ковке медных изделий (Кушакевич, 1872б, с. 50—51), а в начале века, по устным сведениям, работали 18 медников.

По сведениям 1884 г. «золотых дел мастеров» и «серебреников» в Ура-Тюбе отмечено 3 хозяина и 2 работника (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, л. 86, л. 4; д. 93, л. 24). По расспросам же выявлено для начала XX в. 14 ювелиров. В Ура-Тюбе, как и в Самарканде были преимущественно сосредоточена выделка серебрянных изделий. Они отделывались чернью, эмалью, гравировкой и филигранью (Обзор Самаркандской области за 1888 г., 1888, с. 10).

Город Ура-Тюбе являлся крупнейшим центром Средней Азии по выделке ножей. По количеству и качеству ура-тюбинские ножи значительно превосходили изделия чустских и гиссарских ножовщиков. Изготовление ножей было совершенно самостоятельной отраслью обработки металла (Современный кишлак Средней Азии, IX, 1927, с. 110). По проведенному нами опросу, в начале текущего столетия в г. Ура-Тюбе работали 64 мастера-ножовщика. Всего в г. Ура-Тюбе обработкой металла по данным 1897 г. были заняты главы 155 хозяйств (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 96—97).

Обработка кожи по численности занятых работников составляла одно из наиболее развитых ремесел города Ура-Тюбе. Она состояла из двух самостоятельных отраслей: кожевенное производство и сапожное ремесло. В 1870 г. в г. Ура-Тюбе отмечено два крупных кожевенных заведения, отчего А. А. Кушакевич назвал их «заводами», сапожных мастерских было 40 (1872б, с. 50—51). Кожевенное заведение, принадлежащее Киргизбаю Авезбаю, имело 9 работников и выпускало 8000 кож в год на сумму 6 тыс. руб. Кожи приготовлялись из сырья, приобретав-

шего на ура-тюбинском базаре (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1138, л. 3). В другой кожевенной мастерской работали 12 человек (Там же, д. 34, л. 76). По собранным нами опросным сведениям, выделкой кожи, шагрени, шитьем различных видов обуви и их починкой в начале XX в. занимались 327 человек. В этот период в г. Ура-Тюбе как и в Ходженте, действовали крупные мастерские по обработке кожи. Судя по документам 1905—1907 гг. в одной кожевенной мастерской работали 15 человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 753, т. II, л. 77; д. 1934, л. 208). К 1917 г. в городе была сапожная мастерская, в которой работали 42 наемных рабочих и один служащий (Материалы, вып. 5, 1923, с. 12—13). В отличие от г. Ходжента, в г. Ура-Тюбе были мастера шившие чувяки — «шиппакдӯз», шившие обувь из грубой кожи — «муккидӯз». Эти виды обуви были приспособлены для обитавших в предгорной местности.

По сведениям, собранным А. А. Кушакевичем в 1870 г. в г. Ура-Тюбе и пригородах действовали 73 мельницы, 45 маслобоек, 61 мясная лавка, 28 молочных лавок, 8 пекарен, 4 лавок с халвой (Кушакевич, 1872б, с. 50—51). Опрос информаторов показал, что всего приготовлением пищевых продуктов накануне революции в городе Ура-Тюбе занимались 194 человек, из них 15 человек были мельниками, 49 — маслобойщиками, 46 — мясниками, 45 — лепешечниками, 45 — кондитерами, 21 — мастерами, изготавливавшими халву и взбитый яичный белок с сахаром «нишалло», 18 — поварами.

А. А. Кушакевич в начале 70-х годов XIX в. отмечал, что «кирпичное и изразцовое производство значительно уступало прежнему уровню» (1871, с. 262). В 80-х годах XIX в. в Ура-Тюбе действовал кирпичный завод, принадлежавший Бадриддину Ахунджанову, где во время сезона работали 25 человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1138, л. 3). По данным всеобщей переписи 1897 г. строительно-ремонтными работами в г. Ура-Тюбе занимались 142 человек (Перепись, 83, 1905, с. 97—98). В 1905 г. зарегистрировано 15 плотнично-столярных мастерских, в которых работало 25 человек, в 1907 г. — 22 мастерские и столько же работников (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 753, т. II, л. 77; д. 1934, л. 208).

Среди ремесел по шитью одежды — «либосдӯзӣ» наиболее развитым было изготовление чекменей — «чакмандӯзӣ» и тулупов — «пӯстиндӯзӣ». В этих отраслях действовали предприниматели, сдававшие работы на дом мастерицам — наемным работницам. Посредниками между ними выступали мужчины из семьи.

В 1897 г. в Ура-Тюбе жили 454 ремесленника, занятых шитьем одежды, вместе с членами их семей сюда входил 1241 человек, в том числе 770 женщин (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 97, 98).

Гончарное производство Ура-Тюбе, как и в других городах во второй половине XIX — начале XX вв. переживало периоды подъема и упадка. Так, в 60-х—70-х годах прошлого века в них происходил некоторый подъем т. к. выделывались глазурованные изделия и для местных, и русских покупателей. При этом мастера старались в форме и рисунках подражать русским образцам (Кушакевич, О гончарном производстве, 1872, с. 196). В архивном документе 1886 г. дана следующая характеристика гончарной мастерской г. Ура-Тюбе. находившейся в квартале Хавзи Сангин. Она принадлежала усто Рахматулла Бабаеву. В ней за год производилось 16 тыс. штук различной посуды на сумму 1600 рублей. Работали 3 мастеров и один ученик. При этом в документе указывается, что мастерская работала круглый год с остановками лишь во время ненастья (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1165, л. 6). В 1870 г. функционировали 10 гончарных мастерских. В 1897 г. гончарством занималось 42 человек, семьи которых составляли 168 человек (Всеобщая перепись, 83, с. 96—97). Устные сведения отмечают в начале XX в. 43 гончара.

Промыслы по выделке орудий труда, предметов домашнего обихода и быта в г. Ура-Тюбе состояли из тех же отраслей, что и в Ходженте. В г. Ура-Тюбе была вышивка-ремесло, находившееся в руках мужчин. Они вышивали по сукну, по коже, шаровары (Кушакевич, 1871, с. 258). А. А. Кушакевич отмечал высокое качество ура-тюбинской работы: «все шорное производство и принадлежности верховой езды вырабатывается лучше, в большом количестве и щеголеватее в Ура-Тюбе» (1871, с. 259).

Ура-Тюбе также являлся значительным центром седельного промысла, изделие которого расходовалось по всей Самаркандской области (Кирпичников, 1897, с. 143). Покупателями седел являлись главным образом скотоводы района.

Таким образом, многоотраслевое ремесленное производство (около 90 специальностей) являлась главным занятием населения г. Ура-Тюбе. В конце XIX — начале XX вв. все отрасли городской ремесленной промышленности развивались динамично. По количественным и качественным показателям выделялись производство полупуховых материй, чеканка медной посуды, изготовление ножей, обуви (чувяки, «муккӣ», «чоруқ») шитье чекменей и тулупов, выделка седел и шорных изделий. В названных

отраслях сложились заведения типа простой капиталистической кооперации, рассеянной и централизованной мануфактуры.

Город Ура-Тюбе вел торговлю пригородными селениями с более отдаленными экономическими подрайоном и микрорайонами, со скотоводческой округой, Ходжентским и Науским районами. В 70-е годы прошлого века в г. Ура-Тюбе отмечено 540 торговцев (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 34, л. 11). По видам товаров торговцы в г. Ура-Тюбе группировались следующим образом: продуктами сельского хозяйства и живым скотом торговали 798 лиц (или более 61%), ремесленными изделиями — 410 лиц (или 31%), разносной, развозной торговлей и торговым посредничеством — 96 лиц (или около 7,5%) (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 94—97). Главными предметами торговли на ура-тюбинском рынке являлись изюм, зерно, скот (овца и лошади), полупуховые материи, сукно, медные и гончарные изделия, ножи, паласы. Исходя из этого в Ура-Тюбе, в отличие от Ходжента, действовали торговцы, специализировавшиеся по сбыту названных изделий. Они назывались «мавизфурӯш» — торговец изюмами, «саллафурӯш» — торговец полупуховыми материями для чалм, «чакманфурӯш» — торговец чекменями, «кордфурӯш» — торговец ножами, «шолфурӯш» —торговец паласами. Ура-Тюбе являлся основным поставщиком зерна в Матчинский, Фальгарский, Ягнобский и Фанский районы, овец и лошадей в Ферганскую долину и Ташкентскую область.

Многочисленность сельских поселений и плотное размещение населения в Ура-Тюбинском районе вызывали рост торговли вразнос. Разъездные торговцы — «раванда» на груженных корзинами ослах развозили по селениям различные виды товаров: овощи, мясо, хлеб, галантерейные, шорные, парфюмерные и ювелирные изделия, гвозди, ножи, ножницы, различные ткани и фабричные материи, обувь, одежду, посуды глиняные и деревянные, вещи, выделанные из камыша, предметы хозяйственного и бытового назначения, книги и т. д. (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп I, д. 1160, л. 31). Виды торговли, категории торговцев, занятых в разных сферах свидетельствуют о феодально-аграрном характере этой сферы экономики.

Жизнь и быт населения города Ура-Тюбе были тесно связаны с земледелием, в частности с садоводством. По данным 1897 года занятием 1/5 части горожан являлось земледелие. Однако эти статистические данные в полной мере не отражают связь жителей дореволюционного Ура-Тюбе с сельским хозяйством. По собранным нами полевым этнографическим материалам, подавляющая часть населения этого города сочетала свое основное занятие с земледелием, а именно, с садоводством. Ремесленники, торговцы, духовенство, обслуживающие их хозяйства работники, почти все жители, в течение полугода жили в загородных садах и на пашнях, называемых, как и в Ходженте, «бог» или «майдон». Зажиточное население имело за городом свой сад, земельный участок. Жители, не имевшие своего сада, снимали на лето дачные места. Ежегодно, в начале мая происходил массовый переезд горожан на дачи. На все лето, за исключением базарных дней, город Ура-Тюбе становился малолюдным. Зато все пригородные места, селения плотно заселялись «дачниками». Ремесленники брали с собой в сад орудия труда и материалы. Временами, отрываясь от своей работы, они ухаживали за садом. Ура-тюбинцы выращивали виноград, яблоки, груши, персики, абрикос и грецкий орех, занимались огородничеством. Дни сбора первых и последних урожаев считались праздничными. С урожая посылали подарки родственникам, друзьям, знакомым не имевшим садов. Собранные фрукты продавали, доход от них в некоторых хозяйствах ремесленников был настолько значительным подспорьем в хозяйстве, что весной и летом они занимались главным образом садоводством, а ремесло считали зимним занятием. Богатые земледельцы, кроме садоводства занимались также хлебопашеством. Посевы зерновых — «сахро» находились за массивом загородных садов. Возделывали в основном богарное зерно. Таким образом, быт горожан в Ура-Тюбе в значительной степени было связано с земледелием. Горожане не только получали от сельского хозяйства сырье, материалы, продукты, но и немалый доход. Все это свидетельствует о сохранение аграрной основы городской жизни, о полунатуральном характере хозяйства населения города Ура-Тюбе.

ПРИГОРОДНЫЕ КВАРТАЛЫ, СЕЛЕНИЯ И ДАЧНЫЕ МЕСТА УРА-ТЮБЕ

Город Ура-Тюбе окружали единым массивом 42 загородные кварталы и селения. В административном отношении они составляли два сельские общества Ура-Тюбинской волости. По сведениям 1887—1890 гг. волость состояла из 41 поселений, 1353—1402 дворов, управлявшихся 29-ю пятидесятниками (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. I, д. 5790, л. 14—15). Большинство этих селений называлось« маҳалла», а не «қишлоқ». Социально-экономическая и общественная жизнь города Ура-Тюбе и пригородных

селений были тесно связанными, как бы переплетались, дополняя одна другую. Поэтому необходимо кратко охарактеризовать эти селения.

Селение **Боботаго** располагалось на холме и в низине западного склона возвышенности Тал, вдоль дороги, лежавшей в Джизак, за Зааминскими воротами. Селение названо именем Боботаго Махмудходжа — одного из местных ревностных деятелей мусульманства (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 611, л. 35). Его гробница, считавшиеся мазаром, находится в самом селении. Население Боботаго разделялось на восемь семейно-родственных групп, называемых по прозвищу или по имени их родоначальников «балохо», «хирсхо», «пишакхо». Шариф, Турсунходжа, Камилходжа. Подавляющая часть жителей селения в дореволюционный период составляли выходцы из городских кварталов Кордгарон, Бародарон, Ходжаджон. Несколько семей происходили из таджиков Матчи. В соответствии с рельефом местности, селение разделялось на два жилых квартала — «гузар»: южный, верхний — Боло и северный, нижний — Поён. В центре селения находились торговые лавки, чайханы. По сведениям наших информаторов, накануне революции квартал Поён состоял из 88 хозяйств. Из них 42 хозяйства были земледельцами, у 25-ти хозяйств основным занятием являлось ремесло (ткачество, набойка, изготовление ножей, хлебопечение, плотничное дело, выделка обуви), 6 хозяйств занимались извозным промыслом — «аробакаш». Подспорьем ремесленникам служило садоводство. Из 41 хозяйств квартала Боло 17 были земледельцами, 7 ремесленниками (ткачи, сапожники, плотник, кондитер), 2 торговцами.

Селение **Сари мазор** (буквально «при мазаре»), по преданию возникло в первой половине XIX в. вокруг мазара Султан, у западных ворот Дарвозаи боло, вдоль дороги, идущей к юго-западным селениям и дачным местам. Все жители были выходцами из кварталов Дарвозаи боло и Сорбони Заргарон. Население делились на шесть семейно-родственных групп — «туп», занимавшихся ткачеством, земледелием и составлявших один приход.

За южными воротами Каробек находились загородные кварталы **Оби чаппа** и **Махаллаи Яси.** Квартал Оби чаппа (буквально «вода устремляющая вверх»), возник в первой четверти XVIII в., что уточняется хронограммой его самой старой мечети. Накануне Октября здесь жило 17 хозяйств. Почти все жители являлись ремесленниками — плотниками и ножовщиками. Ма-

халлаи Яси основан жителями городского квартала Тали Яси. Кроме потомков горожан здесь были также и таджики из Матчи. Население делилось на два прихода: Таги сада и Таги чинор. Главным занятием жителей был извозной промысел — «аробакаш» и ремесла, сочетавшиеся с земледелием.

За вторыми южными воротами — Сои боло с востока на юг и запад пригород был сплош заселен. Здесь располагались 12 загородных кварталов и селений.

Квартал **Шонатарошон,** названный по профессии первопоселенцев мастеров, делавших деревянные гребни располагался по дороге в Дальянский и Шахристанский оазисы. Имелись торговые лавки, караван-сарай, чайхана. Предки населения считались родом из кишлаков Матчи и Каратегина. По нашим данным, в начале XX в. в квартале проживали 17 хозяйств, занимавшихся торговлей и земледелием.

Как и другие загородные «маҳалла», квартал **Говдузон** состоял из одного прихода. Основная часть жителей (17 хозяйств) занимались торговлей зерном. Несколько семей происходили из Каратегина, остальные — из городских кварталов.

Квартал **Кози** разделялся на два жилых квартала — Кози и Хатибон. Старожилы, указывая на старый тополь, сохранившийся в центре этого квартала считают, что он возник в начале XVIII в. Квартал имел соборную мечеть и торговые лавки. Занятием жителей являлось садоводство, зерноводство в сочетании с ремеслами, в частности, с выделкой бумажных тканей, маслоделием, изготовлением обуви и разъездной торговлей

Жители квартала **Вафои** также занимались садоводством и зерноводством. Шесть хозяйств были ремесленниками.

Тошбек являлся одним из крупных загородных кварталов. Все его хозяйства были земледельческими. Подспорьем для некоторой их части было плотничное дело и изготовление обуви. В селении находилась соборная мечеть.

Главным занятием населения квартала **Чорсада** явилась торговля и промыслы — маслоделие, ткачество. Весной и летом, отрываясь от них, жители становились садоводами и зерноводами.

В квартале **Куйи равгангарон** в соответствии с названием («квартал маслобойщиков») около половины населения в свободное от полевых работ занимались маслобойством. Были также странствующие торговцы и ремесленники-сундучники.

Квартал **Сари чак** являлся земледельческим. Все 12 хозяйств занимались садоводством и зерноводством.

Сандукандак являлся ремесленным кварталом, большинство жителей, которого делали подковки для обуви — наългар».

По преданию, записанным нами, селение **Калъачаи калон** (или Калъачаи гули сурх) основано в середине XIX в. переселенцами из кишлака Нушканд из-под Самарканда. Сейчас на северо-западной окраине селения сохранились остатки глинобитного забора усадьбы первопоселенцев и старое их семейное кладбище. Работавший садовником у правителя Ура-Тюбе Рустамбека, выходец из Нушканда Аминбой, получил от правителя участок земли, который стал зародышем будущего селения. Позднее здесь поселились таджики — выходцы из города Ура-Тюбе, селения Чакан, расположенного к северо-западу от него, и киргизы группы «баявут». Каждая земляческая группа образовывала отдельный жилой квартал: выходцы из Нушканда — квартал Миёна, горожане — Гузари сой, переселенцы из Чакан-Сойча, киргизы — квартал Боло (или Баявут). В селении находились 40 домов для приезжих — «мехмонхона», где зимой проводили время мужчины, в каждом квартале по одной чайхане, а в Миёна — торговые лавки и караван-сарай.

Основным занятием жителей являлись зерноводство, виноградарство, садоводство и огородничество. Из промыслов были распространены плотничество, маслоделие, размол муки и убой скота. Женщины изготовляли пряжу, бумажные ткани. Жителям селения принадлежали 18 мельниц. Большинство хозяйств сочетало земледелие с торговлей, лобазничеством, отходничеством, извозным промыслом, в частности, перевозкой угля из Сулюктинских копий.

Соседний кишлак **Сурхи** по преданию, основан переселенцами из Сохского оазиса Ферганской долины. Накануне революции население состояло из трех групп: потомков выходцев из Соха, Матчи и из городского квартала Мехчагарон. Основная часть жителей занималась отходничеством в хлопководческие и зерноводческие районы. Нанимаясь летом жнецами, осенью — сборщиками хлопка, зимой жили дома и выделывали бумажные ма-

[1] В Северном Таджикистане большие усадьбы, огороженные заборами, или селения, имевшие крепостцу для укрытия населения при набегах неприятеля, назывались «калъача». Обычно первоначально такие «калъача» являлись загородными дачными местами богатых землевладельцев. Такие укрепленные усадьбы в Самарканде назывались «курган» или «работ» (Писарчик, 1975, с. 106).

терии. В кишлаке не было чайхан, но при мечети находилась «мехмонхона».

Крайним южным левобережным пригородным селением являлся **Обджувоз.** Селение названо по действовавшей в XIX в. мастерской по изготовлению местного сорта бумаги — «коғоз обчувоз». Население его составляло один приход. Из-за малоземелья жители занимались отходничеством.

Рассмотрим юго-западные пригородные кварталы и селения, расположенные в зоне орошения магистрального арыка Сайёд.

Загородный квартал **Мазори кабуд** образовывал один приход. Его население сложилось из выходцев из Джизака, Соха и из селений Угук и Аучи (в ущелье речки Басмандасай). Жители занимались скотоводством и земледелием. Сеяли богарное зерно на окружающие возвышенности, зимой выделывали бумажные материи. Были также странствующие торговцы и отходники.

Загородный квартал **Баланди** (буквально «высота») состоял из 21 хозяйства. Население делилось на две группы — переселенцев из селения Кушканд, около Хаваста и Дальёни Боло к югу от Ура-Тюбе. Занимались садоводством и зерноводством, из промыслов — тканьем бумажной материи и маслоделием.

Загородный квартал **Мирджо** (буквально «владение правителя») объединял 32 хозяйства земледельцев и странствующих торговцев. Они происходили от горожан, осевших на землях, принадлежавших Ура-Тюбинским правителям.

Одним из больших загородных кварталов являлся **Боги калон.** В нем имелась соборная мечеть, служившая также жителям соседних загородных кварталов Баланди и Мирджо. Население Боги Калон происходило из города Ура-Тюбе.

Крайний юго-западный загородный квартал **Сарахсиён,** по преданию, основан переселенцами из города Серахса, расположенного на границе южного Туркменистана и северо-восточного Ирана. Его жители покинули свой город около 200 лет тому назад, после очередного набега иранского шаха.[1] В Ура-Тюбе они прибыли через Шахрисябз. Потомственные гончары обосновали здесь гончарное дело. Здесь для этого были хорошие условия: около селения, на склонах Коктуша находилось месторождение отличной керамической глины. Был и хороший рынок сбыта: каждой осенью кочевники в большом количестве приоб-

[1] Об исторической судьбе древнего города Койне Серахса, покинутого в 30-х годах XIX в.: см. К. А. Адыков, Койне Серахс (краткий путеводитель), Ашхабад, 1960.

ретали посуду. В начале нынешнего века в квартале действовали 11 гончарных мастерских. Кроме того, они вырабатывали кирпичи, имели печи для их обжига. Гончарные изделия мастеров Сарахсиёна расходились по всему Ура-Тюбинскому району. В центре квартала имелись торговые лавки, где ежедневно действовал базар. Здесь продавался древесный уголь, нужный гончарам. Уголь привозили из Дальянского оазиса. Небольшое число хозяйств занималось земледелием. «Достопримечательностью» Сарахсиёна была мазар-могила Ходжа Бобур — главы серахских переселенцев. У этого мазара каждый год осенью собирались ура-тюбинские гончары и устраивали там корпоративное собрание, называемое «кампири кулоло». Цех гончаров возглавлял старшина — «голиб» (Андреев, 1926, с. 5).

Узбекские кишлаки **Тапкок** и **Ниджони** замыкали пригородные селения Ура-Тюбе с запада. Тапкок располагался в 3 км к западу от Сарахсиён. Кишлак назывался по имени этногруппы полуоседлых узбеков — «тапкок». Они занимались скотоводством и земледелием.

Крупный кишлак **Ниджони** располагался в низовье арыка Сайёд, в 7 км к западу от города Ура-Тюбе. Между Ниджони, Тапкок и пригородными кварталами в местностях Оби джомак, Лангар раскинулись дачные места горожан. Те которые располагались между западными кварталами Сари мазор, Махаллан Яси и Мазори кабуд, назывались Хоки ширин, Хатибон, Мири мушон. Жители Ниджони были узбеками, относящие себя к этногруппе «ниджони». Они занимались полеводством и зерноводством.

В северном левобережье речки Сойи калон, не далеко от Ура-Тюбе находились летнее дачное место горожан — Вогат и большое селение Ругунд. **Вогат** получил название от городского одноименного квартала, поскольку здесь находились сады его жителей. В летнее время туда приезжало до 500 хозяйств из кварталов Вогат и Мулджар. Пашни и сады орошались водой арыка, проведенного из городского ключа Хазрати шох. Горожане жили во временных жилищах, сделанных из ветвей, под навесами.

Ругунд, вероятно, являлся одним из старинных селений Ура-Тюбинского оазиса. Как важный населенный пункт, он упоминался в сочинениях авторов X в. Ибн ал — Факих и Кудама при описании торговых путей между Заамином и Ходжентом. Позднее название селения в форме «Ругун» приведено историком

XVIII в. Мухаммед-Вефа Карминеги (Бартольд, I, 1963, с. 222—223).

Ругунд членился на две большие части: северная — Калъа и южная — Калъача. Калъа, расположенная на возвышенности, состояла из четырех жилых кварталов — «гузар»: Кози, Халифахо, Таги дунг, Калъа. У начала улицы, ведшей в квартал, находились ворота, закрывавшиеся на ночь. Калъача находилась в низине и состояла из трех «гузаров»: Калъачаи боло, Калъачаи поён, Богча. Кварталы обоих частей населяли определенные семейно-родственные группы: в Кози жила «тупи Шотолиб», в Халифахо — «тупи Низомадин», в Таги дунг — «тупи мулло Боки», в гузаре Калъа — «тупи Носир» и т. д. Часть населения Ругунда составляла выходцы из известного таджикского городка Ургут в Самаркандской области. Жители селения сеяли зерно, разводили сады и виноградники. Был известен сорт винограда «чилгии ругундй». Были и ремесленники — кузнецы, маслобойщики, ткачи. Летом почти все переезжали на свои кишлачные сады. В кварталах Халифахо и Кози находились торговые лавки. На восточной окраине Ругунда, по большой дороге Ура-Тюбе — Хваст располагались 4 караван-сарая, а в каждом квартале имелось несколько «меҳмонхона».

Охарактеризуем селения правобережной части северного оазиса долины речки Сойи калон, тяготевших к г. Ура-Тюбе.

Селение **Суфи Ориф** (или Шох Ориф), по распространенному преданию, было основано выходцем из таджикского городка Касан в Северной Фергане, неким Орифом, прозванным за благочестие «сўфй» — набожный. По генеалогическим данным со времени Суфи Орифа прошло семь колен. Старожилы, исходя из средней продолжительности жизни поколений в 65 лет, считают, что Суфи Ориф жил около 450 лет тому назад. Сохранившийся еще в селении, весь обрубленный старый чинар по их расчетам насчитывает 420 лет.

Селение располагалось по террасам безводного сая (вода приходила во время половодья) и склонам восточных и западных холмов. Наиболее обжитой была правобережная часть. Кишлак разделялся на четыре квартала: самый старый (южный) — Боги боло, там находился мазар Суфи Орифа, центральный — Кирк и северные — Хавлии поён и Ходжаджон. Считается, что эти кварталы основали сыновья Суфи Орифа: Боги боло — Мирмухаммад, Кирк — Шохмухаммад, Ходжаджон — Саидмухаммад, а Хавлии поён — основан его дочерями. И сейчас часть населения считает себя потомками Суфи Орифа. От-

дельную группу жителей составляли узбеки «кирк». Они таджикизировались.

В центре селения находились торговые лавки, а на южной окраине селения, по дороге Ура-Тюбе — Ганчи — караван-сарай. Жители сочетали зерноводство, скотоводство и животноводство с маслоделием, размолом муки, извозным промыслом, ремеслами. Тринадцать хозяйств занимались перевозкой грузов верблюдами. Значительная часть бедноты жила отходничеством.

Кишлак **Калъачаи араб** находился к юго-западу от Суфи Орифа недалеко от г. Ура-Тюбе. У селения было и другое название — Курганча, или Калъачаи Мирсалим. Свое название он получил по первопоселенцам — узбекоязычным арабам из группы «ходжа». Часть населения составляли горожане из кварталов Эшонхо и Тахти джар. Они имели прозвище «полвон». Занимались земледелием (садоводством) и сбором верблюжьей колючки в прилегавшей степи. Ее продавали горожанам.

К востоку от города, за восточными воротами Яккабог, располагался загородный квартал **Яккабог** (буквально, «сад на отшибе»). Он образовался на месте летней дачи жителей городского квартала Олкорон. В исследуемый период стали жить здесь постоянно, а дачные места образовались в его окрестностях. Первопоселенцы, впоследствии, разделились на несколько семейно-родственных групп. Население занималось садоводством и ткачеством.

По преданию селение **Сепула** («поселение, имевшее три моста») было основано Шох Кучаком, братом, упомянутого выше, Шох Орифа, основателя кишлака Суфи Ориф. В селении Сепула находится мавзолей поэта XIX в. Шахдии Сепулаги. Население состояло из трех семейно-родственных групп: «шохо», «миро», «ходжахо». Все три группы происходили из Касана. Но в селение Сепула группа «миро» переселилась из Ура-тюбинского квартала Ходжа Фахридин, а «ходжахо» из селения Ходжахо Басмандинской волости.

Селение **Калъачаи гули зард,**[1] по преданию, сложилось вокруг усадьбы, находившейся на землях, принадлежавших ура-тюбинским ишанам. Население сформировалось из таджиков — горожан и узбеков этногруппы «каробуйин». Узбеки этой группы основали одноименный кишлак вблизи Ганчи. Селение делилось

[1] Калъачаи гули зард означает «усадьба, обсаженная желтыми цветами». По рассказу жителей первопоселенцы—ишаны специально рассадили желтые цветы.

на две части: восточная — высокая — Калъачаи боло и западная нижняя — Калъачаи поён. Занимались земледелием (сеяли зерновые), садоводством и животноводством. Среди узбеков «каробуйин» были бай-скотопромышленники. Они владели большими стадами баранов.

Кишлак **Суркат,** расположенный по соседству основан выходцами из одноименного селения горной Матчи. Кишлак располагался в зоне выхода нескольких больших родников, называемых Хавзи сагбон и Хавзи мазор. От них были отведены арыки, орошавшие пашни и сады, расположенных ниже селений Калъачаи гули зард и Суфи Ориф. Жители делились на четыре семейно-родственные группы. Наряду с земледельцами, здесь были ткачи, выделывавшие тонкую бумажную материю — «хоса». В селении находился мазар Хазрати Ишана.

Пошкент являлся одним из больших пригородных селений Ура-Тюбе, делившийся на шесть жилых кварталов: Даруни калъа, Калъаи боло, Беруни калъа, Сари пушта, Джуйи пушт, Сари осиё. В каждом квартале проживали определенные семейно-родственные группы. Одна из них — род Бонияза, происходила из Матчи. В квартале Даруни калъа имелись торговые лавки и чайханы. В окрестностях Пошкента находились сады горожан. Население наряду с садоводством занимались домашними промыслами.

Название селения **Калъачаи бакавул** свидетельствует, что оно возникло вокруг усадьбы, принадлежавшей главному повару (вероятно, Ура-Тюбинских правителей). Раньше в селении жило несколько известных в Ура-Тюбе поваров. Население распадалось на несколько семейно-родственных групп. Одна из них — «авезо» — происходила из Матчи. В отличие от аналогичных групп других селений в Калъачаи бакавул каждая группа имела свою мечеть и образовывала особый приход. Жители занимались зерноводством и промыслами: обработкой хлопка, выделки обуви.

Кишлак **Поджиндак** состоял из двух частей: Поён и Боло (или Гунбаз). В последней находился мавзолей Шайх Абдурахмана, раньше пользовавшийся популярностью. Богатые люди щедро завещали в вакф мазару пахотные земли, сады. Накануне революции вакуфные земли этого мазара составляли 351 десятин.[1] Население Поджиндака разделялось на две группы: «саидо» и «ходжа». Основным занятием первых было земледелие,

[1] Информация жителя селения Джамолиддина Ахрарова (1917 г. р.).

вторых — очищение хлопка от семян. Кроме того «ходжи» являлись «вакфхўр» — получателями доходов с вакуфного имущества.

Селение **Тутк** располагалось по соседству, на склоне холма Кутан по большей дороге из Ура-Тюбе в Матчу,через перевал Оббурдон и Камодон. Группы домовладений, расположенные кучками назывались Гулзор, Сой, Сари осиё. Каждую из этих частей занимала одна семейно-родственная группа («рабихо», «Мирзо Рахим», «Абдусаломбой», «Сойихо»). Население происходило из Соха и Матчи, занималось садоводством и зерноводством. Из промыслов были известны выделка бумажных тканей, плотничное дело и маслоделие. Расположение Тутка у важного пути обусловило его торговое значение. Одним из занятий жителей Тутка являлась скупка овец, пригонявшихся в Ура-Тюбе из Ромита, Ягноба и Гиссара через Оббурдон и Камодон.

Кишлак **Калъаи мехтар** находился к юго-востоку от Тутка, на склоне холма Боги солор. Он сложился на базе усадьбы ханского музыканта — «мехтар». Жители занимались земледелием.

Кишлак **Калъаи баланд** (буквально «высокая крепость») располагался на высокой покатой гряде, выше селения Тутк. На главной дороге, ведшей из Ура-Тюбе в Матчу находились чайханы и базары, где продавался древесный уголь, привозимый из Дальянского оазиса и скот. Там же было два караван-сарая. В Калъаи баланд был распространен обычай «ошной» — знакомство, по которому жители селения сдавали в аренду, известным им горцам-таджикам, часть своих жилищ. Кишлак разделялся на четыре жилых квартала: западные — Калъаи поён и Калъаи боло и восточные — Лалакон и Бог. По преданию, население состояло из отдельных групп, потомков выходцев из Соха и Ташкента. После страшной эпидемии холеры, туда переселились из соседнего Тутка. Большинство жителей занимались земледелием, а часть перевозкой и продажей леса («чўбкаши»), домашним ткачеством.

Южнее от Калъаи баланд находился кишлак **Аргу,** образовавшийся у родника, питавший оба селения. Аргу был небольшим кишлаком. Основным занятием большинства жителей являлось полеводство и скотоводство, а беднота весной, летом и осенью уходила на заработки в хлопководческие и зерноводческие районы Ферганской долины и Ташкентской области. Женщины Аргу славились как мастерицы по выработке пуховой пряжи, которая поступала в рынок г. Ура-Тюбе.

Аналогичными были окраинные юго-восточные селения **Джавкандак, Шурак** и **Туда.** В пределах Джавкандака выбивался большой ключ, орошавший пашни и сады не только этих селений, но и кишлаков Калъаи мехтар, Тутк, Поджиндак.

На юго-западной окраине правобережья Ура-Тюбинского оазиса лежало селение **Болгали.** Его жители принадлежали к узбекам «болгали», переселившимся из Джизакского района. На территории селения Болгали выходил родник, поивший и орошавший соседний Калъаи бакавул.

К востоку, в некотором отдалении от пригородов располагались три узбекских селения: Чорбог, Варсик и Майдонча.

Кишлак **Чорбог**[1] возник вокруг ключей, называвшихся Доругар, Оксой и Курбулок, между грядами и холмами Кухаки майда, Кухаки калон, Каравултеппа, Калъаи хум, Манортеппа и Октеппа. По южной окраине селения, с запада на восток, прилегал древний торговый путь «Кофирраха» («дорога неверных») между Зерафшанской и Ферганской долинами. Через селение проходила одна из дорог из Ура-Тюбе в Басмандинскую волость. Чорбог состоял из двух приходов — Масчиди калон, Окмасчид и делился на две топографические и социальные части: Якум или Боён и Дуйум или Доругар. В первой половине XIX в. в Чорбоге находилось одно из больших пороховых заведений Ура-Тюбинских правителей (Бекчурин, 1872, с. 17). Часть населения служила тогда стрелками у правителей. В обоих частях образовались торговые центры, расположенные около мечетей. Там были чайханы и мелочные лавки.

---

[1] Термин «чорбог» часто встречается в топонимии Средней Азии. Народная этимология объясняет, как «большой сад», «красивый сад», «дача», «загородная усадьба», «сад, разбитый на площади, имевший квадратный план». В словарях истолкован как «парк», «дача». В. В. Бартольд считал «чорбог» садом, окружившим с 4-х сторон дворец. И. П. Петрушевский на материалах истории средневекового Ирана пишет, что «чорбог» являлся одним из видов садоводческого хозяйства, разделенным на 4 «луга» (чаман), которые были засажены соответственно гранатовыми, айвовыми, персиковыми и грушевыми деревьями, причем на каждом «лугу» должны быть насажены особые виды цветов и декоративных деревьев (Фарханг, I, 1969, с. 546ё Бартольд, II (I), 1963, с. 208; Петрушевский, 1960, с. 229). С. Марафиев объясняет как кешк (жилой дом) феодала, окруженный садом, (1963, с. 131). По П. П. Иванову. «чарбаг, в узком значении этого слова, может рассматриваться лишь в качестве барской усадьбы, располагавшейся среди окружающего ее поместья». Е. А. Давидович по поводу этого высказывания пишет, что «чорбог», как и «бог» означает: «разных размеров сады, состоящие только из древонасаждений и не окруженные никакими угодьями; разных размеров сады с постройками, но также без угодий; наконец, сады с постройками и включенными или прилегающими участками огородов и пахотных земель» (Давидович, 1960, с. 144).

Население относило себя к тюркам «чигатой», принадлежавших к родовым группам «Кози Розик», «Кипчак-тупи», «Зиё тупи», «Мусича-тупи», «Юлдаш араб». По преданиям, предки группы «Мусича тупи» прибыли из селения Бахмал Ганчинского района, «Кози Розик» — три поколения назад, пришли из кишлака Чорбог под Пенджикентом, другие роды — из Шахристана. Занимались зерноводством, садоводством, скотоводством (овцеводством, верблюдоводством и разведением лошадей), а также в свободное от земледелия и скотоводства время, выделкой бумажных материй, плотничеством, маслоделием, изготовлением веревок, переметных сум, мешков, извозным промыслом — перевозкой грузов верблюдами. В сезоны сельскохозяйственных работ бедняки уходили на заработки в другие районы.

Вблизи Чорбога располагались кишлаки **Варсик** и **Майдонча**. Население Варсика сложилось из узбеков, выходцев из Заамина, Сармуша и Джуи Лангара. Майдонча был основан тюрками — «чагатайами», переселившимися из соседнего Чорбога.

Приведем статистические сведения о численности населения загородных кварталов и селений Ура-Тюбе за 1888 и 1905 гг. (Сборник, 1890, с. 229—246; Список, 1906, с. 107—112).

Название загородных кварталов и селений	1888 г.		1905 г.	
	дворов	жителей	дворов	жителей
1. Боботаго	30	150	—	650
2. Сари мазар	14	70	14	261
3. Яси	63	315	34	545
4. Шонатарошон	5	25	5	52
5. Говдузон	7	35	7	100
6. Кози	17	85	18	238
7. Вафои	27	135	24	302
8. Тошбек	42	210	49	300
9. Чорсада	6	30	6	79
10. Куйи равгангарон	11	55	11	174
11. Сари чак	8	40	12	321
12. Сандукандак	14	70	15	229
13. Калъачаи калон	100	500	114	1900
14. Сурхи	13	65	14	300
15. Обджувоз	20	100	22	224
16. Боги калон	55	275	60	540
17. Сарахсиён	16	80	17	153
18. Тапкок	59	295	64	639
19. Ниджони	100	500	115	1000
20. Ругунд	114	570	124	1100
21. Суфи Ориф	76	380	83	747
22. Яккабог	16	80	19	171
23. Сепула	11	55	13	117
24. Калъачаи гули зард	30	150	32	279
25. Суркат	25	125	29	261
26. Пошкент	66	330	72	468
27. Калъачаи бакавул	29	145	39	270
28. Тутк	16	80	20	150
29. Калъаи мехтар	6	30	6	55
30. Калъаи баланд	65	325	69	631
31. Аргу	27	135	30	291
32. Джавкандак	53	265	61	549
33. Шурак	4	20	4	40
34. Болгали	4	20	4	52
35. Чорбог	66	330	95	955
36. Варсик	—	—	38	333
37. Майдонча	—	—	13	117
Всего:	1215	6005	1350	14663

Историко-этнографические сведения о пригородных селениях Ура-Тюбе позволяют выявить ряд их особенностей. Половину числа пригородных поселений Ура-Тюбе составляли загородные кварталы, называемые здесь «маҳалла», в отличие от городских кварталов — «гузар». К «маҳалла» относились поселения, находившиеся в ближайших предместьях, с жителями, происходившими из города.

Пригороды Ура-Тюбе образовали сплошной массив таджикского населения. Эти поселения были образованы потомками горожан, в них жили также выходцы из разных кишлаков Матчи, Ягноба, Каратегина, из г. Серахса в Туркмении, из Сохской долины Ферганы. Население кишлаков состояло из потомков исконных таджиков, таджиков — выходцев из Ургута, Касана, Соха, из Самарканда, кишлаков Матчи, Гиссара, Каратегина, узбеков этногрупп «тапкок», «ниджони», «болгали», «чигатой», «кирк», киргизов группы «баявут», арабов. Главным занятием жителей пригородов было садоводство и зерноводство, побочным — сельское ремесло: ткачество, маслоделие, размол муки, изготовление обуви, плотничное дело. Но были и ремесленные загородные кварталы, жители которых занимались, преимущественно, ремеслами: в Сандукандаке жили кузнецы, выделывавшие подковки для обуви, в Сарахсиёне — гончары, в Оби чаппа — плотники и ножовщики, в Обджувозе — мастера по изготовлению

писчей бумаги. Но все эти ремесленники имели и сельскохозяйственные угодья, держали скот.

Торговые селения в пригородах Ура-Тюбе отсутствовали. Хотя Калъачаи калон, Ругунд, Суфи Ориф, Калъаи баланд, Чорбог имели некоторые черты такого типа поселений, они не сделались центрами оформившихся микрорайонов. Это объясняется тем, что все загородные кварталы и кишлаки экономически представляли один тип.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДРАЙОНЫ И МИКРОРАЙОНЫ УРА-ТЮБЕ

К югу от г. Ура-Тюбе за невысокой грядой Коктуш, в верховье речки Сойи калон и вокруг ключей располагались около трех десятков селений Дальянского оазиса. Административно они составляли Дальянскую волость. В 1887—1890 гг. волость объединяла четыре сельские общества, 54 кишлака и 1670—1773 дворов, управлявшиеся 37-ю пятидесятниками (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. I, д. 5790, л. 14—15). На юге оазиса, на склоне предгорий Туркестанского хребта с востока на запад полосой тянулись селения Пушти охтахона, Каджровут, Сурхоби калон, Сурхобча, Сумбулканд, Навободи Мулло Хасан, Тошмазор (или Туркоб), Ходжа Исоф, Шаршара, Навободи Султон, Кунджак-таджик, Кунджак-узбек. Ниже их, по правому берегу Сойи калон, с юга на север располагались кишлаки Оби борик, Калъачаи арбоб, Дехи манора, Дальёни поён. По левобережью, с юга на север, шли селения Дальёни боло, Дахъяки боло, Дахъяки поён, Карасакол, Об карчигай, Нафароч. К западу от них вокруг ключей, размещались селения Чирой таджик, Чирой узбек, Кармиш-таджик, Кармиш-узбек. Селения Дальянского оазиса тяготели к рынкам города Ура-Тюбе и Панджшанбе. В кишлаке Дальёни поён действовал небольшой базар, где в 1872 г. находились 15 торговых лавок (Кушакевич, 1872 г., с. 40—41). Тогда же в другом большом кишлаке оазиса — Дальёни боло были отмечены 4 торговые лавки. Однако, эти базарчики не представляли собой центров обмена продуктов для окружающих селений.

Селения оазиса структурно были расчленены, состояли из отдельных кварталов. Например, кишлак Оби борик состоял из кварталов Вогат, Болои мазор, Боло (или Саидо), Поён. Численность населения кишлаков Дальянского оазиса и динамику его роста в период 1888—1905 гг. отражает нижеследующая таблица, составленная по данным дореволюционной статистики (Сборник, 1890, с. 233—235; Список, 1906, с. 109—110; Ура-Тюбинский филиал ЦГА Тадж. ССР, ф. 41, оп. I, д. 1073).

Название селений	1888 г.		1905 г.	
	дворов	населен.	дворов	населен.
Пушти охтахона	11	55	11	139
Каджровут	17	85	20	222
Сурхоби калон	44	220	46	475
Сурхобча	21	105	19	171
Сумбулканд	17	85	22	198
Навободи Мулло Хасан	15	75	15	166
Тошмазор	—	—	13	136
Ходжа Исоф	20	100	22	218
Навободи Султон	45	225	20	190
Кунджак	36	180	20	200
Оби борик	70	350	78	767
Калъачаи арбоб	22	110	25	245
Дальёни поён	146	730	144	1455
Дальёни боло	76	380	94	985
Дахьяк	22	110	30	281
Карасакол таджик	22	100	27	253
Карасакол узбек	17	85	18	182
Обарчигай	22	110	28	282
Нафароч	40	200	32	303
Чирой	15	75	16	143
Кармиш таджик	16	80	20	180
Кармиш узбек	22	110	31	290
Всего:	716	3550	736	7496

Подавляющую часть населения составляли таджики. На формирование населения Дальянского оазиса, большое влияние оказало его размещение по большой дороге между г. Ура-Тюбе и Матчинским и другими горными раъонами. Сохранились предания об основании нескольких кишлаков оазиса таджиками-переселенцами. Так, первопоселенцами Оби борик, Калъачаи арбоб считаются выходцы из г. Ура-Тюбе и из горного Фальгара; жители Каджровут, Навободи Султон по происхождению—матчинцами, а Навободи Мулло Хасан — ягнобцами. Группу «саидо» из квартала Боло кишлака Оби борик, жители соседних селений называли «эрони» — иранцы. Вторым компонентом населения были группа «тюрк», которые населяли кишлаки Чирой, Нафароч, Дехи манор, Кармиш, Кунджак, Карасокол, Тошмазор (или Туркоб). Главным занятием населения Дальянского оазиса бы-

ло скотоводство, сочетавшееся с полеводством. Разводили баранов, возделывали поливную и богарную пшеницу, масляничные культуры — зигир, махсар. Садов здесь почти не было. Летом переселялись к пахотным полям. Из промыслов были распространены — выделка шкур для подстилки — «пӯстакдӯзӣ», тканье паласов—«гилембофӣ» и сукна—«чакманбофӣ» из овечьей шерсти, валяние кошм — «намадмолӣ». Из привозного хлопка ткали бумажные материи. Промыслами, в основном, занимались женщины. Мужчины валяли кошмы, выделывали шкуры для подстилки, занимались кузнечным и плотничьим делом. Большинство ремесленников — мужчин были родом из г. Ура-Тюбе и из Фальгарского района. Мужское ремесло, в основном, имелось лишь в крупных селениях Дальёни поён, Дальёни боло, Оби борик, Саримсокли. Мастера работали или на заказ, или путем отходничества обслуживали население соседних кишлаков. Важным подспорьем для населения правобережной части Дальянского оазиса служила перевозка грузов. Они возили из г. Ура-Тюбе и со станции Урсатьевск в Матчинский район по горным перевалам Оббурдон и Камодон ремесленные изделия, керосин, соль, рис, хлопок. Туда шли пешком погоняя нагруженных ослов. За сутки, при благоприятной погоде, успевали перевалить горы и спуститься в кишлак Оббурдон Матчинского района. Из Матчи, на обратном пути, привозили сушенный урюк, пригоняли овец. Торговля была меновая.

Таким образом селения Дальянского оазиса образовали территориально-хозяйственную единицу, хотя и не представляли оформившегося экономического микрорайона. Обмен продуктов внутри и между селениями производился натуральным способом. Товары доставляли также странствовавшие торговцы.

Городок **Ганчи** был центром сравнительно большого экономического подрайона садоводческо-виноградарского и животноводческого направления, охватывавшего 13 селений в нижней части долины речки Басмандасая. А. Л. Троицкая считает, что слово «ганчи» тюркское, происшедшее от названия должности: так назывался при ханском или бекском дворе ведавший скотом и доставкой мяса (1969, с. 250—254).

Ганчи выросло на левом берегу речки, с ним сливалось правобережное крупное селение Газандарак. Центральную часть Ганчи занимал рынок. В 1912 г. он был заново застроен лавками по инициативе русского землемера Ф. А. Симона. По численности и по богатству рядов Ганчинский рынок был одним из крупных торгово-ремесленных центров, Ура-Тюбинского района.

В его торговых рядах продавались фабричные, шелковые и полушелковые кустарные ткани, обувь, халаты, одежда, кузнечно-слесарные, чугунолитейные, медные и гончарные изделия, ножи, мыло, свечи, деревянные токарные предметы, седла, щепные изделия. Отдельные ряды занимали торговцы кондитерскими изделиями, мясом, кунжутным маслом, дынями. При базаре имелась мастерская, где делали арбы. Часть базарной площади занимали навесы, под которыми торговали зерном и было место, где продавался хлопок (ғӯза). На площади находились чайханы, поварские лавки, ряд пекарен. В субботу— базарный день — кроме перечисленных товаров широкий сбыт имели изделия местных ремесленников, набойщиков, скорняков, изготовлявших сбрую, седла для верблюдов. На рынке продавались изделия местных мастериц: тюбетеечниц, шелкомотальщиц, ткачих, выделывавших сукно, паласы, мату, валявших кошмы, вышивальщиц, изготовлявших для продажи сузани. У базара стояли два караван-сарая. Ганчи находился вблизи большой караванной дороги Ура-Тюбе—Ходжент, поэтому его часто посещали транзитные караваны и большие группы разъездных торговцев из Нау, Гуляндоза. В самом Ганчи жило большое количество торговцев разных специальностей, которые выезжали со своими товарами в ближние и дальние населенные пункты. Так, разъездные торговцы — «раванда» постоянно ездили в Нау, Ходжент, Бекабад, Голодную степь, ближайшие железнодорожные станции. Торговцы-погонщики верблюдов — «шутуракӣ» везли грузы в Ашт, Наманган, Ташкент. Накануне революции среди жителей Ганчи было шесть богатых владельцев верблюжьих караванов, которые имели от 6 до 14 верблюдов, обслуживаемых несколькими десятками работников. Ганчи также являлся центром транзитной торговли между селениями Панджшанбинского микрорайона и Науским районом. Основными предметами перевозок через Ганчи в разные стороны были изюм, рис, соль, керосин, хлопок.

Основную часть ганчинских ремесленников — ножовщиков, медников, кожевников, сапожников, мыловаров, свечников, красильщиков, окрашивавших материи в синий цвет при помощи индиго, сундучников, торговцев фабричными тканями, продавцов халатов и коробейников составляли выходцы из города Ура-Тюбе. Кондитеры, маслобойщики и седельщики происходили из Матчи.

Городок состоял из пяти жилых кварталов, называемых «махалла». Наиболее плотно был населен центральный квартал Миркамбекор, где дома стояли скученно. К востоку от него рас-

полагался квартал Махалла, с северо-востока — Чукурак, с севера-запада — Сари мазор, а с юга — Файзобод. Население разделялось на несколько семейно-родственных групп: «ишаны» жили в квартале Файзобод и в кишлаке Калъачаи Раис, «чигатойхо» — в квартале Махалла: там же расселилась группа «Бобо.Навруз». В кварталах Сари мазор и Чукурак жили группы «алмишак», «шайххо», «узбек-полвон» и «Азизбой». Основная часть выходцев из г. Ура-Тюбе расселялась в квартале Миркамебекор, очевидно ими основанном. Судя по приведенным этнонимам в состав таджикского населения вошли тюркоязычные группы. Каждый жилой квартал имел мечеть, при ней действовал мактаб. В кварталах Чукурак, Сари мазор и Файзобод, находились мазары и кладбища. Кладбище квартала Файзобод принадлежало семейно-родственной группе «ишан», там хоронили только членов этого рода.

Ганчи являлся административным центром волости, состоявшей в 1887—1890 гг. из 3 сельских обществ, 40 кишлаков и 1457—1482 дворов, управляемых 31 пятидесятником (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. I, д. 5780, л. 14—15). В число кишлаков волости входили и селения микрорайона Панджшанбе. К северу, западу и югу от городка располагались дачные места, куда летом переселялась основная масса жителей. На востоке, на правом берегу находился, сливавшийся с Ганчи и представлявший с ним фактически единое поселение большой кишлак Газандарак, который В. В. Бартольд отождествлял с раннесредневековым городом Газа (Бартольд, II, (I), 1963, с. 173). К югу от Газандарака, на том же берегу сая, располагался населенный тюрками кишлак Янги-арык. К западу, за дачными местами, размещалось другое тюркское селение — Каробуйин и находились селения Калъачаи Раис, Калъачаи Азим, Эшонкурган или Калъачаи Эшон и Гулкишлак. В низовьях речки Басмандасай располагались селения Яхтан, Ходжа Тохир, Ходжа Тохир джар, Кизили, Бахмал. К югу от Ганчи и прилегавших к нему селений находились кишлаки Муджун, Итарчи, Мангит, Кенегас, Бешкал, Урта курган, Кучкина, Ховутак. Все названные селения экономически тяготели к Ганчинскому рынку.

Несмотря на большое экономическое значение, городок Ганчи был невелик: в 1888 г. в нем зафиксировано всего 72 двора и и 360 человек, в 1905 г. — 81 двор и 759 человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 753, т. I, л. 112). По количеству населения и значению к нему близко соседнее селение Газандарак. В 1888 г. Газандарак имел 76 дворов и 380 человек, в 1905 г. — 84 дворов

и 755 человек (Сборник, 1890, с. 229—230; Список, 1906, с. 110). Таким образом, в городке Ганчи — Газандарак проживал более 1,5 тыс. человек. Приведем статистические сведения о числе дворов и населения в кишлаках Ганчинского оазиса за 30 лет между 1888—1905 гг. (Сборник, 1890, с. 229—230; Список, 1906, с. 110).

Название кишлака	1888 г.		1905 г.	
	дворов	населения	дворов	населения
Калъачаи Азим	—	—	7	74
Калъачаи Эшон	20	100	23	217
Калъачаи Раис	18	90	12	128
Каробуйин	—	—	25	245
Янги арык	45	225	45	405
Гулкишлак	19	95	22	208
Яхтан	31	155	37	333
Ходжа Тохир	39	195	38	346
Ходжа Тохир джар	25	125	26	253
Кизили	54	270	54	517
Муджун	60	300	—	—
Итарчи	75	375	—	—
Мангит	32	160	32	279
Кенегас	66	330	—	—
Урта курган	33	165	—	—
Бешкал	—	—	18	172
Всего:	517	2586	339	3177

Ганчи и Газандарак сплош населяли таджики. В кишлаках Калъачаи Раис, Калъачаи Эшон, Калъачаи Азим жило смешанное таджикско-узбекское население. В остальных селениях жили узбеки «каробуйин», «мангит», «итарчи», «муджун», «бешкал» и другие.

В отличие от Панджшанбинского оазиса, население Ганчи и тяготевших к нему селений в основном занималось виноградарством, садоводством, шелководством, меньшее значение имели зерноводство и скотоводство. В селениях жили только зимой. С наступлением весны до поздней осени селились там, где находились виноградники, сады и пашни. Ремесленники забирали туда свои орудия, инструменты, сочетая ремесло с уходом за виноградом и садом.

Панджшанбе (или Калъаи Мирзобой) являлся торгово-ремесленным центром экономического микрорайона, выделенного

накануне Октябрьской революции в Басмандинскую волость. Хозяйство микрорайона имело зерноводческое и животноводческое направление. Вокруг Панджшанбе, прилегая к нему или вблизи от него, находились селения Басманда, Янги арык, Худжахо, Калъаи шохон, Калъаи Ходжи, Калъаи Дуст, Чуянчи, Туркон. Последние три сливались с Панджшанбе. На противоположном берегу речки Янги арык располагались кишлаки Ходжахо, Калъаи шохон и Калъаи ходжи. Старым названием селения Панджшанбе было Калъаи Мирзобой («крепость Мирзобая»). По преданию, селение было основано неким Мирзобоем, родом из Матчи. Сейчас в селении живет четвертое поколение потомков Мирзобоя. От его огражденной глиняным забором усадьбы селение и получило якобы название «Калъаи Мирзобой».

В Панджшанбе имелся большой базар. В начале нынешнего века был благоустроен и состоял из двухэтажных строений. В них размещались лавки торговцев тканями, мелочными изделиями, мясников, три мастерские кузнецов, мастерская кубового крашения, места продажи соли, керосина, гузы, шерсти и пуха, три чайханы. Всего на базаре было 18 торговых лавок (Список, 1906, с. 111). В пятницу на берегу сая действовал скотный базар. Около рынка находился один караван-сарай. Базарным днем был четверг, отчего селение и получило свое название — Панджшанбе. Часть торговцев происходила из этого селения, а продавцы тканей, кузнецы, красильщики, работавшие на базаре приезжали по четвергам из города Ура-Тюбе, городка Ганчи — Газандарак, и селений Басманда, Оби борик и Дальёни поён. Население Панджшанбе выносило на базар свои изделия — бязь, паласы, скатерти из выделанной кожи, на которых просеивали муку и разделывали тесто, шерсть, пух. Обмен товаров осуществлялся либо деньгами, либо продуктами: меняли ткани, хлопок, кузнечные изделия, изюм и сухофрукты. Сельские жители в обычной жизни широко применяли внутрикишлачный, соседский обмен своих изделий и продуктов: бумажные материи домашней выработки, кожу, обувь, плотничные изделия выменивали на масло, зерно, мясо, сухофрукты и т. д.

Селение состояло из четырех жилых кварталов — «гузар»: центральный — Пайи калъа (место, где находилась усадьба Мирзобая), Болои бозор или Кади сой (располагался на северной стороне), Кучаи Дахкат (западный), Рахи Дашт (южный).

Население кишлака делилось на четыре семейно-родственные группы: «луччакон», «калхо», «баротбойхо», «шоходилхо». Каждая населяла один квартал. Их предки когда-то, в разное время пришли из Матчи.

С востока к Калъаи Мирзобой прилегало маленькое селение Туркон, где жили тюрки — «чигатай». Основным занятием жителей было зерноводство. Они занимались также животноводством, ходили в хлопководческие районы на уборку урожая.

Основателями соседнего (к северу) селения **Чуянчи** («чугунолитейщик») народное предание считает усто Агалука, мастера-чугунолитейщика, который жил пять поколений тому назад. Считается, что селение Чуянчи возникло раньше, чем Калъаи Мирзобой. Лет 100 тому назад часть жителей Чуянчи переехала в соседний Науский район и основала там новое селение того же названия. Чуянчи имел одну мечеть, там находился мазар Ходжа Абутахира.

Первопоселенцем соседнего кишлака **Калъаи Дуст** считается некий Дуст Мурод, который, как и Мирзобой, окружил свою усадьбу стенами. Три семейно-родственные группы таджиков образовывали здесь три жилых квартала: группа «ромитихо» — квартал Миёна, «ягнобихо» — квартал Боло, «хушонихо» — квартал Поён. Предки всех трех групп были таджиками-переселенцами, но разного происхождения: первые пришли из Матчи, вторые из Ягноба и третьи из Гиссара. Главным занятием населения было зерноводство и скотоводство. Потребности жителей в самых необходимых ремесленных и обиходных изделиях удовлетворяли свои мастера: здесь работали четыре сапожника, три плотника. Более двух десятков женщин, ткали паласы, бумажные материи, чекмени и валяли войлок. Кишлачный кузнец — усто Назар, работавший с тремя сыновьями, был родом из г. Ура-Тюбе. Они изготовляли серпы и некоторые предметы обихода. Кузнец, починщик обуви, парикмахер и уличный сторож за свои услуги получал сельхозпродукты с урожая — «кафсан». На главной дороге селения Калъаи Дуст находились караван-сарай, а также пять мелочных лавок и чайхана. В селении имелось три мясника, три мелких торговца бакалейщика и пять брадобреев.

Соседнее селение **Калъаи шохон,** согласно семейным генеалогиям, было основано неким Шох Зулфикаром, родом из таджикского городка Касан в Северной Фергане, пришедшего сюда 420 лет назад. Его братьями якобы были Шох Кучак — основатель селения Сепула в пригороде Ура-Тюбе, Шох Ибрагим (устроитель квартала Чугдак в г. Ура-Тюбе) и Шох Ориф — основатель кишлака Суфи Ориф около Ура-Тюбе. Сейчас в Калъаи Шохон

проживают потомки Шохзулфикора в шестом поколении. Селение делилось на четыре кучки домов, называвшиеся Кибла, Бало, Поён, Кух. Занимались зерноводством, скотоводством, и домашними промыслами.

Название селения **Худжахо,** по преданию, произошло от имени Абдукарим-худжа, главы переселившейся сюда из Матчи семейно-родственной группы. Две другие группы, выделявшиеся среди жителей этого кишлака, происходили из селений Оббурдон Матчи и Угук Басмандинского ущелья. Возделывали зерно, разводили скот; из ремесел было распространено женское ткачество, изготовление паласов и чекменей, а также валяние кошм и маслоделие.

На расстоянии одного километра от Калъаи Шохон, находилось селение Калъаи ходжи. Его основатель Ходжи Закир, родом из селения Дальёни поён, в возрасте 90 лет умер в 1923 г. Из этого видно, что это селение могло образоваться около середины XIX в. Население состояло из четырех семейно-родственных групп: одну составляли потомки Ходжи Закира, другая «ромитихо» — происходила из селения Ромит Гармской области, третью — «ягнобихо» — ягнобцы, четвертую — матчинцы из селений Падаск и Пастигав.

Калъаи Ходжи был небольшим кишлаком.

Селение **Басманда** (в дореволюционных обзорах также назван Калъаи Миразиз), прилегавшее с юга Панджшанбе, явилось одним из старинных и больших кишлаков этого микроэкономического района. Оно лежало на дороге, ведущей к горным перевалам Оббурдон и Камодон. Селение состояло из шести кварталов — «гузар»: центральным считался Поён, вокруг него располагались кварталы Пушти калъа, Гузари боло, Сари чашма, Сари масчид, Гузари поён. Вдоль главной дороги, проходившей через селение тянулись ряды мелочных лавок, была чайхана, мастерские кузнецов и караван-сарай с постоялым двором, где останавливались горцы, идущие к перевалам. Накануне революции в селении было немало ремесленников. Работали пять кузнецов и один оружейник — «милтиксоз». Они обслуживали население Басманды и разъезжали по соседним кишлакам. Были здесь маслобойщики, ремесленники, изготовлявшие обувь, плотники, гончары, мастера, делавшие деревянные волокуши — «чигинасоз» и арбы. Три последних категории ремесленников обслуживали также жителей окрестных селений. Многие женщины выделывали сукно, паласы, бумажные материи в разных целях: для семьи, по заказу, иногда для продажи.

Приведем статистические сведения о динамике населения изученных нами селений Панджшанбинского микрорайона (Сборник, 1890, с. 231—232; Список, 1906, с. 111).

Селения	1888 г.		1905 г.	
	дворов	жителей	дворов	жителей
1. Калъаи Мирзобой	26	130	32	279
2. Чуянчи	14	70	15	135
3. Калъаи Дуст . .	28	140	29	252
4. Калъаи Шохон .	13	65	13	157
5. Худжахо . . .	14	70	20	180
6. Калъаи Ходжи .	18	90	20	180
7. Басманда . . .	46	230	46	415
Всего:	159	795	175	1598

Таким образом, главными причинами формирования Панджшанбинского экономического микрорайона были характер зерноводческо-животноводческого хозяйства и некоторое развитие ремесел и промыслов, продукция которых выходила на довольно широкий рынок. Важное значение имело нахождение на пути к одному из важнейших горных проходов Туркестанского хребта, через который поддерживалась связь между равнинными и горными районами Северного Таджикистана.

Шахристан являлся торгово-ремесленным центром экономического микрорайона, в которое входило 22 селения. Находясь на узле дорог, идущих через перевал от нагорных тюменей Верхнего Зерафшана к Джизакскому и Ура-Тюбинскому районам, Шахристан представлял удобное место для обмена земледельческих, скотоводческих и ремесленных продуктов. Летом 1888 г. по разрешению колониальных властей в кишлаке Шахристан был открыт рынок с базарным днем в пятницу (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 1231, л. 1—2). С 1906 г. в селении начал действовать скотный базар (ЦГА Тадж. ССР, ф. I. оп. I. д. 1900). В 1872 г. в Шахристане отмечалось 49 дворов и 207 человек, населения (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 6, л. 75), в 1888 г. примерно 59 дворов и 235 человек, в 1905 г. — 62 двора и 498 человек (Сборник, 1890, с. 235—236; ЦГА Тадж. ССР, ф. I, оп. I, д. 753, т. I, л. 122). Население Шахристана было в основном таджикским. Они проживали в кишлаке Паши таджик, где в 1888 г. отмечено 39 дворов и 195 человек, в 1905 г. 54 дворов и 516 человек жителей (Сборник, 1890, с. 235—236; Список, 1906,

с. 108). В остальных 20 селениях жили узбеки и киргизы. Тюркско-киргизское и Холдоркипчакское сельские общества населяли полуоседлые группы узбеков и киргизов. Многоотраслевой характер хозяйства, в котором сочетались скотоводство, земледелие, ремесло, нахождение на важной дороге, пролегавшей через знаменитый Шахристанский проход в Туркестанском хребте стали важным факторами становления экономического микрорайона.

Оазисы Ура-Тюбинского района окружали аулы занятые кочевниками. В многочисленных урочищах размещались зимовки и аулы кочевников Ходжентского уезда. По собранным в 1872 г. А. А. Кушакевичем материалам, между Ганчинским и Панджшанбинским оазисами, около кишлаков Итарчи, Кенегас, Янги арык тогда находилось 7 урочищ, используемых под зимовки кочевых узбеков группы «карапчи». Несколько таких зимовок кочевников были разбиты в урочищах к северу от кишлаков Яхтан, располагаясь недалеко от Сыр-Дарьи. К северу от г. Ура-Тюбе, в степи между последним и большим таджикским кишлаком Хаваст (впоследствии — железнодорожной станции Урсатьевская, вошедшим в пределы Узбекистана), находились урочища и аулы кочевников группы «парчаюз». В 1872 г. группа «карапчи» исчислялась в 263 кибиток, а группа «парчаюз» — в 106 кибиток. Кроме того небольшая группа «парчаюз» в 52 кибитки, размещались в Шахристанском оазисе (Кушакевич, Кишлаки, 1872, с. 162—164).

В 1885 г. кочевого населения в Ура-Тюбинском районе числилось: (ЦГА Тадж. ССР, ф. I, д. 83. л. 31—35).

Этногруппы	кибитки	число населения	занятых ремеслом	торговцы скотом
I. Каракипчакский аул				
Найман	30	137	62	2
Куканд карапчи	48	224	102	8
Туркман	21	104	50	1
Куштамгали	17	85	41	2
Сатинсара	20	97	45	5
Ачамайли	17	85	41	4
Баявут	21	101	47	1
Туякли	15	73	35	1
Карабуйин	10	49	24	1
Кушчи	27	123	—	1
Бешкал	20	99	—	—
Тапкак	7	35	—	—

Этногруппы	кибитки	число населения	занятых ремеслом	торговцы скотом
Кушкенджи	1	5	—	—
Сармичси	4	20	—	—
II. Туркский аул				
Ишан тюпчи	82	405	194	—
Ялнакбош	50	252	122	3
Янги арык	23	114	55	1
Ляллак	10	49	23	1
III. Парчюзский аул				
Дурттамгали	31	155	—	4
Уязь	25	124	—	—
Уюли	20	100	—	—
Ирчанакли	62	310	—	—
VI. Шахристанский аул				
Бураган	25	126	62	—
Чепан	25	125	61	—
Кутааки	23	116	56	—
Мухир	15	77	38	—
Авай масан	13	64	31	—
Всего:	662	3254	1069	34

К началу XX. в. основная часть кочевников осела вокруг названных оазисов и образовала оседлые поселения — кишлаки Джаркурган, Лякат, Туккуз чалак (или Ачамайли), Парчаюз, Уязь, Баявут — тяготевшие к городу Ура-Тюбе. В 1905 г. их население распределялось следующим образом: Джаркурган — 104 двора и 937 человек, Лакат — 87 двора и 784 человек, Туккуз чалак — 64 двора и 573 человек, Парчаюз — 46 дворов и 132 человек, Уязь — 32 двора и 413 человек, Баявут — 38 дворов и 386 человек (Список, 1906, с. 107—111). Главным занятием осевших кочевников было скотоводство и земледелие. Скотоводческая степь как территориально-хозяйственная единица являлась важным компонентом в системе исторического сложившегося Ура-Тюбинского района. В конце XIX — начале XX вв., когда происходил рост городов и торговли, повысилась и роль этой единицы в разделении труда внутри района. Наличие скотоводческой округи было важной особенностью равнинных районов Северного Таджикистана.

Выводы

Характеристика города Ура-Тюбе и его сельского района показала важнейшую особенность жизни и быта их населения — сочетание ремесла с земледелием, слитность города с деревней. Город выполнял функцию зимнего поселения, предместье — летнего поселения горожан. Такой характер быта городского населения определил планировку как самого Ура-Тюбе, пригородов, так и содержание его жизни, занятия.

Город Ура-Тюбе отличался скученностью и теснотой застройки, обширным базаром, развитыми жилыми кварталами, имевшими торговые и общественные центры. На участках пригородных земель образовались загородные кварталы. Ремесленно-торговых селений поблизости не было и все их функции выполнял г. Ура-Тюбе.

Условия летнего переселения горожан в сельский район не исключали занятий ремеслом ,последнее сочеталось с садоводством. В городе, зимой, ремесла становились единственным занятием жителей. Несмотря на двойственный характер занятий городских ремесленников, в таких отраслях как выработка полупуховых материй, сукна, изготовления обуви, одежды, металлических изделий, ремесло было высокотоварным, работало для широкого рынка. В них возникли заведения типа простой капиталистической кооперации, рассеянной и централизованной мануфактуры. Немаловажным фактором складывания зачатков капиталистических отношений в ремесленной промышленности г. Ура-Тюбе конца XIX — начала XX вв. был процесс классового расслоения горожан. Увеличилось число горожан совершенно отделившихся от земледелия, работавших наемными мастерами в ремесленных заведениях. Этот процесс являля основным содержанием городской жизни Ура-Тюбе в изучаемый период.

Показателями развития сельской жизни были: увеличение населения, роста товарности сельскохозяйственного производства, расширение обмена и экономических связей с городом и между микрорайонами, со скотоводческой округой. Критерием развития сельской жизни в Ура-Тюбинском районе являлась специализация подрайона и микрорайонов, среди которых выделились виноградарский, шелководческий, садоводческий (Ганчинский), зерноводческо-скотоводческий (Панджшанбинский), скотоводческо-зерноводческий (Шахристанский) территориально-хозяйственные единицы.

ГЛАВА IV

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАНИБАДАМСКОГО РАЙОНА

ГОРОД КАНИБАДАМ

Канибадам являлся одним из древних городов Средней Азии. Название города в форме «Канд» упоминалось в согдийском документе VIII в. (Лившиц, 1960, № 2, с. 92—109), в историко-географической литературе IX—XII вв. («Худуд-ал-алем», 1930, с. 9б). Бабур (XV в.) в своем сочинении сообщает о городке («касабча») Канибадам и его превосходном миндале, который вывозили в Хурмуз и Индию (Записки Бабура, 1958, с. 14). Археологические изыскания последних лет показали, что раннесредневековый Канд располагался в центре современного Канибадама (Негматов, 1973, с. 82).

Изучение элементов исторической топографии Канибадама конца XIX — начала XX вв. позволяет нам отметить некоторые моменты развития и пути формирования города в период средневековья. Старики указали место в центральной части города, называемое Калъа («крепость»), которое еще в XIX в., было ограждено крепостными стенами. М. Н. Галкин в 1868 г. упоминал, «крепостца Канибадама» (с. 314). Крепостные стены видимо разрушились уже в конце XIX в. Внутри крепостных стен, называвшиеся Даруни калъа, площадью примерно 3,5 га в XIX в. находились 4 квартала. К началу XX в. там было семь приходов и 165 хозяйств, что создавало большую скученность домовладений и высокую плотность населения. В крепостных стенах, повидимому было четверо ворот. Сохранилось название только «Дарвозаи Хуҷанд» — Ходжентские ворота, которые находились в западных крепостных стенах. Место снаружи крепостных стен называлось Пушти калъа. К нему с юга к Калъа в XIX в. прилегала «ӯрда» («цитадель»). От нее осталось название «Ӯрдаи

кухна». Рассказывают, что в XIX в. «ўрда» представляла хорошо укрепленное сооружение, внутри которого находился двор канибадамского «мингбоши» — правителя, назначенного кокандским ханом. К концу XIX в. «ўрда» окончательно разрушилась. Престарелый информатор из квартала Даруни Қалъа Неғматджон Закиров (1884 г. р.) в детстве еще видел ее руины.

Древнее место города, называемого Қалъа и «ўрда» окружало несколько старинных кладбищ. На юге, в местности, называемой Майдони машхад («площадь мучеников») тянулись три кладбища, с запада за Ходжентскими воротами располагалось огромное безымянное кладбище. С северо-востока цепью шли три кладбища. За кладбищами стояли дома так, что они оказались внутри городских застроек. За домами шла вторая линия кладбищ, охватывавших, видимо, следующую по времени образования часть города. Эти кладбища (с запада, юго-запада на северо-восток): Қазокон, Гунбази, Қилич Бурхонидин, Лангари Бобо, Тезгузар, Эшонхо, Сари мазар.[1] Они оказались также внутри территории города. Названные кладбища были связаны со святынями (мазар), некоторые из которых, видимо древнего происхождения.[2] За этой линией кладбищ тянулись крайние дома и усадьбы горожан.

Таким образом, средневековый город Қанибадам сложился в западной части современного города, и примерно после XV в. рос на восток по направлению главных дорог, ведших в Исфару и Коканд. Восточная половина сложилась на базе загородных усадеб — «қалъача», огороженных высокими стенами. В названиях жилых кварталов восточной половины и сейчас имеется термин «қалъача» (например, Қалъачаи мадрасаи Ойим, Қалъачаи Арабон, Қалъачаи Мирамон, Қалъачаи Подаджо, Қалъачаи Зардбед). Увеличение населения привело к слиянию усадеб в единую городскую застройку.

Қанибадам располагался в центре широкой предгорной равнины, имеющей благоприятные природные условия и субтропический климат для ведения многоотраслевого сельского хозяйства. Через город проходили важнейшие пути, связывавшие Ферганскую долину с Зерафшинской долиной, Қанибадам с Коканд, Исфарой и Аштским районом. Немаловажное значение для развития города имела близость реки Сыр-Дарьи, посредством которой население Қанибадама получало лес, хумы из Северной Ферганы, в частности из Намангана и сплавляло вниз по течению урюк и другие сухофрукты. Значительная часть соли из месторождения Қамышкургана, расположенного в правобережье расходилась через Қанибадам. Проведенная в конце XIX века железная дорога повысила значение Қанибадама.

Территория города понижалась на север небольшими террасами, прорезывалась руслами потоков селя. Весной нередко потоки из южной гряды наносили городу вред. Рыхлые наносы впитывали воду и в нижней прибрежной полосе Қанибадамского района образовались участки земли, с высокими грунтовыми водами, которые использовались для рисосеяния. С севера, запада и востока город окружали сады — «боғҳо», пашни — «саҳро», а с юга пологая часть гряды, называемая «дашт» — степь.

Город Қанибадам и его сельский район находились в низовьях речки Исфара. Поэтому население постоянно ощущало недостачу воды не только для полива, но и для питья (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 190, л. 3). Жители старались поселиться поближе к воде. И застройки, и усадьбы тянулись вдоль главных арыков. Земли, отведенные городу Қанибадаму поили и орошали четыре магистральные арыки: Пулотон, Сари куй, Фирузоба и Қуйи козиён. отведенные от речки Исфара. Головные сооружения арыков Қанибадамского района находились в селении Рават, у выхода речки из узкого ущелья, называемого Дахани танги.

В апреле производилась чистка арыков, являвшаяся повинностью каждого водопользователя.

План дореволюционного города представлял в конфигурации неправильный многоугольник, значительно вытянутый с запада на восток. В этом направлении город протянулся на 5 км, а его ширина составляла 2 км. Общая площадь города занимала примерно 1000 га. что превосходила не только территорию г. Ура-Тюбе, но и даже Ходжента. Однако,в черте города, в его восточной половине, находились большие участки пашен и садов. И по сравнению с Ходжентом и Ура-Тюбе позднефеодальный Қанибадам имел более сельский облик и производил впечатление большого разросшегося кишлака.

Қанибадамский базар был крупным ремесленно-торговым

[1] При названных кладбищах размещались мазары: с запада — Қазокон, с юго-запада — Гунбаз, с юга — Қилич Бурхонидин, Лангари Бобо, Таги савр, с востока — Сулфаи кабудак, Тезгузар, Ходжа рушнои, Ходжа Джалолиддин (квартал Арабхона), Ходжа Қамолидин (квартал Лалакхона) с северо-востока Хасан шайх Атои Вали (квартал Сари мазор) и Шайх Аттори Вали (квартал Курук).

[2] Одним из духовных покровителей города считался Хазрати Бобо, святыня которого называлась Лангари Бобо. В Қанибадаме, как и в Ходженте, и в Самарканде образование одного из мазаров связано с именем Қилич Бурхонидина (XII в.).

центром прилегавших земледельческой и скотоводческой округ. От него товары расходились не только по тяготевшему району, но и в соседний Ашт, Исфару и Бешарык. Раньше базар находился к юго-востоку от Калъа, на территории торгово-ремесленного предместья. В конце XIX в. на месте разрушенной урды был устроен новый рынок, который получил название «бозори урда» (рынок цитадели). В 1907 г. на Канибадамском базаре функционировало 400 торговых лавок и помещений (Статистический обзор Ферганской области, 1909, с. 78). Всего в 1914 г. отмечено 410 торговых лавок и помещений (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 224, л. 32). Предметами купли и продажи являлись ремесленные изделия — шелк, полушелковые ткани, пищевые продукты, одежда, обувь, чугунные изделия и сельскохозяйственные товары. В начале XX в., по данным информаторов на территории рынка стояли три караван-сарая и баня, принадлежавшая Мирзоджонбаю. Каждое воскресенье на рынке происходил большой торг, на который съезжались покупатели из других городов и торгово-ремесленных селений. В этот день на канибадамский рынок привозили свои товары многочисленные странствующие торговцы.[1] В остальные дни происходила внутригородская торговля.

От ремесленно-торгового центра в разные стороны города тянулись радиальные улицы с множеством переулков, тупиков. Главная западная улица города называлась Ходжентской. От центра на юго-восток, восток и северо-восток, по кривой и диагональной линии шли три главные улицы, называемые Исфаринская, Раватская и Кокандская.

Кроме главного базара — ремесленно-торгового центра по территории Канибадама были разбросаны пятнадцать межквартальных базарчиков — «гузар». На всех этих мелких базарах, обслуживавших городское население действовали 33 чайханы, 28 мелочных, 17 мясных лавок, 4 мастерские кетменщиков, 3 мастерские подковщиков.

Административно Канибадам членился на четыре части — «чамоа» или «чамоат» — общества, которые соответствовали ташкентским «даҳа» и самаркандским «қитъа». Юго-восточная часть называлась Пулотон, северо-восточная — Сари куй, северо-западная — Куйи козиён, юго-западная — Фирузоба. По преданию, свое название Пулотон — одна из частей города получила

[1] Аналогичные базарные циклы в Северной Фергане были описаны М. С. Андреевым (I, 1928, с. 127—128).

потому, что там жили кузнецы, которые за искусную ковку были так прозваны. Название второй части — Сари куй обозначает «начало улицы» или «жилого квартала». Возможно, это название связано с одной из главных улиц, называвшейся Кокандской. Название третьей — Куйи козиён — «улица судей», четвертой — Фирузоба, возможно «бирюзовая вода: или вода цвета бирюзы». Каждая административная часть города или джамоа в изучаемый период управлялась старшиной — амином и имела по одному судье.

Еще в 60-х годах XIX в. городские части имели приблизительно по 500 дворов. Об этом свидетельствовал М. Бекчурин (1872 г.), писавший о том, что в Канибадаме тогда было около 2000 дворов. По статистике 1907 г. развились Пулотанская часть, которая состояла из 1422 дворов и Куйи казиянская часть — из 1040 дворов, а в Фирузобинской части было 900 дворов, в Сари куйской части — 845 дворов (Бекчурин, 1872, с. 14; Список, 1907, с. 53—54). Развитие Пулотонской и Куйи казиянской части было связано с проведением из центральной части России железной дороги к северу от города и оживлением торгового пути Канибадама и Исфары.

Жилые кварталы в Канибадаме, как и в Ходженте, назывались «маҳалла». Нами выявлены, локализованы и занесены на план позднефеодального Канибадама 44 квартала. Из них в старой западной части было 20 кварталов, а в новой 24 кварталов. Типичный квартал позднефеодального Канибадама состоял из 20—50 домов, образовавших один приход. Вместе с тем, 7 кварталов из 44 состояли из 2—3 приходов. Общинные традиции и семейно-общественные связи населения в последних оказались очень сильными. Население разделенное на приходы, но образовавшие один квартал принимало близкое участие в семейных обрядах и общественных трапезах друг друга. Многоприходные кварталы, как и одноприходные, управлялись одним старостой — «элликбоши».

Внутриквартальные соседско-общинные связи выражались в совместном участии в семейных и общественных обрядах и хозяйственных работах (очистка арыков, хаузов, совместном выполнении некоторых операций в ремесле и земледелии, называемых «алгов»). На обрядах в каждой семье участвовали все жители квартала — «яксара» — все сплошь. Связи с определенным числом соседних кварталов проявились во взаимопосещении семейных обрядов друг друга. На свадьбы и другие семейные события из других кварталов приглашали по несколько человек

выборочно — «терма». Однако, в Канибадаме не было традиции объединения кварталов в группы — «роат».

В связи с характером хозяйственной деятельности горожан — занятие ремеслом, торговлей или земледелием, в черте города выделялись три типа планировки кварталов: скученная, с тесной застройкой небольших по площади домовладений с узкими улицами; смешанная, характеризовавшаяся чередованием тесных и просторных домовладений; усадебная, отличающаяся тем, что при домовладениях были большие участки садов, огородов. Первый тип кварталов был характерен для западной половины города, в частности, для его центральной древней части. Здесь подавляющая часть кварталов была тесно застроенной и носила ремесленно-торговый характер. Смешанный тип планировки был присущ кварталам, размещавшихся вдоль главных дорог. В них преобладало ремесленное и торговое население, но в соотношении хозяйств, земледельцы составляли немалый процент (не менее 30%). Усадебный тип планировки был специфичен для земледельческих кварталов северо-восточной и восточной городских окраин.

За жилыми кварталами расположенными вдоль главных дорог, находились большие участки садов. Жилые кварталы, расположенные в стороне от главных дорог (Дулона, Курук, Сари мазар, Ширинако, Зардбед), в северо-восточной окраине Канибадама сплошь и рядом были окружены землями сельскохозяйственного назначения, принадлежавшие горожанам. Свои земельные наделы они либо сдавали в аренду богатым землевладельцам, либо применяли для их обработки труд издольщиков.

В начале XX в. в Канибадаме имелось 60 мечетей. По рассказам стариков, строительство мечетей усилилось в конце XIX — начале XX вв. Тогда много старых мечетей было снесено, построены новые здания, при новых мечетях образовались новые приходы. Из числа последних называются Масчиди сурх в Пулотоне, мечеть Мирзобердибая в Куйи козиёне, Масчиди Казокон в Фирузобе, Сафедакон в Сари куйе. Соборные межквартальные мечети имелись во всех пятнадцати гузарах, а мечети Майдони машхад и Худжаи Рушнои в центре города, Мадрасаи Мирраджаб додхох в Куйи козиёне, Мадрасаи ойим в Сари куйе были предназначены также для годичных праздничных молитв — «намози идайн» и назывались Намозгох.

В Канибадаме имелось немало мусульманских учебных заведений. По статистическим данным 1914 г. в Канибадамском районе действовали 6 медресе с 304 учениками и 11 преподавателями, 133 мужских мактабов с 2,3 тыс. учащимися и 128 учителями, 9 женских мактабов с 210 ученицами и 9 учительницами, 24 корихона со 420 учениками и 25 учителями и, наконец, одна русско-туземная школа с 45 учениками и одним учителем (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 224, л. 25—26). В самом городе действовали 4 медресе. Из них наиболее старое — медресе Мир Раджаб додхох построено в XVII в. Оно находилось к северу от территории Калъа, на улице, называемой Джар, а медресе Ойим на северной окраине города. По хронограмме, это медресе построено в 1828—1829 гг. Другое медресе размещалось около базара. Постройку двух последних медресе приписывают Эшони Ойим — дочери ишана — богатого феодала-землевладельца. Четвертое медресе находилось в квартале Ходжа Рушнои по главной улице, идущей в Исфару.

Динамику роста числа населения Канибадама отражают следующие сведения из документальных материалов, данных статистических обзоров и переписей. В 1880 г. в Канибадаме имелось 806 дворов и проживало 4030 человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 28098), в 1907 г. учтены 4207 дворов и около 15 тыс. человек (14981), в 1917 г. — 3314 хозяйств, более 17 тыс. (17027) человек населения (Список, 1909, с. 54; Материалы, вып. IV, 1924, с. 29). Таким образом, за 40 лет конца XIX — начала XX вв. (1876—1916 гг.) население города Канибадама возросло более чем в 4 раза.

Подавляющую часть населения города Канибадама, примерно 96%, составляли таджики. Наряду с местными таджиками в состав городского населения входили таджики — переселенцы из Ходжента, Ура-Тюбе, Ашта, Исфары. По сведениям наших информаторов, их потомки в начале XX в. жили в кварталах Дарвозаи Худжанд, Кассобон (в центре города), Себахша, Куруке и Зардбед (на северо-восточной окраине). В квартале Масчиди сурх жили потомки матчинцев — «мастчохи». В дореволюционном Канибадаме проживали и отдельные группы или семьи узбеков и арабов. Узбеки в Канибадаме из четырех групп: первую составляли выходцы из других мест Ферганской долины — города Коканда, из селений Бешарык и Янги курган. Их потомки, небольшими группами по 2—5 семьи, зарегистрированы в кварталах Тезгузар, Курук, Рангрезон, Ширинако, Мирамон, Усмонбек — в восточной и северо-восточной части и Танга топар — на западной окраине Канибадама. Они прибыли отдельными семьями в разное время, их занятиями были ремесла, земледелие, часть принадлежали к духовенству. Вторую

группу узбеков составляли выходцы из города Сайрама, которых канибадамцы называли «казокон» (казахи), хотя к казахам они не имели отношения. Выходцы из Сайрама заселяли два квартала Казокон, размещавшиеся тоже на окраинах Канибадама; один квартал Казокон находился в западной части города. По рассказам стариков из этих кварталов, их предки пришли сюда из охваченного смутой Сайрама, более двухсот лет назад, «расстелили на свободной территории у ключа свои кошмы и отчего получили у местного населения наименование «казокон». В начале XX в. этот квартал был густо заселен и состоял из трех приходов, одну из которых составили отаджикившиеся выходцы из Сайрама. Второй квартал Казокон (или Мирзоён) располагался на северо-восточной окраине Канибадама. По преданию, сообщенному Баротбоем Олимовым (1893 год рождения), происходившего из рода выходцев из Сайрама его основали братья, выходцы из Сайрама Мирзо Файзидин и Мирзобий. На родине братья были влиятельными людьми. Они переселились в Ходжент, а затем в Канибадам после взятия Сайрама царскими войсками. От них и произошло название Казокон. Третью группу узбеков в Канибадаме представляли «мангиты». Они расселились в квартале Узбекхо, располагавшемся в северной части города. Из наиболее влиятельных людей из мангитов нам называли Кушок-мангита, Нор-мангита, Ёр-мангита, Джура-мангита. Эта группа узбеков занималась земледелием. Четвертую небольшую группу узбеков составляли так называемые «қашқариҳо» — кашгарцы. По сохранившейся у них в памяти генеологии, их предки прибыли в Канибадам во второй половине XVIII в. Они поселились в квартале Урдан кухна, где образовали там тупик, называемый «чақари қашқариҳо». Их потомки в начале XX века занимались медным делом. Еще две семьи из Кашгара проживали в квартале Кассобон, к западу от Урдан кухна.

Арабы населяли кварталы Арабхона, помещавшиеся вне территории Қалъа, в старой части и Зардбед, Арабони боло и Арабони поён — на северо-восточной и восточной окраинах Канибадама. В начале XX в. основная часть арабов, проживавших в старом квартале Арабхона, переселилась в три последние квартала. Таким образом, в Канибадаме, как и в Ходженте арабы населяли по большей части кварталы, расположенные за пределами древних частей. Они занимались земледелием, животноводством, промыслами — выработкой кунжутного масла, выделкой кожи, извозным промыслом. Летом арабы переселялись в свои загородные дачи, расположенные в местности Галча-Мулло и вели там сельское хозяйство.

По статистическим сведениям и этнографическим материалам ремесленники составляли преобладающую часть населения города Канибадама в конце XIX — начале XX вв.

Из 44 кварталов Канибадама 36, т. е. более половины всех хозяйств были ремесленно-торговыми. Из 2410 хозяйств, перечисленных нашими информаторами, 1162 (или 49,8%) занимались ремеслами, 168 торговлей (или 6,5%), 708 земледелием (или 29,3%). В отличие от г. Ура-Тюбе здесь большинство ремесленников круглый год, не выезжая в загородные сады, занимались своим ремеслом. Лишь немногие из ремесленников и торговцев сочетали свое занятие с садоводством.

О значительном развитии многоотраслевого городского ремесленного производства свидетельствуют названия кварталов и улиц: Ранггрезон — красильщики, Кабудгарон — красильщики кубового крашения, Дукчигари — выделка веретен, Чармгари — кожевенный промысел, Дегрезон — литейщики чугунных изделий, Охангарон — кузнецы, Кордгарон — ремесло по изготовлению ножей, Кулолон — гончары. Ремесленное производство города состояло из 8 главных отраслей, которые членились на 79 специальностей. По количеству занятых ремеслом лиц, в Канибадаме, как и в Ходженте и Ура-Тюбе, первенствовала обработка волокна.

Ремесленники Канибадама выделывали как бумажные, так и шелковые ткани. В обработке шелкового волокна выделялось четыре специалиста: размотчик коконов — «пиллакаш», сновальщик — «давракаш», ткач, вырабатывающий бекасаб — «бекасаббоф», ткач, вырабатывающий канаус — «шохибоф». По опросным сведениям, в дореволюционном Канибадаме 300 ремесленников занимались обработкой волокна.

Обработка кожи в Канибадаме начала XX в. явилась вторым по значению промыслом. Им было занято 212 человек. Третье место среди промыслов в городе по численности ремесленников занимала обработка пищевых продуктов. Методом опроса нами установлены имена 173 ремесленников, занятых в дореволюционном Канибадаме пищевыми промыслами. Строительным делом в изучаемый период в городе занимались 150 человек. Нами выявлено также 56 мастеров, занятых в дореволюционном Канибадаме другими промыслами: выделкой различных орудий труда из металла, предметов домашнего обихода и быта.

Изделия городских ремесленников, главным образом удовлетворяли потребности населения сельского района. Обувь, пищевые продукты, чугунолитейные предметы, изготовленные в Қанибадаме, шли на вывоз в соседние Исфаринский, Аштский районы и в горные киргизские аулы. Однако и в этих отраслях не возникли капиталистические мануфактуры. В наиболее крупных мастерских по обработке кожи и выделки обуви работали не более 5—6 наемных и семейных работников. Чугунолитейщики при литье изделий объединялись в «алгов» — артели по совместному выполнению работ.

Город Қанибадам являлся значительным торговым центром Ферганской долины. На его рынке осуществлялся обмен ремесленных, земледельческих, скотоводческих продуктов между городом и жителями прилегавших к нему оазисов и правобережной скотоводческой округи, а также киргизских аулов Ляйлакского района. Наряду с фабричными тканями, мелочным, галантерейными изделиями, местными шелковыми и бумажными материями, а также обувью, важное место в торговле Қанибадама занимала продукция сельского хозяйства: хлопок, урюк и зерно. Большое значение здесь имела торговля солью. Много соли добывалось в месторождении Аксукон около городка Қамышкурган Аштского района. Она реализовывалась преимущественно через Қанибадамский рынок. Особые категории торговцев составляли «нахтачаллоб» — скупщики хлопка, «қоқчаллоб» и «вагончй» — оптовые скупщики урюка и «қокфуруш» — продавцы урюка. Много торговцев было среди возчиков, так называемых «аробакаш». Этот термин означал одновременно и собственно возчика и владельцев упряжек, нанимавших возниц и богатых торговцев, занимавшихся не только перевозкой, но и торговлей товаров между микрорайонами, районами.

Земледельческое население г. Қанибадама занималось возделыванием хлопка, зерна, выращиванием абрикосов. Все эти отрасли имели промышленный характер.

Таким образом, совокупность данных, приведенных нами, позволяют, вопреки дореволюционной царской статистике, считавшей Қанибадам конца XIX — начала XX вв. «большим кишлаком», причислить его к городу. Это доказывается тем, что подавляющая часть населения Қанибадама, отделившись от земледелия, занималась многоотраслевым ремесленным производством, удовлетворяющая потребности жителей сельскохозяйственной округи.

ПРИГОРОДНЫЕ СЕЛЕНИЯ КАНИБАДАМА

Пригороды Қанибадама состояли из десяти селений и одного дачного места. Из них восемь селений располагались по главному торговому пути Ферганской долины, прилегавшему к северу от города. При этом селение Қайрогочи с севера прилегало к Қанибадаму, три селения на северо-востоке группировались вокруг торгового селения Қалпаса и два селения на северо-западе окружали другое торговое селение Шахид кара-яптак. В конце XIX в. по территории пригородов Қанибадама прошла железная дорога и около селения Шахид кара-яптак возник станционный русский поселок Мельниково. Он стал важнейшим пунктом ввоза промышленных изделий и вывоза сухофруктов, хлопка в Қанибадамском районе.

Неподалеку от Қанибадама лежал кишлак **Қайрогочи.** По преданию, он был основан в конце XIX в. неким Шарифом, уроженцем узбекского кишлака Қайрогоч Бешкентского оазиса Ходжентского района. Сейчас в кишлаке Қайрогочи живут его внук и правнуки, которые освоили таджикский язык. Другая группа таджиков в конце XIX в. переселилась сюда из города Қанибадама, так как здесь раньше находились их сады. В статистических обзорах, данные о численности населения кишлака Қайрогочи нами не обнаружено. По опросам, в начале XX в. в нем проживало приблизительно 200 человек. Жители сеяли хлопок, зерно и бахчевые. Садоводство и виноградарство не было распространено. Женщины для нужд семьи занимались промыслом по очистке хлопка от семян и прядением нитки.

Торгово-ремесленное селение **Қалпаса** находилось при дороге Қанибадам — Қоканд. В центре селения располагался базарчик, обслуживавший население Қалпаса и прилегавших к нему кишлаков и путников. Основным населением были таджики. Жили также узбеки «баявут» и «уязы», цыгане. Таджики и узбеки занимались земледелием. Ремесленников было мало. Они выделывали бумажные материи по заказу и для продажи. Ремесленники-цыгане изготавливали щепные изделия.

Соседний с Қалпасой **Халта-кишлак (или Ойим-кишлак)** по преданию возник в первой половине XIX в. на вакуфных землях городского медресе Ойима. Жители образовывали один приход. Население состояло из двух этнических групп. Преобладали таджикизировавшиеся «тюркн» и узбеки группы «кипчак». Жители занимались хлопководством, сеяли зерновые хле-

ба и разводили овощи. Из промыслов было распространено ткачество. Выделывали бумажные материи для себя и по заказу соседей.

К северо-востоку от Калпаса на побережье Сыр-Дарьи, при главной дороге Канибадам — Коканд располагалось селение **Патар** («потар» буквально «мокрые ноги»). По преданию, раньше кишлак Патар находился несколько западнее — в зоне сырой болотистой местности, что заставило население переселиться ближе к большой дороге. Кишлак Патар делился на три квартала: Дашт-Махалла, Паст-махалла, Чукурак-махалла. В Патаре как и в селении Калпаса имелись торговые лавки и караван-сарай. Сведений о количестве жителей селения Патар нами не обнаружено в статистических обзорах. По опросным данным, Патар являлся большим селением, где проживало более 500 человек. Население состояло из таджиков — потомков выходцев из Чорку и Воруха, узбеков из Заамина и андижанского селения Бутакаро и арабов. Все они говорили на узбекском языке. Занимались рисосеянием в прибрежных землях. На других участках выделывали хлопок, джугару, бахчевые культуры. Мужчины ткали бумажные материи по заказу и для продажи. Большинство арабов были погонщиками караванов. Их женщины выделывали из верблюжьей шерсти паласы, мешки и вили веревки.

Селение **Яккатерак** («одинокий тополь») являлся крайним населенным пунктом северо-восточной окраины Канибадамского оазиса. Оно располагалось при дороге Канибадам—Коканд. В селении имелись торговые заведения — лавки, чайханы, караван-сараи. Его население сложилось из таджиков — переселенцев из исфаринских кишлаков Кушдевор, Зардхок, которые происходили из Матчи, а также бешарыкских узбеков. Жители занимались земледелием, из промыслов — домашним ткачеством. Яккатерак, как и селения Калпаса, Патар, Халта-кишлак в сезон сельхозработ часто посещали ремесленники из города Канибадама — кузнецы, точильщики, гончары, пекари, кондитеры, которые продавали земледельцам свои изделия, на местах выполняли работы (например, точили), принимали заказы.

Группа трех селений образовалась при дорогах, идущих в Ходжент, Коканд и Ашт к сеевро-западу от города Канибадама.

Селение **Шахид кара-янтак,** по преданию возникло в XIX в. в степи, покрытой верблюжьей колючкой — «янтак», около кладбища павших — «шахид» при кипчакской резне (Наливкин, 1913,

с. 21—23). Как передают старожилы, некий Рахим-улик получил разрешение кокандского хана на поселение сюда своих сородичей-кочевников из зимовья в урочище Тумак, располагавшегося в 6 км к западу от нынешнего Шахид кара-янтак. В Шахид кара-янтаке появился небольшой базарчик, которым пользовались не только жители соседних кишлаков, но и путники. В нем как и в базарчике Калпаса главными предметами сбыта были мясо, чай, необходимые товары для повседневной жизни.

Селение Шахид кара-янтак состояло из четырех кварталов: Бешкал, Какир, Таджик-махалла, Новбоши. Население состояло из таджиков и узбеков. Среди последних выделялись группы «кипчаков» и «курама». Таджики и узбеки занимались земледелием, ткачеством по заказу и для продажи, и плотничным делом.

С северо-востока к Шахид кара-янтак прилегал кишлак **Курганча (или Шахид-курганча).** По преданию, его основали в первой половине XIX в. полуоседлые узбеки «баявут» и «уязь». Курганча накануне революции состоял из 15 дворов и приблизительно 100 жителей. Они занимались хлопководством и зерноводством.

На расстоянии 2 км к западу от Шахид кара-янтак располагался кишлачок **Туткавола** (или Калъачаи кипчак) с узбеками «кипчак». По опросным сведениям, в начале XX в. в нем жили примерно 100 человек. Они имели родственные связи с узбеками кишлака Хами джуй, который раньше находился рядом. Но болотистость местности вынудила население Хами джуй переселиться на юг, в предгорье Канибадамского района.

К западу от Канибадама находились только два пригородных селения.

Кишлак **Тагай-куйчи,** по преданию, был основан пастухом по имени Тагай, получившим от ханских властей разрешение на проведение небольшого арыка и использование орошаемой земли под земледелие. Кишлак состоял из трех кварталов: Юкори-махалла, Куйчи-махалла и Ходжа-махалла. Население было смешанное. Кроме узбеков — потомков Тагай-куйчи в нем жила другая группа узбеков, переселившихся из селения Патар. Юго-западная часть Канибадамского оазиса, в том числе и земли Тагай-куйчи была хорошо обеспечена водой. Здесь было много родников и влажная почва. Поэтому одним из важных занятий населения являлось рисосеяние. Возделывали также зерновые, местный сорт хлопка, выращивали сады. Вырабатывали бумаж-

ные ткани и растительное масло для себя и по заказу соседей.

Второй западный пригородный кишлак **Шукурган (или Туракурган)** основался вокруг старого одноименного укрепления у подступов Канибадама. Название Туракурган, объясняют тем, что здесь жил влиятельный род ишанов, происходивших из г. Ходжента. Ныне руины этого Кургана находятся в центре современного кишлака, при дороге Канибадам — город Кушкак. Там также находились торговые лавки и чайханы. Шуркурган разделялся на три квартала: наиболее старый западный — Курган-ичи, средний Ошхур-махалла и восточный Араб-махалла. Население состояло из таджиков, узбеков, происходивших из селений Чурбак Бешкентского оазиса Ходжентского района и Тагоб Бешарыкского района и арабов. Жители говорили и по-таджикски, и по-узбекски. Общим для всех занятием было зерноводство, садоводство и домашние промыслы по выделке бумажных материй.

К востоку от Канибадама, пригородных селений не было. Однако в этой стороне располагалась основная часть садов горожан из земледельческих кварталов. Одно из дачных мест горожан являлось Галча Мулло, лежавшее по дороге Канибадам-Рават. В дореволюционное время здесь и вели летом хозяйство узбекоязычные арабы из кварталов Зардбед, Арабони боло и Себахша города Канибадама. По словам старожилов, первым начавшим сюда выезжать еще в XIX в. был мулла — таджик-горец — «галча», потомки которого в начале XX в. составляли одну семейно-родственную группу. Главами арабов — «тўпи арабон» были Фазилбаба, Турсунбой-аксакал, Бобо Навруз. Традиционным занятием арабов являлось возделывание товарного хлопка, джугары, проса, бобовых, промышленное садоводство, особенно сушка урюка, сев озимой пшеницы. Зиму проводили в городе. Большие поливные земли принадлежали богатым владельцам Мурадбою, Шади-арабу, Ходжи Алиму. Их земли обрабатывали издольщики.

Около 15 хозяйств арабов земледелие сочетали с погоней верблюжьих караванов в Ходжент, Коканд, Исфару. Так, в Исфару они возили хлопок, соль, промышленные товары, оттуда привозили уголь, кунжутное масло, урюк. Арабские женщины выделывали шерстяные переметные сумки и большие мешки для перевозки и хранения грузов.

В южном предгорье Канибадама располагалось небольшое количество пахотных земель для богарного зерна. Там также собирали топливо и различные лекарственные растения.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДРАЙОН И МИКРОРАЙОНЫ КАНИБАДАМА

К западу от Канибадама и его пригородных селений, при дороге в Ходжент образовались экономический подрайон и микрорайоны с центрами в Кушкаке, Махраме и Каракчикуме. Они являлись также перевалочными пунктами караванной торговли. Сложение экономических подрайона и микрорайонов по направлению торгового пути в Ходжент, а не в Коканд, свидетельствует о значительных связях Канибадама с первым. Немаловажным фактором в развитии экономических единиц Канибадама были южные горные киргизские аулы Лайлакского района.

Городок **Кушкак** (правильно Кушкак — «маленький замок», а не Кучкак) в дореволюционный период являлся торгово-ремесленным центром экономического подрайона, куда входили селения Хами джуй, Дашт кара-янтак, Ботур-курган, Бекабад и киргизская скотоводческая округа. Кушкак располагался по обеим сторонам большой дороги Канибадам — Ходжент, от которой на территории городка отходили многочисленные улицы и переулки.

В центре Кушкака находился базар с 20 торговыми лавками, где продавались местные и привозные ткани, галантерейные изделия, пряности, а также мясо. Отдельно стояли три кузницы. Здесь же помещались три чайханы и три пекарни. Главными предметами торговли являлись хлопок и зерно, а также скот и ремесленные изделия. В неделю один раз, в пятницу продавать и покупать на Кушкакский базар приезжали жители из прилегавших кишлаков и соседних микрорайонов и Ляйлакского района. В остальные дни действовали торговые лавки городка. Старый Кушкак состоял из трех частей: западной — Мазар-куча, средней — Урта-махалла, восточной — Тошлок-махалла. Их жители объединялись в 23 отдельные прихода. В 1871 г. в Кушкаке насчитывалось 159 дворов (ЦГА Уз. ССР, ф. 276, оп. 1, д. 123, л. 100), в 1880 г. — 192 двора и 960 человек, в 1907 г. — 417 дворов и около 3,3 тыс. человек, в 1917 г. — 613 хозяйств и более 3 тысяч человек населения (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, д. 28098, л. 5; Список, 1909, с. 56; Материалы, вып. IV, 1924, с. 34). Этнический состав населения был пестрый. Здесь жили узбеки группы «кипчак», «баявут», «уязь», «минг», таджики родом из Воруха, узбекоязычные арабы, а также киргизы. Производили товарный хлопок и зерно, занимались шелководством. Кушкакские ремесленники выделывали бумажные материи, обрабатывали кожу, изготовляли обувь, занимались плотничным делом.

Их изделия покупали жители подрайона и горные киргизы. В 5 км к югу от Кушкака добывался алебастр — «гач», который наряду с коконами, выращиваемыми здесь, вывозился в Канибадам и Ходжент. Например, в 1913—1914 гг. под руководством кушкакского мастера Мавлон-саркора здесь был приготовлен алебастр для ремонта мечети Шайх Маслихатдин в г. Ходженте. По землемерной съемке угодий, произведенной в 1880 г. в Кушкаке под усадьбами, садами и огородами значились 145 десятин 720 сажен, под домами — более 224 танапов. Всего удобной земли было более 1185 десятин (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 281, л. 5).

К Кушкаку с востока тяготели кишлак **Хами джуй.** Он располагался у извилины, образованной магистральными арыками оазиса и это отразилось в названии кишлака («извилина арыка»). Старый кишлак находился в километре ниже современного, вблизи пригородного кишлачка Туткавола. Жители Хами джуй из-за большой сырости вынуждены были переселиться выше, к подножью южных холмов. Население расселялось в четырех кварталах: южный — Какир, центральный — Урта-махалла, восточный — Кунчикар-махалла, северный — Паст-махалла. В центральном квартале находились торговые лавки и чайханы. В восточном квартале жили таджики, в остальных узбеки этногруппы «кипчак». Последние имели тесные родственные связи с населением кишлака Туткавола такого же происхождения. В 1880 г. его усадьбы, сады и огороды в Хами джуй занимали 33 десятин 1000 сажен, но собственно садов и виноградников было очень немного (ЦГА Уз. ССР, ф. 281, оп. I ,д. 5).

К северу от Кушкака, в зоне присырдарьинской степи, в микрооазисах лежали тяготевшие к нему селения, в большинстве с узбекским населением, раньше ведущее полуоседлый образ жизни. Кишлак **Дашт-кара-янтак** населяли узбеки групп — «баявут», «кипчак», «араб». Усадебные постройки в 1880 г. в Дашт кара-янтаке составляли 43 танапа (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I,д. 281, л. 9). В соседнем кишлаке **Бекабад** жили узбеки группы «баявут». Огороды в Бекабаде составляли более 6 десятин, под усадебными постройками находились 28 танапов, под садами 166 танапов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 281, л. 8). Население ближнего кишлака **Ботур-курган** принадлежало к узбекам — «кипчакам».

Главные продукты сельского хозяйства кишлаков подрайона Кушкак, как хлопок, зерно реализовывались через базар Кушкака.

К западу от Кушкака, за полосой равнинной степи, лежал отдельный оазис, образовавшийся на землях орошаемых арыками, проведенными из речки Исфара. Там сложился микроэкономический район с центром в торговом селении **Махрам.** В этот микроэкономический район входило 4 селения. Узбекско-таджикский кишлак Махрам располагался в одном километре от крепости, построенной в начале XVIII в. по большой дороге Канибадам — Ходжент. На базаре имелось 26 лавок и два караван-сарая с 12 торговыми помещениями, сюда каждую неделю, два раза (Куи, 1876, год 19-ий, № 4) съезжались покупатели и продавцы ближайших кишлаков Канибадамского и скотоводческого Ляйлакского районов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп, I, д. 224, л. 32; Там же, д. 281, л. 8). Предметами торговли были скот, зерно и хлопок. Кишлачок узбеков группы «минг» — **Мингбой,** по устным сведениям информаторов в начале XX в. состоял из 40 дворов. Население соседнего кишлака **Ниязбек** относилось к узбекам группы «кипчак» и киргизам. В 1880 г. в кишлаке Ниязбек под садами, усадьбами было 125 десятин 2120 саж., под домами — 112 танапов, под клевером, дыней, виноградниками — 434 танапов, под паром — 1952 танапов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 281, л. 7). Соседний небольшой кишлак **Джигдалик** был малонаселенным, его жители занимались разведением мелкого рогатого скота.

О хозяйственных условиях Махрамской волости в архивном документе за 1880 г. отмечалось: «...имеет весьма неблагоприятные условия: почва наполовину солончаловая, орошения нет ни в одном кишлаке не только изобильного, но и достаточного для всего надела. Перелогов и паровых полей много. Преобладают посевы пшеницы и джугары. Рисовых полей в 1877 г. насчитывалось 136 танапов. Орошается волость от Исфаринско-Раватского сая арыками Кушкак, Каракчикум, Ниязбек, Махрам, Дашт кара-янтак и Ботур-курган» (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 281, л. 4). В самом селении Махрам в том же 1880 г. было 74 земледельческих хозяйств. Под усадьбами, садами находилось 164 десятин земли, под усадебными постройками — 65 танапов. Было также 146 десятин перелога и 559 десятин неудобной земли и 12 десятин казенной (Там же, д. 181, л. 7). Ремесленников в Махраме и его микрорайоне было мало. Они в основном работали по заказу, сочетая ремесло с земледелием. Ремесленную и торговую деятельность населения Махрамской волости отражает источник за 1871 г. Тогда в селениях Кушкак, Махрам, Каракчикум и в прилегавших к ним кишлаках действовали 31 мельни-

цы, 4 толчеи, 31 маслобойка, 4 гончарные и одна мыловарная мастерские. Торговцев овощами было 6 человек, мясников — 18, чайханщиков — 17 человек, торговцев чаем — 5, мелких лавочников — 88, торговцев тканями — «красным товаром» — 2, кошмами — 3, табаком — 2, посудой — 7. Ремесленников, работавших на рынок, насчитывалось: прядильщиц — 2, шелкомотальщиков — 2, ткачей — 2, медников — 4, пильщиков — 9, плотников — 4 (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 23, л. 64—69).

Каракчикум был одним из больших торгово-ремесленных селений, образовавшихся микрооазис и отдельный экономический микрорайон на границе Канибадамского района с Каракчикумской пустыней, растянувшейся к западу от городка Костакоз Ходжентского района. Селение помещалось в прибрежной части Сыр-Дарьи, а с юга к нему прилегали киргизские аулы, которые являлись для него важной экономической средой. Каракчикум раньше был перевалочным пунктом караванной торговли по маршруту Ходжент — Коканд (Ершов, 1960, с. 26—27). В конце XIX в. вблизи Каракчикума возник железнодорожный разъезд Веревкино. В селении по четвергам действовал базар, на котором была полтора десяток торговых помещений (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 207, л. 32). Предметами торговли были только сельскохозяйственные продукты. Население занималось товарным хлопководством, зерноводством, шелководством и ткацкими промыслами. В Канибадам и Ходжент вывозились хлопок, урюк, коконы. По плану 1880 г. в селении числилось под усадьбами, садами и огороженными местами — 199 десятин, под домами — 106 танапов, под клевером, дынями и виноградниками — 594 танапов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 281, л. 6).

В юго-восточной части Канибадамского района на выходе р. Исфарасай на равнину и перекрестке дорог в Канибадам, Исфару, Коканд и Бешарык находилось торговое селение **Рават**, образующее микрооазис. Рават являлся центральным водораспределительным пунктом. В селении постоянно жили старшие мирабы Канибадамского участка и Бешарыкской волости, руководившие многочисленными «мирабами» и «джуйбонами» (наблюдателями и сторожами арыков). У селения Рават на левом берегу речки находились водозаборные сооружения 12 каналов Канибадамского района. Само селение располагалось на левом берегу, на перекрестке дорог, лежавших на пути из Канибадама в Коканд и Бешарык. В центре находилось несколько караван-сараев, торговых лавок, чайхан. Преобладающим населением Равата являлись узбеки.

В начале XX века в Канибадамском районе при железнодорожной станции Мельниково и нефтепромысле Сельроха возникли русские поселки. Из них Сельроха стал значительным населенным пунктом, где в 1917 году проживали 139 хозяйств и 777 человек русского населения (Материалы, вып. IV, 1924, с. 34). Там действовали нефтепромысел и озокеритные копи т-ва «В. Алексеева». На последних в 1914 году работали 30 человек и было добыто 3,4 тыс. пудов озокерита (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 224, л. 4—5). Железнодорожные станции Мельниково и Веревкино стали важными экономическими пунктами ввоза и вывоза товаров на территории Канибадамского района.

Приведем статистические сведения о динамике численности населения в изученных нами поселениях Канибадамского района (ЦГА Уз. ССР, И-276, оп. I, д. 124, л. 100; ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, д. 28098, л. 5; Список, 1909, с. 53—56).

Селения	1871 г.	1880 г.		1907 г.	
	дворов	дворов	жителей	дворов	жителей
1. Халта-кишлак	15	24	120	174	620
2. Калласа	12	19	95	144	580
3. Патар	—	—	—	—	650
4. Яккатерак	—	—	—	44	200
5. Кайрогочи	—	—	—	30	—
6. Курганча	—	—	—	20	—
7. Шахид кара-[illegible]	30	62	310	413	935
8. Туткавола	—	—	—	35	—
9. Тагай куйчи	25	30	150	146	513
10. Шуркурган	32	42	210	79	645
11. Хами джуй	32	38	190	294	752
12. Дашт кара-антак	—	27	135	65	440
13. Бекабад	—	20	100	75	299
14. Ботур-курган	—	21	105	60	148
15. Махрам	—	74	370	551	1700
16. Мингбой	—	—	—	40	—
17. Ниязбек	—	73	365	270	1200
18. Каракчикум	—	88	440	360	1800
19. Рават	—	24	120	306	1600
Итого:	146	542	2615	3106	12082

Если в 1880 г. все 19 селений Канибадамского района относились к типу мелких поселений, то в 1907 г. из таковых остались 7 (36%), 7 селений являлись средними (36%), 4 крупными населенными пунктами (20,1%).

Выводы

Топография и сравнительная многолюдность г. Канибадама, его расчлененность на 4 части и 44 жилые кварталы, занятия населения в конце XIX — начале XX вв. показывает, что и по форме, и по содержанию это было городское поселение. Здесь в формах свойственных крупному ремесленно-торговому центру сложилась городская жизнь. В изучаемый период Канибадаму были присущи черты, которые отличали этот город. Важнейшей чертой было то, что в г. Канибадаме ремесло до известной степени отделилось от земледелия: ремесленники круглый год и в самом городе занимались своими ремеслами. В этом отношении Канибадам приближался к Ходженту и отличался от Ура-Тюбе. По численности населения, значению Канибадам был идентичен городу Чусту — центру таджикского района Северной Ферганы.

На территории Канибадамского района сложились один подрайон и три микрорайона. Центрами их являлись городок Кушкак, торгово-ремесленные селения Махрам, Каракчикум, Рават. Среди них две последние образовались в конце XIX — начале XX вв. как пограничные территориально-хозяйственные единицы — на стыке Канибадамского, Ходжентского, Исфаринского и Бешарыкского районов. Главными факторами сложения микрорайонов Каракчикума и Равата явилось внутреннее разделение труда, потребность к обмену земледельческой и ремесленной продукции и проходящие через них важные торговые пути.

Важная форма взаимоотношений населения города, экономических подрайона и микрорайонов и тяготевшей скотоводческой округи — рыночные связи наиболее четко проявились в Канибадамском районе. Между базарами г. Канибадама, городка Кушкак, торгово-ремесленных селений существовала тесная связь, которую осуществляли странствующие торговцы и ремесленники — отходники. При этом рынок г. Канибадама играл роль универсального торгового центра; на базаре Кушкак производилась купля-продажа сельскохозяйственных и ремесленных товаров; на базарах Махрама, Каракчикума совершался товарообмен сельскохозяйственных продуктов и повседневных предметов.

На территории Канибадамского района, прослеживался прогрессивный процесс перехода узбеков-полукочевников этногрупп «кипчак», «баявут», «уязь» и других к оседлому образу жизни. От окружающего таджикского населения они научились способу возделывания сельхозкультур, зерна, хлопка, риса. Однако долгое время садоводство, виноградарство, шелководство являлось уделом только таджикского населения. С изменением характера хозяйства, бывшие полукочевники переходили от полуоседлого типа поселения — «курган», «курганча» окруженные высокими глинобитными стенами к стационарным населенным пунктам, аналогичным таджикским кишлакам. Причиной образования многих кишлаков района, являлось именно этот фактор.

По своим размерам, селения Канибадамского района по сравнению с кишлаками Ура-Тюбе были более крупными. Следует отметить, что административно-культурные центры Каратегина и Дарваза по своим размерам не могли идти в сравнение с обычными селениями равнинных районов Северного Таджикистана. Так, в центре Дарваза — Калъаи Хумб в 1878 г. насчитывалось до 100 дворов, а в 1926 г. 323 человека (Таджики Каратегина и Дарваза, I, 1966, с. 77—80).

ГЛАВА V

НАСЕЛЕНИЕ ИСФАРИНСКОГО РАЙОНА

ГОРОД ИСФАРА

Город Исфара, единое целое, с которым представляет расположенное рядом селение Навгилем, относится к старым населенным пунктам, возникшим, вероятно, задолго до позднефеодального периода, которому посвящено это исследование.

Город Исфара возник в центре многоотраслевого земледельческого оазиса и тяготевшей к нему скотоводческой округи, на правом берегу речки Исфарасай, на месте скрещивания дорог округа и караванного пути между Канибадамом и Сохом. В топонимии Исфары сохранилось название дороги «Қашқарраҳа», которая, вероятно, являлась трассой старинного торгового пути, связывавшего Зерафшанскую долину с Кашгаром. Город занимал покатую на север подошву невысокой гряды Чилдухтарон и старые террасы обоих берегов речки Исфары. С запада и севера к городу прилегали сады, пашни, принадлежавшие горожанам и пригородный квартал Гунбази поён. Пологий склон южной гряды Чилдухтарон назывался «дашт» — степь.

Исфара, как и весь район, получал воду для питья и орошения полей из арыков, выведенных из Исфарасая. Каналы Паст и Курук (или Навотон) снабжали водой правобережную часть, Югрон — левобережье города. Они также орошали посевные земли. По сведениям 1917 г. арык Паст орошал всего 796,3 десятин земель, Навотон — 298,6 десятин, Югрон — 404.2 десятины (Современный кишлак Средней Азии, вып. IV, 1927, с. 29). Головные сооружения городских арыков находились выше Исфары, в урочище Мулдон, по обоим берегам речки Исфарасай.

Исфара и Навгилем составляют как бы две части одного города, из которых, видимо, более старым был Навгилем. На это указывают археологические исследования (Давидович, Литвинский, 1955) и деление на «шаҳр» — (город), которым считается

Навгилем и «шаҳрак» (городок) — собственно Исфара. По конфигурации, территория позднефеодальной Исфары составляла неправильный четырехугольник, перерезанный речкой на две неравные части. Ширина левобережной части Исфары была около 200 метров, длина более 2 км. Правобережная часть тянулась с запада на восток более чем на 4 км, а ширина составляла в среднем 1 км. Таким образом, общая площадь Исфары равнялась приблизительно 4,4 кв. километров или 440 га.[1]

Исфара пережила несколько периодов подъема и упадка. О позднефеодальном городе — «шаҳр» Исфаре (о Навгилеме — Н. Т.) анонимный автор первой половины XIX в., писал: «Род ханов Кокании, как сказано выше, происходит из поколения Мин и первоначально утвердился в Исфаре, городе некогда богатом и обширном, в это время (XVIII в. — Н. Т.) представлявшем одни развалины. Еще прадед нынешнего хана Абдурахман Батыр не имел другого владения, кроме этого города, лежавшего на юге от Коканда» (Обозрение Кокандского ханства, 1849, с. 192). Но уже, конечно, давно на первое место вышел «шаҳрак» Исфара, где сложилась городская жизнь. Тогда центр современной Исфары, называвшемся «калъа» был окружен крепостными стенами. А. Миддендорф, побывавший в 1878 г. в Ферганской долине, в своей книге упоминал об этой крепости Исфары (1882, с. 16).

По рассказам старожилов, к «калъа» с юга прилегала существовавшая в XIX в. «урда», в которой помещалась усадьба Исфаринского правителя, площадью около 0,5 га, расположенная на высокой террассе речки. «Урда» имела высокую массивную стену, в северной части которой находились ворота. Внутри размещались жилые и хозяйственные постройки, сад и пруд — «сархавз». При завоевательных операциях царских войск по району в 1876 г. генерал Скоболев использовал «урда» в качестве важного укрепления (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 316, л. 34—35), а затем там некоторое время размещалось правление Исфаринского уезда. В 1912—1914 гг. вместо развалившейся «урда» было построено здание европейского типа из жженого кирпича для волостного управления.

Центром дореволюционной Исфары был торгово-ремесленный комплекс — крытый пассаж с рядами торговых лавок и ремесленных мастерских, навесами для продажи продуктов и общественным домом — «такья». В 1871 г. в Исфаре отмечены 16 мяс-

[1] Обмер произведен автором.

ников, 6 чайханщиков, 42 мелких лавочников, 8 торговцев красным товаром, 5 торговцев кошмами, 3 торговца посудой (ЦГА Уз. ССР, ф. И-276, оп. I, д. 123, л. 66—67). В начале XX в. в Исфаре было 200 торговых лавок (Статистический обзор Ферганской области, 1909, с. 78), а в 1914 г. отмечено 209 торговых помещений (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 224, д. 32). Они действовали каждый день, а в среду проходил большой торг. В этот день сюда съезжались со всего района и из соседних киргизских аулов Лайлака и Боткента. Главными предметами купли и продажи являлись пшеница, рис, фрукты, продукты животноводства и ремесленные изделия. В Исфаре имелось 8 караван-сараев. Они размещались по главной улице, проходившей через ее обе части. В них имелись кельи для приезжих и склады для хранения товаров и продуктов.

На территории дореволюционной Исфары и Навгилема в начале XX в. действовали 20 чайхан. Основная их часть размещалась на базарах и по главным улицам. Старики рассказывают, что в первых чайханах, возникавших в конце прошлого века, воду кипятили в чугунных кумганах. Первый самовар в 1906 г. некий Абдугаффар-аксакал привез из Ташкента. Местный медник-умелец усто Суфи по образцу русского самовара сделал медный кипятильник, называвшийся «кумғон-самовар».

Позднефеодальный город Исфара состоял из двух частей — западной, называвшаяся, собственно Исфара или шаҳрак» (городок) и восточной Навгилем или «шаҳр» (город).

В определенной мере становление города Исфары XIX — начала XX вв. отражается в росте числа домов за этот период. По сведениям М. Бекчурина, в начале 70-х годов в «шаҳрак» было всего 200 домов (1872, с. 14), в 1878—1880 гг. 390 (ЦГА Тадж. ССР, ф. 34, оп. I, д. 5, л. 16; ф. 19, оп. I, д. 28098, л. 5), в 1907 г. — 750 дворов (Список, 1909, с. 52), в 1917 г. — 1051 хозяйств, в том числе на правобережье — 156 (Современный кишлак Средней Азии, 1927, с. III). В «шаҳр» в 1907 г. отмечено 228 дворов, а в 1917 г. — 460 хозяйств (Список, 1909, с. 52; Материалы, вып. IV, 1924, с. 27).

Обычной территориально-топографической формой поселения был жилой квартал, называвшийся в Исфаре «маҳалла». В дореволюционной Исфаре было 31 жилых кварталов: из них в «шаҳр» — 11, в «шаҳрак» — 20. Население ряда кварталов делилось на два и более приходов.

Группа соседних кварталов имела свое кладбище. По этому признаку, например, кварталы Исфары членились на четыре

группы: кварталы центральной и левобережной части хоронили на кладбище Хазрати Мулло; кварталы северной части, на кладбище Ходжиён; кварталы южной части на кладбище Саиди Сарбарахна; кварталы восточной окраины — на кладбище Чоргуристон.

В начале XX в. в Исфаре и Навгилеме — было 38 мечетей, по которым горожане делились на соответствующее число приходов. 11 мечетей построены в конце прошлого и начале нынешнего века. Соборными мечетями служили Калъа, Кутан, Ходжиён, Ходжаи Ихлос, Гузари эшон, Масчиди калон. Место молитвы в два годовые праздники — «намозгох» находилось в Навгилеме (Литвинский, 1953, с. 48).

В пределах Исфары действовали три медресе. Крупным и известным являлось медресе Абдуллахана в Навгилеме. По хронограмме медресе — «хайра макдам» — оно построено в 1585 — 1586 гг. Второе медресе, с 16 кельями и помещениями для занятий, располагалось в центре города, около мечети Калъа. В нем под руководством двух преподавателей обучались 26 студентов-муллобача. Третье медресе, имевшее 13 келий и помещений, насчитывавшее 23 студента и одного преподавателя, находилось в квартале Ходжиён.

На территории Исфары было разбросано много почитавшихся гробниц (мазаров), и кладбищ, являвшихся важными ориентирами при изучении динамики развития поселения. Одно из старых кладбищ располагалось на территории Исфары, около «урда» и крытого базара. При нем был мавзолей Ходжа Рукниддина (похоронен в 507 г. х-1112—1113 гг.), известный у населения, как Хазрати Мулло. Образовавшийся вокруг него квартал назывался Майдони Мулло. На востоке от мавзолея Ходжа Рукниддина, в квартале Гузари Эшон, находилась гробница Мавлоно Бобокалона, автора сочинения «Риёз-ул-марказин» (умер в первой четверти XII в.). Между кварталами Гузари Эшон и Майдони Мулло, по улице, идущей в Навгилем, стоял мавзолей Кутлугшаха (умер в 1203—1204 гг.). Гробница Ходжа Абдуллон Сурхи (умер в 1276 — 1277 гг.) с кладбищем, занимали участок в квартале Ходжиён, в северной части города. На южной окраине города находился мазар Шайх ул Исломи Балхи, прозванного Саиди Сарбарахна. Он был похоронен в 1476 г.[1] Большое кладбище, называемое Чоргуристон, размеща-

[1] Эти сведения любезно представил Ибин Ямин Исомидинов (1898 г. р.), проживающий в г. Исфаре. По его словам, они заимствованы им из агиографических сочинений.

лось на месте слияния «шахрак» и «шахр». На территории Навгилема, в его центральной и северной частях, были мазары Муйи муборак, Калъаи мадраса, Шахидон. Название мазара Калъаи мадраса показывает, что, возможно, здесь когда-то медресе было укрепленным. Одна, из почитаемых могил, приписывалась известному средневековому поэту Сайфи Исфаранги. Как видно из приведенных дат, образование мазаров, правильность которых следует проверять по другим источникам, территория Исфары и Навгилема была заселена и в середине века. Причем можно отметить, что наиболее древние мазары размещались на территории Исфары. Это позволяет предполагать древность образования здесь поселения, как крупного населенного пункта, вероятнее всего, как города.

Территория Исфары и Навгилема была занята городской застройкой, но имелись и большие участки садов и пашен — «боғу майдон», «хаёт», местности, поросшие тополями — «чакалакзор». За городом, в средней полосе Лякканской равнины, находились земельные участки горожан, называемые, как и в Ходженте, «замин», «майдон», «боғ». Летом горожане, имевшие землю, переселялись туда, занимались садоводством, возделыванием пшеницы, риса.

Исфару начала 80-х годов прошлого века, супруги Наливкины, наряду с Риштаном, Махрамом, Асаке и Узгентом, назвав кишлаком, отмечали, что все они, «по своим размерам и количеству населения, отнюдь не уступают таким городам, как Ош и Чуст» (1886б., с. I). Численность населения Исфары и Навгилема, характеризуется следующими цифрами: в 1880 г. в Исфаре было 390 дворов и 1950 человек (о Навгилеме на этот год сведение отсутствует), в 1907 г. в Исфаре — 750 дворов — 3950 человек и в Навгилеме — 228 дворов и 1200 человек населения, т. е. всего 578 дворов и 5150 жителей, в 1917 г. в Исфаре зарегистрировано 1051 хозяйств и более 6,7 тыс. человек, а в Навгилеме 460 хозяйств, более 2,5 тыс. человек населения, всего 1511 хозяйств и 9,2 тыс. жителей (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. I, д. 28098, л. 9; Список, 1909, с. 52; Материалы, вып. IV, 1924, с. 27—28). В статистических материалах данные об этническом составе населения отсутствуют. По собранным нами этнографическим данным, население Исфары и Навгилема в дореволюционный период было однородным и 99% составляли местные таджики.

Путем опроса старожилов, по каждым кварталам, нами установлено число хозяйств и их занятия для начала XX в. Этим способом в Исфаре выявлено всего 1032 хозяйства, из них 457 (или более 45%) занимались земледелием, 345 (или более 35%) — ремеслами, 73 (или более 7%) — торговлей. В Навгилеме — 450 хозяйств, из которых более половины занимались земледелием, 100 (или более 20%) — ремеслами, 40 (или около 10%) — торговлей. Всего в Исфаре и Навгилеме зарегистрировано 1482 хозяйства, из них 687 (или 40.6%) занимались земледелием, 445 хозяйств (или 30,7%) — ремеслами, 113 хозяйств (или 7%) — торговлей.

Земледелие в Исфаре было представлено такими товарными отраслями, как садоводство, рисосеяние и зерноводство, а в нижней Исфаре возделывали также хлопок. Верхнюю полосу Лякканской равнины и левобережья занимали сплошные массивы садов, главным образом, абрикосовых.

Из ремесел наиболее развитыми были пищевые промыслы. Статистические сведения 1881 г. отмечают в Исфаре следующее число мастерских выпускавших пищу и пищевые продукты: 4 пекарен, 6 мясных лавок, 10 мельниц, 15 маслобоек (ЦГА Тадж. ССР, ф. 34, оп. I, д. 104, л. 4, 5). В те годы на территории всего Исфаринского района действовали 31 мельницы, 31 толчея и 47 маслобоек (ЦГА Уз. ССР, ф. И-276, оп. I, д. 123, л. 64—65). По нашим этнографическим материалам, пищевыми промыслами в Исфаре и Навгилеме начала XX в. занимались 126 человек. Из них маслобойщиков было 30 человек, пекарей — 37 человек, мясников — 24 человека, поваров — 11 человек.

Второе место занимали строительные ремесла. В документах отмечено лишь 5 плотников (ЦГА Тадж. ССР, ф. 34, оп. I, д. 104, л. 4, 5), но по опросным данным в начале XX в. строительным делом были занят 51 человек.

Кожевенных мастерских в 1881 г. было 7, сапожных — 12 (Там же, л. 5). По опросным данным в городе обработкой кожи было занято 39 человек.

Некоторое развитие получила обработка волокна. В 70-х годах XIX в. в Исфаринском районе работали 8 прядильщиц, 3 шелкомотальщика, 3 красильщика, 40 ткачей (ЦГА Уз. ССР, ф. И-276, оп. I, д. 123, л. 68—69). В 1881 г. в г. Исфаре функционировали 29 мастерских, ткущих мату и алачу (ЦГА Тадж. ССР, ф. 34, оп. I, д. 104, л. 4), а в начале XX в. в городе было 32 ткача.

Из ремесел по обработке металла было представлено только кузнечное, медное и ювелирное дело. В 1871 г. в Исфаринском районе, работали 18 кузнецов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-276, оп. I,

д. 123, л. 68—69). Методом опроса на начало XX в. установлены имена 22 ремесленников-металлистов, выделывавшие кузнечные изделия, кожи, медные посуды и женские украшения.

Выделкой орудий труда и предметов быта в городе было занято 25 человек. На 1881 г. в г. Исфаре отмечено семь «арбакешных мастерских» (ЦГА Тадж. ССР, ф. 34, оп. I, л. 104, л. 4), а во всем районе — 14 таких мастерских (ЦГА Уз, ССР, ф. И-276, оп. I, д. 123, л. 68—69). Накануне революции ремесленников указанных специальностей, по опросным данным было 25 человек. Всего в Исфаре в начале века работало 6 гончаров.

Торговля в Исфаре, по сравнению с другими городами Северного Таджикистана, была менее развита. Кроме специализировавшихся мелких торговцев — «баккол», «аттор», «баззоз», главную отрасль торговли составляла и розничная и оптовая купля и продажа сельскохозяйственных продуктов. В руках оптовых торговцев-скупщиков урюка — «кокчаллоб», продавцов урюка — «кокфурӯш», сосредоточивалась торговля сухофруктами, а у продавцов риса — «биринчфурӯш» — торговля рисом, которая издавна шла на вывоз. Из ремесленных продуктов в другие районы и города вывозилось также, прекрасное по вкусу и качеству исфаринское кунжутное масло.

По документу за 1914 г. в Канибадамском участке, куда входил Исфаринский район, велась торговля следующими товарами: сушеного урюка было продано 318600 пудов на сумму 970050 р., изюма — 1400 пудов на сумму 5600 р., пшеницы — 19300 пудов на сумму — 3550 р., кукурузы — 450 пудов на сумму — 657 р., ячменя — 2400 пудов на сумму 2700 р., риса — 10,2 тыс. пудов на сумму — 30720 р., льняных семян (на масло) — 650 пудов на сумму — 1600 р., табака — 3 тыс. пудов на сумму — 15000 р., каменного угля — 500 тыс. пудов на сумму 100000 р., древесного угля — 16700 пудов на сумму — 16700 р., коконов — 3,4 тыс. пудов на сумму — 50000 р., хлопка, очищенного — 82 тыс. пудов на сумму — 890900 р., хлопка неочищенного — 300 тыс. пудов на сумму — 120000 р., алебастра — 30 тыс. пудов на сумму — 3000 р., баранов — 16,6 тыс. голов на сумму — 39000 р. ,(ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 224, л. 31).

Историческая топография Исфары, сохранившая следы прошлого, и изученная, по воспоминаниям старожилов, позволяет выделить разновременно образовавшиеся части сложного населенного пункта.

На территории, составлявшей Исфары и Навгилем, выделяются старые части — это «калъа» — крепость, действовавшая

еще в XIX в., и отмеченная в исторической литературе; «урда», видимо, находившаяся на месте древней цитадели; Калъаи ширеш, Калъаи мадраса — более мелкие укрепления внутри города.

Важными элементами исторической топографии являлись старые кладбища и мазары, древние из которых восходят к XII в. Наличие такого числа памятников средневековья в небольшом населенном пункте, свидетельствует о том, что он, в качестве города, существовал давно.

Жилой квартал в Исфаре, в отличие от Ходжента и Ура-Тюбе состоял из 2—3 приходов, но, несмотря на постройку новых мечетей, не членился. Возможно, эта устойчивость территориально-соседских связей у населения жилых кварталов Исфары, базировалось на земледельческом характере более половины хозяйств. Вместе с тем, определяющим, во всем облике Исфары, было городское начало. И в хозяйственной деятельности населения большое место занимали ремесло и торговля, отражаясь и на облике кварталов. В Исфаре четко выделяется два типа планировки кварталов: в торгово-ремесленных кварталах преобладали скученные домовладения, нередко дома с мансардой — «болохона», выходившей открытой стороной на улицу. У большинства торговцев и зажиточных кустарей «болохона» была обращена во двор наружной половины дома и использовалась как хранилище, товаров или продуктов, а также служила «мехмонхоной» — гостиной. Иным был облик кварталов населенных земледельцами: там большинство домовладений представляло собой усадьбы, отгороженные от улицы глинобитными заборами — «девори пахса», имевшие сады и огороды. Иногда такие кварталы не сливались в единую застройку, а отделялись от соседних кварталов участками садов. Такая полоса сельскохозяйственных угодий шла между Исфарой и Навгилемом. Преобладание в занятиях земледелия над ремеслом и торговлей отражались и на Исфаринском рынке. Число лавок, в которых продавались земледельческие продукты, было больше, чем лавок, торговавших ремесленными изделиями.

Топография городских и сельских поселений отражала в своих формах их историческое развитие, социально-экономический строй и иерархию феодального общества. Социальное положение владельца дома отражалось на благоустройстве или запущенности строений. Рядом с лачугами и их тесными двориками бедноты стояли высокие здания богатых жителей с комплексом дворовых построек, разделенные на внешнюю и внутреннюю части.

При доме был огород или сад. Внутренняя часть усадьбы, запрещенная для посторонних, называлась «харам». Социальное различие домов в кварталах Исфары больше бросалось в глаза, чем в других, изученных городах.

ПРИГОРОДНЫЕ СЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДРАЙОНЫ ИСФАРЫ

Пригородные селения и кишлаки средней и нижней Исфары образовывали единый экономический подрайон с центром,[1] в городе Исфаре — Навгилеме. Всего в этот подрайон входило 20 селений.

Первое пригородное селение **Кулканд,** согласно этимологии его названия, возникло на болотистом месте. По народным преданиям, это произошло, примерно, в начале XIX в. Первыми поселенцами Кулканда были выходцы из Воруха и города Исфары. Впоследствии, на восточной и северной окраинах современного селения, осели узбеки — выходцы из кишлаков Телов и Ултарма Бешарыкского района Ферганской долины. Наиболее старой частью селения считался западный квартал — Гузар, называвшийся также Исфара. Этот квартал делился на две части: Исфара и Калъача (или Калъачаи Солех-банги). Соседний квартал Калон также состоял из двух частей: Калон и Хушкак. Он был густонаселенным. В двух названных кварталах, размещались мелочные и мясные лавки, мастерские кузнецов. Третий северо-восточный, квартал — Узбек, делился на два прихода, называвшихся по месту происхождения прихожан Телов и Ултарма. Основным занятием жителей селения являлось рисоводство, возделывание пшеницы, ячменя, зигира, бахчевых, садоводство. Работали там свои и приезжие ремесленники, ткачи, плотники, сапожники, мясники, родом из г. Исфары, и гончары родом из городка Чорку.

В 4 км к востоку лежало второе большое пригородное селение — **Чилгазы.** Оно состояло из трех больших частей: западная — Шахрак, средняя — Навгилем, восточная — Калъа. Эти названия свидетельствуют о том, что Шахрак и Навгилем населяли переселенцы из двух частей города Исфары. Калъа, вероятно, когда-то представляла собой сельское укрепление, в котором население укрывалось в период междоусобных войн. Жители Чилгази делились на 15 приходов: Хушкак (так обычно называли мечеть без хауза), Ходжахо, Эшон, Калъа, Саркор, Ташматбой, Аброр, Турдикози, Шахрак, Мадгазиходжа, Узбек, и другие. В Шахраке и Калъа находились две кузнечные мастерские, торговые лавки и чайханы. Главным занятием жителей было зерноводство и садоводство, подспорьем служило ремесло: бумажное ткачество, плотничное дело, изготовление обуви. Особым промыслом было изготовление алебастра — «бӯрпазӣ», добываемого около селения Ганджак. Им занимались ремесленники — «бӯрпаз».

Кишлачок **Ганджак** (или Дурбон) располагался в 8 км южнее Чилгази, на склоне гор. Ганджак населяли киргизы-животноводы. Поблизости находилось известное месторождение строительного алебастра, откуда и пошло название селения.

К северу от города Исфары находился загородный квартал **Гунбази поён.** Он возник на месте загороднего дачного места жителей квартала Гунбаз дореволюционной Исфары. Постепенно там образовалось постоянное население. По устным сведениям, накануне революции в Гунбази поён имелось около 30 дворов земледельцев и ремесленников — ткачей.

На правобережной северной окраине средней Исфары находился кишлак **Кизил-пилал.** Население его сложилось из таджиков — переселенцев из города Исфары и узбеков, пришедших из селений Рабкон и Шаварди Бешарыкского района.

Шуртанг (или Шуркент) образовалось как селение в конце XIX века на основе летнего дачного места горожан. Сюда переселились некоторые владельцы дач из кварталов Ходжиён, Тухтакул и Гузари эшон, образовавшие таджикскую часть населения. Позднее поселились узбеки из кишлака Рабкан Бешарыкского района, которые в настоящее время перешли к таджикскому языку. Через него проходила дорога, соединявшая Исфару с Коканд ом. Шуртанг состояло из двух кварталов: Рохи калон или Махаллаи дашт и Даруни Махалла или Махаллаи поён. Занятием было рисоводство и садоводство.

Таджикский кишлачок **Сари даввон** также лежавший на небольшой дороге из Исфары в Коканд, располагался выше Шуртанга, у подъема к перевалу Карадавван через Гузлон. В начале века в Сари даввоне было 6 дворов и 64 человек жителей (Список, 1909, с. 52).

Кишлак **Офтобру** (солнечный, обращенный на юг), в соответствии с названием находился, как и выше описанные три селения,

[1] Список кишлаков Исфаринского района за 1909 г. нами выявлен в ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, оп. I, д. 199.

на солнечной стороне склона горы Гузлон. Жители расселялись в трех кварталах: западный — Курганча, средний — Исфара и восточный — Офтоб махалла. Курганчу населяли таджики — выходцы из Исфары и селения Зардхок, узбеки из кокандского кишлака Дилкушо и киргизы группы «кипчак». В квартале Исфара жили таджики, выходцы из города Исфары и из долины Соха, узбеки из Дилкушо, а в квартале Офтоб-махалла — киргизы группы «кипчак», рода «тукмак». В настоящее время они, как и многие киргизы Исфаринского района, узбекизировались и часть из них относит себя к узбекской нации. Жители кишлака Офтобру — узбеки освоили традиционные занятия исфаринских таджиков — рисоводство и зерноводство. Садов раньше в Офтобру было мало, даже тополь и ива встречались редко. Осевшие здесь бедняки — киргизы стали земледельцами: зажиточные имели стада и после зимовки в Офтобру отгоняли овец в горы Туркестанского и Алайского хребтов на весенние, летние и осенние пастбища Кех, Маданган, Зандалак и Лолак. Они содержали стада овец, табуны лошадей и верблюдов. Киргизы кишлака Офтобру вырабатывали бумажные материи, заимствовав это у соседей — таджиков. Киргизы ткали паласы, переметные сумки, чекмени, старухи — скорняки шили тулупы и вырабатывали бумажные материи, заимствовав это у соседей — таджиков. В некоторых дворах действовали маслобойни. Имелся один кузнец, который обслуживал односельчан и разъезжал по ближайшим кишлакам, обменивал свои изделия на зерно.

Близлежавший кишлак **Кушдевор,** его сады и пашни возникли в результате труда нескольких поколений, осушивших постепенно болотистую местность. Первыми сюда пришли переселенцы из селения Сабах в Старой Матче. Затем к ним присоединились пришельцы из Фальгара, с верхнего Зерафшана. По сведениям информаторов, жители Матчинского кишлака Сабах основали также селение Зардхок, в нижней Исфаре и Нурсух в Бешарыкском районе. Потомки переселившихся земляков, попав в разные места не утеряли связи друг с другом, нередко родственные и сейчас еще часто посещают своих родичей, живущих в селении Мастчойи и Говсавор в верхней Исфаре. Первые жители Кушдевора были зерноводами, охотились с помощью ловчих птиц. Постепенно научились выращивать сады и возделывать рис.

Кишлаки **Ляккан** (вероятно, из «Лаълкон» — россыпи рубинов) и **Каробоки** образовали небольшой отдельный оазис на восточной окраине средней Исфары. В Ляккане, жили таджики

и узбеки. В таджикском кишлаке Каробоки, в 1917 г. было 36 хозяйств и 149 человек. Воды в Ляккане и Каробоке было мало и жители занимались главным образом богарным зерноводством.

В левобережной части средней Исфары находились три селения. Первый кишлак — **Калъачаи дукчи** располагался к юго-западу от Исфары среди садов, полей, дачных мест горожан. По преданию, первым его поселенцем был Раджаб-дукчи (мастер-веретенщик) из Воруха, который оградил свою усадьбу глинобитными стенами. Затем пришел другой уроженец Воруха-Бобо Сабур. Население возделывало рис, пшеницу, выращивало сады, выделывало бумажные материи. Часть бедняков обрабатывали земли — земледельцев-ишанов из квартала Ходжиён г. Исфары.

В 6 км к северо-западу от этого селения, на левом берегу Исфарасая, у подножья кряжи Сурх находился кишлак **Калъачаи** мазар. Кишлак снабжался водой арыков Матпари и Югрон, выведенных из речки выше селения Калъачаи дукчи. По западной окраине Калъачаи мазор проходила большая дорога Исфара — Канибадам. Считается, что селение основано известным певцом-музыкантом Абдурахмоном Хафизом, по прозвищу Зебо-Пари, жившим в XIX в. Он был родом из Самарканда. Абдурахман Хафиз получил эту землю в качестве пожалования от последнего кокандского хана Худояра. Для защиты от разбойников, Абдурахмон окружил свои владения стеной, от которой, в настоящее время, сохранились отдельные части. Около крепости находился мазар Ходжа Абдулло Ансорий от которого кишлак и получил свое название. После присоединения Ферганской долины к России население стало расти и за стенами крепости возникли три новых квартала: Пушти калъа, Боло и Поён. Население кишлака Калъачаи мазор, составилось из таджиков-исфаринцев, узбеков из-под Коканда, Бешарыка и Яйпана и киргиз группы «кипчак», пришедших из Буджуна и Баткента. Население занималось рисоводством, зерноводством, садоводством, выработкой бумажных материй, изготовлением обуви и плотничеством. Все промыслы служили подспорьем в хозяйстве земледельцев.

Кишлак **Матпари** лежал на северо-западной окраине средней Исфары, на границе оазиса и предгорной степи. Селение состояло из двух частей: собственно Матпари (восточная часть) и Даханикул (западная часть). Через кишлак проходила дорога Исфара — Канибадам, вдоль которой располагались торговые лавки

и три караван-сарая. Сведений о численности населения этого кишлака, в статистических трудах не встречается. Его можно причислять к средним поселениям, население которых могло превышать 500 человек. Его население отличалось исключительной смешанностью. Среди жителей преобладали киргизы группы «кипчак», «найман», «тукмак», «джуй», «чапкилдик». Жили также таджики, родом из Исфары и селения Чилгази, в числе десяти дворов, и узбеки из Бешарыка. Население занималось земледелием и скотоводством. Сеяли зерно под дождь, на орошенных землях немного риса, разводили мелкий скот. Киргизки ткали паласы и ткань для чекменей, валяли кошмы.

В Нижней Исфаре было 7 селений. В их числе **Ханабад,** по преданию, был основан в XIX в. ишаном Касимходжой, родом из г. Ходжента, на землях пожалованных ему кокандским ханом. В начале XX в. население разделялось на три семейно-родственные группы — «ишаны», «исфаринцы» и «узбеки», выходцы из Кашкар кишлака Кокандского района. Каждая группа была расселена в определенной части кишлака. Все говорили и по-таджикски, и по-узбекски. Ханабад был самым верхним из селений, где было распространено хлопководство. На террасе речки сеяли также рис, а на богарных землях восточных холмов зерно. Было развито садоводство, особенно выращивание абрикосов. В крестьянских семьях выделывали бумажные материи, выжимали масло из кунжута и льна, были свои кузнецы и починщики обуви.

Пирдевак, расположенный ниже Ханабада являлся небольшим таджикским кишлаком, населенным выходцами из г. Исфары. Поселение образовалось вокруг мазара Пирдевак.

Входящий в ту же группу поселений **Киргизкишлак** возник на месте зимовки киргизских скотоводов, около нефтепромысла «САНТО» (современный Нефтеабад).

Кишлак **Зардхок** располагался на северной окраине Исфаринского района. Он был основан в прошлом веке поселившимися здесь таджиками из Старой Матчи. Главным занятием их было хлопководство, зерноводство и рисоводство. Возделывать рис они научились от своих земляков — матчинцев, обосновавшихся в кишлаке Кушдевор.

На тесной полосе левобережья речки, земель пригодных для обработки было немного. Поэтому эта часть мало заселена. Только в верхней, южной части этой территории, недалеко друг от друга, располагались два кишлака. **Калъаи араб,** по преданию возник вокруг укрепленной усадьбы некого араба-животновода. Население было смешанным. Здесь отмечены таджики, узбеки, пришедшие из канибадамского городка Кушкак и Бешарыкского Рабкана и киргизы группы «найман», переселившихся из соседнего Баткентского района. Первопоселенцы арабы в составе жителей не сохранились. Видимо, они смешались с другими группами. Это разное, по этнической принадлежности, население составляло один приход. Занимались хлопководством, рисоводством, зерноводством, садоводством и животноводством. Из промыслов была отмечена выделка бумажных материй и гончарных изделий. Гончарство ввели в Калъаи араб, как во многих других местностях Исфары, мастера из Чорку.

Кишлак **Баланд,** располагался на высокой террасе речки, занимая и подошву холма гряды Сурх. Рельеф местности отразился в названии кишлака («баланд» — высокий). Кишлак разделялся на три квартала: Даввони теппа, Норкузи и Баланд. Преобладали таджики. Они проживали во всех кварталах. Киргизы группы «найман» осели в квартале Норкузи. Занятием жителей было земледелие. В приречной зоне возделывали рис и хлопок, на склонах холма сеяли богарное зерно.

Приведем статистические сведения по изученным нами селениям средней и нижней Исфары (Список, 1909, с. 52; Материалы, вып. IV, 1924, с. 27—28).

Селения	1907 г.		1917 г.	
	дворов	жителей	дворов	жителей
1. Кулканд	212	1385	652	3300
2. Чилгази	225	1500	638	2900
3. Ганджак	—	—	27	142
4. Кизил-пилал	48	300	57	258
5. Шуртанг	24	108	33	107
6. Сари даввон	—	—	6	64
7. Офтобру	62	360	104	499
8. Кушдевор	55	330	70	429
9. Ляккан	105	630	81	948
10. Каробоки	—	—	36	149
11. Калъачаи дукчи	20	109	—	—
12. Калъачаи мазор	60	311	92	534
13. Матпари	—	—	—	500
14. Ханабад	60	500	84	415
15. Пирдевак	—	224	70	406
16. Киргизкишлак	16	63	31	185
17. Зардхок	47	282	—	—
18. Калъаи араб	16	96	54	330
19. Баланд	42	222	32	191
20. Гунбази поён	30	150	—	—
Всего:	1032	6570	2067	11277

Центрами Верхней Исфары были городки Ворух и Чорку, вокруг которых располагались киргизские аулы. Названные два городка образовывали каждый свой экономический подрайон.

Городок **Ворух** находился в теснине гор, на террасе сая Кшемыш, правого притока речки Исфарасай. Водозаборы двух главных арыков Воруха — Майдон и Тихидон находились выше городка. В центре городка по главной дороге располагались торговые ряды из лавок, где торговали фабричными и местными тканями. По вторникам здесь был базар на котором собиралось население со всех концов городка и из окрестных кишлаков и киргизских аулов. Торговля была меновая. Ремесленные изделия, зерно, рис, овощи, фрукты, обменивались здесь на шерсть, кожу. В другом конце городка по средам действовал скотный базар, куда окрестные киргизы пригоняли овец. По сведениям информаторов, городок Ворух делился на две большие части: западный — Майдон («абрикосовый сад») и восточный — Тихидон («внутренняя часть»). Каждая из частей состояла из отдельных кварталов, их было 12: Қалъача, Таги махалла, Сариканда Майдон, Қишлак Сари курум, Гузар, Кучаи боло, Кучаи шикори, Тихидон, Кучаи кози, Сари дашт. Каждый квартал составлял приход, со своей мечетью. По сведениям 1871 г. городок Ворух состоял из 250 дворов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-276, оп. I, д. 123, л. 101), в 1907 г. здесь было 680 дворов и около 3,4 тыс. человек населения, а в 1920 г. было зарегистрировано 901 хозяйств и более 4,7 тыс. человек населения. Ворух был сплош населен таджиками. Н. А. Кисляков записывал рассказы о том, что часть жителей Воруха происходила от переселенцев из матчинских кишлаков Водиф, Ди минора, Мадрушкат, Сабах, Пакшиф (I, 1954, с. 45). В городке проживало несколько семей киргизов, нанимавшихся пастухами. Несмотря на отдаленость Воруха от крупных городов, население в нем, как это обычно для городов было неоднородно по происхождению. Возможно, это связано с историей самого Воруха. Его население сформировалось в процессе переселений сюда горных таджиков из Матчи, а часть местных жителей переселилась в нижние кишлаки и другие районы: население ряда кишлаков верхней и средней Исфары, как и таджикских кишлаков Канибадамского и Кокандского районов Ферганской области, считают своих предков выходцами из Воруха.

Основу жизни жителей Воруха составлял земледельческий труд — зерноводство, в частности, рисоводство, садоводство и огородничество. Вместе с тем часть и имеющих землю и беззе-

мельных хозяйств занимались различными отраслями ремесленного производства. В дореволюционном Ворухе жили ткачи бумажных материй, красильщики, веретенщики, кузнецы, один медник, кожевники, ремесленники, выдлывавшие сапоги, кауши и чоруки, починявшие старую обувь ,строители — плотники, мастера по кладке глинобитных стен, мастера по алебастровым работам, камнетесы, гончары, изготавливавшие тандыры, маслобойщики, мясники, мельники, владельцы рисотолчей, кондитеры, пекари, повара, портные, работавшие на швейных машинах. Большинство ткачей и маслобойщиков работали не на рынок: их продукция шла для своей семьи, для родственников и знакомых, а для посторонних односельчан они выделывали продукты по заказу. Кузнецы и медники за точку орудий и их ремонт получали «кафсан», а за выделку нового изделия им платили отдельно, либо натурой, либо деньгами. Ремесленники, обрабатывавшие кожу, красильщики, гончары и другие мастера в основном работали по заказу и оплату получали соответствующим изделием или деньгами. Материал и сырье принадлежал заказчику. Так же по заказу работали плотники, кладчики глинобитных стен, штукатуры алебастра, портные, камнетесы, кондитеры. Их работа была сезонной, а в остальное время они занимались земледелием. В Ворухе проживали и торговцы — «баққол», «баззоз» и скупщики хлопка — «пахтачаллоб». Большую роль в торговых отношениях Воруха с Исфарой, Чорку, другими городами и районами играли «аробакаш» — возчики. Они возили рис, сухофрукты, урюк, из Воруха в названные города и селения и привозили оттуда пшеницу, ткани, ремесленные изделия, уголь, соль, керосин. К Воруху тяготели несколько селений и скотоводческая округа.

Кишлак **Тошкурган** (или Дахана) находился ниже Воруха, у узкого горного прохода Тангии Ворух, вдоль дороги связывавшей Ворух с селениями Исфаринского оазиса. В 1907 г. в Ташкургане было 35 земельных и, 16 безземельных дворов (Список, 1909, с, 53). Кишлак населяли киргизы, занимавшиеся животноводством, частично зерноводством.

Кишлаки **Мачойи** и **Говсавор** располагались по соседству к северо-западу от Тангии Ворух на левобережье речки Исфары. Дома сельчан тянулись вдоль большой дороги Ворух — Исфара. По преданию, предки населения кишлаков — таджики три поколения тому назад переселились одни из селений Сабах и Матче, другие из Фальгара. Население обоих кишлаков имело общение и родственные связи с имевшими то же происхождение жителя-

ми кишлаков Кушдевор и Зардхок в средней и нижней Исфаре и Яккатерак в Канибадамском оазисе. В кишлаке Говсавор кроме таджиков проживали и киргизы. Население занималось зерноводством, садоводством, позднее у жителей соседних таджикских селений научились огородничеству.

В верхней Исфаре был второй городок **Чорку**, расположенный на правой высокой террасе, у подножья горной гряды Шахча. Террасы речки между Чорку и Говсавор занимали рисовые поля, склоны холмов — богарные зерновые посевы, а кое-где и сады, принадлежавшие населению Чорку и Говсавора. Чорку делился на две части: западная, прибрежная — Лаби Дарьё и восточная, высокая — Какир (каменистое место). Городок орошали два арыка — Дам и Кодон и несколько родников. По своей планировке Чорку приближался к поселениям городского типа. Наиболее старым местом Чорку считался Сари хисор (начало крепости,), которое входило, якобы, в одну из бывших четырех его частей (отсюда название Чорку — «Четыре улицы»). В его центре — на перекрестке четырех улиц, располагался рынок, где были товарные ряды, состоящие из 40 торговых помещений (ЦГА Уз. ССР, ф. И-300, д. 224, л. 32). Здесь располагался один караван-сарай и несколько чайхан. На рынке, в четверг, происходил большой торг, остальные дни были открыты лавки. Отдельно в городке, по средам, действовал скотный базар. Городок состоял из 17 жилых кварталов: Лангари мазор, Ходжиён, Холиссон, Гузари боло, Гузари поён, Сари баланди, Сари постон, Сари бозор, Сари хисор, Мирзохо, Зочол, Кунджак, Чалиён, Курук, Миёна, Чакалак. В 1871 г. Чорку состоял, примерно из 200 дворов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-276, оп. I, д. 123, л. 101). По точным сведениям 1907 г. Чорку имел 316 дворов и более 1,7 тыс. человек, а в 1917 г. — 643 хозяйства и 4060 человека населения (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. I, д. 28098, л. 9; Список, 1909, с. 53; Материалы, вып. IV, 1924, с. 27). Все были таджиками. Несколько семей происходили из Канибадама, Ашта, Чурбака. Наряду с главным занятием — земледелием (возделывались рис, пшеница, выращивались фрукты, производились коконы), значительное число жителей занималось многоотраслевым ремесленным производством и торговлей. Ремесленники вырабатывали пряжу, бумажные материи, выделывали кауш, сапоги, ичиги, кузнечные, медные изделия, ножи, гончарную посуду, занимались плотничным делом, производили кладку глинобитных стен, шили одежду, изготавливали бумагу, седла, веретена, части мельницы, ристолчеи. Они обслуживали односельчан, жите-

следует выделить производство бумаги, которая вывозилась в Коканд, частью в Бухару. В 1881 г. в Чорку и пригородном селении Исфары — Калъачаи дукчи действовали три мастерские, лей окрестных таджикских кишлаков и киргизских аулов. Особо выделывавшие тряпичные бумаги (ЦГА Тадж. ССР, ф. 34, д. 104, л. 9—10). В. К. Розвадовский отмечал в Чорку существовавшие «более 200 лет» две мастерские «когоз обждувоз» (1916, с. 14). А. А. Семенов считал, что возникновение производства писчей бумаги в Кокандском ханстве в поздее средневековье обязано «вольным эмигрантам», которые во второй четверти XVIII в. покинули охвативший смуту Самарканд (1963, с. 8). Чорку также был известен и как центр керамического производства, обеспечивавшей своей продукцией весь Исфаринский район, гончары, которого считались учениками мастеров Чорку. Часть населения Чорку занималась торговлей. Ремесленные изделия вывозили в окрестные кишлаки и аулы. Чорку считался перевалочным пунктом в экономических связях и переселениях между горной Матчой и Ферганской долиной. Ежегодно весной десятки матчинцев спускались с гор и через Чорку шли на поиски заработка в Ферганскую область. По возвращению в конце лета они опять через Чорку поднимались в свои горные кишлаки. Летом торговцы из Чорку и Исфары на лошадях, ослах и пешком через киргизские селения Рават и Лолак везли в Матчу ремесленные изделия, рис, пшеницу, соль, керосин, а оттуда пригоняли скот.

К Чорку тяготели шесть селений с разным по этническому происхождению и направлению хозяйства населением. Одним из таких был кишлак **Найман.** В кишлаке Найман раньше жили киргизы группы «найман». Они таджикизировались, однако и до настоящего времени некоторые семьи помнят о своем киргизском происхождении.

Таджикский кишлак **Сур** располагался у одноименного горного прохода — Тангии Сур. Кишлак делился на четыре жилые квартала: Калъаи шах, Гузар, Масчиди сурх, Башкир. Население каждой части состояло из крупной семейно-родственной группы. Сохранились смутные воспоминания о происхождении части населения из долины р. Сох, что подтверждают связи, которые жители Сура имели с Сохским селением Лангар.

В центральном квартале Гузар в начале XX в. находились 3 чайханы, пять мелочных и мясных лавок. Основным занятием являлось рисоводство, зерноводство, садоводство. В селении жили ткачи, производившие шелковые ткани и бумажные материи.

Таджикский кишлачок **Каробог** располагался по соседству с

Суром, ниже по течению речки. Лет 70 тому назад Каробог был густонаселен. После стихийного бедствия (на него с восточного холма обрушился селевой поток), селение так и не оправилось. Оставшиеся без крова люди переселились в соседние кишлаки Сур и Чоркишлак. В Каробог, видимо пришли новые люди. Население делилось на две группы («урук»): одну образовали выходцы из городка Воруха, другую из города Исфары. Занимались садоводством, рисоводством, зерноводством и огородничеством.

По соседству с Каробогом располагался киргизский кишлачок **Какир.** Его население принадлежало к группе «кипчак» и переселилось сюда в конце XIX века из находившегося по близости селения Самаркандак, относящегося к Лайлакскому району Киргизии. В восточной, высокой части территории селения скотоводы построили себе курганча — зимние стойбища. Основным занятием жителей было овцеводство. Летом овец пасли на горных пастбищах. Содержали также табуны лошадей. Меньшее значение в хозяйстве имело земледелие. Сеяли рис и богарное зерно. Из промыслов были известны тканье паласов, ковров и валяние кошм. Киргизы этого кишлачка имели хозяйственные и бытовые связи с таджиками Чоркишлака, Каробога и Сур, куда они отдавали девушек в жены.

Таджикское селение **Чоркишлак** в дореволюционных статистических сборниках названо Чоркуи хурд (малый Чорку) или Чор. По народному преданию, кишлак основан четырьмя переселившимися сюда жителями Чорку. Среди таджиков имелись женатые на киргизках. В 1871 г. в кишлаке отмечено 30 дворов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-276, оп. I, д. 123, л. 101), в 1907 — 25 дворов и 150 человек, в 1919 г. — 56 хозяйств и 360 жителей (Список, 1909, с. 52; Материалы, вып. IV, 1924, с. 28). Основным занятием являлось рисосеяние и садоводство. Ремесленники в Чоркишлаке занимались плотничным делом, изготовлением обуви, выделкой бумажных материй. На базары ходили либо в Исфару, либо в Чорку.

Ниже Чоркишлака лежал таджикский кишлак **Зумрадшох.** Часть жителей считает, что их предки пришли из Воруха. В 1907 г. в Зумрадшохе проживало 109 человек в 20 дворах, в 1917 г. население увеличилось до 40 хозяйств и 257 человек. Сеяли рис, пшеницу, ткали бумажные материи. Из города Исфары и Чорку приезжали работать кузнецы и мастера-строители. Ниже кишлака на обоих берегах речки, по местностям Калъаи боло, Пули хисор находились местные дачи горожан.

Приведем сведения о динамике роста населения селений верхней Исфары (Список, 1909, с. 52—53: Материалы, вып. IV, 1924, с. 27—28).

Селения	1907 г.		1917 г.	
	дворов	жителей	дворов	жителей
Ташкурган	51	280	—	—
Мастчойи	27	148	66	608
Говсавор	4	24	14	127
Найман	30	150	—	—
Сур	153	—	288	1700
Каробог	11	72	—	—
Какир.	20	—	—	—
Чоркишлак	25	150	56	360
Зумрадшох	20	109	20	257
Всего:	341	913	434	3052

В начале XX в. в Исфаринском районе появились поселения нового типа. При Шурабских угольных копях вонзик горняцкий поселок, в котором в 1917 г. было 25 хозяйств с населением 437 человек. По документу за 1914 г. в Шурабе действовали 6 шахт. Всего рабочих в Шурабе тогда было 231. В 1914 году они добыли более 1 млн. 816 пудов угля (ЦГА Уз. ССР, ф И-300, оп. I, д. 224, л. 4—5). Среди рабочих были таджики из города Исфары, городков Чорку и Ворух, русские и киргизы.

Таким образом, пригородные и более отдаленные поселения тяготевшие к Исфаре группировались в три отдельные экономические подрайоны. Наряду с внутренними экономическими связями между поселениями, входившими в каждое из них, важным фактором в их сложении и развитии являлись тяготевшие к ним скотоводческие округи.

Выводы

Выявленные и описанные нами элементы исторической топографии Исфары — старые части «калъа», «урда» и «калъаи ширеш», старые кладбища с мазарами XII—XV вв., место праздничной молитвы — Намозгох, наличие здесь медресе, свидетельствуют о том, что Исфара существовала как город в период средневековья. В его судьбах происходили изменения: когда-то более развитая часть — «шахр» — Навгилем, утратила свое прежнее значение и на ее место выдвинулся «шахрак» — собственное Исфара.

В конце XIX — начале XX вв. в Исфаре продолжался процесс градообразования, выразившийся в таких явлениях, как слияние двух прежде отдельных поселений — Исфары и Навгилема в один город, образование новых жилых кварталов, строительство мечетей, расширение базара, увеличение населения и рост удельного веса ремесленного производства в экономике горожан. Главным занятием горожан в Исфаре, в отличие от других городов, было земледелие, в частности, рисосеяние и садоводство. Этот факт говорил о незавершенности процесса становления города Исфары. Вместе с тем, именно садоводство и рисосеяние, по степени товарности, были сферой, в которой здесь зарождались элементы капиталистических отношений. Так, скупкой и оптовой продажей урюка занимались категории торговцев, среди которых в изучаемый нами период, появились крупные баи, не только скупавшие сухие фрукты, но и владевшие большими участками промышленных садов, где работали наемные садоводы и работники, собиравшие урожай.

Аграрная основа экономики Исфары проявилась и в характере, и значимости отраслей ремесленного производства. Важнейшие отрасли городского ремесла Исфары составляли пищевые промыслы, в частности, маслоделие, причем масло тоже вырабатывалось и на вывоз. Второе место занимали, получившие здесь развитие, строительные ремесла, игравшие важную роль в градообразовании.

Среди населенных пунктов, сложившихся в Исфаринском районе, выделились городки Ворух и Чорку, вокруг которых находились свои экономические подрайоны. Несмотря на рыночные связи между ними и городом Исфарой, экономические подрайоны Ворух и Чорку существовали обособленно от города. В этом проявилась некоторая особенность Исфаринского района, обусловленная элементами свойственного ему натурального хозяйства. Район распадался на три обособленных экономически подрайона, существовавших вне зависимости друг от друга, общий рынок в Исфаринском районе не сложился.

ГЛАВА VI

НАСЕЛЕНИЕ АШТСКОГО РАЙОНА

В конце XIX — начале XX вв. в Аштском районе, располагавшемся между Наманганом, Чустом, Кокандом, Канибадамом и Ташкентом, не было больших городов. Существовавшие в пределах района около 50 селений образовывали четыре экономических подрайона и два микрорайона, центрами которых являлись городки Ашт, Пангаз, Камышкурган, Шайдан и торгово-ремесленные селения Джаркурган и Пунук.

Городок Ашт был крупнейшим и древним поселением района. В X в. Ашт среди городов Северной Ферганы упоминал Мукаддаси (Бартольд, I, 1963, с. 220). Он располагался в предгорном оазисе нижней части долины Аштсая. Городок окружали низкие адыры и холмы, называемые Гозиджон, Тудаи Хасан, Кухи Лангар, Чилдухтарон и Гусфандсанг. Речка Аштсай, выходя из горного ущелья в 12 км выше городка, текла с северо-запада на юго-восток параллельно предгорным возвышенностям, ее воды разбирались по нескольким магистральным каналам и их ответвлениям. В самом Аште жили только зимой. Летом происходил массовый переезд жителей в сады, расположенные вокруг городка. На холмах и на предгорной равнине — «ёбон», лежавшей к востоку и югу от Аштa, в местностях, называемых Мулло Халим, Тудаи калон, Тудаи хурд, Манора, Шафтолутистон, Хонтак (вернее Хаётак), находились поля. Окраины городка по главной улице Аштa, в нижней южной части назывался Сойи хум, в северной высокой части — Хараки.

Ашт был важным торговым центром. По воскресеньям действовал один из самых больших базаров района, где были ряды бакалейщиков, мясников, продавцов пряностей, галантереи, тка-

ней, 8 кузнечных мастерских, одна ювелирная, две мастерские медников. Были отведены специальные места для продажи различной продукции местных земледельцев. При базаре функционировали два караван-сарая, несколько чайхан.

Большой наплыв покупателей из числа кочевого узбекского населения скотоводческой округи Аштского района, происходил летом, в период созревания славившегося аштского тутовника, который считался ценным съестным продуктом. Окрестные скотоводы привозили сало, масло и шкуры. Рис поступал на базар из Камышкурганского подрайона и кишлаков, расположенных на западном склоне Кураминского хребта. Приезжавшие отовсюду торговцы скупали аштские кузнечные изделия, сушеный тутовник и яблоки и вывозили их на другие рынки. Бойко действовали и местные странствующие торговцы — «раванда», «аробакаш», вывозившие кузнечные изделия и продукты земледелия Ашта в Коканд, Бешарык, Канибадам, Чодак, Пап, Чуст.

Городок Ашт делился на части: Ашти поён — нижний Ашт, Ашти миёна — средний Ашт и Ашти боло — верхний Ашт. Самым большим был нижний Ашт, расчленившийся на десять кварталов (Масчиди сафед, Етти уй, Гулхона (или Гилхона), Хонакох, Баланди, Сари бозор, Устоён, Калъаи Афросиёб). Кварталы располагались на обоих берегах речки. Средний Ашт состоял из трех кварталов (Чукурак, Баланди (или Ходжахо) и Санги кабуд), верхний Ашт также из трех (Кучаи козиён, Охон и Куча-махалла). В центре городка находился мазар Хашт-сахоба, известный своим резным михрабом (Пугаченкова, 1950, с. 33). Административно городок составлял раньше Нижнеаштское и Верхнеаштское сельские общества Аштской волости. В 1880 г. в них насчитывалось 522 двора (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. I, д. 427, л. 69). В 1907 г. в нижнем Аште отмечены 493 двора и 2170 человек населения; в Верхнем Аште 427 дворов и 1817 человек населения; всего в обоих частях 920 дворов и 3987 человек населения (Список, 1909, с. 120—121).

Основная часть населения занималась зерноводством: сеяли пшеницу и ячмень, масличные растения. Многие семьи имели сады, держали скот. Немаловажное значение имел извозный промысел. По словам Гафурджона Бузурукова (1895 г. р.), 36 арб с запряжкой постоянно курсировали между Аштом, Коканом, Чустом, Наманганом.

Городок Ашт широко славился своими мастерами — металлистами. Их изделия были известны и имели спрос по всем городам и крупным поселениям Ферганской долины и Ташкентской

области. Кузнечное дело являлось ремеслом около 40% хозяйств. Кузнецы работали и зимой, и летом, сочетая занятие ремеслом с сельскохозяйственными работами. Кузнецы работали не только дома. Большинство уходило на заработки в Ферганскую долину и Ташкентскую область и там занимались кузнечным делом. Возвращались к периоду посева или к уборке урожая. Часто отходники, открывшие мастерские в других городах и поселениях, там оседали, но сохраняли связи с Аштом, временами посещая своих оставшихся в городке родных. Группа отходников из Ашта в г. Ташкенте образовывала земляческое общество, во главе которого стоял таджик Акрам-Палван Аскаров, известный в литературе как любитель-археолог ,краевед и собиратель древностей (Лунин, 1960, № 6, с. 66—76). В Аште занимались медным и жестяным, плотничным делом, делали арбы, выделывали обувь. Женщины ткали бумажные материи. Одним из важных товарных промыслов была обработка плодов тутовника, их сушка и приготовление муки — «тут талкон», которая примешивалась к тесту и лепешки, выпеченные из нее были очень приятны на вкус. Из плодов тутовника также варили жидкие и густые сорта бекмеса — «ширин».

В экономический подрайон городка входили два микрорайона и селения.

Выше городка Ашт, по средней долине речки, располагалось селение **Оби Ашт.** В 1880 г там было отмечено 13 дворов, а в 1907 г. число дворов увеличилось до 19, а население — до 122 человек (Список, 1909, ст. 121). Оби Ашт был таджикско-узбекским кишлаком, население которого сложилось из переселенцев из Ашта и узбекских селений Ашаба и Кайрагач (в равнинной части края). После Пангаза и верхней части Ашаба, кишлак Оби Ашт являлся третьим местом, славившимся особым местным сортом красных яблок, вывозившихся далеко за пределы края.

Таджикское селение **Пискокат** находилось в горном ущелье в верховьях речки Аштсай. Селение располагалось на склонах холмов и по высокой террасе речки, образовывая три квартала — Боло, Калъа или Миёна, Поин. В 1880 г. его население составляло 85 дворов, а в 1907 г. — 154 двора и 586 человек. Пискокат населен таджиками. Жители занимались животноводством и садоводством. Отхожим специализированным промыслом большой части жителей служило хлебопечение во многих городах Ферганской долины.

Крайнюю северную окраину Аштского района занимала долина Пунуксая, которая тянулась с северо-запада на юго-восток.

В средней части ее образовался оазис с несколькими селениями. В центре оазиса по обоим берегам речки располагалось селение **Пунук.** Однако население пользовалось водой не горной речки, а родников, которых здесь было очень много, отчего это место называлось «чашмасор». Селение состояло из кварталов Джар, Тепна, Тошсанг, Калъа, Поин. В 1880 г. они объединяли 189 дворов, в 1907 г. — 227 дворов и 699 человек, в 1917 г. — 247 дворов и 897 человек населения (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. I, д. 427, с. 69;Список, 1909; Материалы, вып. IV, 1924, с. 441). Они были таджиками. Основные хозяйства были зерноводческими. Среди земледельческих продуктов Пунука особой славой пользовались плоды местного сорта лоха — «чигда». Они продавались как на базаре Пунука, так и на рынке городка Ашт. В микрорайон Пунука входили узбекские селения **Дахана,** в котором насчитывалось 70 дворов и 246 человек населения; **Сарвак,** в котором было в 1907 г. 102 двора и 447 человек жителей и **Купурукбоши,** состоявший в 1907 г. из 61 двора и 294 жителей.

На северо-восточной окраине Аштского района, в полосе равнины, вокруг многочисленных родников располагались 12 кишлаков с очень разнообразным населением. В них жили узбеки, тюрки и киргизы. В 1907 и 1917 гг. в них насчитывалось следующее количество дворов и населения (Список, -909, с. 120; Материалы, вып. IV, 1924, с. 26—27).

Название кишлаков	дворов	населения	дворов	населения	Преобладающая этническая группа
	1907 год		1917 год		
1. Акджар или Джаркурган	55	344	60	233	таджики
2. Сасык	28	166	25	96	киргизы
3. Калъа	15	106	17	68	таджики
4. Каракалпак	17	131	11	66	узбеки
5. Кирк-кудук	51	256	34	109	киргизы
6. Джигде	55	243	26	75	киргизы
7. Аккудук	51	325	26	82	киргизы
8. Ишан сады	28	131	16	46	киргизы
9. Сари камиш	28	126	29	166	таджики
10. Кайрагач	30	202	30	99	узбеки
11. Годж	56	340	30	94	узбеки
12. Афан	26	132	53	215	тюрки
Итого:	440	2502	357	1339	

Таджики и «тюрки» занимались земледелием и сельскими промыслами, узбеки и киргизы являлись скотоводами. Весной и летом они вели кочевое скотоводство в предгорьях Кураминских гор. Таким образом, экономический подрайон с центром в городке Ашт объединял два микрорайона с промысловым, земледельческим и скотоводческим хозяйствами.

В горном ущелье, на стыке Ферганской долины и Ташкентской области, образовавшийся здесь один из главных проходов Кураминского хребта сложился экономический подрайон с центром в Пангазе.

Городок **Пангаз** являлся самым верхним поселением Аштского района, причем одним из старых и крупнейших. Свое название городок, по преданию, носит со времен монгольского нашествия. По малодостоверной легенде, название Пангаз («Пангоз» «Понгаз», «Панҷгозӣ») является сокращением выражения «панҷсадгозӣ» (пятьсот воинов ислама).

Городок был окружен высокими горами и только в восточную сторону была открыта долина Пангазсая. Туда, к населенным пунктам Аштского района и главным путям Ферганской долины, лежала проезжая дорога. Выше Пангаза, на запад, дорога переходила в тропу, ведущую на перевал Пангаз, через который по главному Кураминскому хребту переходили в Ангренскую долину. За перевалом первый, верхний кишлак населяли выходцы из Пангаза. Как память о старинных временах, один из центральных кварталов Пангаза назывался Калъа. Это было старое укрепление, которое, как показывает название, было защищено стенами.

Из этого городка вышел известный таджикский поэт Маъдан (1762—1846 гг.), который в «Оде в честь устройства базара в Пангазе» воспел его благосостояние. Поэт отмечал значимость рынка для трудового народа. Это событие относится к концу XVIII в. (Маъдан, 1966, с. 74—75).

Базар действовал по пятницам (Статистический обзор за 1907, 1909, с. 78). Для обмена земледельческих и животноводческих продуктов на изделия ремесла сюда съезжалось население всех окрестных кишлаков, а через перевал приезжали и торговцы из Кураминского уезда Ташкентской области. Базар имел более 10 лавок, где продавались фабричные ткани, обувь, чай, халаты, зерно.

Топографически и административно городок раньше делился на две части — Верхний и Нижний Пангаз и каждая управлялась отдельным старостой. Из десяти жилых кварталов Пангаза

семь левобережных (Суджо, Хотхона, Устоён, Муллоён, Пушта, Ходжабек, Калъа) объединялись в Верхний Пангаз. Из них наиболее многолюдными были кварталы Пушта, где было три мечети и население делилось на три прихода, и Калъа с двумя приходами, которые назывались Калъаи сиёх и сафед. Три правобережные квартала Шахак, Бураки боло и Бураки поён образовали Нижний Пангаз. Эта часть была самой густонаселенной. В этих трех кварталах было 10 мечетей и жители объединялись в десять приходов. Таким образом, по структуре Пангаз являлся одним из старинных и крупных поселений Аштского района.

По сведениям 1907 г. в верхнем и нижнем Пангазе имелось всего 632 двора 3512 человек населения. Нередко в суровые зимы или при поздних заморозках происходил падеж скота, замерзали фруктовые деревья. В результате многие жители навсегда покидали родные места и переселялись в другие края. По сведениям наших информаторов, ряд таджикских селений западного склона Кураминского хребта, Ташкентской долины и Аштского оазиса основаны выходцами из Пангаза. Неурожай и голод 1917 года заставили тысячи бедняков-пангазцев покинуть кишлаки и через перевал перебраться в рисоводческие районы Ташкентской долины. Это переселение отразилось в переписи 1917 г. Хотя число дворов увеличилось и достигло 718, но население уменьшилось более чем на половину и составило 1667 человек. Все без исключения были таджиками. По одной версии, предки жителей кварталов Бурак, Калъа и Шахак были переселены Тамерланом из горного южного Таджикистана, из Дарваза. Следом дарвазского происхождения части населения считаются знаменитые пангазские красные яблоки — «сангсеб» и тутовник «тути Панғоз», саженцы которых будто привезены с их родины и выращены переселенцами. Действительно, в Дарвазе встречается сорт яблони «сангсеб» (Таджики Каратегина и Дарваза, I, 1966, с. 149).

Ф. Назаров, проехавший в 1813 г. через Аштский район писал: «Между сих гор разбросаны коканские селения восточных персиян, называемых гольчами, т. е. горскими народами, которые занимаются хлебопашеством и разведением фруктовых садов» (1968, с. 35).

Пангаз, сады и пашни его населения, орошался 8-ю арыками — Полуник, Кухшод, Дам, Согу, Патан, Солех, Козиён и Зарвот, выведенных из Пангазсая. Они были проведены по склонам гор. Такая планировка водной системы способствовала рациональному использованию воды, которой постоянно было недостаточно. Сады окружали городок, размещаясь выше и ниже жилой части, а дальше, поля располагались на склонах лесовых холмов, пастбища были расположены еще выше. Основным занятием населения Пангаза и жителей всей долины являлось животноводство, садоводство и хлебопашество. Разводили мелкий и крупный рогатый скот. Стадо каждого квартала выпасалось отдельно и их жители содержали по несколько пастухов. Среди пангазцев были богатые скотоводы, которые имели по две отары овец (по 500 голов в каждой). Жители городка выращивали яблоки, тутовник, абрикосы и грецкие орехи. Под дождь засевали пшеницу, ячмень, бобовые, в том числе «бурчак» (сорт гороха), в малом количестве лен — «зиғир» семена которых шли на масло. В сезон, свободный от главных занятий, сотни бедняков уходили в Ташкентскую и Ферганскую долины на работу, наниматься поденщиками. Они считались специалистами по рубке дров. Это было отхожим промыслом пангазцев, которых называли «сарчинчй» (от русского сажень — мера, который измерялись и дрова, и работа).

Наряду с сельхоззанятиями, которые составляли основу хозяйства пангазцев, в городке существовало товарное многоотраслевое ремесленное производство: обрабатывались металлы, кожа, волокно — шерсть, пух и хлопок, изготовляли щепные изделия. Женщины выделывали для себя и по заказу односельчан тандыры. Большое место занимала обработка плодов: яблок, тутовника.

К Пангазу тяготел кишлак **Хиштхона** (букв. «поселение, где изготовляли кирпич»), который располагался ниже городка по течению речки. Название селения отражало промысел его жителей. Хиштхона был так близок к Пангазу, что их пашни сливались. Наличие хорошей глины вблизи кишлака стимулировало развитие кирпичного производства и в кишлаке имелось несколько печей для обжига кирпича. Ремесленники в свободное от полевых работ время по заказу и для продажи изготавливали кирпичи. Согласно преданию, селение Хиштхона было основано жителями Пангаза. По устным сведениям, накануне революции кишлак состоял из 270 дворов.

Также одним из крупных таджикских селений долины Пангазсая являлся **Бободархон.**[1] Оно расположено на перепутье

[1] Возможно нахождение в узле важного пути среднеазиатского значения выразилось в его названии: «дархон» — исторический термин, означающий привилегированный, освобожденный от повинностей, налогов.

дорог, ведущих к Ташкенту и в Фергану и восточным кишлакам оазиса. Дорога вела через открытый круглый год перевал Кандир-давван в Ташкентскую долину. По ней шла миграция населения между Северной и Восточной Ферганой, с одной стороны, и Ташкентской областью, с другой стороны. Этот путь сыграл большую роль в развитии Бободархона, сделавшегося важным пунктом местной и транзитной торговли.

Вдоль дорог, ведущих к перевалам Кандир-давван и Пангаз, располагались 20 караван-сараев, в которых всегда было много путников, здесь останавливались верблюжьи караваны. Караван-сараи служили и торговыми помещениями — в них было около 30 постоянных торговых лавок. По вторникам в селении действовал базар, куда съезжались из окружавших городков.

Селение состояло из шести расположенных по обоим берегам речки жилых кварталов — «махалла»: Боло, Сари калъа, Пушти калъа, Сари джари, Санги ошикон и Поён. Наиболее густонаселенными были правобережные кварталы — Боло, Сари калъа и Пушти калъа. Эта старая часть селения некогда была укрепленной.

Но селение было не очень многолюдное: в 1880 г. было 44 двора, в 1907 г. — 80 дворов и 786 человек населения. Все оно было таджикским. Главным занятием были земледелие и скотоводство. Некоторые земледельческие хозяйства свои занятия сочетали с ремеслом. В Бободархоне были кузнецы, мастера, делавшие арбы, седельщики, ткачи, пекари, сапожники.

Небольшой кишлак **Сарой (или Сарай)** располагался в нижней части долины речки Пангаз в соседстве с Бободархон. Он получил название по расположенному в нем крупному караван-сараю с 10 торговыми лавками. Основан переселенцами из Бободархона.

Кишлак **Курук** находился у нижнего конца ущелья Пангаза, при выходе речки в предгорную равнину. В 1880 г. в нем отмечено 24 двора, в 1907 г. 53 двора и 257 человек, а в 1917 г. в нем отмечено 124 двора и 414 человек населения (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, д. 427, л. 69; Список 1909, с. 122; Материалы, вып. IV, 1924, с. 44). Главным занятием населения являлось земледелие.

К западу от долины Пангазсая, по долине маловодной речки Дахансай, протекающей с северо-запада на юго-восток, располагались 6 селений, образовавшие единый оазис.

У подъема на широко известный перевал Кандир-давван, у главного Кураминского хребта, в верховье Дахансая располагалось селение **Мулла Мир.** Пешим ходом от него за три часа в

хорошую погоду можно было миновать перевал и спуститься на западный склон Кураминского хребта, к селению Кушработ. Это положение селения на важной путевой магистрали определило его значение. Раньше вдоль главной дороги на западной части Мулла Мира размещалось 16 караван-сараев с постоялым двором, складом, харчевнями, лавками. По четвергам при караван-сараях происходил небольшой базар.

Торговцы из Мулла Мира занимались продажей шерстяных и пуховых изделий женских промыслов и масла. Дома селения в основном располагались в левобережной восточной части кишлака. В этой части находились два жилых квартала — Пушти Калъа и Калъа. В правобережной, западной части селения Мулла Мир, вдоль главной дороги, сложился квартал Бешкал. В 1880 г. в Мулла Мире отмечено 27 дворов, 1907 г. — 90 дворов и 543 человека. К 1917 г. число населения уменьшилось до 110 дворов и 284 человек. Мулла Мир населяли потомки переселенцев из Исфаринского селения Ворух и ангренского таджикского кишлака Шавгаз.

Основным занятием являлось животноводство и садоводство. Разводили рогатый скот, меньше овец. Молоко перерабатывалось в масло, продаваемое путникам. Некоторое значение имело садоводство. Местный селекционер Нурчиноки вывел прекрасный сорт яблок, называвшийся «себи нурчиноки». Ремесло представлялось кузнечным, плотничным делом, изготовлением обуви. Женщины также производили товарную продукцию. Ткали паласы, валяли кошмы, шили шубы, часть которых вывозили местные торговцы.

Ниже Мулла Мира располагалось селение **Кули ходжа.** В нем находились два караван-сарая и несколько лавок. Селение делилось на верхний и нижний кварталы. В 1880 г. в Кули ходже отмечены 10 дворов, в 1907 г. — 52 двора и 269 человек. Первопоселенцами здесь были кураминские узбеки, затем сюда переселились таджики из Пангаза. Узбеки составляли отдельный аул, жили в юртах, разводили скот. Переселенцы-таджики из Пангаза — ввели садоводство — выращивание яблок, абрикосов, грецкого ореха.

Кишлачок **Дахана** располагался в нижней части долины Дахансая, у его выхода на равнину. Узкий межгорный проход и глубокое русло препятствовало сообщению расположенных неподалеку кишлаков Дахана и Кули ходжа. С внешним миром кишлачок соединяла общая дорога, идущая предгорной равниной к Шайдану и другим поселениям. В 1907 г. кишлачок Даха-

на состоял из 43 дворов и 387 человек населения. Здесь жили таджики и узбеки группы «курама», родом из селения Овлик Ташкентской области. Кураминцы поселились здесь в первой четверти XVIII в. Главным занятием жителей являлось скотоводство и домашние промыслы по обработке животноводческого продукта. Кроме того, Дахана была известна своими мастерами-каменотесами, изготавливавшими жернова для мельниц всего района.

Крайний юго-западный угол Аштского района занимает долина речки Карамазарсай. Здесь вокруг маловодных ключей сложились три таджикско-узбекских селений: **Дриш, Дулона** и **Карамазар.** В 1880 г. в кишлаке Карамазар зарегистрировано 12 дворов, по сведениям 1907 г. там было уже 113 дворов и 571 человек, в Дулоне — 125 дворов и 976 человек и в Дрише 114 дворов и 371 человек (Список, 1909, с. 121—122). Дриш и Карамазар населяли таджики, а Дулона — узбеки. Главным занятием было скотоводство. Также сеяли пшеницу и ячмень под дождь.

В предгорной части Аштского района, где поселения размещались по руслам небольших горных саев, крупнейшим являлся городок Шайдан. **Шайдан** располагался у выхода речки Пангаз на равнину. К городку с севера и запада прилегали невысокие горы и холмы, с востока и юга лежала покатая широкая предгорная равнина. Городок образовался в географически удобном месте, на стыке равнины и гор, на узле важнейших путей сообщения не только местного, но и более широкого значения, на стыке расселения оседлого таджикского и полукочевого узбекского населения.

По преданию, Шайдан был основан около 450 лет тому назад жителем Пангаза, который имел на этом месте пахотную землю. Он окружил свою усадьбу глинобитным забором и вокруг нее постепенно сложилось поселение. Местом самого старого поселка считается Калъа (крепость), которая служила для населения убежищем во время междоусобиц. Городок орошался и снабжался водой арыков Дам, Дашт, Пули заргар, Миёна, Туда и Дастак. Вдоль центральной улицы тянулось более тридцати лавок, в которых в субботу происходил многолюдный торг. Имелись ряды галантерейных, мелочных, пряных изделий, навесы для торговли зерновыми продуктами,

[1] Шайдан, вернее Шахидон, означает «погибшие за веду». Возможно, здесь произошла крупная резня.

особое место было отделено для продажи гузы. Два дня в неделю функционировал один из крупнейших в Северной Фергане скотных базаров, на который местные курманские животноводы пригоняли целые стада овец, крупного рогатого скота. В центральных кварталах городка — Зинга, Поён, Лаби сой располагались 11 караван-сараев с постоялыми дворами, складами.

Городок делился на 11 жилых кварталов: Махаллаи Дашт, Кучан дашт, Чукураки дашт, Баландии мулло (северо-восточные и восточные), Поён (южный), Лаби сой, Зинга, Дарвоза (западные), Калъа, Чумок, Казоки (северо-западные и северные). Наиболее густонаселенными были кварталы Дашт и Калъа. При большинстве жилищ не было ни посевов и огородов, ни фруктовых деревьев — только во дворах, которые были большие, имелся виноград на шпалерах.

В 1880 г. в Шайдане зарегистрировано 119 дворов, в 1907 г. 235 дворов и 1475 человек населения (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 427, л. 69; Список, 1909, с. 122). Все жители являлись таджиками. По собранным нами сведениям, жители Шайдана в начале XX в. делились на пять крупных семейно-родственных групп — «урук» «бешкал», «зошахид», «тубча», «надираголик», «хафтхона». По преданию, группа «бешкал» происходила из селения Шавгаз Кураминского уезда. Группа «зошахид» переселилась из Чуста. Происхождение трех других групп выяснить не удалось. Группа «бешкал» населяла кварталы Дашт и Лаби сой, расположенные на окраине городка, остальные группы жили смешанно.

«Дала» — сады и пашни — окружали городок. Население летом переезжало в свои «дала», т. е. Шайдан являлся дисклокальным поселением. К северу и западу располагались сады, к востоку и югу — орошаемые поля пшеницы, ячменя, кукурузы, джугары. Места, где располагались сады и пашни, назывались Кушкорсанг, Осиён шахак, Рохи Куканд, Боло, Дашт. Главным продуктом садоводства являлся абрикос. Но он не давал товарного урюка. Посевы зигира были незначительны.

Шайдан являлся крупным ремесленно-торговым центром Аштского района. Ремесленники специализировались по выделке сельхозорудий, медных изделий, обуви, тандыров, бумажных материй, паласов-«шавни», деревянных предметов. Были в городке мастера-строители, кондитеры, повара, мясники,

мельники. Названные ремесленные изделия производились для продажи и по заказу.

К городку Шайдан тяготели крупные кишлаки Ашаба и Гудос.

Селение **Ашаба** образовало микрооазис к северу от Шайдана у подножия пика Бобои об, у входа в горное ущелье. Источником воды являлась речка Ашабасай и несколько родников, бьющих в разных частях кишлака. Название кишлака происходило от таджикских слов «ош» — пища и «об» — вода. Окружающие горы богаты летними и осенними пастбищами.

Главная дорога от кишлака, пересекая волнистую предгорную равнину, выходила к большому караванному пути, что способствовало развитию здесь торговли. Базарчиков — «гузар», где находились лавки бакалейщиков, мясников, продавцов пряностей, галантерейных и фабричных тканей, было пять. Они назывались Мазим (Мухаммад Азим), Курган, Урта, Бутка и Майдон. Ошоба состоял из восьми жилых кварталов: Бутка-махалла, Кичкина Бутка, Урта, Кичкина Урта, Катта кутан, Кичкина Кутан, Катта курган и Кичик курган (перечислены по течению сая, сверху вниз). В последнем, на высоком месте находилось укрепление, в котором раньше жило население. В 1880 г. в Ашаба было 300 дворов, в 1907 г. число дворов достигло 457, а население — 2,4 тыс. человек (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 427, л. 69; Список, 1909, с. 121). Население названных кварталов по этническому составу объединялось в три прихода. Вначале четыре семейно-родовые подразделение узбеков — «каракитайев» создали четыре жилые квартала: Ниязмухамед-Бутку, Элкунди-Урта-махалла, Малай-мерган-Кутан, Мирфайзи-Курган. По мере роста населения каждый квартал разделился на две части.

По словам сведущего информатора Абдувахида Эшмухамедова (1904 г. р.), нынешние жители Ашабы являются четвертым поколением потомков первопоселенцев — узбеков: «тюрков» группы «каракитай» и «карлуков», которые около 200 лет тому назад в количестве 40 семей поселились здесь. Их родиной являлся край «Маджаристан», оттуда они перекочевали в Самаркандскую область, затем в Ташкентскую долину. Когда в результате родовых междоусобиц и вражды эта группа «каракитайев» распалась, они пришли сюда. Мелкие «тюркские» группы «каракитайев» и «карлуков» жили в ряде кишлаков западного склона Кураминского хребта и в горах Чаткала, а также в селениях Каркидон под Наманганом и Чоркесар вбли-

зи Папа. Первопоселенцы, пришедшие в Ашаба, были кочевниками-скотоводами и охотниками. Весной кочевали по пастбищам предгорной равнины Аштского района. Впоследствии часть «каракитайев» осела на месте зимовки в урочище Епиклиг. Население кишлака Ашаба разводило мелкий рогатый скот, сеяло пшеницу, кукурузу, просо, немного зигира, чечевицу, горох. У таджиков ближних селений бывшие кочевники научились выращивать фруктовые деревья — яблоки, абрикосы, грецкие орехи и тутовник. Последний являлся одним из источников дохода для многих хозяйств. Сады и поля располагались сверху и снизу от кишлака, в местностях, называемых Сари сой, Кизил олма, Гарибон.

Среди земледельцев и скотоводов были развиты домашние промыслы. Женщины-гончары выделывали тандыры. Мужчины шили ичиги, сапоги, род обуви из грубой кожи — «чорук». Среди ремесленников были седельщики, токари-деревообделочники, изготавливавшие предметы быта. Почти в каждом хозяйстве женщины ткали славившиеся по всему району ашабинские шерстяные паласы, валяли кошмы.

Кишлак **Гудос** образовал микрооазис в долине речки Гудоссай, протекавшей параллельно Ашабасаю. Селение лежало у подножья холмов, на прибрежных террасах. Сады и пашни, расположенные в долине речки и предгорной равнине, орошались водой Гудоссая и ключей, от которых было проведено несколько арыков. Интересны названия этих арыков: Чилдухтарон, Зарбоф, Дарвоза, Пушти Калъа, Курук, Боги хонт, Парихона, Бодомак, Вахш. В них выразилась связь с народными верованиями. Дома стояли по обоим берегам речки и вдоль главной дороги, идущей к тракту Фергана — Ташкент. В пределах селения от нее ответвлялись улицы Калъа, Чукурак, Миёна и Поён, Дари осиё и другие. Гудос состоял из трех жилых кварталов: Боло, Миёна и Поён. Имелось по одному укреплению — «Калъаи кухна» в Поёне, «Калъача» в Миёна, «Калъаи нав» — в Боло. В 1880 г. в Гудосе отмечены 159 дворов, в 1907 г. — 223 двора и 947 человек населения (ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 427, л. 69; Список, 1909, с. 121). Подавляющую часть составляли таджики. Узбеков, выходцев из Ашаба, насчитывалось 10 хозяйств. Основным занятием населения являлось полеводство: сеяли пшеницу, ячмень, кукурузу, бобовые. Земледелие сочетали с животноводством. По сведениям Хамрохали Кишварова (1903 г. р.) в начале XX в. из 50 семей жителей квартала Боло 27 занимались земледе-

лием, 10 семей узбеков — животноводством. Из промыслов здесь были обработка кожи, плотничное дело, тканье бумажных материй, паласов, валяние кошм, изготовление чекменей, маслоделие, мыловарение, выделывание арб, обтесывание жерновов для мельниц, выделывавшихся по заказу и для продажи. Гудос, как и другое аштское селение Пискокат, был известен своими искусными мастерами-пекарями, занимавшимися им как отхожим промыслом.

В средней полосе равнины, в 12 км к востоку от Шайдана, вокруг нескольких десятков родников, в зоне агрессивных грунтовых вод располагался большой экономический подрайон, состоявший из 10 селений. Центром этого подрайона был городок **Камышкурган.** Большое значение в возникновении и развитии поселений подрайона имело то, что через него проходили торговые пути в Шайдан, Коканд, Канибадам и Ходжент. С юго-востока к оазису прилегало крупное месторождение поваренной соли.

Городок Камышкурган занимал южную половину оазиса и низовье безводного русла Даханасай. По преданию, в этой местности, ранее называвшейся Чокистон, находилось древнее поселение. Одним из правителей района был «святой» Аксукан, мазар которого сохранился на холме Ходжа Сарахси. Дворец Аксукана якобы находился в Мунчактепе, на территории селения Рават. Указанный В. В. Бартольдом укрепление X в. Хаджистан, вблизи которого, по источникам находились большие соляные копи (Соч., т. 1, 1963, с. 219), видимо, располагалось на территории Камышкурганского подрайона.

По пятницам в Камышкургане действовал рынок с 15 торговыми лавками (Статистический обзор Ферганской области, 1909, с. 79), несколько караван-сараев, чайханы. Главными предметами торговли в Камышкурганском базаре являлись соль, хлопок, рис, бумажные материи, овощи.

Городок состоял из пяти плотнонаселенных больших по площади жилых кварталов — «махалла» (Калъача, Козиён, Карочакман, Карокозон, Курганча). В 1880 г. в Камышкургане было отмечено 132 двора, в 1907 году — 372 двора и более 2,8 тыс. человек населения. Оно сложилось из разных этнических групп. Здесь жили таджики и узбеки. Последние были потомками переселенцев из узбекских кишлаков Каракитай, Баксук — с западного склона Кураминского хребта. Таджики делились на две семейно-родственные группы. «Кароказон» («черный котел»), родоначальником которой считается Мулла

Нияз — один из первых переселенцев из Овлука, и «карочакман» («черный чекмень»), также происходивших из западного склона Кураминских гор.[1] При длительном совместном проживании, в тесном общении обе части населения сблизились. В говоре и у таджиков, и у узбеков Камышкургана часто встречаются смешанные таджикско-узбекские выражения типа «як саду олтмиш панч» (сто шесьдесят пять).

Население Камышкургана занималось земледелием: возделывали хлопок, рис, зерно, бахчевые, немного зигира. Садов было очень мало. Таджики и узбеки — «кураминцы» разводили овец. Главным и самым доходным промыслом служила добыча и продажа поваренной соли. Этот промысел развился благодаря наличию известного в Средней Азии месторождения, прилегавшего к городку. Каждое хозяйство имело там свою делянку — «пал», где добывалась соль. На нее был большой спрос. Соль возили к переправе Дехконтуда на Сыр-Дарье, где в местности Навкат ежедневно действовал соляной базар. Камышкурганцы привозили туда соль на арбах и на ослах. Ремесленники в Камышкургане выделывали арбы, ткали бумажные материи, валяли кошмы. В городке в большом количестве производили кунжутное масло. На этих промыслах были заняты отходники из горной Матчи.

В экономический подрайон Камышкургана входили 8 селений. Кишлак **Булок** (узб. «родник, источник») располагался на севере Камышкургана. Он образовался в районе выхода ключей Хавзи калон и Джоруб. Своего населения в кишлаке было мало: в 1907 г. отмечено 99 человек, в 1917 г. — 22 хозяйства и 54 человек населения (Список, 1909, с. 122; Материалы, вып. IV, 1924, с. 44). Кишлак Булок, по преданию, четыре поколения тому назад был основан осевшими здесь кочевыми узбеками группы «унгут»,[2] родом из Курамы. Одним из первых переселенцев был Курбон суфи, правнук которого Мадибрагим Баймурадов (1882 г. р.) сообщил это предание об образовании кишлака Булок. Потомки переселенцев сохранили связи с другими выходцами. Они знают, что другая группа «унгутов» осела в селении Навкат около Сыр-Дарьи и кишлаке Актавут Беша-

[1] В литературе имеется сведение о «караказанах» — «простых трудящихся, носивших трудовую повинность, обрабатывая, в частности, земли городских начальников» (Чехович, 1974, № 6, с. 34).

[2] «Унгуты» упомянуты в списке узбекских племен, составленном Н. Ханыковым (1843, с. 58—63).

рыкского района. Жители Булока и названных селений и сейчас часто посещают друг друга.

Исконным занятием населения Булока являлось разведение овец, коз, верблюдов. Постепенно они стали сочетать скотоводство с земледелием. Сеяли зерновые, бахчевые, хлопок. Садов здесь не было. Женщины ткали полосатые паласы — «алоча», бумажные материи, валяли кошмы. Вдоль большой дороги, ведущей в Канибадам, Коканд, Шайдан и Камышкурган, располагалось около десятка торговых лавок, два караван-сарая, чайханы.

К северу и востоку от Камышкургана и Булока вплоть до правобережья Сыр-Дарьи располагались небольшие оазисы, в которых образовались 8 селений. В 1907 г. в них проживало следующее количество населения: (Список, 1909, с. 122).

Название кишлаков	Количество дворов	Количество населения
1. Бошгал	60	234
2. Урмонтал	8	26
3. Рават	5	35
4. Ертула	8	42
5. Джиринтал	8	35
6. Ходжа Ягона	36	221
7. Джуга	14	90
8. Кок курук	22	148
Итого:	161	831

Как и в вышеописанных, основным занятием населения этих кишлаков было скотоводство и зерноводство. Там, где высоко стояли грунтовые воды, развилось рисоводство. Население принадлежало к таджикам и мелким группам кочевых узбеков и каракалпаков.

Выводы

Экономическая однородность и географическая разобщенность территориально-хозяйственных единиц расселения исторически сложившихся этнических подразделений в условиях феодализма была основной причиной отсутствия крупного городского центра в Аштском районе. С другой стороны, на базе дифференциации хозяйств, производивших разные продукции (зерноводство, скотоводство, садоводство, хлопководство, рисосеяние, ремесла, промыслы), обусловленной естественной основой разделения труда, потребностью населения и купцов, следовавших по торговым путям, сформировались четыре экономических подрайона и два микрорайона. Последние тяготели соответственно четырем городским и двум торгово-ремесленным поселениям. По таким показателям хозяйственного развития Аштский район, как территория расселения исторически сложившихся этнических подразделений, составлял отдельный тип. На материалах Аштского района проявилось значение городка, выполнявшего функцию центра экономического подрайона и промежуточного связывавшего звена крупных районов и этнокультурных регионов. В этом плане Ашт, Пангаз, Шайдан и Камышкурган были аналогичны не только городкам Северного Таджикистана, но и Касану, Бешарыку, Риштану в Восточной Фергане, Сайраму, Пскему, Бекабаду в Ташкентской области и т. д.

После присоединения Средней Азии к России и ликвидации Кокандского ханства, основой развития товарно-денежных отношений в Аштском районе был рост разделения труда хозяйств, производивших различные продукты и расширение торговых сношений между Восточной Ферганой и Ташкентом, с одной стороны, между первой и Россией с другой. Этнографические материалы показывают специализацию Аштского района по производству сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий: Ашт — кузнечное дело, обработка плодов тутовника, Пискокат и Гудос — отхожее хлебопечение, Пунук — обработка плодов лоха, Шайдан — бумажное ткачество, Пангаз — разные ремесла и отхожий промысел, Хиштхона — изготовление кирпичей, Мулла мир — приготовление животного масла, Ашаба — шерстяные паласы, Камышкурган — ремесла и добыча соли, Дахана — выделка жерновов для мельниц. Выделялся тип торгового селения — Бободархон, Мулло мир, Сарой, Акджар, Пунук.

Сведения об обработке шерсти таджиками Аштского района, дополнявшая наши материалы по Ура-Тюбинскому району, свидетельствуют, что этот промысел, имевший свою местную сырьевую базу, являлся исконным, а не заимствованным у этнических групп узбеков.

ГЛАВА VII.

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПЕНДЖИКЕНТСКОГО РАЙОНА

ГОРОД ПЕНДЖИКЕНТ

В исторической литературе существует мнение, согласно которого размещение административной резиденции бухарского бека и царского управляющего нагорными тюменями считалось главным фактором возникновения и развития позднефеодального города Пенджикента (Живописная Россия, X, 1885, с. 270; Арандаренко, 1889, с. 51; Ибрагимов, 1971, № 3, с. 61). Однако на наш взгляд, становление Пенджикента, как форпоста городской культуры всего Верхнего Зерафшана было связано со степенью дифференцированности хозяйств исторически сложившихся районов этого региона, потребностью к рынку обмена земледельческих животноводческих и ремесленных изделий населения, наконец, его географическим положением. Город Пенджикент сложился на стыке Среднего и Верхнего Зерафшана, на той территории, где взаимно связывались три хозяйственно-культурных типа — оседлые земледельцы, полуоседлое население сочетавшее земледелие с скотоводством и кочевые скотоводы — узбеки. В Пенджикенте сходились дороги, связывавшие два названных тно-культурных региона, районы Офтобруи, Кштута, Магияна с Самаркандом, Бухарой, Шахрисябзом, Китабом, Джизаком и Ургутом. С другой стороны низкая степень товарности хозяйств сельской округи, отсталая экономика и бедность соседних горных районов Верхнего Зерафшана, отдаленность железной дороги, обусловила слабое развитие городской жизни Пенджикента конца XIX — начала XX вв.

Благодаря широким археологическим изысканиям советских ученых и открытия городища старого Пенджикента, этот город получил мировую известность (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973). Однако о возникновении и развитии современного Пенджикента, мало что известно. По некоторым данным, Пенджикент на нынешнем месте сложился примерно в первой половине XVIII в. Произведенный автором осмотр старинных кладбищ — Азизобод и Кукташ показал, что наиболее ранние эпиграфические надписи на надгробных камнях относятся к середине XVIII в. Анонимный автор статьи о Пенджикенте, опубликованный в обозрении «Живописная Россия» в 1885 г. писал: «В Пенджикенте за сто лет перед тем был небольшой базар, который помещался на верхней площадке нынешнего базара, также на месте мечети Немара (очевидно Намозгох — Н. Т.). До этого времени Пенджикент находился несколько выше по течению Зерафшана. Тогдашний бек перевел город на новое место, где было обилие воды, вследствие чего увеличилось число садов, улучшилось земледелие и возросло благосостояние местного населения. Через 50 лет после учреждения базара нашли вынужденным увеличить его площадь на 200 квадратных саженей, причем сверх того, один житель пожертвовал для базара свой сад в 400 кв. саженей. Через 25 лет увеличили базар на 110 кв. саженей. Опять через 25 лет на 110 кв. саженей, через 18 лет на 333 кв. саженей; а при русском правительстве еще на 400 кв. саженей» («Живописная Россия», X, 1885, с. 270). Подсчет времени создания этого базара для 80-х годов XIX в. дает 138 лет. Эти сведения, вероятно отражают местное предание и позволяют предполагать, что город Пенджикент возник в первой половине XVIII в.

Старожилы говорят о трех Пенджикентах: первый — «Панджакенти кадим» — древний Пенджикент, находившийся на месте городища; второй — «Панджакенти кухна» — старый Пенджикент, располагавшийся в 3 км к востоку от нынешней территории, в пределах урочищ Саврак и Кавола, расположенных на прибрежной части Зерафшана; третий — «Панджакенти нав» — новый Пенджикент, который около 250 лет тому назад сложился на современной территории. По другому преданию, старый Пенджикент страдал от частых паводок Зерафшана. Поэтому для нового города была выбрана территория высокой и надпойменной террасы Зерафшана. На ней находилось небольшое стойбище кочевых узбеков «туякли». После перемещения города на новое место, скотоводы свой кишлак образовали в урочище Куштеппа. От Магиянсая в новый город был отведен арык Токсанкориз, снабжавший водой также значительную часть восточной половины Пенджикентского района. Имея общую длину в 17 верст, он

орошал 4300 танапов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-5, оп. I, д. 3504а, л. 14—15; Сборник, 1890, с. 357—357). Другой городской арык Джуи калон, бравший воду от горных ключей имел длину в 1,5 верст и орошал 1640 танапов садов, земель г. Пенджикента и его западного пригорода. К этому добавлялась вода нескольких ключей, называемых Кайнар, Сурхоб, Лаби чашма, выбивавших в пределах города. Несмотря на наличие нескольких источников орошения, разросшийся Пенджикент и его район постоянно чувствовали недостачу воды.

Южная, высокая часть города называлась «кӯтал» — «холм», «место подъема в гору», а северная, нижняя — «тагоб» — «приречная». Дома и дворы располагались в виде амфитеатра скучено в обоих частях. Территория города с запада и юга ограничивалась овражком — «сойи Зебон», промытый селями и холмом городища древнего Пенджикента, а с востока сливалась с садами летних дачных мест горожан.

В плане Пенджикент представлял собой четырехугольник. По сведениям Г. А. Арандаренко в 70-е годы XIX в. окружность Пенджикента протягивалась почти на 3 версты (1889, с. 52). «Весь город очень невелик и группируется около небольшой базарной площади», так писал о территории Пенджикента анонимный автор в 1885 г. К 1917 г. общая площадь Пенджикента равнялась примерно 105 десятинам (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 6). Таким образом, территория Пенджикента была намного меньше не только Ходжента и Ура-Тюбе, но и Исфары.

Позднесредневековый Пенджикент окружали крепостные стены. Город имел двое ворот: западные — «дарвозаи Бухор» — Бухарские и восточные — «дарвозаи Вашанӣ» — Вашанские. Северные и южные стены были пробиты проходами, называемые Тагоб и Кайнар-ато, которые вели к источникам воды. В. В. Радлов охарактеризовал Пенджикент 70-х годов прошлого века как «маленький город с довольно значительною крепостью» (1880, с. 22). По другим оценкам эта крепость не признавалась за «значительную». Через 15 лет в издании «Живописная Россия» сообщалось, что «оборонительных сооружений у него не существует. Стены его скорее можно назвать глиняными заборами, несмотря на то, что в них проделаны широкие ворота, как бы в крепости» (X, 1885, с. 269).

В центре города, по главной дороге, соединявшей Бухарские и Вашанские ворота, на высокой обрывистой террасе Зерафшана раньше располагалась «урда» — двор прежнего правителя Пенджикента, укрепленный крепостными стенами. По поводу пенджикентской цитадели писалось: «в северо-западном ее углу (где позже помещалась базарная площадь — Н. Т.) прежде находился дом пенджикентского бека, который со всеми своими пристройками составляет городскую цитадель» («Живописная Россия», X, 1885, с. 169). На фотоснимке «Цитадель г. Пенджикента», вошедшем в известный «Туркестанский альбом», изображены внутренняя часть находившейся там «урды» с двухэтажными постройками.

В центре города, вдоль большой дороги, около «урды» и по улице, идущей к реке, располагался рынок Пенджикента. По вышеприведенным сведениям, базар являлся ровесником города и учрежден примерно в первой половине XVIII в. Пенджикентский рынок делился на: «бозори боло» — верхний базар и «бозори поён» — нижний базар. На верхнем базаре семь навесов для продажи зерна, построенных в 1879 г. (ЦГА Уз. ССР, ф. И-5, оп. I, д. 1421, л. 2). Около навесов размещались ряды продавцов фабричных тканей, коробейников, бакалейщиков, мясников, продавцов хозяйственно-бытовых предметов. На нижнем базаре располагались ряды, где торговали кунжутным маслом, мясом, принадлежностями, необходимыми возницам — «растан хурда фурӯшӣ», гончарной посудой, обувью, солью, чаем кузнечно-слесарными изделиями, котлами, наконечниками для омачей, там же были многочисленные харчевни. В районе базара функционировало два караван-сарая. Отдельно, в прибрежной части городка, действовал скотный базар.

Г. А. Арандаренко в 1877 г. отмечал, что в Пенджикентском базаре 140 лавок, запиравшихся на ночь и 106 открытых лавок для приезжих торговцев (1889, с. 52). В 1880 г. в Пенджикенте отмечено 80 торговых лавок (Сборник, 1890, с. 42—43). Возможно в этом случае учтены только лавки, имевшие торговые документы. В начале века по другим данным было 195 лавок (Список, 1906, с. 29). Функционировали 4 караван-сарая (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп. I, д. 364, л. 56). Каждый день в торговых учреждениях проходила внутригородская торговля. В среду и четверг еженедельно проходил большой торг, на который съезжались со всех окрестных селений. В базарные дни в рынке увеличивались не количество торговцев, а их обороты (Мансырев, 1898, с. 57). Город имел два общественных дома — «девонабачахона», где останавливались поденщики и отходники.

Раньше городская территория называлась «курган». В понятии пенджикентцев «курган» представлял укрепленный город, где жили зимой. Город разделялся на две части: северная, прибреж-

ная — «кургони поён» — нижний курган и южная высокая — «кургони боло» — верхний курган. За курганами находились сады и пашни.

Наименьшей ячейкой городской структуры были жилые кварталы — «гузар». Их было 13: Азизобод. Сурхоб, Арабон, Хорзор, Дарвозаи Бухор, Авезбой, Сари бозор (или Мадраса), Вашани, Шафтолузор, Эшонхо, Дунгалак, Киличбой и Мулло Мухтор. Кварталы возглавляли 10 пятидесятников (ЦГА Уз. ССР, ф. 5, оп. I, д. 12, л. 122). В 1902 г. отмечено 855 семейств, 501 самостоятельных хозяйств, из них 400 имели землю, а 101 были безземельные. Тогда зарегистрировано 540 дворов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп. I, д. 793, л. 68). К 1906 г. дворов исчислялось 555 (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп. I, д. 922, л. 20). Таким образом, за 35 лет (1870—1906 гг.) число дворов увеличилось всего на 55.

В дореволюционном Пенджикенте действовали 14 мечетей, из них четыре были соборными. Место праздничной молитвы — Намозгох находился в центре города. В городе было три медресе: Олим-додхох, Авезбой размещались около базара, Ходжи Кози — в западном квартале Дарвозаи Бухор. Всего же в г. Пенджикенте и его волости в 1903 г. действовали 4 медресе с 70 учениками, 29 мужских мактабов с 410 учениками, 39 женских мактабов с 449 учениками, одна русско-туземная школа с 20 учениками и вечерние курсы при них с 13 учениками (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп. I, д. 177, л. 128). В пределах городка находились два кладбища: одно в северо-западной окраине, другое в восточной черте. В кварталах Сурхоб (северном) и Қайнар-ато (южном) находились мазары Беруйпуш и Қайнар-ато. За городом по дороге к старому городу Пенджикенту, имелось два кладбища, называемые Миёна («среднее») и Сарманзил («начало поселения»). Последнее располагалось вблизи города, существовавшего до XVIII в.

По давно сложившейся традиции горожане жили в городе полгода — поздней осенью и зимой, а на остальные шесть месяцев переезжали в загородные дачные места — «боғот». Так что Пенджикент являлся дислокальным поселением. Оно было маленькое, тесное и садов, пашен там почити не было. В северной прибрежной части города находились делянки рисовых полей. По данным 1885 г. городу принадлежало 410 танапов усадебной земли, а загородные земли горожан составляли 3580 танапов (ЦГА Уз. ССР, ф. И-5, оп. I, д. 1608, л. 8—9, 14).

В 1877 г. Пенджикент представлял захолустное городишко, где проживало всего 1819 человек. По этническому составу город был полностью таджикский: их было 1764 человек. После присоединения Средней Азии к России, в Пенджикенте появились русские. Их было 4 человека, индийцев — 9 (Арандаренко, 1879, с. 340). В 1883 г. в Пенджикенте отмечено 2085 человек населения (ЦГА Уз. ССР, ф. И-5, оп. I, д. 1171, л. 32), в 1888 г.— 2475 жителей (Сборник, 1890, с. 42—43), всеобщей переписью 1897 г. уже около 3700 человек (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 2—3). Из них 3547 причислены к таджикам, 100 — к узбекам и сартам. Русских было 13. Эти цифры подтверждаются данными 1904 г. Тогда в городе Пенджикенте проживало около 3,8 тыс. человек, из них 3755 названы таджиками (ЦГА Уз. ССР, ф И-20, д. 847, л. 18; дъ 793, л. 73—74; д. 809). В 1905 г. отмечено более 4,2 тыс. человек жителей (Список, 1906, с. 29). К 1 января 1916 г. население города перевалило за 5,5 тыс. человек (Зарубин, 1926, с. 10). Слабый рост населения объяснялся неразвитостью товарно-денежных отношений, незначительностью потребности к ремесленным товарам.

Ядро населения г .Пенджикента составляло потомки древних согдийцев. В исследуемый период население наряду с исконными таджиками состояло из потомков переселенцев из Қштута, Магияна, Офтобруи, Фана, Каратегина и Самарканда. Выходцы из Самарканда населяли квартал Дарвозаи Бухор. Большая группа выходцев из кишлака Вашан Қштутского района основала квартал Вашани у восточных ворот города. Небольшие группы выходцев из Магияна, Офтобруи, Фана, самаркандского городка Дахбеда и из селения Зидди Варзобского ущелья расселялись в разных кварталах. Глава переселенцев из Каратегина Халифа Хасан являлся известным народным ирригатором в Верхнем Зерафшане. Под его руководством было проведено множество арыков (Арандаренко, 1889, с. 155—160). В Пенджикенте также жили потомки самаркандских фарсов — ««ирони». Квартал Азизабод населяли цыгане — «джуги». Одну семейно-родственную группу составляли афганцы. Таким образом, в сложении населения города Пенджикента наряду с исконными жителями участвовали выходцы из западного этнокультурного региона Верхнего Зерафшана, Самарканда, верховьев Қашкадарьи и небольшие группы из Гиссарской долины и Каратегина.

Большинство населения Пенджикента занимались земледелием. В 70-х годах XIX в. в городе отмечены всего 486 землевладельцев, из них садоводов было 186 лиц, которые применяли труд 540 земледельцев, 100 человек являлись хозяевами, возделывавшими клевер, для них работали 260 человек, 200 человек

владели участками, где выращивали рис и хлеб, и содержали 800 работников (Арандаренко, 1889, с. 73). Среди работников, обрабатывавших землю, часть составляли жители сельской округи. По данным К. К. Палена, относящихся к началу XX в. в черте города Пенджикента земледелием были заняты 403 лица, животноводством 13 лиц (I (I), 1911, с. 17). Уменьшение числа горожан, занятых сельским хозяйством, отражало прогрессировавшиеся процессы отделения города от деревни к началу XX в. Но в экономике города не проявлялись элементы капитализма.

Основными отраслями земледелия, производившим продукцию на рынок, являлись зерноводство (рис, пшеница и ячмень), огородничество и виноградарство. Сельскохозяйственные товары вывозили в соседние горные районы Магияна, Кштута, Офтоб-руи. Категория земледельцев — «алафкор» заготавливали и продавали сено окрестным скотоводам. Большинство ремесленников, также как и другие прослойки горожан шесть месяцев пребывали в загородных дачных местах, где они в свободное от основного занятия время, обрабатывали либо собственные, либо, арендованные участки земли. Зачастую ремесленники продавали излишки сельскохозяйственных продуктов. О размерах посевов сельскохозяйственных культур в Пенджикентском районе свидетельствует архивный материал 1903 г. Посевы яровой пшеницы занимали 1507 десятин, озимой — 3768 десятин, ячменя ярового — 1508 десятин, озимого — 1504 десятин, проса — 444 десятин, риса — 530 десятин. Всего посевы зерновых занимали 3261 десятин земли (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп. I, д. 177, л. 69). По данным того же года в Пенджикентском участке было 277 хозяйств, имели виноградники всего 64 десятин, а общий урожай составлял 10,8 тыс. пудов (Там же, 78—79). В 1905 г. в Пенджикентском районе поливных земель было измерено 2899 десятин, в 1907 г.— 2902 десятин (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп. I, д. 364, л. 23).

Занятием части населения являлось ремесло. В 70-х годах XIX в. в Пенджикенте действовало 70 ремесленных мастерских и в них работали 107 человек (Арандаренко, 1889, с. 73—76). По данным всеобщей переписи 1897 г. различными ремеслами были заняты 109 лиц. Такая депрессия в ремесле была связана с мизерными потребностями земледельческого и скотоводческого населения к ремесленным товарам.

Наиболее развитой товарной отраслью ремесла в Пенджикенте было шитье одежды, изготовлением которой занимались портные, мастера, шьющие чекмени, выделывавшие детали одежды, мастерицы, вышивавшие платки. В 1897 году отмечено 65

лиц, изготовлявших одежду (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 94—95). В окрестных селениях Пенджикента был широко распространен женский промысел по обработке шерсти. Выделывали для себя и для продажи ткани, платья, попоны, тесьму, пряжу, мешки, арканы, паласы. Делали также кошмы и ковры (Урусов, Записки о шерстяном деле в Зерафшанской округе; ЦГА Уз. ССР, ф. 5, оп. I, д. 12, л. 101—115). На Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. были представлены образцы шерстяных изделий пенджикентских мастериц (ЦГА Уз. ССР, ф. 5, оп. I, д. 12, л. 83—84).

В 1877 г. в Пенджикенте было пять мельниц, две рисотолчеи, десять маслобоек, одна пекарня, одна мастерская, производившая сладости, (Арандаренко, 1979, с. 341). В материалах всеобщей переписи указано 17 лиц, занятых «обработкой растительных и животноводческих продуктов» (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 94—95).

По данным 1877 г. в Пенджикенте было восемь кузниц, две чугунолитейные мастерские, одна по ковке медных изделий, две мастерские, занятые пиротехникой (Арандаренко, 1879, с. 341). В 1897 г. обработкой металла были заняты 13 лиц (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 94—95).

Выделку кожи производили только сельские ремесленники. Приобретая их, городские ремесленники выделывали сапоги, кафши, чувяки, чоруки, чинили обувь. По сведениям 1877 г., обработкой кожи были заняты 15 человек (Арандаренко, 1879, с. 342).

В 1877 г. ткачеством занималось всего 11 человек, выделывавшие карбос, суси, калами, бумажного адраса, набойку. В 1897 г. зарегистрировано столько же лиц (Там же).

В 1877 г. отмечено 10 плотников, а в 1897 г. — 14 лиц, занятых строительными работами.

Промыслы по выделке орудий труда, предметов быта и домашнего обихода в начале XX в. по данным информаторов, занимали около 50 человек.

Гончарное производство в Пенджикенте, по словам Е. М. Пещеревой, «имело очень небольшие размеры. Им занимались несколько семей, родственно связанных между собой» (1959, с. 151). В 1877 г. гончаров было четверо, в 1897 г — трое. Выделывали чашки, блюда, «сосуды очень крупных размеров, корчаги и кувшины» (Пещерева, 1959, с. 151).

Приведем статистические сведения о динамике развития ремесленных заведений г. Пенджикента (ЦГА Уз. ССР, ф. И-5,

оп. 1, д. 843, л. 8. 16; ф. И-5, оп. 1, д. 1333, л. 9, 15, 19, д. 1010, л. 6; ф. И-20, оп. 1, д. 177, л. 135, 136).

Ремесленники	1882—1884 гг. число	1882—1884 гг. выручка в год	Ремесленные заведения	1900 г. число заведений	1900 г. число работников	1900 г. сумма производства
Кузнецы	8	75 руб.	Кузнечные	4	8	450 руб.
Медники	2	60 руб	Жестяночные	1	2	150 руб.
Кожевники	1	50 руб.	—	—	—	—
Сапожники	4	40 руб	Сапожные	5	7	450 руб.
Алочабофы	16	875 руб.	Шорные	1	1	70 руб.
Ткачи бязи	11	50 руб	—	—	—	—
Мастера, выделывавшие прялки	3	30 руб	Мельяны	2	4	400 руб.
Маслобойщики	10	600 руб.	Маслобойни	7	7	1310 руб.
Пекари	6	75 руб.	Хлебопекарни	6	12	600 руб.
Кондитеры	2	60 руб.	Толчеи	4	12	1200 руб.
Плотники	2	45 руб.	Плотничные	5	5	1200 руб.
Гончары	2	60 руб.	Гончарные	2	6	255 руб.
Всего:	67	2480 руб.		37	44	6055 руб.

Таким образом, эти данные еще раз показывают весьма слабое развитие ремесла в Пенджикенте.

Торговля как и ремесло было слабо развито, хотя Пенджикент служил торговым центром не только своего, но и соседних Магиянского, Куштутского и Офтобруинского районов. Население названных районов привозили в Пенджикентский базар продавать лес, древесный уголь, грубую бумажную материю, шерстяные ткани для халатов, мешки, гвозди для подбивки местной обуви. Из Пенджикента они приобретали хлеб и хлопок (Материалы для статистики Туркестанского края, II, 1873, с. 48). Число постоянных торговцев не превышало 200 человек, а приезжих торговцев на Пенджикенсткий рынок было не более 20—30 человек. Разъездные торговцы приезжали из городка Ургут, торгово-ремесленного селения Йори, — центра соседнего Офтобруинского района Верхнего Зерафшана. Годовой оборот торговли в городе составлял до 400 тыс. рублей (Мансырев, 1898, с. 58). Из них на торговлю хлеба падала около 100 тыс. рублей. Категория скупщиков зерна в Пенджикенте называлась «амбордор»

(владелец амбара) (ЦГА Уз. ССР, ф. И-5, оп. 1, д. 987). По материалам 1897 г. наибольшая часть торговцев занималась торговлей тканями и одеждой (Всеобщая перепись, 83, 1905, с. 94—95).

ПРИГОРОДНЫЕ СЕЛЕНИЯ

Административно пригородные селения Пенджикента составляли одноименную волость. По архивным данным 1887 г. Пенджикентская волость состояла из 4 сельских обществ, 21 поселений, 1082 дворов, управляющихся 22 пятидесятниками (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. 1, д. 5790, л. 14—15). К 1903 г. число дворов достигло 1229 (ЦГА Уз. ССР, ф. И-20, оп. 1, д. 793, л. 68), что отражало развитие сельского населения Пенджикента.

К западу от города, по большой дороге в Самарканд, находилось селение **Чимкурган**, которое, по преданию, в начале XIX века было основано узбеками этногрупп «кирк» и «туякли». К югу от города на расстоянии 2 км лежало селение **Куштеппа**, по рассказам старожилов, образовавшееся 130 лет тому назад при переселении туда узбеков из городского квартала Киличбой. Юго-западнее Куштеппа расположен кишлак **Зебон**, состоящий из трех кварталов — Боло Миёна и Поён. Его основали таджики — выходцы из селения Шинг Магиянского района. Неподалеку от кишлака Зебон, образовалось таджикское селение **Алобайтал**, основанное выходцами из Пенджикента, Магияна и Такфана Фанского района. Далее находились кишлаки **Шурчи** и **Савр**, населенных узбеками группы «туякли». Все эти названные селения, по видимому, возникли только в XVIII—XIX веках. К востоку, где находились летние дачные места пенджикентцев — **Саврак**, **Кавола**, **Урусхона**, вдоль большой дороги тянулись селения **Кокташ** и **Суфиён**. Кокташ населяли узбеки «туякли». Кишлак делился на три квартала: Боло, Сарманзил и Хусейнхон. Кишлак Суфиён населяли таджики — выходцы из города Пенджикента и узбеки группы «туякли». Поселение образовалось около 150 лет тому назад.

Несколько селений Офтобруинского района, находившихся на противоположном правом берегу Зерафшана тяготели к Пенджикенту. Наиболее близкими к городу были **Хурми** (или Сари камар), **Гарибак** и **Шингак**. Хурми образовалось в результате оседания узбеков группы ««туякли». Гарибак был населен таджиками. Раньше этот кишлак славился своими охотниками и

мастерами-гвоздарями. В. В. Радлов по этому поводу писал: «что касается до населения Пенджикента и его окрестностей, то все жители Зерафшанской долины хвалят их как хороших стрелков и храбрых воинов». **Шингак** основали таджикизировавшиеся узбеки — «тюрки».

Приведем сведения о численности и расселении этнических групп в пригородах Пенджикента за период от 1883 по 1917 гг. (ЦГА Уз. ССР, ф. И-5, л. 1171, л. 32; Сборник, 1890, с. 99—102; Список, 1906, с. 29—30; Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 43—58):

Селения	1883 г.		1888 г.		1905 г.		1917 г.		Этническая группа
	число дворов	жители	число дворов	жители	число дворов	жители	число хозяйств	жители	
1. Зебон	16	80	24	190	28	189	44	198	таджики
2. Шурча	26	130	38	190	38	257	58	238	туякли
3. Савр	15	75	16	80	18	122	24	103	туякли
4. Чинор	37	185	54	270	67	451	70	199	таджики
5. Куштеппа	34	170	44	220	40	270	73	308	туякли
6. Кокташ	37	185	41	205	40	270	89	349	туякли
7. Суфиён	18	90	26	130	26	168	29	101	туякли
8. Чубат	—		54	270	75	505	65	264	туякли
9. Гарибак	—	—	—	—	60	405	62	257	таджики
10. Шингак	—	—	—	—	—	—	19	65	таджики
Всего:	183	915	297	1525	391	2637	533	2032	

Таким образом, в пригородных селениях Пенджикента происходил медленный рост населения — основы производительных сил, что несомненно отрицательно влияло на общее развитие города Пенджикента и его района.

Узбеки этногруппы «туякли» вели полуоседлый образ жизни, зимой жили в кишлаках, а в остальное время скот пасли в предгорьях, не отходя далеко от своих поселений и пашен. Их хозяйство носило зерноводческо-скотоводческий характер.

Занятием других этногрупп пригородов являлось мелкотоварное земледелие, садоводство, животноводство и частично ремесла: выделка бумажной материи, пуховых и шерстяных чалм, чулков, ковров, армячины на халаты, мешков, кошмы, размол муки, очистка риса, убой скота, изготовление гвоздей. Ремесленные изделия производились как по заказу, так и для продажи.

Таким образом, пригородные селения Пенджикента представляли малые по размерам земледельческие поселения. Разница между городом и селением проявлялась больше в степени товарности ремесленного производства в сельском хозяйстве.

Выводы

По историко-этнографическим данным в конце XIX — начале XX в., Пенджикент как и Исфара переживал процесс градообразования. Происходил рост размера торгово-ремесленных заведений, численности населения. Вместе с тем Пенджикент в отличие от Исфары находился на нижней ступени градообразования. Почти все горожане имели загородные сады и летом жили в них. Экономическую основу городского населения Пенджикента составляло земледелие — рисосеяние, садоводство, зерноводство. Производившиеся горожанами сельскохозяйственные и ремесленные товары удовлетворяли потребности населения района. Из ремесленных товаров лишь одежда выходила за пределы района.

В отличие от других городов, пригородные селения Пенджикента также имели свои особенности. Подавляющей частью их населения являлись не исконное население, а полуоседлая группа узбеков этногруппы «туякли». Почти половина «туякли», по сведениям 1905 г. проживала в кибитках, т. е. «капа» — жилище полукочевого населения. Основным их занятием явилось зерноводство, скотоводство, женские промыслы по обработке шерсти, пуха. Сложившееся разделение труда между рисоводческо-садоводческим хозяйством горожан и зерноводческо-скотоводческим населением сельского района, тяготение соседних районов Магияна, Кштута и Офтобруи, на наш взгляд являлись важными факторами становления города Пенджикента.

ГЛАВА VIII.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СЛОЖЕНИЯ И ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Историко-этнографическое исследование, произведенное нами, показывает, что население Северного Таджикистана в XIX—начале XX вв. состояло из исторически сложившихся подразделений, расселившихся в районах поливного земледелия и тяготевшей к ним скотоводческой округи. Оазисы земледельческого и округа скотоводческого населения представляли взаимосвязанные территориально-хозяйственные единицы. Центрами равнинных районов и их территориально-хозяйственных единиц — экономических подрайонов и микрорайонов являлись города, городки и торгово-ремесленные селения с рынками. Испокон веков сложение и развитие населения Северного Таджикистана обуславливалось взаимосвязями хозяйственно-культурных типов — оседлых земледельцев, полукочевников, сочетавших земледелие с скотоводством и кочевыми скотоводами, их миграцией, эмиграцией и оседанием. Между хозяйственно-культурными типами каждого района и между районами сложилась система общественого разделения труда. Расселение одного хозяйственно-культурного типа при меньшей дифференцированности их хозяйств обусловили натуральный обмен и отсутствие рынков в горных районах Матчи, Фальгара, Фана, Ягноба, Кштута и Магияна.

На формирование этнических процессов подразделений населения влияла степень дифференцированности хозяйств, производивших различные земледельческие, скотоводческие и ремесленные продукты и конкретные социально-экономические условия, численность, плотность и характер расселения населения и, наконец, географическая среда. Исторически сложившиеся этни-

ческие подразделения и их типы выделялись не только в Северном Таджикистане, но и в других областях Средней Азии. И основы сложения и путей развития населения Средней Азии конца XIX — начала XX вв. складывались задолго до присоединения края к России. Так, в отраслях городского ремесла: обработке шелкового и бумажного волокна, металла, кожи, изготовлении одежды, удовлетворяющие потребности не только широких масс местного населения, но и являвшимися предметами вывоза в Россию и за границу в первой половине XIX в. зародились элементы капиталистических отношений. Однако, постоянные феодальные войны и сепаративные движения местных правителей являлись главными препятствиями этнических процессов консолидационного и интеграционного характера.

После присоединения Средней Азии к России с конца 60-х годов прошлого столетия нормализовались традиционные экономические связи и разделения труда населения земледельческих оазисов и скотоводческих округов с ремесленно-торговыми центрами и между разными территориально-хозяйственными единицами, между районами; происходил рост населения, наращивалось производство промышленного сырья и полезных ископаемых, возникли фабрично-заводские заведения, оживились пути сообщения. Новым явлением в хозяйственной жизни края стала железная дорога. В наступивший период мирного развития наблюдалась подвижность населения, несвойственная ему раньше. Горожане, связанные с земледелием, переселились в пригороды. Ими были освоены пригородные земли и основаны селения, загородные кварталы, дачные места. В экономических микрорайонах жители перестали тесниться в сельских укреплениях и расселились в оставленных, в период междоусобиц усадьбах кишлаков. Возобновились, затруднившиеся в период междоусобиц летние переезды части горожан, сельских жителей, в загородные и кишлачные сады и пашни. С начала 70-х годов в Ходжентском и Ура-Тюбинском районах осваивались ранее пустовавшие земли. Усилилось оседание кочевников вокруг культурных оазисов. В Канибадамском и Аштском районах полуоседлые узбеки группы «кипчак», «курама», «каракалпаки», в Исфаринском районе — киргизы, в Пенджикентском — узбеки «туякли» переходили к оседлому образу жизни. В Ура-Тюбинском районе значительное число кочевых узбеков осели в низовьях речки Сойи калон, в средней части долины речки Басмандасай, к северу от городка Ганчи — Газандарак, вокруг Дальянского и Шахристанского оазисов. Многочисленные группы киргизов и узбеков оседали на

низовьях саев, в горных частях Ходжентского и Науского районов. Процесс оседания кочевников отразился и в архивных документальных материалах (ЦГА Уз. ССР, ф. И-18, оп. 1, д. 7385, 1914 г. «О переводе кочевников Ирджарской волости Ходжентского уезда в оседлое состояние»).

Одной из форм подвижности населения было отходничество городских ремесленников, торговцев и земледельцев в сельские экономические микрорайоны и в скотоводческую округу. «Сарты в удвоенных и утроенных количествах повезли в степь туземные материи, ватные одеяла, халаты, тюбетейки, обувь, ножи, сушеные фрукты и т. п. обменивая все это на скот, кожу, грубые шерстяные материи и кошмы» — писал В. П. Наливкин (1913, с. 90). Этот же автор отмечал выезды городского духовенства в дальние кишлаки и скотоводческую округу, где они выступали в качестве «насадителей мусульманского благочестия» (Там же, с. 76). Происходил также массовый отход бедноты на заработки из предгорных слаборазвитых микрорайонов Ура-Тюбе в города и земледельческие оазисы присырдарьинской полосы. Полуоседлые узбеки кочуя вместе со скотом нанимались жнецами у хлеборобов Нау, Гулякандоза, Исфаны, Бешкента, Лайлака.

Новым явлением в демографии Северного Таджикистана явилось расселение русского населения и образование русских поселений. В Ходженте, Ура-Тюбе, Пенджикенте возникли русские части. В середине 80-х годов XIX века началась русская колонизация Голодной степи на территории Ходжентского уезда (Касымов, 1968). В Ходжентском уезде образовались 18 русских поселков (Там же, с. 67), а при среднеазиатской железной дороге, на территории Северного Таджикистана, возникли населенные русскими станционные поселки Голодная степь, Черняево, Хилково, Спиридоново, Драгомирово, Ходжент, Веревкино, Мельниково. В Исфаринском и Канибадамском районах при угольных копях и нефтепромыслах возникли русские поселки. «Появление в крае несколько десятков тысяч русских войск, чиновников и торговцев, ничего материально не производивших, а вместе с тем привыкших к удовлетворению, сравнительно с умеренными и экономными туземцами относительно широких потребностей, а потому и непрестанно предъявлявших требования на значительные количества разного рода сельскохозяйственных продуктов, живности, топлива, фуража, строительных материалов и т. п., сразу же дало сильный толчок расширению

многих отраслей туземного сельского хозяйства, лесоводства, садоводства и виноградарства» (Наливкин, 1913, с. 89). Следует отметить и другую более прогрессивную сторону расселения русского населения. Русские крестьяне и рабочие создавали новые производительные силы и вокруг их поселений образовались новые территориально-хозяйственные единицы, где протекали взаимосвязи и сближение с таджиками. Все эти факторы способствовали развитию производительных сил, были основой роста общественного разделения труда между городским и сельским населением, разными этническими подразделениями Северного Таджикистана. «Уровень развития производительных сил нации обнаруживается все нагляднее в том, в какой степени развить у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила, поскольку это просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель), влечет за собой дальнейшее развитие разделение труда» — писали К. Маркс и Ф. Энгельс (соч. т. 3, с. 20). Рост разделения труда стал важным рычагом развития городского и сельского населения Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв.

Развитие городского населения выразилось в первую очередь в росте и новой застройке городов Северного Таджикистана, появлением в них торгово-промышленных заведений, образования новых частей города и новых жилых кварталов. Основой развития городского населения было увеличение его численности. Хотя, как уже говорилось, статистические данные по XIX в. неточны и для более ранних десятилетий 2-й половины прошлого столетия преуменьшены, рост населения несомненно имел место. В Северном Таджикистане — в Ходжентском уезде Самаркандской области, в Исфаринском и Чустском уездах Ферганской области, в 70-х годах XIX в. население превышало 100 тысяч человек («Русский Туркестан», I, 1872, с. 4—5; ЦГА Тадж. ССР, ф. 19, оп. I, д. 1458, л. 5—9), а в 1915—1917 гг. 300 тыс. человек. (Заорская, Александер, 1915, с. 552; Материалы, вып. 4, 1924, с. 105). Если в 70-х годах прошлого века насчитывалось в городах: Пенджикенте — 2,4 тыс. человек, Исфаре — 2,9 тыс. человек, Канибадаме — более 4 тыс. человек, Ура-Тюбе — 7,8 тыс. человек, Ходженте — 20 тыс. человек, то в 1915—1917 гг. в них проживало: в Пенджикенте — 5,5 тыс. человек, Исфаре — 9,2 тыс. человек, Канибадаме — более 17 тыс. человек, Ура-Тюбе более 23 тыс. человек, Ходженте — около 42 тыс. человек. По имеющимся в нашем распоряжении сведе-

ниям, за 40 лет (1876—1916 гг.) население Северного Таджикистана в целом возросло в три раза: так же значительно выросли города Канибадам в 4,2 раза, Исфара — в 3,1 раза, Ура-Тюбе — почти в 3 раза, Пенджикент — в 2,3 раза, Ходжент — более чем в 2 раза. По такому важному показателю развития городской жизни, как темп роста его населения Северный Таджикистан стоял в одном ряду с развитыми областями Туркестанского края и опережал Бухарский эмират и Хивинское ханство. Вместе с тем, по численности населения Ходжент — крупнейший город Северного Таджикистана был меньше Намангана, Самарканда и Андижана, не говоря о Ташкенте и Коканде, равнялся с Маргеланом и Ош. Ура-Тюбе был равен с городом Верным (СИЭ, 1963, 4, с. 578). По сравнительным данным, городского населения в Ура-Тюбе, Канибадаме и Исфаре соответственно было больше чем в таких крупных городах Бухарского эмирата как Карши, Шахрисябз и Китаб (Сухарева, 1958, с. 117, 118, 130, 131). Разница в численности населения городов Северного Таджикистана, в частности Ходжента и средних городов Европейской части царской России была небольшая. Так, по данным переписи 1897 г. в Белгороде проживало 27 тысяч человек, в Брянске — 25 тыс. человек, Владимире и Вологде по 28 тыс. человек, Липецке — 20 тыс. человек, Новгороде — 26 тыс. человек, Нижнем Тагиле — 30 тыс. человек, Рязане — 46 тыс. человек, Калуге — 49 тыс. человек (СИЭ, 4, 1963, с. 578—581). В 60—90-е годы XVIII в. типичным для Московской губернии был город с двумя тысячами жителей (или точнее 2242) (Полянский, 1960, с. 39).

Процент городского населения в Северном Таджикистане был высоким. В начале XX в. из более 300 тыс. человек населения, горожане составляли 96,7 тыс. человек или 30%. По численности горожане в Ходжентском уезде составляли 27,4%, в Самаркандском — 23,5%, Джизакском — 13,5%, Каттакурганском — 10,3% (Материалы, ч. I, вып. 5, 1924, с. 91).

Увеличение городского населения происходило как за счет естественного прироста, так и путем переселения в город избыточного земледельческого населения. В целом это не было новым явлением в истории городов Средней Азии. Б. А. Литвинский по историческим источникам выявил массовый приток крестьянства в города Средней Азии X в., как об одной из важнейших причин их особого подъема (1953, IV, с. 67). Однако, выявленный нами процесс роста городского населения за счет сельских жителей происходил в условиях разложения феодализма, зарождения и развития элементов капиталистических отношений и колониального положения Средней Азии.

В городах Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв. происходило динамичное развитие отраслей ремесленного производства, рост населения, занятого ремеслом и особенно торговлей. Анализ материалов всеобщей переписи 1897 г. и этнографические сведения о жителях городов Северного Таджикистана позволили установить примерный вес разных занятий в экономической жизни населения: в г. Ходженте ремеслами было занято приблизительно более 40% жителей; земледелием — около 35%, торговлей — более 20%; в г. Ура-Тюбе ремеслами — 44%; торговлей — 19,5%; земледелием — 19,5%; в Канибадаме — ремеслами более 48%; земледелием — 29%; торговлей — более 6%; в Исфаре земледелием — 40,6%, ремеслами — 30,7%, торговлей 7%; в Пенджикенте земледелием более 50%, ремеслами около 30%, торговлей — около 10% населения.

Основным критерием уровня развития городской жизни в эпоху феодализма, была степень отделения ремесла от земледелия. Хотя, из приведенных сведений явствует, что в Ходженте, Ура-Тюбе и Канибадаме, ремесленно-торговое население преобладало над земледельческим, а в Исфаре ремесленно-торговое население было почти равным земледельческому, ремесленники не всегда были отделены от земледелия и уровень отвлеченности в них был разным. Этнографические сведения позволили выяснить, что в Ходженте, Канибадаме и Исфаре большинство ремесленников отделились от земледелия и круглый год занимались только своим промыслом, иногда совмещая его с торговлей или с другим подсобным промыслом. Например, гончары, выделывавшие посуду, в определенные сезоны изготавливали лакомство — «нишало» (взбитый яичный белок с сахаром), для того, чтобы вместе с ним продать и свои изделия. В отличие от этих городов, для подавляющей части ремесленников Ура-Тюбе и Пенджикента, сочетание ремесла с садоводством и полеводством, было правилом. Живя летом в загородных дачных местах, ремесленники этих городов продолжали выполнять свою работу, выбирая время на уход за садом и огородом и обеспечивая семью сельскохозяйственными продуктами, которые на рынке не покупали. Ремесленников, связанных с земледелием, по нашим материалам можно разделить на три категории: в первую, войдут ремесленники, пользовавшиеся загородными садами, как сугубо дачным местом и не производившие сельхозпродукции. Во вторую — такие ремесленники, для кото-

рых дачные места были важным подспорьем в хозяйстве и снабжали их семью всем необходимым — фруктами, овощами, фуражом; к третьей категории можно отнести таких, загородные сады и пашни которых, были товарным хозяйством, а ремесло являлось занятием только зимним. Среди ремесленников города Ходжента, Канибадама и Исфары, преобладали две первые категории, а для Ура-Тюбе и Пенджикента, вторая и третья категории.

Выражением развития сельского населения были рост размеров их поселений, образование новых загородных кварталов, увеличение численности сельского населения и товарности его сельскохозяйственного производства. По хозяйственным занятиям населения выделялись следующие типы сельских поселений: земледельческие, ремесленные, торгово-ремесленные. Рост торгово-ремесленного значения сельских поселений привел к усилению городков, как центров экономических подрайонов и исторически сложившихся районов. В XIX — начале XX в. в Северном Таджикистане городки представляли отдельный тип поселений — это было среднее между городом и кишлаком. За этот период число городков увеличилось от 9 до 12, а торговых селений от 5 до 14. Рост торгово-ремесленного значения сельских поселений Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв., на наш взгляд, являлся выражением максимального развития товарно-денежных отношений.

Взаимоотношения городского и сельского населения Северного Таджикистана в конце XIX — начале XX вв. были многообразны. Они проявлялись как экономические, социальные, культурные и этнические связи. Экономические взаимоотношения городского, земледельческого и скотоводческого населения происходили через обмен и торговлю. Город функционировал как поставщик подавляющей части употребляющихся сельчанами ремесленных изделий, а также сельскохозяйственных и животноводческих продуктов, которые попадали туда из одних районов и через городской рынок вывозились в другие районы. Земледельческие оазисы и скотоводческая округа снабжали город сельскохозяйственным товаром, сырьем, некоторыми изделиями ремесленного производства. Рыночная связь, в течение изучаемого периода усилилась. Это выразилось в замене натурального и простого товарного обмена, товарным обращением, осуществляемое посредством купли и продажи. Наряду с расширением товарного обращения на старых рынках, в исследуемый период образовались новые базарные пункты. По сведениям

А. А. Кушакевича, в 60-х, начале 70-х годов XIX века только в пределах Ходжентского и Ура-Тюбинского районов, рынки находились в городах Ходженте, Ура-Тюбе, городках Костакозе и Нау, торгово-ремесленных селениях Гулякандоз и Исфаре. К началу XX в. новые рынки действовали в городке Исписар и селении Тагоб, станционном поселке Драгомирово Ходжентского района, в городке Ганчи-Газандарак, селениях Панджшанбе и Шахристан Ура-Тюбинского района. Таким образом, только в двух названных районах были открыты 6 базарных пунктов. Если во всех районах Северного Таджикистана в первой половине XIX в. действовали 19 базарных пунктов, то к началу XX столетия их число перевалило — за 30.

Проводниками экономических связей города с сельскими жителями были отходники — горожане и сельчане, странствующие торговцы. Через них эти связи приобретали характер личных отношений знакомства — «ошноғи» и клиентства — «мичоз». Нередко посредством таких связей происходили брачные отношения.

Социальные взаимоотношения городов и селений выражались в действиях городских предпринимателей, скупщиков, землевладельцев, эксплуатировавшие как городскую бедноту, так и сельских жителей-поденщиков, жнецов, издольщиков. Последние выполняли разные сезонные работы, как в хозяйствах горожан, так и у сельских богатеев. В культурных взаимосвязях первенство держал город: в городских медресе и мактабах учились и сельские ученики. Городское духовенство являлось проводником ислама в селениях и по скотоводческой округе.

Этническая связь городского и сельского населения была обусловлена общностью их происхождения, стимулировалась заключением браков и сближением разных по происхождению групп. Население Северного Таджикистана исследуемого периода формировалось из местного автохтонного таджикского этноса, происходившего из древних согдийцев и ферганцев и различных групп происходивших из прилегавших историко-этнографических областей и этно-культурных регионов: Ферганской долины, Зерафшана, Ташкента, южной Киргизии, районов Фальгара, Матчи, Ягноба, Фана, Каратегина и Гиссарской долины и Кашкадарьи. Характер расселения исторически сложившихся подразделений населения в районах Северного Таджикистана, определялся происхождением, особенностями хозяйства и быта, географическим положением района, направлением главных, пересекавших его путей и дорог. Исконное таджикское

население расселялось, обычно, в городах и пригородах, в городках и торгово-ремесленных селениях, в кишлаках, расположенных в зонах орошения главных магистральных арыков. К ним примыкали таджики-переселенцы, которые поселялись в новых кварталах, расположенных на городских окраинах или сельских районах, образовав кишлаки вдоль ответвлений магистральных арыков. Дештикипчакские узбеки расселялись в низовьях арыков внутри культурных оазисов или вокруг них. Расселение этногруппы «тюрк» прослеженное нами в Северном Таджикистане подтверждает положение Б. Х. Кармышевой по этому вопросу (1960, № I, с. 5).

В формировании сельского населения районов Северного Таджикистана большую роль сыграли выходцы из их городских центров. Так, выходцы из Ходжента, Ура-Тюбе и Канибадама, участвовали в сложении многих пригородных и дальних кишлаков своего района. Ряд кишлаков Исфаринского района был по преданиям, основан переселенцами из города Исфары. Эта черта этнической истории населения Исфаринского района была выявлена Н. А. Кисляковым (1954, с. 44—45). Основателями кишлаков предгорных и равнинных оазисов Аштского района, предание считает людей родом из городков Ашт, Пангаз, Шайдан, Камышкурган. Такие предания исходившие из дислокальности поселений, вероятно отражают процесс создания новых культурных оазисов населением древних очагов цивилизации Северного Таджикистана.

Переселение отдельных групп из соседних, или более отдаленных районов было важным фактором в формировании населения. Так, в формировании населения Ура-Тюбинского района участвовали различные этнические группы из Джизакского, Зааминского, Бекабадского, Науского, районов. В население Исфаринского района влились выходцы из соседней таджикской Сохской долины, киргизского Баткентского и Лайлакского районов, узбекского — Кокандского и Бешарыкского районов. В состав населения Аштского района включились таджики из селений Северной Ферганы и Канибадама, узбеки из Кокандского и Бешарыкского районов и из кишлаков, расположенных на западном склоне Кураминского хребта. Наибольшей пестротой этнического состава отличались районы, находившиеся по большим путям торговли, сообщения, миграции, эмиграции, на стыке этно-культурных регионов. Таковыми являлись Ура-Тюбинский, Науский, Канибадамский, Аштский и Пенджикентский районы.

Приведенные сведения об этническом составе населения

городов и селений Северного Таджикистана, свидетельствуют, что в формировании населения области, значительную роль играли таджики из горных районов. Через проходы Шахристана, Оббурдона, Камодона происходили переселения таджиков из Фальгара, Матчи, Ягноба, Фана, Гиссара и Каратегина в Ура-Тюбинский, Науский, Ходжентский, Канибадамский и Исфаринский районы. Кроме больших групп переселенцев, в состав населения Северного Таджикистана вошли и многочисленные горцы-отходники, осевших на равнине. В частности, множество потомков горных таджиков отмечено нами при собирании этих сведений в пригородах Ура-Тюбе, микрорайонах Дальяна, Панджшанбе и в подрайоне Ганчи. Переселение горцев в равнинные районы Ферганской долины, в большинстве случаев, были связаны с драматическими событиями, происходившими в Матче, Ягнобе, Фальгаре, Гиссаре, Каратегине: эпидемиями, страшным голодом, феодальными и территориальными междоусобицами, а также суровыми природными условиями, вызывавшими постоянную нужду. Переселение происходило и путем отходничества (Хамиджанова, 1974, с. 12—13). По рассказам старожилов, переселение горцев в равнинные районы происходило также через систему «ошногй» — знакомство. Занимаясь отходничеством, или перегоняя овец для зимовки в равнинные кишлаки, горцы из Матчи, Ягноба, Каратегина заводили знакомство с жителями Ура-Тюбинского района и иногда вместе с семьей, переезжали к ним на постоянное жительство. Образование ряда селений и кварталов таджиками из Матчи, Фальгара, Ягноба, Гиссара, по устным сведениям, приведенным нами в соответствующих разделах относится к XVIII—XIX вв.

Таким образом, в состав населения Северного Таджикистана вошли таджики, которые известны под названием «галча». Согласно В. В. Бартольду слово «гальча» происходит от «гар»— гора (отсюда область горцев называли Гарчистан) (Бартольд, II (I), 1963, с. 458).

В период позднего средневековья население Северного Таджикистана, основой которого были местные таджики, состояло из «тюрков», дештикипчакских узбеков, казахов, киргизов, арабов, и т. д. «Тюрки» расселялись вокруг Шахристана, Ура-Тюбе (селения Чорбог, Ниджони), Дальяна (Карасакол, Чирой, Нафароч, Кармыш, Туркоб), Панджшанбе (Янги арык, Аучи, Бовутак) к югу от Ходжента (Бешкентский оазис). Большое изменение внесло расселение в Средней Азии дештикипчакских узбеков в XVI и XVII вв. В XVIII — первой половине XIX в.

значительные группы узбеков вторглись в пределы Ура-Тюбинского, Ганчинского, Науского районов. О местах их расселения и оседания свидетельствуют народные предания и топонимы: Холдор кипчак, Каирма, Карапчи, Ишкалы, Марка вокруг Шахристанского оазиса; Балгали, Тапкок, Уялы, Баявут, Уязь, Ачамайли, Парчаюз вокруг Ура-Тюбинского оазиса; Мангит, Муджун, Каробуйин, Итарчи, Кенегас, Кизили вокруг Ганчинского оазиса; Лангар, Тагаяк, Хтай, Хтай-реза и других кишлаков Науского района. Группа дештикипчакских узбеков «катаган» образовала в Ходжентском районе одноименный кишлак. В Канибадамском районе расселились узбеки этногрупп «кипчак», «баявут», «минг». Сохранились этнонимы в названиях селений Мингбой, Калъачаи кипчок и других. В состав населения Аштского района также включились дештикипчакские узбеки. По собранным нами сведениям, их потомки в начале XX в. населяли большинство кишлаков равнинных микрооазисов Аштского района. Характерно, что к названиям поселений полуоседлых узбеков прибавлялось слово «курган».

Но часть старого населения Северного Таджикистана иногда покидало свою родину. Завование Средней Азии шейбанидами сопровождалось угоном и выселением части местного населения. Так, по сочинению «Нусратнаме», военоначальники Шейбани-хана увели из Ходжента 3 тысячи человек в рабство, выселили 1500 пленников вместе с 200 тысяч голов овец, 5 тысячами лошадей (Ахмедов, 1965, с. 95). Запустевшие городские кварталы и кишлаки заселяли группы дештикипчакских узбеков. Крупное этническое разделение населения произошло в первой половине XIX в.

В XVII—XIX вв. в Ферганской долине расселялись новые группы узбеков «юз», «кипчак». Примерно в тот же период, группа «туяклы» из-за Сыр-Дарьи двигалась со стороны Ташкента на юг через Чиназ и дойдя Джизак, она разделилась на две части: одна дошла до Науского оазиса и там осела в Лангаре и других кишлаках. Другая группа продвинулась на юг в сторону Пенджикентского оазиса и, согласно А. Д. Гребенкину, «дошла до Суфияна, врезавшись таким образом в сплошное население галча» (Там же, с. 69). Группа «минг», из которой происходила последняя династия Кокандских ханов, была преобладающим среди дештикипчакских узбеков в полосе идущей от Нау через Ура-Тюбе и Заамин до Джизака включительно. На некоторое время этой династии удалось подчинить Исфару (Обозрение Кокандского ханства, 1849, с. 202).

Важным этапом в истории заселения Ферганской долины и Верхнего Зерафшана явился XVIII век. Фергана, в том числе и северные районы Таджикистана, в этот период была обособленным владением (История Узбекской ССР, I, 1967, с. 560). По словам П. П. Иванова, «заселению Ферганы в значительной мере способствовали политические события первой половины XVIII в., в особенности смута в Бухарском ханстве»[1] (1958, с. 179), когда враждовавшие друг с другом бухарские феодалы подвергали разорению города и селения своих противников (Семенов, 1963, с. 6) и сотни жителей Бухары и Самарканда были вынуждены покинуть свои родные места. Часть их ушла в Фергану, Пенджикент и Гиссар. Именно в этот период группы таджиков из Бухары и Самарканда поселились в городах Ура-Тюбе и Пенджикенте.

К югу от Науского, Ходжентского, Канибадамского и Исфаринского оазисов расселились киргизы. Это произошло в первой половине XIX в. (Лыкошин, 1905, с. 190).

Одно из политических событий, сыгравших важную роль в переселении новых этнических групп в Ферганскую долину, в первой трети XVIII в., вошло в историю под названием «джунгарские войны», «нашествие калмыков» и «разруха XVIII в.». Эти события упоминаются А. Левшиным, В. В. Бартольдом, Н. А. Аристовым, изучены М. Т. Танышпаевым (Левшин, 1932, с. 69—72; Бартольд, II (I), 1963; Аристов, 1896, № 3—4, с. 387). В последней четверти XVII в. казахские султаны «опустошали бассейны Чирчика и Ангрена, подвергая самый Ташкент безуспешным осадам» (Аристов, 1896, № 3—4, с. 387). В результате этого, отдельные группы ташкентцев и жители города Шахрухия (в долине Ангрена) полностью ушли оттуда и разбрелись по разным местам. Часть их поселилась в кишлаках Ходжента и прибрежной полосе Науского района. Однако, трагедия постигла самих жителей Старшей и Средней орды казахов в 1723 г., когда калмыки, устроив всеобщий погром и массовую резню, во главе сильного войска хана Цевана Рабтана вторг-

[1] Предание об уходе значительной части населения Самарканда в Фергану записал В. П. Наливкин. См. Его. Краткая история Кокандского ханства..., стр. 22. Запустение Самарканда в первой половине XVIII в., отмечено О. А. Сухаревой. См. ее: К вопросу о развитии городской жизни, стр. 44. О. Д. Чехович в одной из своих работ пишет: «Особенно быстро в изучаемое время (XV—XVIII вв.), росли города Ферганы и Ташкента, куда переселилась часть ремесленников Самарканда и Кашгара, где в то время свирепствовали войны». См. К истории Узбекистана в XVIII в., Труды института востоковедения, вып. III., Ташкент, 1954, стр. 56.

лись в казахскую степь. Казахи, потесненные калмыками, двинулись в Среднюю Азию в свою очередь потеснив кочевые и полукочевые народы. Последние вынуждены были искать себе место в оседлых районах, где в результате этого началась разруха, сказавшаяся и на состоянии городов. Откочевала в области Ходжента часть населения большой и средней казахской орды. Следует отметить, что состав переселившихся в Северный Таджикистан был весьма пестрым. Наряду с жителями Ташкента и Сайрама в их состав входили смешанные узбекские и казахские племена «найман», «уйсын», «джалаир», «кипчак». Из них впоследствии формировалась большая часть узбекоязычного населения г. Ура-Тюбе с его пригородами и Науского района.[1] На это указывает топонимия ряда жилых кварталов Ура-Тюбе, Нау и Канибадама, получивших название «Казокон» (казахи).

В. Наливкин сообщает, что около того же времени 1702—1784 гг.) значительное количество эмигрантов пришло в Фергану и из Самаркандской области (1886а, с. 61). Голодные толпы беженцев наводнили Фергану и прочие местности и ввергли в голод и оседлое население. Н. А. Аристов обобщая результаты переселения этнических групп писал «Весьма возможно, что начало кураминцев относится к концу первой четверти XVIII в. и находится в связи с покорением большой орды и Ташкента цзунгарами» (калмыками — Н. Т.).[2] «Кураминцы», среди которых были и таджики из охваченного смутой городов и селений Ташкентской области, пришли в пределы Аштского района и поселились в зоне орошения многочисленных ключей в средней части горной равнины.

Одним из важных направлений формирования населения Северного Таджикистана в конце XIX — начале XX вв. являлись этнические процессы так называемого объединительного характера: консолидация, ассимиляция и интеграция (Бромлей, 1973, с. 157). Консолидация таджиков совершалась в городах, городках, торгово-ремесленных селениях, где в среде местных таджиков растворялись таджики — выходцы из Матчи, Фальгара, Ягноба, Фана, Гиссара, Каратегина, из Самарканда, Бухары, Ургута, Дахбеда Зерафшанской долины, из Касана,

[1] Это жители кварталов Вогат, Мулжар, Сорбони казокон, Сорбони заргарон, Сорбони боло, Найман в г. Ура-Тюбе.

[2] Н. А. Аристов, 1896, № 3—4, с. 386. По материалам переписей 1917 и 1920 гг. в Ходжентском уезде жили 9330 человек «курама». Подробно о «кураме» см. В. В. Бартольд, соч. т. V, 1968, с. 552—553.

Чуста и Соха Ферганской долины. При этом слияние равнинных таджиков, по сравнению с горцами совершалось быстрее. Важным явлением консолидации являлось сближение контактировавших исторически сложившихся подразделений таджиков, расселившихся по районам, постепенное стирание особенностей, хозяйственной обособленности, исчезновение земляческих самоназваний («ходжентец», «ура-тюбинец», «канибадамец» и т. д.) и распространение общего этнонима «таджик». Показательно, что в материалах Всероссийских переписей, относившихся к районам Северного Таджикистана, группа «сарт» встречается редко. Этническая ассимиляция — таджикизация охватила группы узбеков-сартов, выходцев из Ташкента, Сайрама, Коканда, Джизака, узбеков группы «тюрк», «юз», «найман», «курама», туркменов — «эрсари», киргизов, арабов, евреев-мусульман. При этом численное преобладание таджиков, смешанное и черезполосное расселение разных этнических групп среди них благоприятствовали процессу таджикизации.

Консолидация и ассимиляция, происходившие на базе возрастания экономических связей исторически сложившихся подразделений таджиков, разных хозяйственно-культурных типов являлись основой вступления таджиков в полосу оформления буржуазной нации. В рассматриваемый период происходило и этническое развитие узбеков Северного Таджикистана. Сближались «тюрки» и различные группы дештикипчакских узбеков, в частности, в Науском районе. В городке Кушкак, в селениях Патар, Калпаса, Яккатерак, Шахид кара-янтак, Хами джуй происходила узбекизация части арабов и таджиков, аналогично в Бухаре (Сухарева, 1958, с. 65—108). В селениях Офтобру и Матпари Исфаринского района, нами отмечена узбекизация киргизов. Таким образом, наши данные соответствуют выводам исследователей о том, что «из основных народов Средней Азии более всего продвинулись к началу XX в. по пути национального становления таджики, узбеки и казахи» (Жданко, 1975, с. 53).

В конце XIX — начале XX вв. процессы межэтнической интеграции трех близких народов — таджиков, узбеков и киргизов Северного Таджикистана еще более усилились, межнациональное взаимодействие разных этносов обогатилось в связи с расселением русского населения.

Важные изменения произошли в характере межнациональных связей населения Северного Таджикистана. Присоединение Средней Азии к России обусловило развитие торговли и товар-

но-денежных отношений у этнических подразделений, заложило основы тесных хозяйственных и культурых связей между таджиками, русскими, узбеками и киргизами. Сложились многонациональные поселения, где совместно жили таджики, русские, узбеки, киргизы (городок Исписар в Ходжентском районе, нефтепромысловые, горняцкие поселки в Канибадамском и Исфаринском районах). Межнациональные хозяйственные и культурные связи базировались на разделении труда и специализации этнических групп по производству тех или иных видов продуктов. Таджикское население — предки которых были создателями городов и городской культуры, Средней Азии, занимались ремеслами, торговлей, садоводством и полеводством, узбеки — зерноводством и скотоводством, киргизы — животноводством и хлебопашеством, русские работали в фабрично-заводских заведениях, железной дороге, нефтепромыслах и в угольных шахтах. Между ними на рынках, в повседневной жизни осуществлялось постоянное хозяйственное общение. Нами выявлены факты специализации отдельных этнических групп в ремесленном производстве и внеземледельческих промыслах. В городах таджики — выходцы из Матчи занимались кондитерским делом, изготовлением и продажей варенного гороха; каратегинцы нанимались маслобойщиками, рабочими хлопкоочистительных заводов и пастухами; ягнобцы работали поденщиками. Различные этногруппы узбеков были седельщиками, мастерами шорного дела скорняками, выделывали меховые шапки, чекмени, шерстяные изделия, были мясниками, плетенщиками циновок, плотогонами, паромщиками и погонщиками верблюдов. Киргизы валяли кошмы, ткали паласы, вили веревки; евреи славились красильным делом. Межнациональное хозяйственное разделение труда четко выделялось, например, в Аштском районе. Таджики городков Ашта, Шайдана, Пангаза и Камышкургана специализировались как металлисты — кузнецы, ткачи, пекари, занимались добычей соли. «Тюрки», населявшие кишлак Ашаба, выделялись как специалисты по тканью паласов в полоски, узбеки-скотоводы — по выделке шерстяных изделий, шкур, кожи. Хозяйственным и экономическим связям, «в процессе развития которых неизбежно усиливалось повседневное общение людей различных национальностей, взаимное ознакомление с условиями их жизни и быта, культурными навыками и т. д.», принадлежала значительная роль во всем большем сближении коренного и русского населения Средней Азии (Лунин, 1972, с. 28). На этой основе зародилась классовая солидарность трудящихся масс Средней Азии с российским пролетариатом — одна из предпосылок социальной революции в крае.

Одним из главных факторов развития городов и селений Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв. являлось нарастание их противоположности. По словам Б. А. Литвинского «главная предпосылка (развития города — Н. Т.) — общий подъем производительных сил и рост ремесла, разделение труда между городом и деревней, создание противоположности между городом и деревней в известной мере складывался уже в X в.», (1953, IV, с. 61). Основу городской экономики составляло ремесленное производство — форма мелкой промышленности, свойственной эпохе феодализма — а в сельской экономике — земледелие и животноводство. Главная противоположность между двумя компонентами общественного организма заключалась в концентрации производительных сил (средств производства и рабочей силы) в городах и их раздробленность в селениях. Городское ремесло, в частности, техника ремесленной промышленности Ходжента, Ура-Тюбе, развивалась быстрее, чем сельское ремесло. Городскими ремесленниками вводились некоторые технические новшества, механизировались трудовые процессы, развивалось детальное разделение труда, укрупнялось производство, в то время, как отдаленным селениям были присущи натуральный характер хозяйства, малоземелье, рутинная земледельческая техника. Города явились центрами культуры, в которых развивались демократические и светские элементы. Трудящиеся сельских местностей были отсталыми в культурном отношении. В городах тормозом в развитии социальной и духовной культуры была свойственная феодальному обществу замкнутость каждого ремесла в узких рамках ремесленной цеховой организации, а быта горожан в тесных рамках соседских квартальных общин: «Уже первое крупное разделение труда — отделение города от деревни — обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других. Если крестьянин овладевает землей, а горожанин — своим ремеслом, то, в такой же степени, земля овладевает крестьянином, а ремесло — ремесленником. Вместе с разделением труда, разделяется и сам человек» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, соч., т. 20, с. 303). Противоположность городов и селений усугублялась увеличением товарности хозяйства и зарождением капиталистических отноше-

ний. Эксплуатация широких слоев сельской бедноты со стороны городских предпринимателей, землевладельцев, скупщиков, торговцев, духовенства усилилась. Эксплуатация имела разные формы: городские предприниматели-мануфактуристы раздавали сельским ремесленникам материалы, сырье, получали готовую продукцию; труд сельских ремесленников низко оплачивался. Они опутывались долговыми обязательствами. Городские скупщики, торговцы, лавочники наживались на торговле с сельским населением, продавая крестьянам ремесленные товары по высокой цене, а материалы, сырье, продукты земледелия и животноводства, покупая по дешевке. Городское духовенство эксплуатировало труд дехкан на вакуфных землях, принадлежащих медресе, мазарам, мечетям. Городские торгово-промышленные круги и ростовщики, путем выдачи кредитов, разоряли тружеников села. Возрастание противоположности городов и селений, явилось одной из предпосылок социальной революции в крае.

Важнейшим показателем степени развития города следует считать характер промышленного производства. В этой работе, по этому вопросу, даны лишь краткие сведения, но выполненное ранее специальное исследование ткацкого производства Ходжента, на которое мы опирались, изучая развитие ремесла и промыслов в городах и селениях Северного Таджикистана, позволяют дать здесь оценку развития городов и селений этого региона и поэтому каждому показателю.

Промышленность Северного Таджикистана вплоть до революции оставалось ремесленной. По уровню техники, экономическому строю, степени товарности, ремесло, как вид хозяйственного занятия населения, делилось на городское и сельское. Особое развитие, на всех этапах феодализма, имело городское ремесло. В. И. Ленин называл ремесло «необходимой составной частью городского быта...» (соч., т. 3, с. 329). Особенностями городского ремесла являлось владение упрощенными улучшенными, разнообразными рабочими инструментами (К. Маркс. Капитал, соч., т. 23, с. 353), членение на множество отраслей и специальностей, развитие в ремеслах мелкотоварного производства, с дальнейшим развитием которого была связана отвлеченность ремесла от земледелия. Сельское ремесло, как и мелкое патриархальное земледелие, характеризовалось рутинностью, раздробленностью и узостью специализации. Важной чертой сельского ремесла было то, что оно служило лишь «дополнением крестьянского хозяйства» (В. И. Ленин, соч., т. 3, с. 329), в связи с чем оно носило, часто, характер домашних промыслов,

не выпускало товарных продуктов или не имела непосредственных связей с рынком. В сельских условиях получали развитие такие промыслы, как прядение бумажной, пуховой, шерстяной пряжи, бумажное ткачество, размол муки, убой скота, маслоделие, валяние кошм, выделка паласов, тканье грубых шерстяных материй, плотничество, гончарство.

Рассмотрим формы городского и сельского ремесла Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв. Наиболее простой и примитивной формой ремесла являлись домашние промыслы. К этой форме промышленности, В. И. Ленин относил «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство... Промышленности как профессии еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое» (Соч., т. 3, с. 328—329). Домашнюю промышленность в Северном Таджикистане называли «касби худ бар худ» (буквально «сам по себе»). Эта форма ремесла существовала в таких отраслях, как обработка бумажного волокна, кожи, дерева, выработки пищевых продуктов (муки, растительного масла), изготовлении простейшей обуви, паласов, ковров. Домашняя обработка волокна, выделка паласов, ковров была женским промыслом. Остальными видами домашних промыслов занимались, главным образом, мужчины. Разделение труда существовало между членами семьи — по полу и по возрасту. Продукция промыслов изготовлялась, конечно, для нужд членов семьи, но, иногда, ее делали и для родственников, т. е. все же отпускали на сторону. Домашняя промышленность в Северном Таджикистане существовала у различных этнических групп. Эта форма промышленной деятельности была распространена в отдаленных от городов глухих селениях. Нами выявлен факт размещения домашних промыслов и в земледельческих пригородных селениях. Но в последних домашняя промышленность являлась принадлежностью мелкотоварного крестьянского хозяйства, а не натурального.

Домашняя выработка изделий не из своего, а из привозного или чужого материала и изготовление продукции не для себя, а для родственников была первым шагом в эволюции этой формы. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадле-

жать при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой». (В. И. Ленин, соч., т. 3, с. 329).

Исключительно по заказу работали и некоторые городские ремесла, как кручение шелковой грежи, красильное дело, выделка ткацких станков, вязка гребней и ремиз для ткацкого станка и изготовление оборудования маслобоек и мельниц. Такого рода ремесленники являлись детальными работниками в системе разделения труда в городской промышленности. Многие ремесленники в городах сочетали работу по заказу с мелкотоварным производством. В селениях ремесло, продукция которого изготавлялась по заказу, являлось придатком земледельческого хозяйства. «Известный процент сельского населения представляют из себя специалисты-ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.». (В. И. Ленин, соч., т. 3, с. 329). По сравнению с своими городскими собратьями, которые в большинстве были отделены от земледелия, сельские ремесленники, работавшие по заказу были крепко связаны с землей. «В этой форме промышленности нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства. Продукт труда ремесленника не появляется на рынке, почти не выходя из области натурального хозяйства крестьянина» (В. И. Ленин, соч., т. 3, с. 330—331).

Сельские ремесленники, работавшие по заказу, расселялись в кишлаках, которые размещались в путях сообщения межрайонного и межобластного значения. Такие кишлаки находились в микрорайоне Панджшанбе, подрайоне Ганчи и в сельской округе Ура-Тюбе, их примерами может служить Гулякандоз-Ходжентского, Кушкак-Канибадамского, Ашт, Пангаз, Шайдан, Камышкурган-Аштского районов. Сельские ремесленники, работавшие по заказу назывались «хунарманди нӯг» («ремесленник, получающий долю»), а оплата их труда «нӯг» («доля»). В глухих селениях Дальянского, Ростовутского, Шахристанского оазисов, микрорайонах Аштского, Науского районов кузнецы, починщики обуви, плотники, брадобреи содержались общиной земледельцев сообща. Их вознаграждал из своего урожая каждый земледелец. Такая оплата называлась «кафсан». Ремесленники, работавшие по заказу, отправлялись в определенные селения в качестве отходников. По словам В. И. Ленина, отход ремесленников на заработки в другие местности являлся «единственным элементом развития, присущим этой форме промышленности... Такой отход был довольно широко развит, особенно прежнее время, в наших деревнях; обыкновенно он приводил к тому, что в местах прихода устраивались самостоятельные ремесленные заведения» (соч., т. 3, с. 331).

На базе развития ремесла по заказу появилась новая форма мелкой промышленности — ремесло, производившее продукты для продажи, т. е. товары. Это была мелкотоварная ремесленная промышленность феодального типа, а такой ремесленник являлся товаропроизводителем. По местному словоупотреблению он назывался «косиб» («кустарь»). В. И. Ленин выявил несколько этапов мелкотоварного кустарного производства: обмен изделий ремесла на сельскохозяйственные предметы, появление скупщиков, скупавших изделия у мастеров в городах и в селениях и сбывавших ремесленные товары на разных рынках. Их функцией была реализация продукции ремесел в пределах области, страны и за ее границами. Это было важным этапом в истории феодальной промышленности. «Производство продуктов промышленности в виде товара кладет первое основание отделению промышленности от земледелия и взаимному обмену между ними» (В. И. Ленин, соч., т. 3, с. 332). Мелкотоварная ремесленная промышленность феодального типа получила значительное развитие в Северном Таджикистане. Она была характерна для ремесленных, торговых селений, городков и городов, охватывая такие отрасли, как обработка волокна, кожи, металла, изготовление одежды, пищевые промыслы, гончарное производство и выделку некоторых других предметов хозяйственного и бытового назначения. Боязнь конкуренции, которая могла нарушать монопольное положение мелкого товаропроизводителя, в период средневековья, усилило стремление квалифицированных мастеров укрепить цеховые корпорации. К. Маркс раскрыл основы цехового строя ремесла: «производство всюду подчинено потреблению, на которое оно заранее расчитывает, предложение подчинено спросу и поэтому производство расширяется лишь медленно» (Формы, 1940, с. 50). В первой половине XIX в. в такой ступени оставались такие отрасли мелкотоварной промышленности, которые имели сугубо узкое или особое значение, что лишало перспектив развития. К таким отраслям относились: изготовление оружия — ружей, са-

бель, дроби, пороха, пушек. В связи с присоединением Средней Азии к России, и увеличением привоза в край дешевых и лучших по качеству изделий из метрополии, некоторые из промыслов исчезли, а производство многих сортов бумажных тканей, чугунных котлов, гвоздей, игл, глазурованной посуды сократилось. Дальнейшая дифференциация хозяйств, производивших разные товарные продукции, появление новых территориально-хозяйственных единиц, расселения промышленного и земледельческого населения и расширение рынка сбыта в начале XX в. разлагали цеховой строй ремесла. Городское ремесло из производства главной целью которого являлось «обеспечение существования ремесленника, ремесленного мастера, стало быть, потребительская стоимость» превращалась в производство ради обогащения и меновой стоимости (К. Маркс, Формы, 1940, с. 50). В Северном Таджикистане конца XIX — начала XX вв., в некоторой степени, проявились, раскрытые В. И. Лениным, свойственные пореформенной России, два пути развития мелкотоварной промышленности: переселение мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых районов, на окраины; и образование, в старых ремесленных центрах новых мелких промыслов, также расширение промыслов, существовавших раньше. В рассматриваемый период некоторые шелкоткачи, ткачи, выделывавшие полупуховые ткани, кузнецы, гончары и прочие ремесленники переселились из Ходжента, Ура-Тюбе, Канибадама в городки и отдаленные торгово-ремесленные селения и в кишлаки, где, таким образом, появлялось ремесло, находившееся в руках квалифицированных мастеров. В городах и городках возникли такие новые промыслы, как производство абровых бекасабов, бумажной ткани с рельефом — «солори булўр», такие профессионалы, как жестянщики, портные, шившие на швейной машине, столяры, выделывавшие рамы, окна и парты, механики хлопкоочистительных заводов и водокачек, а объем производства ремесел, существовавших там раньше, расширился.

Еще в X в., в ремесле Средней Азии сложились такие социальные типы, как хозяин ремесленной мастерской, «который вел работу с помощью подмастерья («муздвар — получающий плату») и ученика» (Якубовский, 1932, с. 33). Развитие мелкотоварного ремесленного производства в конце XIX — начале XX в. привело к возникновению категории наемных работников, которые всю жизнь трудились в заведениях типа простой капиталистической кооперации. «Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом, в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией» (К. Маркс, Капитал, соч., т. 23, с. 337). Простая капиталистическая кооперация явилась той формой промышленности, из которой выросла капиталистическая мануфактура, характеризовавшаяся тем, что предприниматель (скупщик и разбогатевший мастер, ремесленник, кустарь) эксплуатировал более или менее значительное число наемных работников, одновременно выполнявших один вид работы. «Действие многих рабочих в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста, составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства» (К. Маркс, Капитал, соч., т. 23, с. 333). Заведения типа простой капиталистической кооперации появились в таких отраслях, как выделка бумажных материй «хоса» и «коки», набойки, изготовления кетменей, слесарных инструментов, чугунолитейных, гончарных изделий, обжиг кирпича, крупных пекарнях-лавках г. Ходжента и Ура-Тюбе.

В городском ремесле сложились два типа капиталистической мануфактуры — рассеянная и цетрализованная, это было большим прогрессом в ремесле: «...с одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разделение труда или развивает его дальше, с другой стороны — она комбинирует ремесла, бывшие ранее самостоятельными» (К. Маркс, Капитал, соч., т. 23, с. 350). В производство полупуховых материй и чекменей в г. Ура-Тюбе сформировалась рассеянная мануфактура, как и в изготовлении на продажу халатов в г. Ходженте. Централизованная мануфактура образовалась в ремеслах, выпускавших полушелковые, шелковые ткани, различные сорта обуви. Названные ремесла поставляли товары не только для районов Северного Таджикистана, но и для других областей Средней Азии, а также для России и заграницы. В этих отраслях, появление капиталистической мануфактуры было закономерно: «Мануфактура возникает там, где происходит массовое производство на вывоз для внешнего рынка...» писал К. Маркс (Формы, 1940, с. 48). Крупные предприятия возникли не только в городах, но и в шелкоткацкой промышленности селения Румон, Пули чукур и Ява — пригородах Ходжента. Формирование рассеянной и цетрализованной мануфактуры свидетельствует о

складывании капиталистического уклада в городской ремесленной промышленности Ходжента и Ура-Тюбе. «Вместе с тем, мануфактура не была в состоянии ни охватить производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которым было городское ремесло и сельские побочные промыслы» (К. Маркс, Капитал, соч., т. 23, с. 381). Вплоть до Октябрьской революции, в местной промышленности феодальный способ производства остался господствующим даже в самых развитых отраслях городской промышленности Северного Таджикистана.

По уровню развития производительных сил и производственных отношений в ремесленной промышленности, в частности, по ее техническому уровню — по степени механизации трудовых процессов, по численности городского населения вообще и числа горожан, занятых ремеслами, по специализации ремесленников, по развитию потоварного и детального разделения труда, города Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв. можно разделить на несколько типов. Для Ходжента было характерно применение улучшенных и более разнообразных рабочих инструментов (усовершенствованные крутильный, сновальный, утокоперематывающий станки, ткацкий станок с погонялкой, швейная машина), преобладающие по числу занятых ремесленным производством городского населения, ремесла отделившиеся от земледелия, развитое потоварное и детальное разделение труда в промыслах, промышленность достигшая формы централизованной капиталистической мануфактуры. По этим чертам Ходжент относился к городам, находившимся на стадии перехода от феодального города к капиталистическому.

Несколько улучшенная техника в области производства полупуховых материй, обработки кожи, изготовления обуви, чекменей (ткацкий станок с погонялкой, применение более эффективных дубильных веществ), преобладание в городе ремесленного населения, появление рассеянной мануфактуры были присущи городу Ура-Тюбе. Однако, в отличие от Ходжента, почти все горожане, в том числе ремесленники, имели загородные дачные места и вели в них сельское хозяйство, служившее важным подспорьем для них, обеспечивая семью ремесленника фруктами и овощами на целый год. В начале XX в. основную часть разорившихся горожан, которые отделились от загородных садов, составляли наемные работники. Таким образом, Ура-Тюбе

можно отнести к типу феодального города, в котором появились некоторые зачатки капиталистических отношений.

Для г. Канибадама, была характерна многоотраслевая мелкотоварная ремесленная промышленность, вооруженная традиционной техникой и охватившая основную часть горожан, утративших связь с землей. Вместе с тем, ремесленной промышленности г. Канибадама была свойственна узость рынка и местное, районное значение продукции и это было основной причиной отсутствия здесь заведений типа простой капиталистической кооперации. Только в области обработки шелкового волокна и изготовлении обуви в Канибадаме сложились заведения «семейной кооперации». Развитию городского ремесла Канибадама помешала также близость таких крупных центров ремесленной промышленности как Ходжент и Коканд.

Городу Исфара был свойствен двойственный характер занятия горожан, которые делились на почти равное по численности ремесленное и земледельческое население. Ремесленники Исфары не имели садоводческого и земледельческого хозяйства и круглый год занимались только своим промыслом, их продукция не выходила за пределы района. Критерием городского ремесла Исфары, как и Канибадама являлось образование «семейной кооперации» в изготовлении арб и писчей бумаги. «Семейная кооперация была основанием капиталистической кооперации» (В. И. Ленин, соч., т. 3, с. 346).

Преобладание земледельческого населения, ремесло, связанное с сельским хозяйством, были главными чертами города Пенджикента. Экономическая жизнь такого города носила аграрный характер, не ремесло, а земледелие составляло его потенциал. Но в рассматриваемый нами период происходил рост удельного веса ремесла в экономике города, и это свидетельствует о продолжавшемся процессе градообразования, становления города Пенджикента.

Динамичный процесс градостроительства, градообразования, развития городков Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв., изменения происходившие в содержании городской жизни позволяют нам считать указанный период новым историческим этапом в истории возникновения и развития оседлых поселений и городов Северного Таджикистана.

Изучение городов и селений Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв., в различных аспектах и проявлениях городской и сельской жизни, показало, что независимо от субъективных устремлений царизма, капиталистов, и помещиков

России, направленных на превращение Средней Азии в рынок продажи промышленных товаров и источник сырья для развивавшейся машинной индустрии метрополии, в крае условия, появившиеся раньше, стимулировали развитие населения. Край втягивался в процесс роста русского капитализма «вширь». Градостроительство и градообразование, развитие существовавших исстари промыслов и появление новых отраслей, изменение формы ремесленной промышленности городов и усиление ее значения в жизни сельчан, рост городков и других видов сельских поселений, формирование новых экономических подрайонов, нарушивших былую хозяйственную замкнутость районов, означали переход от феодализма к капитализму, ломку старого и сложение нового. Поэтому конец XIX — начало XX вв. в истории Средней Азии и Северного Таджикистана можно считать периодом разложения феодальных отношений и развития капиталистического уклада, максимального экономического развития. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» — писал К. Маркс. На основе конфликта между развитием капиталистических производительных сил и господством феодальных отношений складывались предпосылки социальной революции в крае. Детищем Великой Октябрьской социалистической революции стало формирование, расцвет и сближение советских социалистических наций Средней Азии.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Классики марксизма-ленинизма

К. Маркс. Капитал, т. I, В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, т. 23, М., 1961, с. 188—197, 333—381, 755—759.

К. Маркс. Капитал, т. III, В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. 25, ч. II, 1962, с. 349, 380—381.

К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, соч. т. 3, с. 20, 50—55.

Ф. Энгельс. Продвижение России в Средней Азии, соч., т. 12, с. 618—619.

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, соч., т. 20, с. 303.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, соч., т. 21, с. 21—27, 163—165.

В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. 3, гл. V, VI, VIII, с. 388—542, 553—662.

В. И. Ленин. Кустарная перепись 1894—95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной промышленности», соч. т. 2, с. 319—424.

Источники и литература

Абаза К. К., 1902 — Завоевание Туркестана, СПб.

Абдураимов М., 1959 — Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан, «Советская этнография», № 4.

Адрес-календарь Самаркандской области на 1901 г., вып. IX, Самарканд, 1901.

Азадаев Ф., 1959 — Ташкент во второй половине XIX в., Ташкент.

Азиатский вестник, 3, СПб., 1826.

Айни С., 1926 — Намунаи адабиёти точик, М.

Айни С., 1956 — Восифӣ ва хулосаи «Бадоеъ — ул вакоеъ», Душанбе.

Акрамов В. А., 1973 — Социально-экономическая и культурная жизнь города Коканда (вторая половина XIX — начала XX вв.), АКД, Ташкент.

Аминов Г. А., 1874 — Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зерафшан. В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. III., СПб.

Амитин-Шарипо З. И., Юабов И. М. 1935 — Национальные

меньшества Узбекистана (Очерки социалистического строительства), Ташкент.

Андреев М. С., 1896 — Историческая заметка о Ходженте. Справочная книжка Самаркандской области на 1896, вып. IV, Самарканд.

Андреев М. С., 1926 — К материалу по среднеазиатской керамике, Ташкент.

Андреев М. С., 1929 — Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Север Ферганы). «Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент.

Антар, 1912 — Ходжент (Из моих скитаний), «Туркестанские ведомости» № 286.

Арандаренко Г. А., 1879 — Статистические сведения по нагорным тюменам Зеравшанского округа за 1877 г. В. кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. V, СПб.

Арандаренко Г. А., 1889 — Досуги в Туркестане, СПб.

Аристов Н., А., 1896 — Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина» № 3—4, СПб.

Атлас Таджикской ССР, Душанбе, М., 1968.

Ахмедов Б. А., 1965 — Государство кочевых узбеков, «Наука», М.

Ачилов Х. Г., 1956 — Физико-географические особенности западной части Ферганской долины (Северный Таджикистан), Ученые записки ЛГПИ им. С. М. Кирова, вып. III, Ленинабад.

Бабаханов И. М., 1951 — К вопросу о происхождении группы евреев-мусульман в Бухаре, «Советская этнография», № 3.

Бабаханов М., 1970 — Социально-экономическое положение Северного Таджикистана накануне Октября, Душанбе.

Бабаханов М., 1975 — Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с Российским пролетариатом, Душанбе.

«Бабур-намэ». Записки Бабура. Т., 1958.

Бартольд В. В., I, 1963 — Туркестан в эпоху моногольского нашествия, М.

Бартольд В. В., II (I), 1963 — История культурной жизни Туркестана, М.

Бартольд В. В., II (I), 1963 — Очерк истории Семиречья, М.

Бартольд В. В., II (2), 1964 — Улугбек и его время, М.

Бартольд В. В., II (2), 1964 — К вопросу о родине Хаким-Ата, М.

Бартольд В. В., II (2), 1964 — Хаким-Ата, М.

Бартольд В. В., II (2), 1964 — О погребении Тимура, М.

Бартольд В. В., III, 1965 — К истории орошения Туркестана, М.

Бартольд В. В., V, 1968 — Курама.

Бартольд В. В., 1918а — Ислам, общий очерк, Пг.

Бартольд В. В., 1918б — Культура мусульманства, общий очерк, Пг.

Бекчурин М., 1872 — Туркестанская область, Казань.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г., 1973 — Средневековый город Средней Азии, Л.

Беленицкий А. М., 1946 — Историческая топография Герата XV в. В сб.: «Али-Шер Навойи». Изд. ИВ АН СССР, М. — Л.

Билалов А. И., 1973 — К истории орошения Уструшаны (бассейн Басмандасая). Известия АН Тадж. ССР, отделение общественных наук, № 2 (72), Душанбе.

Борнс А., 1848, Путешествие в Бухару в 1831, 1832 и 1833 годах, вторая часть, М.

Бродовский М. И., 1875 — Техническое производство в Туркестанском крае, СПб.

Бромлей Ю. В. 1973 — Этнос и этнография, М.

Бромлей Ю. В., Козлов В. И., 1975 — Этнические процессы, как предмет исследования. В кн.: Современные этнические процессы в СССР, М.

Бубнова М. А., 1975 — Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI — XIX вв., М.

Вамбери А., 1867 — Путешествие по Средней Азии, СПб.

Вамбери А., 1873 — История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени, т. 1—2, СПб.

Вахабов М. Г., 1961 — Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент.

Вебер В. Н., 1913 — Полезные ископаемые Туркестана, СПб.

Вельяминов-Зернов В. В., 1856 — Сведения о Кокандском ханстве. В кн.: Вестник РГО, т. 18, СПб.

Венюков М. И., 1872 — Несколько статистических данных по Зеравшанскому округу. В кн.: Известия имп. русского географического общества, т. 8.

Веселовский Н. И., 1886 — Новые материалы для истории Кокандского ханства, «Журнал Министерства народного просвещения», январь.

Вопросы географического районирования, научные труды ТашГУ имени В. И. Ленина, вып. 231, 307, Ташкент, 1964—1967.

Воронина В. Л., 1970 — Проблемы раннесредневекового города Средней Азии, АДД, М.

Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 83, 1905.

Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 89, 1906.

Гаврилов М. Ф., 1929 — Материалы к этнографии «тюрок» Ура-Тюбинского района, труды САГУ, серия II, вып. 2, Ташкент.

Галкин М. Н., 1868 — Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб.

Гафуров Б. Г., 1972 — Таджики. Древнейшая древняя и средневековая история, М.

Гафуров Б. Г., 1955 — История таджикского народа, т. I, изд. 3-е, М.

Гейер И. И., 1894, — От Ташкента до Гавы (Путевые наброски), «Туркестанские ведомости», № 89.

Гейер И. И., 1909 — Весь Русский Туркестан, Ташкент.

Головин Г., 1909 — Кустарные промыслы Туркестана, отд. оттиск.

Гребенкин А. Д., 1872а, б, — Таджики, Узбеки. В кн.: «Русский Туркестан», вып. 2, М.

Гребенкин А. Д., 1872в — Мелкие народности Зеравшанского округа, В кн.: «Русский Туркестан», вып. 2, М.

Гребенкин А. Д., 1873 — Ремесленная деятельность таджиков Зерафшанского округа. В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, т. 2, СПб.

Гребенкин А. Д., 1873 — Заметки о Зерафшанской долине, «Туркестанские ведомости», № 6.

Давыдов А. С., 1969 — К вопросу о сложении населения Верхнего Зерафшана, Известия АН Тадж. ССР, отделение общественных наук, 4 (58), с. 47—57.

Давыдов А. С., 1970 — Селение и жилище таджиков Верхнего Зерафшана, АКД, Душанбе.
Давыдов А. С., 1973 — Жилище. В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зерафшана, Душанбе, с. 7—137.
Давидович Е. А. и Литвинский, 1955 — Археологический очерк Исфаринского района, Душанбе.
Давидович Е. А., 1960 — По поводу термина «чарбаг». «Известия отд. общ. наук, АН Тадж. ССР», вып. I, (22), Душанбе.
Давидович Е. А. и Мухтаров А., 1973 — Страницы из истории Хисара, Душанбе.
Джаббаров И., 1954 — Городское ремесло Хорезма, АКД, М.
Дмитриев-Мамонов А. И., 1912 — Путеводитель по Туркестану и железным дорогам среднеазиатской и ташкентской, СПб.
Древний город Средней Азии, Краткие тезисы докладов, Л., 1973.
Ершов Н. Н., Кисляков Н. А. Пещерева Е. М., Русяйкина С. П., 1954 — Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, изд. АН СССР, М. — Л.
Ершов Н. Н., 1960 — Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. 28, Душанбе.
Ефремов Ф., 1950 — Десятилетнее странствование, М.
Жданко Т. А., 1975 — Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России. В кн.: Современные этнические процессы в СССР, М.
«Живописная Россия», т. X, Русская Средняя Азия, СПб, 1885.
Заорская В. В. и Александер К. А., 1915 — Промышленные заведения Туркестанского края, II г.
Зарубин И. И., 1926 — Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение, Л.
Зиновьев М., 1868 — ОсадаУра-Тюбе и Джизака. Воспоминание об осенней экспедиции в Туркестанской области, журнал «Русский вестник» № 3.
Ибрагимов В., 1971 — О некоторых изменениях в культурной жизни верховьев Зерафшана в конце XIX — начале XX вв., Известия АН Тадж. ССР, отд. общ. наук 3, (65), Душанбе.
Иванов Д. Л., 1872 — Заметки о производительности Туркестанского края по отношению к войскам, в нем расположенным. В сб. «Русский Туркестан», вып. третий, М.
Иванов П. П., 1927 — К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. В кн.: «В. В. Бартольду...», Ташкент.
Иванов П. П., 1954 — Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XV—XVII вв., М. — Л.
Иванов П. П., 1958 — Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.).
Известия Русского географического общества, 1869.
История Москвы, т. IV, 1954.
История Самарканда, т. I—II, 1969—1970.
История таджикского народа, т. I, изд. вост. лит., М., 1963.
История таджикского народа, т. II, кн.: 1, изд. «Наука», М., 1964.
История таджикского народа, т. II, кн.: 2, изд. «Наука», М. 1964.
История Узбекской ССР, т. 1—2, изд. «Фан», Узб. ССР, Ташкент, 1967—1968.

Ишанкулов Х. Г., 1972 — Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX — начало XX вв.), Душанбе.
Кармышева Б. Х., 1960 — Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Советская этнография», № 1.
Кармышева Б. Х., Население. В кн.: «Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.
Кармышева Б. Х., 1976 — Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (XVI — начала XX в.), М.
Кастанье И. А., 1915 — Древности Ура-Тюбе и Шахристана, ПТКЛА, год 20-й, Ташкент.
Касымов Н., 1968 — Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде, Душанбе.
Кирпичников Н. А., 1897 — Краткий очерк некоторых туземных промыслов Самаркандской области. СКСО, вып. V, Самарканд.
Кисляков Н. А., 1954 — Некоторые материалы по этнографии Исфаринских таджиков. «Известия отделения общ. наук. Материалы по истории археологии, этнографии и филологии Таджикистана и Средней Азии», Изд. АН Тадж. ССР, Сталинабад.
Козлов В. И., 1975 — Природная среда и территориальное размещение народов. В кн.: Современные этнические процессы в СССР, М.
Комаров П., 1901 — Ходжа Сулейман Бакиргани, ПТКЛА, год 6-й, Ташкент.
Костенко Л. Ф., 1880 — Туркестанский край, ч. I, II, III, СПб.
Колпаков А. П., 1953 — Из недавнего прошлого Кабадиана. В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, 37, ТАЭ, т. 2, изд. АН СССР, М. — Л.
Колпаков А. П., 1954 — Некоторые сведения с кварталах дореволюционного г. Куляба. «Известия отделение общественных наук». Сталинабад.
Корженевский Н. Л., 1941 — Средняя Азия, Ташкент.
Краузе И. И., 1872 — О туземном оружии в Туркестане. В сб.: «Русский Туркестан», вып. второй, М.
Краффт Х., 1902 — А траверсе Туркестан рюсс, Пари.
Кузнецов А. П., — О таджиках Кокандского уезда. «Известия Туркестанского отдела РГО», т. I, в. 2.
Кулчанов Н. С., 1890 — Пенджикентский участок. «Сборник материалов для статистики Самаркандской области», вып. I, Самарканд.
Кун А. Л., 1876 — Некоторые сведения о Ферганской долине, «Военный сборник», год 19-й, № 4.
Курдов К. .М., 1905 — Опыт программы по географии России, «Землевед», т. XII.
Кушакевич А. А., 1871 — Сведения о Ходжентском уезде, Зап.РГО по общей географии, т. 4, СПб.
Кушакевич А. А., 1872а — Очерки Ходжентского уезда, «Туркестанские ведомости», № 11, 13, 14.
Кушакевич А. А., 1872б — Статистические сведения о городах Ходжент и Ура-Тюбе. В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. I, СПб.
Кушакевич А. А., 1872в — О гончарном производстве в Ходжентском уезде. В сб.: «Русский Туркестан», вып. 2, М.

Кушакевич А. А., 1872г — О количестве обработанных земель Ходжентского уезда, выраженных в танапах. В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. I, СПб., Туркестанский сборник, т. 59.

Кушакевич А. А., 1872д — Кишлаки Ходжентского уезда. В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. I, СПб.

Кушакевич А. А., 1873 — Садоводство и огородничество в Ходжентском уезде, Туркестанский сборник, т. 53.

Кушелевский В. И., 1899, 1891 — Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. I—III, Новый Маргелан.

Левшин А. И., 1832 — Описание киргиз-кайсакских орд и степей, I—III, СПб.

Литвинский Б. А., 1953 — Мечеть Намозго в кишлаке Наугилем (Исфаринский район), «Доклады АН Тадж. ССР», вып. 9, Душанбе.

Литвинский Б., А., 1953 — О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. Известия АН Тадж. ССР, отделение общественных наук, вып. IV, Душанбе.

Литвинский Б. А., Турсунов Н. О., 1971 — Ленинабадский кратер и Луврская ваза Сосибия. Неоаттическое искусство и Средняя Азия, «Вестник древней истории», № 3.

Лунин Б. В., 1960 — Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскаров, Известия АН Уз. ССР, серия общественных наук, № 6, Ташкент.

Лунин Б. В., 1972 — У истоков великой дружбы, Ташкент.

Лыкошин Н. С., 1905 — Чапкулукская волость Ходжентского уезда, Самаркандской области, В кн.: Справочная книжка Самаркандской области, Самарканд.

Лыкошин Н. С., 1916 — Пол жизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, Пг.

Львов И., 1868, — Завоевания Туркестана, «Русский вестник», № 7.

Маджи А. Е., 1945 — К истории феодального Ходжента. В кн.: «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад.

Маев Н., 1870 — От Ташкента до Катты-Кургана, «Русский вестник», т. 86, № 3.

Макшеев А. И., 1871 — Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестаноском крае. В кн.: ЗИРГО по отд. статистики, т. II, СПб.

Макшеев А. И., 1890 — Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских, СПб.

Маллицкий Н. Г., 1930 — Учебное пособие по географии Таджикистана, ч. 2, Ташкент—Самарканд.

Мансырев С. П., 1898 — Базарная торговля в Самаркандском уезде. В кн.: СКСО, вып. VI, Самарканд.

Марафиев С. Ш., 1960 — Из истории и истории культуры Ходжента (на таджикском языке). В сб. студ. работ ЛГПИ им. С. М. Кирова, т. I, Ленинабад.

Марафиев С. Ш., 1963 — К истории пригородных поселений Ходжента (Румон и Ява), В кн.: Ученые записки (сб. аспирантских работ) ЛГПИ, вып. 17, Ленинабад.

Марафиев С. Ш., 1976 — Крепостные сооружения равнинных частей Северного Таджикистана XVIII—XIX вв., АКД, Душанбе.

Марафиев С. Ш., 1968 — Месторасположение и общая планировка городов и крепостей Северного Таджикистана в XVIII—XIX вв., В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. I, Душанбе.

Марафиев С. Ш., Абдуллаев С., 1971, — Из истории Канибадама (на тадж. языке). В кн.: Сборник научных статей молодых ученых и аспирантов, ЛГПИ, № 40, вып. 2, Ленинабад.

Марков К., 1893 — Фергана, «Русский вестник», № 6, 7, 9, 11.

Массон М. Е., 1934 — Из истории горной промышленности Таджикистана. Материалы Таджикско-Памирской экспедиции, 1933 г., вып. 20, изд. АН СССР, Л.

Массон М. Е., 1948 — К исторической топографии Герата XV в., «Великий узбекский поэт», Ташкент.

Массон М. Е., 1953 — К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент.

Массон М. Е., Библиография научных работ М. Е. Массона, Ташкент.

Массон М. Е., Рудник погибели, Фрунзе.

Массон М. Е., Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, Ташкент.

Материалы; вып. 5, 1923—Материалы Всероссийских переписей, 1920. Промышленная перепись в Туркестанской республике, Список промышленных заведений Самаркандской области, Ташкент.

Материалы вып. IV, 1924—Материалы Всероссийских переписей, Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., Ташкент.

Материалы, ч. I, вып. 5, 1924 — Материалы Всероссийских переписей, 1920. Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент.

Материалы, вып. I, 1927 — Материалы Всесоюзной переписи населения, 1926 г., Самарканд.

Мейендорф Е. К., 1975 — Путешествие из Оренбурга в Бухару, М.

Материалы, 1955 — Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент.

Материалы, 1959 — Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, Ташкент.

Маъдан, 1966 — Ашъори мунтахаб, Душанбе.

Миддендорф А. Ф., 1882 — Очерки Ферганской долины, СПб.

Мирбабаев А., 1974 — Изучение архитектурных памятников Северного Таджикистана, «Известия, отд. общ. наук АН Тадж. ССР».

Мир Иззат Улла, 1956 — Путешествие Мир Иззат Улла в Кокандское ханство в 1812 г., В кн.: Труды САГУ, новая серия, вып. 78, исторические науки, кн.: I, Ташкент.

Мукминова Р. Г., 1961 — К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. Вакф-намэ, Ташкент.

Мухтаров А., 1959 — Город Ура-Тюбе. История и памятники. «Археологи рассказывают», Таджикгосиздат, Сталинабад.

Мухтаров А. 1963 — Материалы по истории Ура-Тюбинского владения, Душанбе.

Мухтаров А., 1964 — Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в., изд. АН Тадж. ССР, Душанбе.

Мухтаров А., 1969 — Дильшод и её место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX — начале XX вв., Душанбе.

Мухтаров А. М., 1975 — Два документа по истории Ура-Тюбинского владения в XVIII — XIX вв., В кн.; Бартольдовские чтения, Тезисы докладов и сообщений, М.

Назаров Г. С., 1912—Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных реформ, вып. IV, Кокандский уезд, Скобелев.

Назаров К. К., 1958 — Зерно и его переработка в народной технике Северного Таджикистана. Ученые записки ЛГПИ, вып. IV, Ленинабад.

Назаров Ф., 1968 — Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, М.

Наливкин В. П., 1886а — Краткая история кокандского ханства, Казань.

Наливкин В. П. и Наливкина М., 1886б — Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, Казань.

Наливкин В. П., 1913 — Туземцы раньше и теперь, Ташкент.

Нарзикулов И. К., 1957 — Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана, Труды АН Тадж. ССР, т. 81, Душанбе.

Народы Средней Азии и Казахстана, I—II, изд. АН СССР, 1962—1963.

Небольсин П. И., 1855 — Очерки торговли России со Средней Азией, ЗИРГО, т. X.

Негматов Н. Н., 1953 — Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен до X в. н. э., МИА, № 37, М. — Л.

Негматов Н. Н., 1957а — Уструшана в древности и раннем средневековье. Труды АН Тадж. ССР, т. V, Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1957б — Мавзолей Тубахан. Известия отд. общ. наук Тадж. ССР, 14, Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1959а — Из истории позднесредневекового Ходжента. В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии М. — Л.

Негматов Н. Н., 1959б — Страницы из истории Ходжента. «Археологи рассказывают», Сталинабад.

Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г., 1960 — К истории архитектурного комплекса Хазрати Бобо, Известия отд. общ. наук АН Тадж. ССР, I, (22).

Негматов Н. Н., 1962 — К истории Ходжентской цитадели. (Некоторые итоги историко-археологического изучения). Известия отд. общ. наук, АН Тадж. ССР, 27, Душанбе.

Негматов Н. Н., Хмельницкий С. П., 1966—Средневековый Шахристан (Материальная культура Уструшаны), вып. I, Душанбе.

Негматов Н. Н., 1967 — Ходжент во второй половине XIX — начале XX вв., (Вопросы реконструкции города, количество и этнический состав населения), Известия, отд. общ. наук АН Тадж. ССР, I (47), Душанбе.

Негматов Н. Н., 1970 — Из прошлого и настоящего Северного Таджикистана, Известия отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 2 (60), Душанбе.

Негматов Н. Н., 1973 — Исследования в Северном Таджикистане. «Археологические работы в Таджикистане в 1970 году». М.

Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г., 1973 — Уртакурган и Тирмизактепа, Душанбе.

«Нива», 1873, № 21, с. 332—333; № 29, с. 462. Фотография г. Ходжента.

Ниязмухамедов Б., 1951 — Канибадамское наречие таджикского языка, Труды Таджикского филиала АН СССР, т. XIII, Душанбе.

Обзор Ферганской области, Скобелев, 1889.

Обзор Ферганской области, Скобелев, 1901.

Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии «Записки русского географического общества», кн.: 3, СПб. 1849.

Оразов А., 1972 — Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX — начале XX вв., Ашхабад.

Остроумов Н. П., 1884 — Значение слова сарт, Ташкент.

Остроумов Н. П., 1886 — География Туркестанского края (родиноведение), СПб.

Остроумов Н. П., 1890—1895 — Сарты. Этнографические материалы: вып. 1—3, Ташкент.

Ошанин Л. В., 1957—1959 — Антропологический состав населения Средней Азии и его этногенез, ч. 1—3, Труды САГУ им. В. И. Ленина, новая серия, вып. 98—99 Исторические науки, кн.: 16—18. Ереван.

Пален К. К., 1911 — Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, СПб.

Парамонов И ., 1872 — О кожевенном производстве в Туркестанском крае. «Русский Туркестан», вып. второй, М.

Пашино П. И., 1868 — Туркестанский край в 1866 г., Путевые заметки, СПб.

Петровский Н. Ф., 1873 — О шелководстве и шелкомотании Средней Азии, Ташкент.

Петрушевский И. П., 1948 — Городская знать в государстве гулагуидов. В кн.: «Советское востоведение», т. V.

Петрушевский И. П., 1960 — Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.. изд. АН СССР, М. — Л.

Пещерева Е. М., 1927 — Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда, «В. В. Бартольду», Ташкент.

Пещерева М. М., 1959 — Гончарное производство Средней Азии. М. — Л.

Писарчик А. К., 1954 — Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX вв., В сб.: «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. I, Труды института этнографии, т. е., т. 21, М.

Писарчик А. К., 1956 — Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы. В кн.: Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа, Труды, т. 62, Изд. АН Тадж. ССР, Душанбе.

Писарчик А. К., 1975 — Народная архитектура Самарканда, Душанбе, «Дониш».

Полянский Ф. Я., 1960 — Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в., М.

Потанин, 1856 — Записки о Кокандском ханстве. Вестник ИРГО, ч. 18, СПб, 1856.

«Правда», 27 февраля 1975 г.

Проблемы Таджикистана. Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР, т. I, из. АН СССР, 1933.

Пугаченкова Г. А., 1950—Резной михраб из Ашта, сообщение ТФАН, СССР, вып. XXV, Душанбе.

Пулатов У. П., 1975 — Чильхуджра (Материальная культура Уструшаны, вып. 3), Душанбе.

Раджабов З. Ш., 1941 — Хучанд — Ленинобод. «Стахановчи», № 165, 168, 169, 170, 175.

Раджабов З. Ш., 1957 — Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв., Душанбе.

Радлов В. В., 1880 — Средняя Зерафшанская долина, ЗРГО по отд. этнографии, т. 6, с. 1—92.

Ранов В. А., Салтовская Е. Д., 1961 — О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г., Археологические работы в Таджикистане, вып. 7, Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, Сталинабад.

Расторгуева В. С., 1956—1961 — Очерки по таджикской диалектологии, вып. 3—4, М.

Реклю Э., 1880 — Земля и люди. Всеобщая география, т. 6.

Розен В. Р., 1890 — Рецензия. В кн.: Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. IV, с. 126.

Розвадовский В. К., 1916 — Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае, журнал «Туркестанское сельское хозяйство», № 3—8.

Романовский Д., 1868 — Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб.

Романовский Д., 1872 — Донесение от 6 июня 1866 г., В сб.: «Русский Туркестан», вып. 3, СПб.

Романовский Д., 1873 — Донесение от 7 октября 1866 г. В сб.: «Туркестанский сборник». т. 58, СПб.

Русское военное обозрение, 1866, т. 50, № 8.

Русское военное обозрение, 1867, т. 53, № 1.

Саидкулов Т. С., 1970 — Самарканд во второй половине XIX — начале XX вв., Самарканд.

Сайко Э. В., 1973 — Становление города как производственного центра, Душанбе.

«Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 215 и 219.

Сборник материалов для статистики Самаркандской области на 1887—1888 гг., вып. I, Самарканд, 1890.

Семенов А. А., 1925 — Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии. «Таджикистан», Ташкент.

Семенов А. А., 1963 — О среднеазиатской бумаге. Известия, отд. общ. наук, I (32), изд. АН Тадж. ССР, Душанбе.

Серебренников А. Г., 1915 — Туркестанский край, Сб. материалов для истории его завоевания, 1866, ч. I, Ташкент.

Смирнова О. И., 1953 — Археологические разведки в Уструшане в 1950 г., МИА, № 37, М. — Л.

Советская историческая энциклопедия, 1963, т. 4.

Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк), вып. 6, Исфаринская волость, изд. Средазбюро ЦК ВКП(б), Ташкент, 1927.

Соколов Ю. А., 1965 — Ташкент, ташкентцы и Россия. Изд. «Узбекистан», Ташкент.

Список населенных пунктов Самаркандской области, Самарканд, 1906.

Список населенных пунктов Ферганской области, Скобелев, 1909.

Справочная книжка Самаркандской области на 1893—1912 гг., Самарканд, 1893—1912 гг.

Справочник Самаркандской области на 1899—1913 гг., Самарканд, 1900—1913 гг.

Средневековые города Средней Азии и Казахстана (тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24—29 ноября 1979 г.), Л., 1970.

Средняя Азия, Физико-географическая характеристика, изд. АН СССР, М., 1958.

Статистический ежегодник, 1917—1923 гг., Ташкент, 1924.

Статистический обзор Ферганской области, Скоболев, 1909.

Стеценко И. А., 1963 — Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX — начале XX вв. (1870—1917 гг.), Душанбе.

Суворов В. А., 1962 — Историко-экономический очерк развития Туркестана (По материалам железнодорожного строительства в 1880—1917 гг.), Госиздат, Уз. ССР, Т.

Сухарева О. А., 1958 — К истории городов Бухарского ханства, изд. АН Уз. ССР, Ташкент.

Сухарева О. А., 1959 — К истории городов Бухарского ханства. В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, изд. АН СССР, М. — Л.

Сухарева О. А., 1960 — Ислам в Узбекистане, изд. АН Уз.ССР, Ташкент.

Сухарева О. А., 1962 — Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX вв. Ремесленная промышленность, изд. АН УзССР, Ташкент.

Сухарева О. А., 1965 — О терминологии связанной с исторической топографией городов Средней Азии, «Народы Азии и Африки» №6.

Сухарева О. А., 1966 — Бухара XIX — начала XX вв. (Позднефеодальный город и его население), изд. «Наука», М.

Сухарева О. А., 1976 — Квартальная община позднефеодального города Бухары, М.

Таджики Каратегина и Дарваза, вып. I—II, изд. «Дониш», АН Тадж. ССР, 1966—1970.

Таджикская комплексная экспедиция, 1932 г., Л., 1933.

Таджикская ССР. Экономико-географическая характеристика, М., 1956.

Таджикская Советская Социалистическая Республика, Душанбе, 1974, Таджикистан, М., 1968.

Танышпаев М. П., 1927 — «Ак-табан шубрынды», «В. В. Бартольду», Ташкент.

Терентьев М. А., 1906 — История завоевание Средней Азии, т. 1—3, СПб.

Толстов С. П., 1949 — Древний Хорезм, М.

Толстов С. П., 1957 — Роль археологических и этнографических материалов в разработке спорных вопросов истории Средней Азии накануне присоединения ее к России (Вступительное слово к обсуждению проблемы). КСИЭ АН СССР, XXVI.

Троицкая А. Л., 1963 — Ганчи, ганчибаши в Кокандском ханстве XIX в. «Тюркологические исследования», изд. АН СССР, М. — Л.

Троицкая А. Л., 1968 — Каталог архива Кокандских ханов XIX в., М.

Троицкая А. Л., 1975 — Из прошлого каландаров и маддахов в Узбекистане. В кн.: «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии», М.

Туркестанский сборник, т. 19, 40, 59, 76, 287.

Турсунов Н. О., 1967а — Ходжент и его население (конец XIX — начало XX вв.). В кн.: «Очерки из истории северных районов Таджикистана». Ученые записки ЛГПИ, вып. 30, Ленинабад.

Турсунов Н. О., 1967б — Орнаментальная роспись позднесредневекового Ходжента. В кн.: Тезисы и материалы доклада научной конференции ЛГПИ, Ленинабад.

Турсунов Н. О., 1969а — Предприятия крупных ходжентских устокоров-текстильщиков в конце XIX — начале XX вв. (К вопросу генезиса капитализма в районах Северного Таджикистана). В. кн.: «Сила ленинских идей», Ленинабад.

Турсунов Н. О., 1969б — К истории ремесленной техники Средней Азии, Известия отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 4 (58), Душанбе.

Турсунов Н. О., Литвинский Б. А., 1971а — Находка из Чорсу (на тадж. языке), «Садои шарк», № 6.

Турсунов Н. О., 1971б — Из истории возникновения и развития Ходжента. Сб. молодых ученых и аспирантов ЛГПИ им. С. М. Кирова.

Турсунов Н. О., 1972 — Из истории ремесленных цехов Средней Азии, «Советская этнография», № 1.

Турсунов Н. О., 1974 — Из истории городского ремесла Северного Таджикистана, изд. «Дониш», Душанбе.

Турсунов Н. О., 1975а — Из истории новаторской и изобретательской деятельности таджикских мастеров в конце XIX — начале XX вв. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых и специалистов Таджикской ССР (секция истории СССР и педагогики), изд. «Дониш», Душанбе.

Турсунов Н. О., 1975б — О некоторых особенностях экономической жизни северных районов Таджикистана накануне Октябрьской революции (К вопросу о генезисе капитализма). Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых и специалистов Таджикской ССР (секция истории КПСС, история СССР и педагогики), изд. «Дониш» Душанбе.

Узбекско-русский словарь, М., 1959.

Файзиев Т., 1963 — О родоплеменном составе узбеков-кураминцев конца XIX — начала XX вв., «Общественные науки в Узбекистане», № 11, с. 43—47.

Фарханги забони точики, т. I—II, М., 1969.

Федченко А. П., 1870 — Топографический очерк Зерафшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда, Туркестанский сборник, т. 375.

Федченко А. П., 1872а — Оби джауз — писчебумажные фабрики в Кокане, В кн.: «Русский Туркестан», вып. 2, М.

Федченко А. П., 1872б — Заметки о Верхнем Зерафшане. В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. 2, СПб.

Федченко А. П., 1873а — В Кокандском ханстве. В. кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. 2, СПб.

Хамиджанова М. А., 1974 — Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли, Душанбе.

Ханыков Н., 1843, Описание Бухарского ханства, СПб.

Хашим Р., 1964 — Хайкали бузурги назм, Душанбе.

Хорошхин А. П., 1876 — Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб.

«Худуд ал алем», издание Туманского, 1930.

Чейлытко В. Р., 1939а — Тимуровская эпоха, «Коммунист Таджикистана», 16 февраля.

Чейлытко В. Р., 1939б — Мавзолей Хазрати Шо, «Коммунист Таджикистана», 24 февраля.

Чейлытко В. Р., 1940а — Находка мумий в Ура-Тюбе, «Коммунист Таджикистана», 30 июля.

Чейлытко В. Р., 1940б — Месторасположение древнейшего городища Кирополя, «Коммунист Таджикистана», 5 сентября.

Чехович О. Д., 1954 — К истории Узбекистана в XVIII в., Труды Института востоковедения, вып. III, Ташкент.

Чехович О. Д., 1974 — К вопросу о единстве исторического процесса развития средневековых городов, «Общественные науки в Узбекистане», № 6, с. 27—35.

Шаниязов К. Ш., 1975 — К этнической истории узбекского народа (по матреиалам кипчакского этнического компонента), Ташкент.

Шахназаров А. И., 1908 — Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб.

Шишов А. П., 1904—1905. Сарты. В кн.: Сборник Материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, кн.: 11—12, Ташкент.

Шишов А. П., 1910 — Таджики, ч. I, Ташкент.

Щукин И. С., 1936 — Общий очерк Таджикистана, В. кн: Таджикистан, вып. XXIII, Материалы Таджикско-Памирской экспедиции, 1933 г., Л.

Шульц В. Л., 1965 — Реки Средней Азии, Л.

Южаков Ю. Д., 1867 — Наши приобретения в Средней Азии (Ура-Тюбе и его округ), журнал «Отечественные записки», № 7—8.

Якубовский А. Ю., 1932—Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., В кн.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Л.

Якубовский А. Ю., 1951 — Главные вопросы изучения истории городов Средней Азии. В кн.: Труды Тадж. филиала АН СССР, 29, Сталинабад.

Указатель архивных документов

Центрального Государственного архива Таджикской ССР

Ф. 1 Ходжентское уездное управление.
Ф. 6 Полицейский пристав г. Ходжента.
Ф. 6. Полицейский пристав г. Ходжента
Ф. 12 Ура-Тюбинский участок.
Ф. 19 Исфаринское уездное управление.

Центрального Государственного архива Узбекской ССР

Ф. 5 Канцелярия начальника Зерафшанского округа.
Ф. 18 Самаркандское областное правление.
Ф. 20 Управление начальника Самаркандского уезда.
Ф. 276 Канцелярия военного губернатора Ферганской области.
Ф. 300 Кокандское уездное управление.
Ф. 336 Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области.

Список информаторов[1]

По г. Ходженту (современному Ленинабаду и его району) — Юлбарс Касымов (1881—1971 гг.), Мулло Ориф Юнусов (1887 г. р.), Знёбой Файзиев (1883—1970 гг.), Ризохон Аминов (1887—1971 гг.), Шарифбой Убайдов (1892—1970 гг.), Абдукодир Худойбердиев (1893—1972 гг.), Сиддикмахсум Солиев (1884—1969 гг.), Кори Эргаш Шокиров (1890—1970 гг.), Юлбарс Умаров (1868—1968 гг.), Дадобой Муминов (1884 г. р.), Холмамад Кенджабоев (1894 г. р.), Абдунаби Сабиров (1900 г. р.), Рустамхон Махмудов (1884 г. р.), Назарбой Карабоев (1891 г. р.), Абдушукур Раджабов (1898—1973 гг.), Рахматулло Отабеков (1900 г. р.), Сангин Якубов (1883—1974 гг.), Ахмад Олимов (1883—1970 гг.), Абдукаххор Носиров (1887—1970 гг.), Абдулло Эркабоев (1894 г. р.), Гайбулло Мансуров (1897 г. р.), Набиджон Аминджанов (1878—1968 гг.), Мурод Дадобоев (1886 г. р.), Набиджон-поча Махмуджанов (1881—1971 гг.), Мамадходжа Рахимходжаев (1889—1972 гг.), Кори Сулаймон Сиддиков (1883—1970 гг.), Абдугаффор Хасанов (1904 г. р.), Абдуазиз Шамсиев (1900—1973 гг.).

По г. Ура-Тюбе и его району — Исмаилджон Тошходжаев (1889—1974 гг.), Мирзомухтор Касымов (1901 г. р.), Файзулло Шодимухаммадов (1901 г. р.), Шокир Раджабов (1883 г. р.), Маъмурбай Давуров (1891 г. р.), Мулла Абдурауф Джумаев (1885 г. р.), Баракахон Абдурахманов (1898 г. р.), Мирисо Юсупов (1885—1973 гг.), Махкам Каримов (1901 г. р.), Баракахон Тураходжаев (1884—1973 гг.), Раджаб Шодыев (1912 г. р.), Разиюлло Абдулло-зода (1912 г. р.), Саъдулло Холмухаммадов (1888 г. р.), Кори Солех Мансуров (1901 г. р.), Мирмахмуд Миркалонов (1880—1973 г. р.), Мирсаид Мирюсупов (1886 г. р.), Маъруф Хамроев (1894 г. р.), Абдурахмон Очилов (1903 г. р.), Комил Саидов (1892 г. р.), Каюм Хамдамов (1905 г. р.), Абдулло Ходжи Бобо Толибов (1886 г. р.), Сироджидин Бадридинов (1881 г. р.), Мухтор Отабаев (1901 г. р.), Рауф Алибоев (1895 г. р.), Пулодбой Саримсаков, Джалолхон Тураев (1883—1972 г.), Рауфджон Юсупов (1903 г. р.), Бобо Мансуров (1900 г. р.), Гафурбай Рафиев (1900 г. р.), Ташпулад Саидов (1898 г. р.), Джамолиддин Ахроров (1917 г. р.), Мунаввар Бозоров (1897 г. р.), Боходжон Хакимов (1900 г. р.), Мусо Хусейнов (1906 г. р.), Аъзам Валиев (1896 г. р.), Хасан Норов (1894 г. р), Садридин Шокиров (1884 г. р.).

По г. Канибадаму и его району — Кобилходжа Искандаров (1900 г. р.), Джура Рустамов (1898 г. р.), Юльчи Шукуров (1895 г. р.), Нурихон Таджидинов (1893 г. р.), Мулло Джура Мухамаджанов (1902 г. р.), Бободжон Азимов (1889 г. р.), Исмаилджон Солиев (1898 г. р.), Хомидджон Ибрагимов (1888 г. р.), Негматджон Закиров (1884 г. р.), Джурабой Юнусов (1879 г. р.), Кори Бурхон Джураев (1894 г. р.), Мирзо Ибрагим Хамдамов (1896 г. р.), Джурабой Собиров (1890 г. р.), Джурабой Солиев (1899 г. р.), Орифджон Сохибов (1882 г. р.), Толибджон Нурматов (1895 г. р.), Охунджон Аскаров (1914 г. р.).

По г. Исфаре и ее району — Ибни Ямин Исомиддинов (1898 г. р.), Мирзомухаммад Мадаминов (1903 г. р.), Мирзоакрам Хакимов (1900 г. р.), Атохон Ахмадов (1896 г. р.), Мулло Аббос Набиев (1901 г. р.), Хамрохбой Саидов (1899 г. р.), Абдусамад Суфиев (1893 г. р.), Ахмадходжа Зокиров (1890 г. р.), Холмат Пирматов (1894 г. р.), Нарзи Шарифзода (1907 г. р.), Абдурахмон Бобокалонов (1904 г.р.), Облоёр Шарифзода (1913 г. р.), Авезмат Хасанов (1901 г. р.), Юлдаш Камолов (1894 г. р.), Муллосангин Курбанов (1893 г. р.), Комил Каримов (1897 г. р.), Шариф Шадиев (1892 г. р.).

По г. Пенджикенту и его району — Адхам Норов (1911 г. р.), Шамсидин Ибрагимов (1878 г. р.), Эгамберди Ниязов (1906 г. р.), Шафеъ Шарипов (1896 г. р.),Нормамат Ибрагимов (1894 г. р.), Мелибой Джиянов (1903 г. р.), Шермахмад Бекматов (1912 г. р.), Мулло Ахмад Караев (1893 г. р.), Бобо Исмаилов (1903 г. р.), Абдулло Разаков (1903 г. р.).

По Аштскому району — Худайберди Алиев (1900 г. р.), Нуриддин Ахмадов (1896 г. р.), Дилбар Ахмадов (1902 г. р.), Абдувахоб Эшмухаммадов, Рахматулло Саримсаков (1905 г. р.), Маъруф Хасанов (1890 г. р.), Саидахмад Саидназаров (1892 г. р), Оймат Ёрматов (1899 г. р.), Мадибрагим Баймуродов (1888 г. р.), Бурхонидин Мухаммадиев (1902 г. р.).

[1] При сборе этнографических материалов по городам и районам Северного Таджикистана автор опрашивал около 500 человек. Здесь приведены только имена знатоков, отличавшихся особенно глубоким знанием жизни и быта населения городов и селений в конце XIX — начале XX вв.

ПЕРЕЧЕНЬ

ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ, ГОРОДОВ, ГОРОДКОВ И СЕЛЕНИЙ

Город ХОДЖЕНТ[1]

1. Чар қишлоқ
2. Раззоқ
3. Сари санг
4. Дари майдон
5. Сари теппа
6. Подшоҳқибофон
7. Алихонтўра
8. Мир Қамолбой
9. Тапқоқ
10. Тўбохон
11. Дари шикоф (или Олкоро или Пири сорбоно)
12. Якўм Хазрати Бобо
13. Мир Яъқуб девонбегй (или Миршабхона)
14. Намозгоҳ
15. Эшони вабо
16. Дуюм Хўча Бикробод (или Танўргарй)
17. Қарнайчй
18. Ойнасозон (или Тиллокорон)
19. Халифа Абдукарим
20. Дуюм Хўча Побел
21. Нуриддин Махсум
22. Якўм Хўза Побел
23. Масчиди сурх
24. Якўм Қўлхавз (или Чархчиҳо)
25. Дуюм Қўлхавз
26. Хонақоҳ (или Авротхона)
27. Читгарон (или Кордгарон)
28. Бобо козй
29. Заргарон
30. Хазонак
31. Қаландархона
32. Гузарчаи замон
33. Чуқурак
34. Якўм Хўча Бикробод (или Зингарй)
35. Таги сада
36. Боён
37. Раис
38. Чорбоғ
39. Рўбаҳон
40. Маддоҳон
41. Дукчй
42. Қорхона
43. Бўзахурон
44. Чақари кўрпа
45. Якўм Оғлуқон
46. Тўраҳо
47. Сари чар
48. Эшони шайдо
49. Таги сада
50. Миришкор
51. Қаландгарон
52. Бобо хўча
53. Мирзобек
54. Мирзоён
55. Қўпруки баланд
56. Шодй Мирзо
57. Чорчирог
58. Мазори хорак (или Ўғул)
59. Киркон
60. Дехнави чуқурак

[1] Нумерация кварталов в перечне соответствует порядковым номерам на схеме города.

61. Дехнав
62. Дуюм Оғлуқон
63. Таги тути калон
64. Мазорча
65. Дуредгарон
66. Дўнгй
67. Хуфия тўра
68. Масчиди савр
69. Пахтакашон
70. Арабон
71. Заргарон
72. Чамшед
73. Қалъача
74. Шўрқўрғон (или Вассатарошон)
75. Қаландархона
76. Кемачй
77. Ишқобод (или Мағоқ)
78. Таги шоҳтут
79. Қозй Олим
80. Сари баландй
81. Мушхўрон
82. Қаллахурон
83. Хотун масчид
84. Мулло Мир Ашўр (или Қоқбача)
85. Қалъаи нав
86. Аталахурон
87. Хочй Холиқчон (или Наққошон)
88. Бешкаппа
89. Чармгарии поён
90. Якўм Мирзоён (или Дуюм Хазрати Бобо)
91. Якўм Қоқибофон
92. Дуюм Мирзоён
93. Қўшхазв
94. Хосабофон
95. Тўппидўзон
96. Якўм Қони сурбй
97. Дуюм Қони сурбй
98. Сеюм Қони сурбй
99. Мехтар (или Таги сада)
100. Қозй луччакон
101. Чуқурак
102. Чон баҳоров
103. Масчидча
104. Шаршара
105. Фўтабофон
106. Чармгарии боло
107. Дуюм Қоқибофон
108. Шербий (или Мадрасаи хиштин)
109. Хўчаи моҳрў
110. Қушбегй (или Хавзи баланд)
111. Чуғурчуқон
112. Мулло Шамсибой
113. Пул арқиш
114. Гузарй охун
115. Ниёз-дегча
116. Пахтакашон
117. Хонақоҳ
118. Довудхўча
119. Санчарон
120. Мулло Хол (или Одили рўда)
121. Гунбаз
122. Гузарчаи қозй
123. Хўча Амин
124. Боло
125. Мулло Мир Рачаб
126. Дуюм Бектош (или Раис)
127. Якўм Бектош
128. Бозори ғўза (или Бозори асп)
129. Шайх Тоҳир (или Таги чормағз)
130. Сангбуррон
131. Қўшмасчид
132. Якўм Шайх Ислом
133. Дуюм Шайх Ислом (или Махсидўзон)
134. Испаракон
135. Арабон
136. Шамсибой (или Таги бед)
137. Дуюм Мулло Ибод
138. Якўм Мулло Ибод
139. Назархонбой
140. Мулло Шер
141. Қунғуроқсозон (или Хайдулбек)
142. Кудунгарон
143. Черебек
144.

Город УРА-ТЮБЕ

1. Дахани дарвоза
2. Тали эчакон
3. Тали ясй
4. Тали қавола
5. Вогати якўм
6. Вогати дуюм
7. Сайёд (или Бузкушон)
8. Рустамбек
9. Кемухтгарон
10. Хосабофон (или Маҳсидўз)

11. Таxти ҷар
12. Болои ҷар
13. Осиёдурусткунон
14. Сартарошон
15. Эшонхо
16. Масҷиди сафед
17. Олкорон
18. Ҷанозахона
19. Масҷиди чорсада
20. Ҳавзи морон
21. Бурчак
22. Маддохон
23. Охунон
24. Миркамбекор
25. Намозгох (или Ҳазрати шох)
26. Осиён чуқурак
27. Мўлҷар
28. Сорбони поён
29. Сорбони заргарон
30. Сорбони қазоқон
31. Тўла
32. Кўк гунбаз
33. Мирзохо
34. Ҳавзи сангин
35. Кордгарӣ (или Дегрезӣ)
37. Чуғдак
36. Мазори кўшкорак
38. Бародарон
39. Ўрдаи кўҳна
40. Дарвозаи боло
41. Мехчагарон
42. Оби чаппа
43. Арбоб
44. Қаробек
45. Султон
46. Хўҷачон
47. Даҳбедӣ
48. Чармгарон
49. Собунгарон
50. Қуруқи боло
51. Қўруқи поён
52. Хосабофон
53. Боғи ҳоким
54. Шокирхон
55. Турк
56. Чилу як
57. Найман
58. Хўҷа Фахриддин
59. Қассобон (или Тошкандиҳо)
60. Туркман
61. Гузари ўрусҳо

Город КАНИБАДАМ

1. Тангак
2. Кўчаи ҷар
3. Қазоқон
4. Чармгарӣ (или Почтахона)
5. Дарунӣ қалъа (или Қаландархона)
6. Ўрдаи кўҳна (или Масҷиди бенамоз)
7. Сари бозор
8. Дарвозаи Хуҷанд
9. Гузари дукчигарӣ
10. Гузари қассобон
11. Кордгарӣ
12. Танга топар
13. Ҳавзи баланд
14. Ҷайраҳо
15. Гунбазӣ
16. Сари осиё
17. Раис (или Сафедакон)
18. Тошлоқи поён
19. Мадрасаи ойим
20. Дўлона
21. Ўзбекҳо
22. Рўбаҳон
23. Дегрезон
24. Қўруқ
25. Мирзоҳо
26. Зардбед
27. Усмонбек
28. Тезгузар
29. Арабхона
30. Лалакхона
31. Хўҷаи рўшной
32. Тошлоқи боло
33. Боён
34. Рангрезон
35. Ҷар
36. Булбулон (или Қаримчонбой)
37. Сари мазор
38. Мирамон
39. Эшонхо
40. Арабони поён
41. Подачо
42. Себахша
43. Масҷиди сурх
44. Арабони боло
45. Ширинако

Город ИСФАРА-НАВГИЛЁМ

1. Қўтан
2. Хушкак
3. Гунбази боло
4. Ҳочиён
5. Боён
6. Тўхтакул
7. Мирзобой
8. Қалъа
9. Дилором
10. Майдони Мулло
11. Хўҷаи ихлос
12. Хўҷаи халос
13. Ўғуртаг
14. Қаллапаз
15. Гузари эшон
16. Масҷиди сафед
17. Сангчош
18. Чўйи боло
19. Шанкай
20. Ҳатто
21. Чоргўристон
22. Балобин
23. Ортуқбоён
24. Қалъаи ширеш
25. Қозӣ
26. Масҷиди калон (или Аробахона)
27. Қамбархон (или Мингбошӣ)
28. Мулло Мирсанд
29. Хўҷа
30. Шаҳидо
31. Усто Мулло

Город ПЕНДЖИКЕНТ

1. Азизобод
2. Сурхоб
3. Арабон
4. Эшонхо
5. Хорзор
6. Дарвозаи Бухор
7. Авезбой
8. Сари бозор (или Ўрда, или Мадраса)
9. Вашанӣ
10. Шафтолузор
11. Дўнгалак
12. Қиличбой
13. Мулло Мухтор

Городок КОСТАКОЗ

1. Масҷиди сурх
2. Таги сафедори калон
3. Чўйбори кубурча
4. Чар кўча
5. Мирзокалонбой
6. Сари осиё
7. Тулак
8. Кўчаи Қўқанд
9. Хўҷа Дўлона
10. Маҳаллаи чақар
11. Мулло Собит
12. Мулло Мамадраҷаббой
13. Мазор
13. Чақари хўҷаҳо
15. Сари бозор
16. Юртуб
17. Кўшчўлоқ
18. Чуллукӣ
19. Сангча мазор
20. Арабон
21. Солиҳочӣ
22. Мирхолиқ
23. Муллоюсуф Махсум
24. Чақар
25. Ҳади роҳ
26. Яъкуббой
27. Чўйи мугул
28. Кентариқ
29. Муллобой
30. Қозӣ халифа
31. Раҷабак
32. Олимшайх
33. Галбарс
34. Кўчаи Қатаған

Селение РУМОН

1. Одил
2. Ҳочиҳо
3. Майдонча
4. Кум
5. Мир Бобо
6. Абдуҷаббор
7. Мазори Балодуркун
8. Масҷиди сурх
9. Хӯҷагон
10. Боло (или Ҳавзи боло)
11. Гунбаз
12. Чӯбчак (или Ҳочӣ Мирсангин)
13. Устоҳо (или Зоғчаҳо или Мирзохонбой)
14. Бургано (или Файзибурган или Охунҷон)
15. Чорраҳа
16. Чилдухтарон
17. Оби зах (или Ҳочӣ Мирзораҳмат)
18. Миёна
19. Ғурракон
20. Дӯлона (или Қандақзор)
21. Сераҳа (или Ҳочӣ Қаландар)
22. Лалако

Кишлак УНДЖИ

1. Якӯм Оқтеппа
2. Дуюм Оқтеппа
3. Мазор
4. Миёна
5. Боло
6. Ҳочӣ Хӯҷабой
7. Девоначала
8. Тоҳиршех
9. Якӯм Ҳочӣ Исҳоқ
10. Дуюм Ҳочӣ Исҳоқ
11. Чамбил
12. Луччакон
13. Тӯра
14. Ӯзбекҳо
15. Сӯфичон (или Лаби дарьё)
16. Лаби ҳавз
17. Усточаҳо
18. Очили кӯрс
19. Гузар
20. Боғи калон
21. Шехон
22. Қалъача

УКАЗАТЕЛЬ

НАЗВАНИЙ ГОРОДОВ, ГОРОДКОВ, СЕЛЕНИЙ, КИШЛАКОВ ДАЧНЫХ МЕСТ И УРОЧИЩ

Акджар 222, 235
Аккудук 222
Ак мечеть 56
Ак тавут 233
Александрия Эсхата 15, 59
Алобайтал 245
Андарсай 126
Андархам 126, 127
Андижан 13, 121
Араб кишлак 42, 212
Арбоб 116
Аргу 160, 163
Асака 121, 202
Аучи 35, 36, 39, 119, 123—125, 155, 257
Афан 222
Ачамайли 175, 258, 261
Ашаба 46, 52, 221, 230, 231, 262
Ашт 45, 48, 52, 59, 105, 167, 179, 183, 188, 214, 220—223, 235, 258, 262
Ашхабад 155
Баланд 211
Баланди 155
Балх 56
Басманда 170, 172, 173,
Баткент 41, 200, 209
Бахмал 162, 168, 169
Баявут 175, 261
Бекабад 28, 51, 135, 143, 167, 191, 192, 193, 195, 235
Белгород 252
Бенакет 86
Бешарык 45, 179, 183, 194, 209, 220, 235
Бешкал 169
Бешкент 250
Бободархон 23, 52, 225, 226, 235
Боботаго 152, 162
Бовутак 260
Боги калон 155, 162
Боги Мирзо Барот 116
Богчаи кок 116
Болгали 161, 163, 261
Боло 229
Ботуркурган 28, 191, 192, 193, 195
Бошгал 234
Брянск 252
Буджун 209
Бука 56
Булок 233, 234
Бутакаро 188
Бухара 6, 13, 18, 27, 56, 59, 61—64, 70, 71, 84, 93, 103, 106, 135, 141, 236, 260, 261
Варсик 161—163
Вафои 162
Вашан 241
Веревкино 54, 194, 195, 250
Владимир 252
Вогат 156
Водиф 213
Вологда 252
Ворух 23, 42, 43, 52, 188, 191, 206, 209, 211, 213, 216, 218, 227
Газа 170
Газандарак 51
Галамайдон 116
Галча мулло 51, 185, 190

Ганджак (Дурбон) 207
Ганчи-Газандарак 23, 30, 41, 51, 145, 158, 166—170, 249, 255
Гарибак 23, 231, 245, 246
Герат 56, 70, 76
Гиждуван 13
Говдузон 153, 162
Говсавор 208, 213, 214, 217
Говхона 125
Годж 222
Гозиён 116
Голодная степь 167, 250
Гудос 52, 230, 232, 235
Гулкишлак 169
Гулякандоз 28, 102, 118, 121, 125—127, 129, 130, 167, 250, 255
Гунбазг 211
Гунбази поён 207
Дальёни боло 155, 165, 166, 257
Дальёни поён 23, 38, 40, 51, 165, 170, 172
Даргаз 119, 122
Дархум 119
Дахана 52, 222, 227, 228, 235
Дахбед 141, 260
Дахьяки боло 165
Дахьяки поён 165
Дашт 229
Даштак 116
Дашт кара-янтак 191—193, 195
Дашти Амин 119, 123, 130
Дехи манора 165, 166
Дехконтуда 233
Джавкандак 160—163
Джаркурган (Акджар) 23, 45, 52, 175, 219, 222
Джигде 222
Джизак 51, 59, 142, 152, 155, 236, 258, 261
Джикдалик 193
Джиринтал 234
Джуга 234
Джуи Лангар 162
Дигмай 53, 126
Дилкушо 208
Ди манора 213
Драгомирово 54, 126, 250, 255
Дриш 228
Дулона 228
Ертула 234
Заамин 51, 59, 135, 142, 156, 162, 188
Зардхок 42, 188, 208, 210, 211, 213
Зебон 245, 246
Зумрадшох 46, 216, 217
Ирбит 105
Исписар 23, 28, 35—37, 51, 53, 102, 114, 118, 119, 121, 123, 130, 255, 262
Исфана 52, 250
Исфара 8—12, 15, 20, 21, 23, 29, 30, 42, 43, 48, 49, 52, 53, 59, 83, 105, 178, 179, 181, 183, 190, 198—200, 210, 211, 213—218, 238, 247, 251—256, 271
Иске Аучи 126, 127
Итарчи 169, 174, 258
Ишансади 222
Йори 244
Кабадиян 14
Кабул 104, 145
Кавола 237, 245
Каджровут 165
Казалинск 86, 105
Казнок 52, 53
Кайрма 258
Кайрогоч 26, 52, 127, 221, 222
Кайрогочи 187, 195
Какир 216, 217
Калпаса 52, 187—189, 195, 261
Калуга 252
Калъа 222
Калъаи араб 211
Калъаи баланд 10, 163, 165
Калъаи боло 216
Калъаи Дуст 170, 173
Калъаи мехтар 159, 160, 161, 163
Калъаи Мирзобой 39, 169, 171, 173
Калъаи Ходжи 170—173
Калъаи Хумб 197
Калъача 35, 36, 119, 123, 124, 130
Калъачаи Азим 168, 169
Калъачаи араб (Курганча) 158
Калъачаи арбоб 165
Калъачаи бакавул 159, 161, 163
Калъачаи гули зард 28, 158, 159, 163
Калъачаи дукчи 208, 211, 215
Калъачаи калон (Калъачаи гули сурх) 154, 162, 165, 166
Калъачаи кипчак (Туткавола) 189, 192, 195
Калъачаи мазор 209, 211
Калъачаи Мирсалим 158
Калъачаи раис 168, 169
Калъачаи шохон 170—173
Калъачаи эшон (Эшонкурган) 169
Камышкурган 23, 45, 52, 53, 179, 186, 219, 232—235, 256, 162

Канд 177
Канибадам 8—12, 15, 20—22, 29, 30, 44, 45, 48, 50, 52, 54, 59, 68, 82, 105, 119, 177, 185—187, 194, 196, 198, 209, 214, 232, 234, 251, 254, 256, 266, 268
Каракчикум 23, 44, 52, 54, 119, 193—196
Карапчи 258
Карасакол 165, 257
Каратаг 13, 35
Кармиш таджик 165, 257
Кармиш узбек 165, 257
Каракалпак 222
Каракитай 232
Карамазар 228
Каркидон 230
Карабог 215, 216, 217
Карабоки 208, 211
Карабуйин 169, 258
Карши 13, 70, 252
Касан 157, 158, 163, 171, 235, 261
Катаган 35, 37, 118, 119, 121, 122, 124, 130
Кашкар кишлак 210
Кенегас 169
Кизили 169, 169, 258
Кизил олма 231
Кизил пилал 207, 211
Киргиз кишлак 210, 211
Кирккудук 222
Китоб 236, 252
Кишлоки джон 116
Кози 153, 162
Койна Серахс 155
Кок курук 234
Коканд 13, 16, 23, 27, 30, 45, 52, 56, 63, 93, 103, 105, 115, 119, 123, 142, 178, 179, 183, 187, 188, 190, 191, 194, 199, 207, 209, 219, 220, 232, 234, 252, 261, 271
Кокинсай 48
Кансай 48
Константинополь 104
Костакоз 9, 23, 28, 35, 36, 51, 102, 118—130, 194, 225
Котма 36
Куи равгангарон 23, 41, 153, 162,
Кукташ 245, 246
Куланбош 48, 53
Кулангир 110, 112—117, 130
Кулджа 105
Кули ходжа 227
Кулканд 206, 211
Куляб 14
Кунджак таджик 165
Кунджак узбек 165
Купгуллук 113, 123, 130
Купурукбоши 222
Курганча 49, 52, 189, 195
Куркат 38, 51
Курук 15, 28, 35, 37, 110, 113—117, 130, 226
Кучкина 169
Кушкак 23, 30, 44, 52, 53, 119, 190—192, 196, 210, 261
Кушканд 155
Кушкорсанг 229
Кушработ 227
Куштегирман 28, 52
Куштеппа 245, 246
Лакат 175
Лайлак 41, 200, 250
Лангар 52, 156, 215, 258
Ленинабад 84, 98
Липецк 252
Лолак 215
Ляккан 208, 211
Магиян 245
Мадинган 119, 122
Мадрушкат 213
Майдонча 161—163
Мазори кабуд 155, 156
Мангит 169, 261
Манора 219
Маргелан 13, 68, 103, 115, 252
Маргзорак 116
Маргум 119, 122
Марка 261
Мастчойи 208, 217
Махаллаи Яси 152, 153, 156
Матпари 209, 211, 261
Махрам 8, 23, 28, 44, 52, 53, 119, 191, 193, 195, 196, 202
Мельниково 54, 187, 195, 250
Мерв 18
Мингбой 193, 195, 213
Мирджо 155
Мири мушон 156
Москва 104, 106
Муджун 169, 258
Мулла Мир 52, 226, 227, 235
Мулло Халим 219
Мунчак теппа 232
Навганда 28
Навгилем 198—203, 205, 206, 218

Навкат 233
Навобди Мулло Хасан 165
Наддофон 110, 116
Найман 215, 217
Найсувор 71, 119, 116
Наманган 19, 30, 45, 53, 142, 167, 105, 179, 219, 220, 230, 252
Нау 8, 9, 12, 23, 28, 29, 51, 53, 59, 105, 125, 135, 167, 250, 255, 260
Нафароч 165, 257
Нефтеабад 210
Ниджони 154, 162, 255
Нижний Тагил 252
Ниязбек 28, 193, 195
Новгород 252
Нурали Бешхутан 143
Нурсух 208
Нушканд 154
Оббурдон 166, 172
Обджувоз 155, 162, 163
Оби Ашт 221
Оби борик 165, 166, 170
Оби джомак 156
Оби чаппа 152, 163
Овлик 228
Ойим кишлак (Халта кишлак) 187, 188
Окарык 116
Октеппа 52, 53, 156
Оренбург 104, 105
Офтобру 207, 208, 211, 261
Ош 202, 252
Падаск 172
Пакшиф 213
Пангаз 23, 45, 223, 225, 226, 227, 235, 256
Панджакенти кадим 240
Панджакенти кухна 240
Панджакенти нав 240
Панджшанбе 23, 39, 41, 51, 165, 168—170, 172, 255, 260
Пап 220
Парчаюз 175, 261
Пастигав 172
Патар 27, 188, 189, 195, 261
Паши таджик 173
Паши узбек 173
Пенджикент 9, 10, 12, 13, 17, 21, 23, 29, 30, 47, 49, 51, 52, 53, 106, 162, 246, 247, 251, 253—259, 271
Пирдевак 210, 211
Пискент 235, 288, 241
Пискокат 221, 232, 235
Поджиндак 159, 161
Пошкент 28, 159
Пули хисор 216
Пули чукур 23, 98, 110—112, 116, 117, 130, 269
Пунук 46, 52, 219, 222, 235
Пушти охтахона 165
Пўстиндўзй 95, 146
Рабкон 207, 210
Рават 23, 44, 52, 190, 194—196, 215, 234
Риштан 13, 20, 202, 235
Ровут 116
Ромит 172
Рохи Куканд 229
Ругунд (Ругун) 28, 156, 162, 165
Румон 23, 98, 110—112, 116, 117, 123, 130, 269
Рязань 252
Сабах 208, 213
Савр 245, 246
Саврак 245
Сайрам 184, 235, 260, 261
Самарканд 10, 13, 16—18, 47, 51, 53, 56, 59, 61, 63, 64, 70, 71, 76, 82, 93, 96, 103—106, 136, 141, 154, 163, 178, 215, 236, 241, 245, 252, 259, 260
Самгар 45, 53, 122
Сандукандак 23, 41, 154, 162, 163
Сарахсиён 23, 41, 155, 156, 162, 163
Сарвак 222, 237
Сари даввон 207, 211
Сари камыш 222
Сари мазор 152, 156, 162
Саримсокли 166
Сари сой 231
Сари Хусейн 49
Сари чак 153, 162
Сармуш 162
Сарой (Саро) 226, 235
Сартукай 128
Сасик 222
Седаста 116
Селроха 195
Семипалатинск 105
Сепула 158, 163, 171
Серахс 155, 163
Сибистан 122
Сои хум 219
Сойча 116
Спиридоново 54, 250
Сумчак 128
Сумбулканд 165

Сурхи 154, 162
Сурхоби калон 165
Сурхобча 165
Суфиён 245, 246
Тагай куйчи 189, 195
Тагаяк 52, 258
Тагоб 36, 51, 102, 118, 126, 127, 130, 255
Такфан 245
Танкак 154, 162, 258
Ташкент 10, 13, 16, 26, 29, 45, 48, 51—54, 56, 59, 60, 61, 63, 68, 70, 71, 82, 88, 96, 103—105, 136, 142, 145, 160, 163, 167, 200, 219, 221, 226, 231, 252, 255, 260, 261
Ташкурган (Дахана) 213, 217
Телов 206
Тозак 126, 127
Тойтюбе 56
Токчи 71, 110, 116
Тошбек 153, 162
Тошмазор (Туркоб) 165
Троицк 105
Туда 161
Тудан калон 219
Тудан хурд 219
Туккузчалак (Ачамайли) 175
Туркоб 257
Туркон 170, 171
Тутк 160, 161, 163
Туткавола 189, 192, 195
Угуг 155
Узгент 202
Ултарма 206
Умар табиб 116
Унджи 28, 77, 105, 110, 113, 114, 116, 117, 123, 130
Ура-Тюбе 8—12, 14, 20, 23, 27—30, 38—41 48—51, 53, 56, 59, 65, 68, 70, 71, 82, 103, 105, 131, 152, 155, 157, 158, 160, 165, 166—168, 170, 171, 172, 174, 176, 179, 185, 196, 205, 238, 251—256, 259, 260, 263, 268—270
Ур 116
Ургут 157, 163, 236
Урмонтал 234
Урсатьевск 54, 142, 166
Уртакурган 169
Урусхона 245
Уязь 175, 261
Уяли 261
Фрунзе 17
Хаваст 135, 155, 157, 174
Хаджистан 232
Хами джуй 189, 191, 192, 195, 261
Ханабад 30, 42, 210, 211
Хараки 219
Хатибон 156
Хафт калон 116
Хива 61, 83
Хилково 250
Хисар 14
Хишхтона 255, 235
Ховутак 168
Ходжа Исоф 165
Ходжа Тохир 168, 169
Ходжа Тохир джар 168, 169,
Ходжа Ягона 234
Ходжент 8—12, 15, 19, 20, 21, 23, 26, 28—30, 35—37, 47—54, 56, 59—65, 67—73, 75—114, 116—121, 123—129, 132, 133, 135—138, 141—146, 148, 150, 151, 156, 167, 188, 190—194, 196, 202, 205, 210, 232, 238, 250—258, 260, 263, 264, 268—271
Хоитак (Хаётак) 219
Хоки ширин 156
Холдор кипчак 258
Хтай 126, 130, 258
Хтай реза 258
Худжахо 170, 172, 173
Хумсан 69
Хурми 245
Хушканд 143
Чакан 39, 154
Чамбил 114
Черняев 250
Чилгази 23, 206, 207, 210, 211
Чимкурган 245
Чиназ 258
Чинор 246
Чирой таджик 165, 257
Чирой узбек 165
Чодак 220
Чокистон 232
Чорбог 40, 161, 162, 164, 165
Чоркишлак (Чоркуи хурд, Чор) 216, 217
Чоркесар 230
Чорку 23, 43, 188, 206, 211, 213—215, 218
Чорсада 116
Чубат 246
Чурбак 121, 126, 127, 190, 214

Чуст 19, 45, 68, 196, 202, 219, 220, 229, 261
Чуянчи 170, 171, 173
Чуш 48
Шаварда 207
Шавгаз 227
Шайдан 45, 52, 219, 227—230, 232, 234, 235, 256, 262
Шайхан 35, 119, 124, 125
Шайх-Бурхон 23, 98, 110, 112, 116, 117
Шаршара 165
Шафтолутистон 219
Шахид кара-янтак 52, 187—189, 195, 261
Шахристан 23, 39, 41, 56, 143, 173, 255, 259
Шахрисябз 13, 63, 68, 71, 236, 252
Шахрихан 27, 162
Шахрухия 86, 115, 259
Шинг 48
Шингак 245, 246
Шонатарошон 153, 162
Шумкурган 28
Шуркурган (Туракурган) 28, 190, 195
Шурак 161, 163
Шуртанг 211
Шурчи 245, 246
Ява 15, 23, 98, 110, 114—117, 130
Яйпан 209
Яккабог 158, 162
Яккатерак 188, 195, 213, 261
Ямин 51, 135
Янги 125, 130
Янги арык 168, 169, 170, 174, 260
Янтак 56
Яси 162
Яхтан 143, 168, 169, 174

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Абрбандй 90
Аврақашй 95
Адрас 91, 104, 112, 234
Айвон 75
Алафкор 242
Алоча 91, 103, 104, 146, 203, 234
Аллоф 99
Аллофй 63
Алочабоф 244
Алғов 108, 181, 186
Амбордор 244
Андовачй 100
Арба 221
Ароба 232, 233
Аробакаш 186, 204, 213, 220
Аробакашй 152, 153
Аробасозй 98
Атласбофй 90
Аттор 102, 204
Аштак 58
Аштобчигй 89
Ашўрй 141
Баззоз 102, 204, 213
Баззозй 64
Бандакчигй 95
Банорас 104
Бари боғхар 108
Бақаррез 147
Баққол 102, 204, 213
Баққолй 64
Бекасаб 91, 104, 112
Бекасаббоф 185
Бенарес 91
Билитчй 100
Биринчфурўш 204
Бозори барги тут 63
Бозори биринч 119
Бозори боло 239
Бозори сабзавот 119
Бозори чармгарй 119
Бозори ғўза 63
Бозори ўрда 180
Бозори ҳезум 63
Болохона 205
Боғ 78, 151, 107, 161, 202
Боғбон 107
Боғот 240
Боғҳо 140, 179
Бурчак 225
Бухорчй 106
Бўйробофй 98
Бўрпаз 207
Бўрпазй 207
Вагончй 105, 106, 186
Вассатарош 106
Вақфхўр 160
Вофурўш 102, 106
Вофурўшй 63, 64
Ганчи 166
Гар 257
Ғаҳбандй 93
Ғач 192
Ғақкор 100
Гилембофй 166
Гилкор 100
Гилкорй 100
Говрасозй 98
Гузар 64, 70, 102, 136, 157, 163, 170, 172, 180, 230, 240
Гузари Урусхо 136
Гулабардорй 90
Гурунчи Кўруқ 116
Гўгирдчигй 98
Даврагарй 89
Давраи ёвгарй 27
Давраи қалъашинй 28
Давракаш 185
Дала 229
Дар 72
Даравгар 143
Дарвозаи Бухор 238
Дарвозаи Вашанй 238
Дарсоз 100
Дархон 225
Дашт 179, 198
Даҳа 68, 69, 135, 180
Девонабачахона 239
Девори пахса 205
Дегрезй 92, 146
Деҳкони замину боғу майдондор 107
Дорой 91
Доройибоф 90
Дукчй 209
Дукчигй 98
Дуредгари хонапўш 100
Дуредгарй 100
Дўкон 63
Дўкони мантупаз 66, 67
Дўкондор 102
Дўконнишин 102
Дўконсоз 146
Ёбон 219
Ертула 28
Заамин 107, 202
Заргарй 93, 146
Зағир 225
Зигир 166
Зикр 77
Ибрат 134
Имом 75
Ихлосманд 113
Ишқоркунй 90
Қабобпазй 98
Қабобчигй 63
Қабудгарй 85, 90
Қалами 103, 146
Қаландгар 91
Қаландгарй 146
Қалъа 217
Қалъаи ширеш 217
Қамиссиё 102, 106
Қампири кулоло 156
Қанесо 75
Қапа 247
Қаппон 135
Қарбос 243
Қасби худ бар худ 265
Қатак 146
Қафсан 171, 213, 267
Қафш 243
Қафшдўзй 94
Кемухтгар 94
Қишмиш 103
Коки 91
Кордгар 91
Кордгарй 146
Кордфурўш 150
Корихона 76, 183
Косиб 267
Кудунггарй 90
Курган 154, 197, 258
Курганча 197, 216
Кую махалла 70
Кў 70
Кўй 70
Кўйкй 72
Кўтал 238
Кўча 70
Кўхнадўзй 94
Лаълкон 208
Либосдўзй 148
Мавизфурўш 150
Майдон 78, 79, 107, 151, 202
Майдони бозор 135
Майдони зардолузор 107
Майдони кандакзор, бодомзор, шартолузор 107
Мактаб 76
Манзили хайр 138
Манора 28
Мантупазй 98
Маскопчй 106
Махсар 166
Матоъ 65
Мағок 79

Маҳалла 70, 115, 120, 151, 158, 163, 167, 181, 200, 226, 232
Маҳаллат 70
Махсидўзй 94
Мехчагар 91
Мехмонхона 155, 157, 205
Мехтар 159
Милтиқсоз 91, 92, 172
Мингбошй 178
Мироб 121
Мисгарй 92, 146
Михраб 220
Мичоз 103, 255
Мошиначигй 95
Мударрис 76, 120
Муздвар 268
Муккй 149
Муккидўз 148
Мутавалли 75
Муғ 131
Мўзадўзй 94
Мўйтобй 98
Наддоф 143, 146
Назр 113
Намадмолй 166
Намозгоҳ 74, 120, 201
Намози идайн 74
Наългар 91, 154
Наққош 100
Нақшандозй 90
Наччорй 100
Нишалло 148, 253
Нишаллочй 99
Нонвойй 98
Нўг 226
Об 230
Обчувозкашй 98
Ордкашй 98
Ойнасозй 98
Ош 230
Оши ҳарифона 67
Ошногй 255, 257
Ошной 160
Ошпазй 98
Оқсақол 63
Оҳангарй 146
Пал 233
Панҷсад ғозй 223
Парипашма 103
Паросотлик 115
Пахтакашй 82
Пахтаҷаллоб 186, 213
Пиллакаш 185
Пиллакашй 89
Пир 77
Подачй 143
Подшоҳй 91
Потар 188
Похсачй 100
Пудратчй 101
Пўстакдўзй 166
Пўстиндўзй 95, 148
Работ 154
Раванда 102, 105, 150, 167, 220
Равғанфурўш 99
Раият 72
Рангуборчигй 90
Раста 63
Растаи атторй 63
Растаи баққолй 63
Растаи нонвой 63
Растаи рангуборчигй 90
Респонрес 89
Рехтагар 147
Рехтагарй 93, 146
Ромсоз 100
Роат 72, 81, 182
Сада 69
Сайл 11
Саллабоф 146
Саллабофй 90
Саллаи тибитй 145
Саллафурўш 146, 150
Саллоҳхона 62
Самарқандчй 106
Самбўсапазй 98
Самовор 67
Сангбур 98
Сангсеб 224
Сандуқсозй 98
Сархавз 199
Сарчинчй 225
Саҳро 151, 179
Саҳҳофй 98
Себи Нурчинокй 227
Сераҳа 64
Собунгарй 63, 98
Сойи Зебон 238
Солкаш 86
Солори булўр 268
Суси 243
Сутун 138
Сўзангар 91
Сўфй 75, 157
Тагоб 238
Тақья 200

Сур 215, 216, 217
Тал 131
Талкон 221
Танургарй 96
Таққачй 91
Таҳоратхона 75
Телпакдўзй 95
Тенгшерик 107
Теппа 131
Теппаи Муғ 131, 134
Теппаи Тал 131
Терма 182
Тегбандй 90
Тим 63, 119, 135
Тимбон 63
Тирози чахон 60
Топ, туп 142, 143, 152
Тунукасоз 91
Туранчбин 49
Тути Панғоз
Тўппидўзй 95
Тўқумдўз 98
Уруқ 229
Фаросот 115
Фулузотфурўш 102
Хавз 28
Хайра мақдам 201
Хиштпаз 100
Хиштрез 100
Хонақоҳ 75, 77
Хоса 73, 91, 159
Чакалак 78
Чакалакзор 202
Чакман 161
Чакманбофй 166
Чакмандўзй 95, 148
Чакманфурўш 150
Чалпаки туршак 58
Чаман 161
Чархрес 146
Чархчигй 98
Часпакчигй 95
Чашмасор 132, 222
Чақар 28, 71
Чақари қашқариҳо 184
Челонгарй 91
Чинисозй 96
Чит 91
Читгарй 90
Чиғинасоз 172
Чорбоғ 161
Чорводор 142
Чордара 28
Чорраҳа 64
Чорраҳаи мардон 63
Чорсў 63, 134, 135
Чоруқ 149, 213, 231, 243
Чоръяккор 107
Чўбкашй 160
Шавнй 229
Шакар 49
Шамъсозй 98
Шаҳид 188
Шаҳр 199, 200, 202, 217
Шаҳрак 199, 200, 202, 217
Шаҳри нав 70
Шинй 121
Шираворфурўш 99
Шиппакдўз 148
Ширинй 221
Шолфурўш 150
Шонатароши 98
Шоҳй 91
Шоҳибоф 185
Шустагарй 90
Шутуракй 105, 167
Эзорбандбофй 96
Элликбошй 21, 69, 71, 72
Юрт 68
Яксаду олтмиш панҷ 233
Яксара 181
Янтак 188
Яхчй 99
Ғазаличй 105
Ғилофдўзй 98
Ғолиб 156
Ғор 28
Ғўза 167, 229
Ғўзаи Қатаған 122
Қавми лўлихо 141
Қадамчой 78
Қаламй 243
Қаландархона 77
Қалъа 118, 119, 204
Қалъача 28, 154, 178
Қаннодй 98
Қассобй 63, 98
Кизлар дахаси 69
Қир 68
Китъа 68, 180
Кишлок 151
Қоғоз обчувоз 155, 215
Кокфурўш 186, 204
Кокй 73
Кокҷаллоб 186, 204
Кулфсоз 91

Кумтош 49
Кумғон- самовор 200
Курамачй 106
Кўрғони боло 240
Кўрғони поён 240
Кўкандароба 51
Ўра 131
Ўрда 62, 134, 177, 178, 180, 199, 204, 217, 217, 238, 239
Ўрдаи кухна 134, 178
Ўроқчй 143
Хаёт 28, 78, 79, 140, 202
Хазора 69
Халвогар 99
Хаммоми Шамсибой 68
Харом 206
Хунарманди нўг
Чамоа 120, 180
Чамоат 180
Чигда 222
Чилов 75
Чиловхона 75
Чихакдўзй 95
Чихаки эзор 95
Чихаки чома 95
Чомадўзй 95
Чомафурўш 95, 106
Чомеъ 74
Чорўбчигй 98
Чувозкашй 98
Чўй 35

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авай Масан 175
Айик 142
Арабы 84, 87, 120, 158, 163, 184, 190, 192, 210, 261
Армяне 87
Аучи 37
Афганцы 144
Ачамайли 174
Баявут 163, 174, 187, 189, 191, 192, 196, 258
Бешкал 169, 174, 249
Бешкаппа 85
Бой 142
Болгали 161, 163
Бураган 175
Галча (Голча) 224, 257, 258
Джалаир 260
Джучи 241
Джуй 209
Дурттамгали 175
Евреи 84, 85, 87, 144
Еврей-мусульмане 261
Зошахид 229
Индийцы 144, 241
Индусы 144
Ирчанакли 175
Исфаринцы 83
Ишан топи (Ишан тюпчи) 175
Казахи 4, 86, 184, 257, 259, 260, 261
Калмыки 259, 260
Каннбадамец 261
Каракалпак 234
Каракитай 230, 231
Карапчи 174
Карлуки 230
Каробуйин 158, 159, 163, 169, 174
Кароказан 233
Карочакман 233
Катаган 37, 258
Кашгарцы 87, 184
Кенегес 143
Кипчаки 37, 126, 187, 189, 161—195, 196, 207—209, 216, 222, 223, 249, 258, 260
Киргизы 4, 37, 43, 86, 87, 101, 102, 120, 122, 127, 128, 144, 163, 174, 193, 207, 208, 210, 211—217, 249, 257, 259, 261
Киргизы баявут 154
Кирк 37, 114, 142, 143, 158, 245
Киркюз 142
Куканд карапчи 174
Курама 85, 86, 115, 189, 227, 228, 249, 256, 260, 261, 262
Кураминцы 37, 101, 123, 233
Кутааки 175
Кушкенджи 175
Куштамгали 174
Кушчи 174
Литовцы 87
Ляллак 175
Маддохо 141, 142
Мангит 169, 184
Матчинцы 83, 165, 172, 183, 210
Минг 191, 258
Муджун 169
Мухир 175
Надираголик 229
Найман 115, 142, 143, 174, 209, 210, 211, 215, 260, 261
Немцы 87
Ниджони 156, 163
Оглук 142
Парчаюз 174
Персы 87, 144, 224
Поляки 87
Пустак 142
Русские, 4, 84, 87, 123, 217, 241, 250, 251, 262
Сайрамихо 142
Сармичси 175
Сарт 142
Сарты 82, 83, 241
Сартюзы 114
Сатинсара 174
Согдийцы 82, 241, 255
Таджики 4, 10, 19, 32, 34, 37, 40, 43, 44, 46, 82, 84—88, 99, 110—115, 120, 125, 127, 128, 129, 141, 144, 145, 153, 163, 165, 168, 171, 173, 183, 187—190, 192, 193, 196, 197, 202, 207, 208, 210, 211, 213, 214, 216, 221—224, 227—229, 231—234, 241, 246, 255, 256, 257, 259—262
Тапкок 85, 156, 163, 174
Татары 87
Тукмак 208, 209
Тунгуз 142
Тупча 229
Туркмены эрсары 141, 142, 174, 261
Туякли 174, 237, 245, 246, 258
Тюрк 37, 40, 127, 142, 143, 162, 165, 174, 187, 229, 233, 230, 246, 256, 257, 261, 262
Узбеки 4, 37, 38, 40, 43, 44, 46, 83—87, 101, 114, 115, 121—124, 126, 128, 142, 144, 156, 158, 159, 162, 169, 174, 184, 187, 189, 190—194, 196, 206—208, 210, 222, 223, 227, 230, 232—237, 241, 245, 246, 247, 249, 256—262

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Краткий очерк Северного Таджикистана XIX—начала XX вв. 26

Глава II. Город Ходжент и его сельский район 58

Глава III. Городское и сельское население Ура-Тюбинского района . 129

Глава IV. Городское и сельское население Канибадамского района . 175

Глава V. Население Исфаринского района 196

Глава VI. Население Аштского района 217

Глава VII. Городское и сельское население Пенджикентского района 234

Глава VIII. Историческая оценка сложения и путей развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX вв. 246

Указатель литературы 271

Указатель архивных документов 283

Список информаторов 284

Перечень жилых кварталов 286

Указатель названий городов, городков, селений, кишлаков, дачных мест и урочищ 291

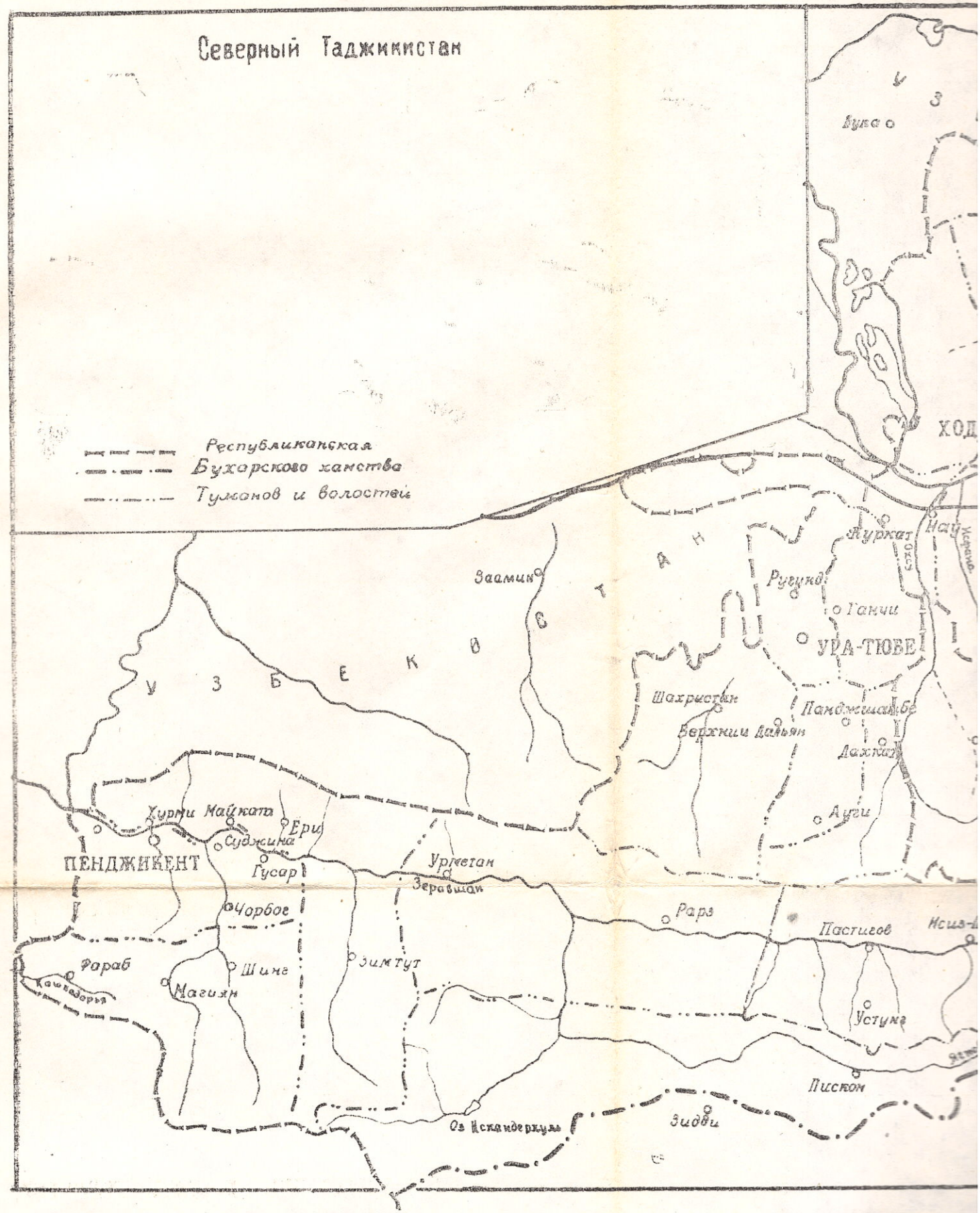
Указатель терминов 296

Указатель этнических названий 300

НАЗИРДЖАН ОЧИЛОВИЧ ТУРСУНОВ

СЛОЖЕНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

(Историко-этнографические очерки)


Северный Таджикистан
Республиканская
Бухарского ханства
Туманов и волостей
Заамин
Ганчи
УРА-ТЮБЕ
Шахристан
Пандшамбе
Верхний Дайян
Дахна
Ауги
Хурми Майката
Ери
Суджина
ПЕНДЖИКЕНТ
Гусар
Урметан
Зеравшан
Чорбое
Фараб
Шине
Магиян
Зимтут
Рарз
Пастигов
Уструш
Пискон
Зидви
Оз Искандеркуль


УЗБЕКИСТАН
Ахангаран
Пунуп
Аша
Пангаз
Ашгаба
Шайдан
Сырдарья
Мирзарабат
Оксукон
ХОДЖЕНТ
Самгар
Румон
Костакоз
Кият
Кият
Ханибадам
Каракуйкум
Махрам
Кушкак
Ханабад
Чиланзы
Исписар
Нурхат
Май
Исфара
Ругунд
Ганчи
УРА-ТЮБЕ
СУЛЮКТА
Исфана
Баткен
Сур
Ворух
Панджикент
Верхний Дайян
Дахпах
Андарак
Рават
Ауги
Пастигов
Исиль-Дюен
Сабах
Лянгар
Матча
Дехисор
Польдорак
Уструшана
Дубурга
Насруф
Ягноб
Пискон

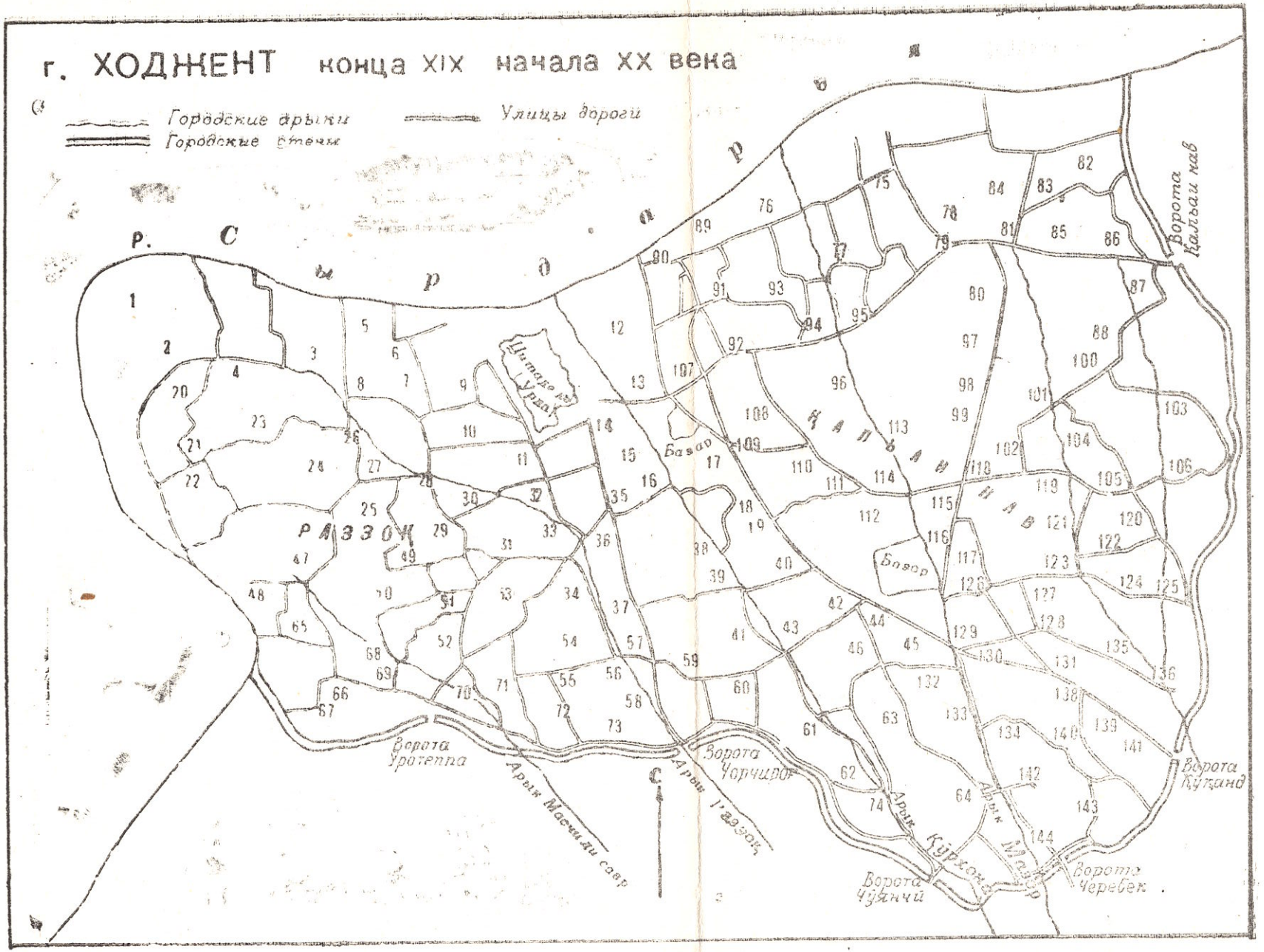

г. ХОДЖЕНТ конца XIX начала XX века
Городские арыки
Городские стены
Улицы дороги
Р. Сыр-Дарья
Ворота Калъаи нав
Ворота Ургенча
Ворота Чорчирог
Ворота Кургана
Ворота Чубачий
Ворота Черебек
Базар
Базар
Арык Масчиди сафр
Арык Газзон
Арык Курхона
Арык Мазар
РАЗЗОН
КАПЫЛЫ

СХЕМА г. УРА-ТЮБЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.в.

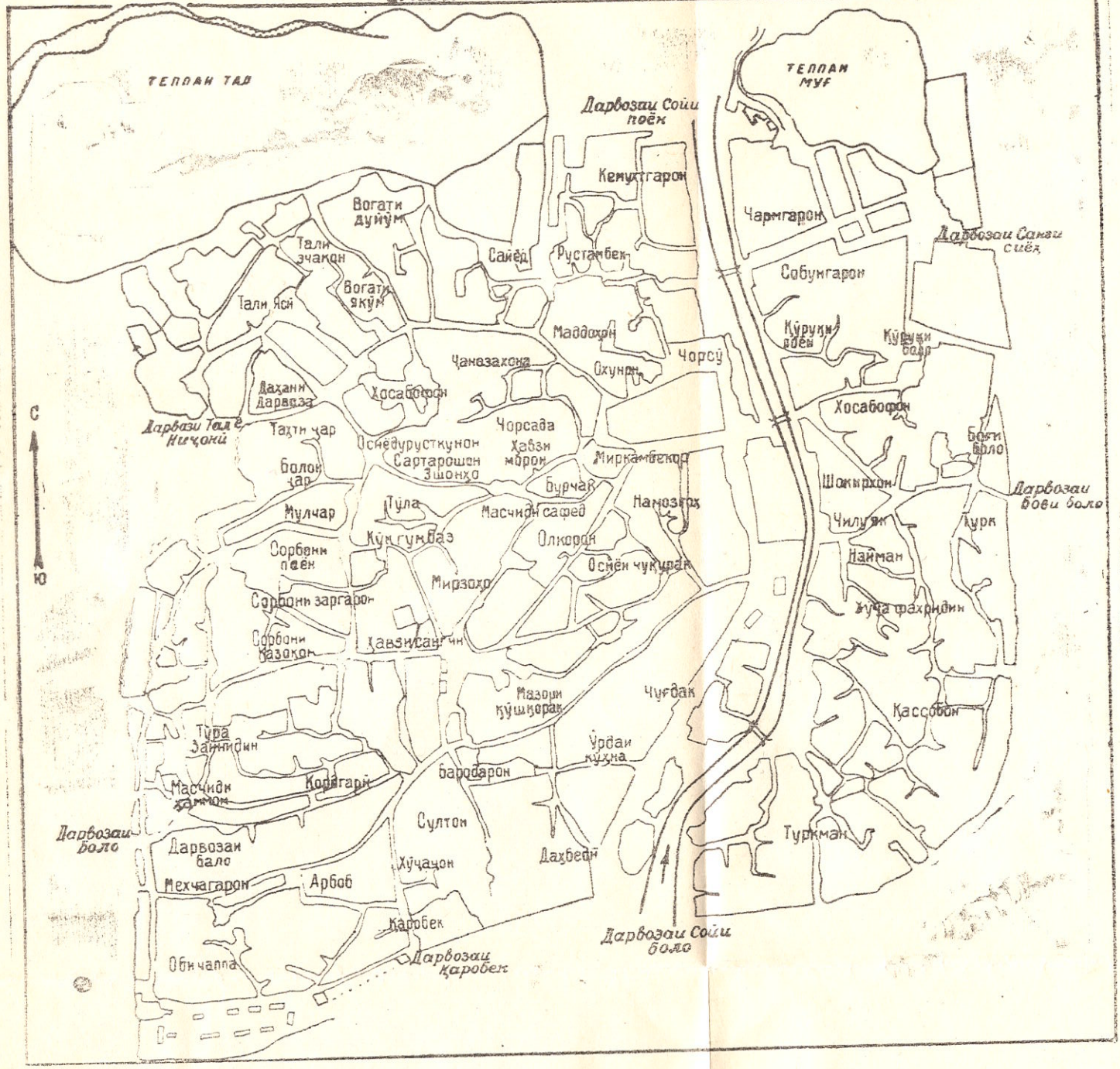


СХЕМА Г КАНИБАДАМА КОНЦА XIX НАЧАЛА XX В.В

